

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

14-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ДЕКАБРЬ

12

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
Р. Амбургский. Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в революции 1905—1907 гг.	3
Ф. Савинский. Парламентская тактика с.-д. в эпоху первой русской революции (окончание)	39
М. Кроц. Революция 1905 года и Каутский	78

ВОСПОМИНАНИЯ

З. Литвин-Седой. К истории Московского вооруженного восстания	100
Ф. Самойлов. О первом совете рабочих депутатов	104
К. Ландер. Из истории революции 1905 г. в Латвии	110

МАТЕРИАЛЫ

Протоколы Петербургской общегородской конференции РСДРП (24) 11 февраля 1906 г. Подготовлены к печати Б. Лавлер	157
Неопубликованная резолюция В. И. Ленина по вопросу о тактике бойкота (1906 г.)	187

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры. А. Мильштейн. Рабочее движение в 1905 году	190
Рецензии: М. Эссен, М. Ахун и В. Петров. Петербург в 1905—1907 гг. Хроника событий.—Ее же. А. Митрофанов. 1905—1906 гг. В память жизни.—Ф. Самойлов.—М. Баглаев. За 10 лет. Социал-демократическая организация в Иваново-Воснесенском районе в 1892—1902 гг.	199
Новые книги	104
ПОПРАВКИ	207

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (Б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

14-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ДЕКАБРЬ

12 (107)

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»,
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 4 000 экз.

Главлит № А-87070.

Огиз В 72 — 108.

Заказ № 2223.

14 п. л.

СТАТЬИ

ЛЕНИН О РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Ленинская идея революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства—центральный лозунг большевизма в революции 1905 года. Однако его значение выходит далеко за рамки первой русской революции, ибо он дает ключ к объяснению процесса перерастания буржуазно-демократической революции (Февральской) в пролетарскую (Октябрьскую) в 1917 г. Программа Коминтерна отводит этому лозунгу значительное место в предстоящих революциях ряда стран со средним уровнем развития капитализма и центральное место во всех революциях стран зависимых, полуколониальных и колониальных.

Зарождение лозунга революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в 1905 г. и смена его на высшей ступени лозунгом диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в апреле 1917 г. произошли не случайно, а обусловлены на каждом историческом этапе определенным соотношением классов. Непонимание содержания этих лозунгов, а также необходимости перехода от первого ко второму, при изменившихся условиях, составляет основу разногласий и борьбы большевизма на всем протяжении с 1905 г. по 1917 г. (а в некотором отношении и в настоящее время, как с меньшевизмом официальным, правоверным, так и с меньшевизмом наизнанку—троцкизмом,— а также с тт. Каменевым, Рыковым и др. в 1917 году и правым уклоном на современном этапе)¹.

В свете этих разногласий особое значение приобретает история возникновения лозунга—«революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Первые формулировки этого лозунга встречаются в черновиках и планах Ленина, относящихся к февралю 1905 г. В «Общем плане работ и

¹ Характерно, что еще в 1924 г. т. Каменев, полемизируя с Троцким, назвал «рабоче-крестьянское правительство» «переживанием» «диктатуры пролетариата и крестьянства в системе, сущность которой уже состояла в «диктатуре пролетариата» (Сб. «За ленинизм», стр. 71). Что рабоче-крестьянское правительство вовсе не есть «переживание» революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, т. Сталин разъяснил в ответах свердловцам и т. Дмитриеву (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 2-е, Гиз, 1930, стр. 198—203 и 291—302).

решений съезда» дается общая постановка вопроса «о революционной диктатуре»¹. Во втором документе—«Плане резолюций съезда» идея «революционной диктатуры» уже оформляется в лозунг «революционной демократической диктатуры пролетариата и мелкой буржуазии в эпоху свержения самодержавия»². Такой постановкой вопроса уже дана идея союза двух классов, делящих государственную власть в рамках буржуазно-демократической революции с указанием на руководящую роль пролетариата в этом союзе. В этой формулировке понятие «мелкая буржуазия» дано еще в зашифрованном виде и нуждается в конкретизации. Наконец, в статье «Новые задачи и новые силы» (конец февраля 1905 г.) Ленин отмечает необходимость борьбы с меньшевистской боязнью «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»³. Здесь понятие «мелкая буржуазия» расшифровано в понятии «крестьянство», а крестьянство в России 1905 г. было решающим, основным отрядом мелкой буржуазии.

Итак, лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства дан Лениным в феврале 1905 года. Однако этим еще не решается задача выяснения идейных источников этого лозунга. Вождь меньшевизма А. Мартынов пытался доказать, что именно его брошюра «Две диктатуры», выпущенная в начале 1905 г., натолкнула Ленина на идею «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Так, в предисловии ко второму изданию «Двух диктатур» (октябрь 1917 г.) А. Мартынов писал: «Первое издание этой книжки вышло в Женеве в начале 1905 г. Я предсказывал в ней, что Ленин, если будет последователен, непременно должен будет выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата в русской революции. Прошло полгода, и мое предсказание оправдалось, но книжка не только оказалась в известном смысле пророческой. Ответственный политический вождь Ленин имел мужество утверждать, что именно она соблазнила его выдвинуть лозунг диктатуры. На III (большевистском) съезде нашей партии он заявил, и это черным по белому напечатано в протоколах съезда, что этот лозунг «литературного происхождения». Мартынов, дескать, своей книжкой думал запутать его, и вот он, приняв вызов, внес в свою программу диктатуру пролетариата, показывая тем самым, что его не запутаешь. Это заявление показывает, что Ленин сам не отдавал себе ясного отчета в неумолимой логике политического поведения. Именно потому, что Ленин, преклоняясь перед стихийностью рабочего движения, не сдерживаемого сильной буржуазной демократией, должен был раньше или позже выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата, этот лозунг не остался простым полемическим выражением, свидетельством полемического озорства, а превратился на наших глазах в боевой лозунг дня...»⁴.

¹ «Ленинский сборник» V, стр. 196.

² Там же, стр. 232.

³ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 144.

⁴ А. Мартынов, «Две диктатуры», изд. «Книга», 1917 г.

В этом заявлении заслуживают внимания два момента: 1) признание якобы Лениным на III съезде, «что этот лозунг «литературного происхождения», 2) что «Ленин, якобы преклоняясь перед стихийностью рабочего движения... должен был раньше или позже выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата». Оба эти утверждения А. Мартынова противоречат одно другому: если лозунг «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» литературного происхождения, следовательно, он не продукт стихии. Если же он—результат давления стихии на Ленина, то литературная полемика тут не при чем.

Что же касается утверждения А. Мартынова, что Ленин на III съезде заявил: «что этот лозунг «литературного происхождения», то дело представляется в таком виде: Ленин останавливается на этом вопросе в своем докладе на III съезде партии «Об участии социал-демократов во временном революционном правительстве». Он отметил, что дела социал-демократии вовсе не так блестящи, чтобы думать, что вероятность участия социал-демократии во временном революционном правительстве была очень велика с точки зрения ближайшего практического осуществления. «Но вопрос этот навязан нам не столько практическим положением дел, сколько литературной полемикой. Необходимо всегда иметь в виду, что вопрос этот первый поднял Мартынов еще до 9 января»¹. Следовательно, в этом «признании» Ленина только содержится указание на то, что «литературной полемикой» навязан не общий принципиальный вопрос об участии социал-демократов во временном революционном правительстве, а проблема непосредственного практического проведения его в жизнь.

Второй аргумент А. Мартынова, что ленинский лозунг «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»—результат преклонения Ленина перед стихийностью рабочего движения, также не выдерживает критики. Во-первых, преобладание стихийности в рабочем движении особенно характерно для 90-х годов, а идея революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства появилась только в феврале 1905 г. Во-вторых, преклонение перед стихией рабочего движения всегда было основной линией поведения не Ленина, а Мартынова.

Из рассуждений Мартынова следует, что он перепутал роли и место себя, Мартынова, поставил Ленина. Как и нужно было ожидать, привлечение А. Мартынова к выяснению вопроса о происхождении ленинской идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства ничего не дало.

Ответ на вопрос о происхождении лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства нужно искать в арсенале большевистских идей кануна революции 1905 года.

Основным тактическим лозунгом Ленина, начиная с 1894 г., была идея гегемонии пролетариата. Ленинская идея гегемонии пролетариата

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 262.

была прекрасно выражена в «Что делать?». «Социал-демократы,—говорит Ленин,—должны идти *во все классы населения*, должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии»¹. Это положение особенно ярко проявилось в отношении студенческого и крестьянского движения.

Еще за год до начала массового крестьянского движения Ленин в статье «Рабочая партия и крестьянство» обрисовал два противоречия в деревне: «во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая—постепенно ослабевает. Первая—вся еще в будущем, вторая в значительной степени уже в прошлом. И, несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение»².

Ленин был творцом аграрной программы российской социал-демократии. И хотя редакция «Искры» и испортила проект программы, отказавшись от требования национализации земли, но при всей своей недостаточности аграрная программа российской социал-демократии все же указывала путь и давала лозунги руководства крестьянским движением. Выполняя роль «народного трибуна», социал-демократ должен был помнить в своей работе в деревне, что: «наше первое, наше главное и непереносимое дело: *укрепить союз деревенских пролетариев и полупролетариев с городскими пролетариями*. Для этого союза нам нужна сейчас и немедленно *полная политическая свобода народа, полная равноправность крестьянства и уничтожение крепостной кабалы*»³.

Ленин дает такое определение гегемонии пролетариата: «Гегемония рабочего класса есть его (его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма, в смысле борьбы с «кадетовщиной» (если назвать так идейно развращающее содержание речей и политики либералов) и т. д. и т. д.»⁴.

Эта двойственная задача гегемонии—сочетание руководства с критикой своего союзника—никогда как следует не была понята меньшевиками. Так, Потресову ленинская идея гегемонии пролетариата представлялась в следующем карикатурном виде: «примитивная, с позволения сказать, гегемония на слегка аракчеевский лад, при котором подведомственные оной элементы оппозиции с вытянутыми руками по швам неукоснительно выполняют предписания идущей церемониальным маршем к своей цели командующей социал-демократии»⁵. Здесь за грохотом трескучих фраз у

¹ Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 422.

² Там же, стр. 102.

³ Ленин, Сочинения, т. V, стр. 310. Брошюра «К деревенской бедноте».

⁴ Там же, т. XV, стр. 90.

⁵ Потресов, «Этюды о русской интеллигенции», стр. 239.

Потресова скрывается отказ от руководящей роли пролетариата по отношению к другим классам населения. Без понимания гегемонии пролетариата нельзя понять ни лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ни лозунга пролетарской диктатуры. Сталин так охарактеризовал гегемонию пролетариата: «Гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата»¹. Ленинская идея гегемонии пролетариата, переведенная на язык революции 1905 г., и получила свое выражение в лозунге «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Что касается содержания этой формулы, то оно раскрывается в результате анализа характера и движущих сил революции. Большевизм видел основную задачу революции 1905 г. в необходимости ликвидировать остатки крепостничества, которые тормозят развитие капитализма, что отражалось и на положении рабочего класса «Рабочий класс страдал не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма»². Революция 1905 г. по своей общественно-экономической сути была буржуазной, но понятие буржуазной революции само по себе, взятое в отдельности, слишком обще и не дает еще всей картины движения в целом. Ленин подчеркивает в «Двух тактиках», что буржуазная революция может протекать и в форме преимущественно выгодной крупной буржуазии и в форме более выгодной пролетариату и крестьянству. Исторически сложились два типа революции: французский 1789—1793 и немецкий 1848—1850.

Французский тип революции характеризуется длительностью революционного движения, восходящей линией революционного процесса, максимальным втягиванием масс, крутой ломкой отживших учреждений, превращением феодального навоза в удобрение крестьянских полей. Немецкий путь—наоборот, короткая вспышка революционного движения, передача руководства движением в руки либеральной буржуазии, долгий путь соглашений со старым порядком. Буржуазная революция проводится реформами сверху, растягивается на много десятилетий, оставляет многое недоделанным, требует громадных жертв от рабочих и крестьян.

Для России 1905 г. Лениным признаются возможным оба эти пути. В черновом наброске статьи «Третий съезд», написанном в мае 1905 г., политическая ситуация охарактеризована следующим образом:

«... Тактика.

2 пуги

типы 1) 1848—50

2) 1789—93

2) до конца

1) не до конца

считаться с возможностью обоих.

*Желателен, конечно, 2-й»*³.

¹ И. Сталин, «Вопросы ленинизма».

² Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 57.

³ «Ленинский сборник» V, стр. 298.

Только борьба может решить, который из этих двух путей станет реальностью, которая из этих двух реальных возможностей станет действительностью. «Октябрьско-декабрьская борьба 1905 г. была действительной борьбой за выбор пути для борьбы»¹.

Даже после некоторой частичной стабилизации царизма во времена расцвета столыпинской политики Ленин не считал, что вопрос о «французском» пути уже снят с повестки дня. В своем письме И. А. Теодоровичу (декабрь 1909 г.) Ленин писал: «Немецкие рельсы *возможны*—слов нет—и мы это прямо признали в начале еще 1908 г. Но эта возможность превратится в действительность не иначе, как через ряд «общедемократических» натисков (или подъемов, или кризисов и т. п.)—подобно тому как Франция пришла к концу «общедемократических натисков не после 1789—1793, а после 1871 (т. е. после 1830, 1848 и 1871),—Германия не в 1849—1850, а также после 1871, т. е. после Verfassungstreit 60-х годов»².

Французский тип революции был более всего выгоден русскому пролетариату: наиболее основательный разгром остатков средневековья, максимальное углубление, доведение до конца буржуазной революции, приближало сроки и создавало благоприятные условия для успешного социалистического переворота.

«Суждена ли нам,—спрашивает Ленин,—революция типа 1789 или типа 1848 г. (говорим типа, чтобы устранить нелепую мысль о возможности повторения безвозвратно минувшей политической и международной ситуации 1789—1848 гг.)»³. И в ответ на это он дает глубочайший анализ ситуации с точки зрения доводов «за и против» французского типа революционного движения в применении к нашей революции. «У нас развитие сознательно-революционных партий, литературы и организации их во много раз выше, чем в 1789, 1848 и 1871 гг. У нас крестьянство особенно разорено, обнищало невероятно, ему уже абсолютно терять ничего»⁴. Движение угнетенных национальностей усиливает позиции сил, наступающих на самодержавие. Кроме этих внутренних резервов революция имеет еще и такой резерв, как пролетариат Западной Европы: «...пролетарская Европа сделает помощь русской монархии со стороны монархов европейских невозможной»⁵. Таких плюсов или совсем не имела великая французская революция, не говоря уже о германской революции 1848 г., или же они были гораздо слабее в ней представлены.

Отрицательные моменты, установленные ленинским анализом, таковы: 1) Остатков феодализма у нас очень мало. 2) Правительство опытнее и располагает большими средствами распознавания революционной опасности. 3) Война осложняет непосредственность революционного взрыва посторонними по отношению к революции задачами... 4) Из других стран

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 20.

² Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 193.

³ «Ленинский сборник» V, стр. 439.

⁴ Там же, стр. 440.

⁵ Там же.

толчка к перевороту у нас нет. 5) Национальное движение к раздроблению России способно оторвать от нашей революции массу крупной и мелкой русской буржуазии. 6) Антагонизм пролетариата и буржуазии у нас гораздо глубже, чем в 1789, 1848, 1871 годах, поэтому буржуазия будет больше бояться пролетарской революции и скорее бросится в объятия реакции»¹.

Общий баланс говорил в пользу развития революции по «французскому» образцу. Можно ли отсюда сделать вывод, что революция 1905 г. должна быть копией великой французской революции? На этот вопрос Ленин дает отрицательный ответ: «Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 г., перенимать их взгляды, программу, лозунги, способ действия. Ничего подобного, у нас не старая, а новая программа—программа-минимум РСДРП... у нас новый лозунг: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»².

Великая французская революция происходила на заре развития промышленного капитализма, удельный вес пролетариата был гораздо ниже удельного веса мелкой буржуазии как в экономике, так и в политике. Поэтому гегемоном в 1793 г. выступала городская мелкая буржуазия, а ее союзниками были пролетариат и крестьянство. Сами рабочие были еще «предпролетариатом», по выражению Энгельса, они только в процессе развертывания революции и особенно после ее поражения начали выделяться из общей массы неимущих и мелкой буржуазии. А российский пролетариат к 1905 г. по степени своей политической сознательности и организованности опередил все классы русского общества и был передовым отрядом международного пролетариата. Это признал еще накануне революции 1905 г. Карл Каутский. В помещенной в старой «Искре» в 1902 г. статье «Славяне и революция» Каутский обрисовал процесс исторической передвигки центра революционного движения с Запада на Восток, в Россию. В другой своей брошюре—«Американский и русский рабочий»—он писал: «Русский пролетариат призван открыть нам наше будущее, поскольку это будущее заключается не в организации капитала, а в борьбе рабочего класса»³. И действительно, опыт революции 1905 г. заставил революционных марксистов Запада пересмотреть устарелые отрицательные взгляды на всеобщую стачку и баррикадную борьбу.

И на теоретическом фронте представители русского пролетариата занимали первые места. О высоком уровне и интересе к теории в рядах российской социал-демократии свидетельствует не только Каутский («Нигде мы не встретим большого числа теоретически образованных агитаторов, как в этой стране безграмотных») ⁴, но и матерой представитель

¹ «Ленинский сборник» V, стр. 44⁷.

² Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 65.

³ К. Каутский, «Американский и русский рабочий», перевод Фесенко, Киев 1906 г., стр. 5—11.

⁴ Там же, стр. 19.

буржуазной науки известный историк Макс Вебер. Перечисляя кадетские, эсеровские, марксистские журналы, он отмечает: «Немцев во всех этих журналах поражает, в какой сильной мере в них распространены философские и главным образом познавательные теории... Стоит только просмотреть еженедельный «Книжный вестник» русских писателей, чтобы теперь после устранения цензуры убедиться в бесчисленном количестве переводов немецких ортодоксов—в России прививаются в огромном количестве почти только они»¹. Эта высокая политическая сознательность русского пролетариата (которая поразила и оппортуниста Бериштейна), не врожденное качество, но объясняется тем, что российский пролетариат, а он был в своем большинстве крупно-индустриальным пролетариатом, подвергался действию тройного гнета (полукрепостнических пережитков, русского и иностранного капитала). В этом положении пролетариата и зарыты социально-политические корни его гегемонии в русском революционном движении.

В свою очередь мощное крестьянское движение в России не имело себе равного на Западе на всем протяжении XIX столетия. Крестьянский характер нашей революции выделял ее из ряда других буржуазных революций. Это Лениным подчеркнуто в «Аграрной программе социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг.». Ленин там указывает на возможные случаи буржуазных революций, в которых не участвует крестьянство и остью которых не является крестьянский вопрос. Сознательность крестьянина в революции 1905 г. оказалась ниже сознательности пролетариата и буржуазии, и это было одной из коренных причин поражения революции 1905 г. «В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей совсем в духе Льва Николаевича Толстого»². Именно Л. Н. Толстой охарактеризован Лениным как «зеркало русской революции», как противоречивое соединение стремления крестьянина взять землю революционным путем с теорией непротivления злу, с известной долей «экономизма», по выражению т. М. Н. Покровского. В интервью с сотрудником «Руси» на тему о политической реформе Л. Н. Толстой заявил: «Это неплохо, о чем они хлопочут. Но это совсем не то, что нужно, необходимо. А необходимо одно—земля для крестьян. Этой земли не даст никакая конституция. Ее дало бы только такое правительство, которое состояло бы исключительно из крестьян. Но такого правительства нет нигде и не будет. А между тем крестьянину нашему в настоящее время нужна только земля и больше ничего. Это сознает все крестьянство от мала до велика. И этот наш долг общество должно ясно знать. Подобно тому, как 40 лет тому

¹ Макс Вебер, «Исторический очерк освободительного движения в России, Киев 1906 г., стр. 13, 14, 141.

² Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 333.

назад общество сознало свой долг и состоялось первое освобождение крестьян от крепостной зависимости, теперь назрела потребность второй раз освободить их от крепостной зависимости. Для этого нужно дать им землю. И не путем выкупа, а отказавшись от прав на нее. Скажут—это невозможно. Все реформы в западном духе, которые предлагают наши передовые люди, конечно сами по себе неплохи. Но начинать с них, в то время как у крестьян наших нет главного—земли, это все равно, что расчесывать волосы умирающему¹...»

В этом замечательном по силе отражения крестьянских настроений интервью Л. Н. Толстого бросаются в глаза следующие основные черты: 1) признание необходимости получить землю без выкупа, 2) скептический, а пожалуй и отрицательный взгляд на политические реформы вообще и конституцию в частности, 3) идея необходимости правительства из крестьян при одновременном неверии в возможность осуществления такой идеи. Основное, что проходит красной нитью через все интервью—это борьба за землю без связи с политической революционной борьбой против всего помещичьего строя, отсюда и нотки сочувствия реформе 1861 г. Это противоречие не из головы, а из жизни. Исходя из этого, большевизм требовал конфискации помещичьей земли и национализации всей земли при победе революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьян, тем самым увязывая в одно целое разгром дворянских гнезд с ликвидацией самодержавия; в максимальной заинтересованности крестьян в революции и заключалась относительная гарантия от реставрации. Участие крестьянства как союзника пролетариата в революции придавало революции 1905 г. характер *народной* революции, «...ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом эксплуатации, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество на место разрушаемого старого»².

Обстоятельства толкали слабую русскую буржуазию, экономические интересы которой и без того переплетались с интересами помещиков, к соглашению с самодержавием, тем более, что в революционном движении российских пролетариев она усматривала связь с движением пролетариата в Западной Европе. А ведь западно-европейское революционное движение стучалось в двери пролетарской революции.

По всем этим основаниям революцию 1905 г. можно сравнивать (и только в известном отношении) с начальным и последними этапами французского революционного пути (1793 и 1871 гг.). С якобинской диктатурой сравнение может идти по линии последовательной борьбы со средневековьем, а с Парижской коммуной—по уровню развития производительных сил и по руководящей роли пролетариата. Поэтому това-

¹ Газета «Сын отечества», 1905 г., № 93.

² Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 393.

риц М. Н. Покровский и указывает в своем докладе «Начало пролетарской революции в России» на Парижскую коммуну, как на пример, который до известной степени подходит к нашей революции 1905 г.¹ И прав был Каутский 1906 г., когда на вопрос Плеханова: «Каким представляется общий характер русской революции, присутствуем ли мы при буржуазной революции или при революции социалистической?», дал ответ, из которого следует, что на революцию 1905 г. нужно смотреть «...не как на революцию буржуазную в обычном смысле этого слова, а также не как на социалистическую, а как на совершенно своеобразный процесс, совершающийся на границе буржуазного и социалистического общества...»².

Итак, три особенности характерны для революции 1905 г.: 1) руководящая роль пролетариата, 2) аграрный вопрос как основа и «национальная особенность русской революции»³, 3) тенденция к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Руководящая роль пролетариата наложила на революцию 1905 г., настолько неизгладимый отпечаток, что Ленин считал ее «по средствам борьбы *пролетарской*»⁴. Стачка в соединении с вооруженным восстанием—чисто пролетарское средство борьбы—стала средством борьбы всего революционного движения непролетарских классов.

Ленин подходил к марксистской схеме революционного движения как диалектик и ругал меньшевиков в 1905 г. за неумение учитывать конкретные особенности обстановки и действующих классов с тем, чтобы, конкретизируя эту схему, придерживаться ее общего направления, но не буквы. Известное марксистское положение о трех главных силах революции XIX (и XX) века и трех основных стадиях ее... «состоит в том, что первая стадия революции есть ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая—завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т. е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще; третья—социалистический переворот, который один только способен удовлетворить пролетариат. *«Эта картина верна в общем и целом»*,—писал «Вперед».. Перед нами действительно подъем на эти три различные схематические ступеньки, различные по тому, какие классы могут в лучшем случае сопровождать нас в этом подъеме. Но если мы эту верную марксистскую схему трех ступеней будем понимать так, что до *всякого подъема* надо отмеривать себе наперед скромненькую меру, например не более одной ступени, если мы по этой схеме будем, до всякого подъема, *«составлять себе план деятельности в революционную эпоху»*, то мы будем виртуозами филистерства»⁵. Здесь—зародыш ряда тех мыслей, которые впоследствии Ле-

¹ «Красный архив», книга 11—12, стр. VIII.

² К. Каутский, «Движущие силы и перспективы русской революции», Гиз, 1926, стр. 29.

³ Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 492.

⁴ «Ленинский сборник» V, стр. 25.

⁵ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 316; «Ленинский сборник» V, стр. 302—305.

нин разовьет в «Письмах о тактике» и в статье «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова).

Итак, Ленин в 1905 г. и позже наряду с признанием общей марксистской схемы революционного движения, наряду с признанием общей закономерности исторического развития признавал и «скачки» в пределах схемы, исходя из конкретного анализа конкретной ситуации. С этой точки зрения народная буржуазно-демократическая революция—революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства—1905 года была «скачком» на вторую ступень схемы, так как роль пролетариата и крестьянства была иная, нежели в 1789 или 1848 гг. Такими же «скачками», находящимися в противоречии со схемой, была на первый поверхностный взгляд теория перерастания народной—буржуазно-демократической революции в социалистическую, потому что такого процесса еще на Западе не было, потому что там буржуазные революции отделены от пролетарских десятилетиями, а кое-где и столетиями.

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть формула перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В «Двух тактиках» Ленин писал: «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое—самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с этой контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов. Ее будущее—борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму». И ниже: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно лишь преходящая, временная задача социалистов, но игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно»¹. Буржуазно-демократическая революция в России не была отделена китайской стеной от пролетарской: первый день победы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства означал и первый день в ее процессе отмирания—первый день борьбы за диктатуру пролетариата.

Наша задача сводится к выяснению внутренних и внешних условий перерастания, намеченных Лениным в 1905 году.

Резолюция III съезда указывает, что «демократический переворот в России при данном общественно-экономическом ее строе не ослабит, а усилит господство буржуазии»². В экономике, в сельском хозяйстве эволюция капитализма должна была пойти по американскому пути развития, что означало усиление темпа роста хозяйства в целом и усиление ди-

¹ Ленин, Сочинения, том VIII, стр. 85.

² Там же, стр. 37.

ференциации крестьянства. Крупная промышленность приобретала колоссальной емкости внутренний рынок сбыта и сырья ¹.

Усиление дифференциации в деревне приводит к тому, что усиливаются противоположные полюса деревни: сельскохозяйственная буржуазия—с одной стороны; сельскохозяйственный пролетариат, полупролетариат и мелкое крестьянство при все размывающемся и колеблющемся среднем крестьянстве—с другой стороны ². При развивающемся капитализме среднее крестьянство должно было тянуться за буржуазией. Поэтому Ленин считал, что «крестьянство как землевладельческий класс сыграет в этой борьбе (за социализм.— Р. А.) ту же предательскую, неустойчивую роль, какую теперь играет буржуазия в борьбе за демократию» ³.

В своих черновиках «Этапы революции» в конце 1905 г., в речи на Стокгольмском съезде и в докладе о съезде, Ленин останавливается на этом вопросе и так говорит о судьбе буржуазно-демократической революции: «Русская революция имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить. Но у нее недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы. Победить она может, ибо пролетариат вместе с революционным крестьянством может составить непреодолимую силу. Удержать за собою победы она не может, ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители (крестьяне в том числе) неизбежно повернут против пролетария, когда он от свободы пойдет к социализму. Чтобы удержать за собою победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский резерв, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе» ⁴. В этом отрывке центральный узел всех проблем перерастания по ленинскому стратегическому плану 1905 г. Недаром Троцкий на XV партконференции пытался за него зацепиться и извратить его смысл, чтобы доказать свое положение о невозможности успешного социалистического строительства в нашей стране.

Выступая против установки Парвуса на социал-демократический состав временного правительства, Ленин говорит: «...сколько-нибудь прочной (конечно не безусловно, а относительно) может быть лишь револю-

¹ К вопросу об американском типе развития капитализма в сельском хозяйстве Ленин после революции 1905 г. не раз возвращался. Особенно интересно одно место из статьи Ленина в польском журнале «Przegląd Social-Demokratyczny» № 6 от 1908 г.: «Без полного уничтожения всей средневековой собственности на землю, без полной «чистки», т. е. без национализации земли, такая революция немыслима. Дело партии пролетариата распространить этот лозунг последовательнейшего и радикальнейшего буржуазного аграрного перерозрота. А когда мы выполним это, мы посмотрим, окажется ли такой перерозрот лишь основой для американски быстрого развития производительных сил при капитализме, или же он станет прологом социалистической революции на Западе» (Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 294).

² «Ленинский сборник» IV, стр. 400 и 402.

³ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 123.

⁴ Ленин, Сочинения, т. IX, стр. 189. См. также т. IX, стр. 150; т. VII, стр. 191; т. VIII, стр. 73; «Ленинский сборник» V, стр. 452.

ционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т. е. с массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты»¹.

При ликвидации самодержавия не может быть и речи о «социал-демократическом сознании» этих масс, и потому необходима революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, а в составе правительства—«участие» или даже «преобладание» «самых разношерстных представителей революционной демократии». Для того чтобы эти массы стали под руководство социал-демократии, нужно устранить два препятствия—темноту и царизм. Путь к социал-демократии для этих масс лежит через ряд «революционных испытаний». После победы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства оба эти препятствия устраняются—усиленная дифференциация в деревне делает большинство деревни полупролетарским, а в соединении с сельскохозяйственным и городским пролетариатом большинством в стране.

Условия для перехода от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, от буржуазно-демократической революции к пролетарской Ленин видит в благоприятном сочетании внутренних сил и внешних условий. «От революции,—говорит он,—демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»².

При неустойчивом соотношении сил внутри страны при переходе от буржуазно-демократической революции к социалистической большую роль должна была сыграть реакция Запада на нашу революцию. Или капиталистический Запад приходит на помощь русской буржуазии и тем отодвигает на время победу социалистической революции в России, или западный пролетариат не дает ему этого сделать, а получив толчок из России, начинает социалистическую революцию на Западе и тем самым во много раз усиливает позиции борющегося в России пролетариата. Последнее обстоятельство должно было окончательно склонить чашу весов в пользу российского пролетариата. Что расчеты Ленина на революцию на Западе были основательны, свидетельствует то, что даже после нашей неудавшейся революции 1905 г. мы видим усиление революционного движения в Германии, Австрии («уличные демонстрации в Вене и баррикады в Праге».—Ленин), революции в Турции, Персии и Китае.

Однако Ленин вовсе не предусматривал необходимым условием для перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую «государственную помощь Запада», как того требует троцкистская теория «перманентной» революции.

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 194.

² Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 186.

Опыт 1917 г. в общем оправдал, реализовал ленинский план перерастания буржуазной демократии, выдвинутый в 1905 году. Ленин писал в «Письмах о тактике»: «Большевистские лозунги и идеи в общем вполне подтверждены историей, но конкретно дела сложились иначе, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее»¹.

Задача революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства была триединая: 1) разгром самодержавия, 2) отражение попыток реставрации царизма, 3) самоотрицание, превращение в пролетарскую диктатуру. Так, о первой и второй задачах Ленин писал: «Ведь если мы, революционный народ, т. е. пролетариат и крестьянство, хотим «вместе бить» самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его»². Эти задачи требуют для своего успешного выполнения соединенных усилий рабочих и крестьян на протяжении нескольких лет и нуждались в том, чтобы восставший народ организовал свою власть, использовал государственный аппарат против общего врага рабочих и крестьян — помещичьего класса. А организация революционной власти для гражданской войны, для войны с самодержавием и с помещиками и есть диктатура. «Диктатура означает... неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны «всякая победившая власть может быть только диктатурой»³.

Прообразом такой революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства была якобинская диктатура 1793 г. Не случайно Энгельс в «Критике Эрфуртской программы» писал: «Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут притти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция»⁴. Из этого сложного, глубокого мыслями положения Энгельса нужно сделать три вывода: во-первых, что «Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата»⁵, во-вторых, что ликвидация старого режима, как и в 1793 г., — последовательная, ни перед чем не останавливающаяся война против этого старого порядка и отрицание всех его законов, и, в-третьих, что демократическая республика 1793 г. была специфической формой не социалистической диктатуры пролетариата, а революционно-демократической диктатуры мелкой буржуазии и пролетариата, ибо в 1793 г. не было социалистического пролетариата как класса для себя.

¹ Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 101.

² Там же, т. VII, стр. 199.

³ Там же, т. IX, стр. 95.

⁴ Цитирую по Ленину, Сочинения, т. XXI, стр. 418.

⁵ Там же.

Еще на IV съезде партии тт. Ленин и Луначарский выступили против Плеханова, когда он попытался противопоставить Конвент «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». «Конвент», — писал Ленин в «Докладе об Объединительном съезде», — «был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое полновластное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем «пролетариат и крестьянство»... Признавать конвент и распинаться против «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» — значит побивать самого себя»¹.

Накануне Октябрьской революции Ленин в своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» дает аналогичную же оценку якобинской диктатуре: «Материальное, производственное обновление Франции в конце XVIII века было связано с политическим и с духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был почти слит с нею), с беспощадной войной, объявленной всему реакционному»². И, наконец, уже в 1918 г. Ленин в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» высмеивает Каутского и задает вопрос: «была ли исторически велика и полезна диктатура пролетариев и мещан в революции 1789 года». И, иронизируя над словами Каутского, Ленин отвечает: «ничего подобного, ибо пришел Наполеон»³.

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая должна была явиться кульминационным пунктом развития буржуазно-демократической революции 1905 г., имела два основных отличия от якобинской диктатуры, вытекающие из уровня развития общественных отношений России начала XX столетия: 1) в революции 1905 г. пролетариат выступает в роли вождя, руководителя мелкой буржуазии, 2) революция 1905 г. при благоприятных условиях (внутренних и внешних) могла перерасти в социалистическую революцию.

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, по мысли Ленина и партии большевиков, должна была стать «организацией не «порядка», а организацией войны» (Ленин). Сама революция есть не что иное, как великая справедливая гражданская война, а узловым центральным моментом в этой войне является разгром старой власти, поражение старого порядка в его решающих жизненных центрах и создание новой революционной власти. Это может быть достигнуто не иначе, как путем вооруженного восстания.

Меньшевик Мартынов первый поднял крик по вопросу об участии социал-демократов во временном рев. правительстве, которое должно было быть «органом народного восстания». Мартынов не понял разницы

¹ Ленин, Сочинения, т. IX, стр. 217.

² Там же, т. XXI, стр. 190.

³ Там же, т. XXIII, стр. 122.

между демократической и социалистической диктатурами пролетариата. Зато он правильно понял связь активного руководства и участия в вооруженном восстании с последующей организацией революционной власти, а тем самым и с участием партии—руководительницы восстанием во временном революционном правительстве. После большой путаницы в вопросе о «назначении» вооруженного восстания и революции Мартынов, наконец, пришел к выводу: «Якобинский план восстания неразрывно связан с якобинской теорией захвата власти и якобинской революционной диктатуры»¹. Далее он еще более ясно выражается: «представьте себе, что партии, состав членов которой сужен до участия в ней только профессиональных революционеров, удалось подготовить, назначить и провести «всемирное вооруженное восстание». Не очевидно ли, что всемирная воля *назначила* бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством»². Мартынов подчеркнул, что эта партия *обязана* была бы взять в свои руки власть».

Вооруженное восстание не конец революции, а один из важнейших моментов в этой гражданской войне. Борьбу нужно было бы довести до конца, а это не возможно сделать, не имея организующего правительственного центра. Руководители восстания должны были бы войти во временное рев. правительство, чтобы довести революцию до победоносного конца. Конечно, эта перспектива не могла не утешить последовательного в своем хвостизме вожака «новоисковцев» А. Мартынова.

Большевики же, напротив, отводили огромную организационную роль временному революционному правительству в деле воздействия на революционную стихию «сверху». «Обобщение восстаний в *всемирные*—революционная армия. *Национальная*, всемирная *организация* восстания—временное революционное правительство»³. Вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство—вот три звена единой цепи революционного процесса. «А революционная армия и временное революционное правительство—это две стороны одной медали»⁴. В свою очередь, отношение понятия «временное революционное правительство» к понятию революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства «приблизительно таково, как отношение между юридической формой и классовым содержанием. Кто говорит «временное революционное правительство», тот подчеркивает государственно-правовую сторону дела, происхождение правительства не из закона, а из революции... Временное правительство не может не опираться на известные классы. Достаточно вспомнить эту азбучную вещь, чтобы видеть, что временное революционное правительство не может быть не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства»⁵. Борьба за

¹ Мартынов, «Две диктатуры», стр. 16.

² Там же, стр. 17.

³ «Ленинский сборник» V, стр. 325.

⁴ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 336.

⁵ Там же, стр. 201.

победу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства вызывала необходимость участия социал-демократов во временном революционном правительстве, и никакого отступления от принципов революционного марксизма в этом нельзя усмотреть, так как совместное с крестьянством участие в правительстве имеет своей целью победоносное развертывание буржуазно-демократической революции. А это в свою очередь является полной реализацией союза рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции.

Идея «временного революционного правительства»¹ реализовалась в Советах рабочих и солдатских депутатов. Сами Советы вовсе не были созданием или изобретением какой-либо политической партии, как это стремятся изобразить меньшевики, приписывающие инициативу организации советов себе. Наоборот, они были продуктом народного творчества. Советы, как орган восстания, как зародыш временного революционного правительства, полностью не развернулись в революции 1905 г., так как сама революция не победила, но они уже были зародышем той новой власти, которая впоследствии опрокинула старый государственный аппарат. Период октября—декабря 1905 г. показал, что «Советы рабочих депутатов и т. п. были *на деле* зачатками временного революционного правительства, власть неизбежно досталась бы им в случае победы восстания». Советы рабочих депутатов Ленин называет «представительными учреждениями чисто революционного типа»². В конце 1906 года Ленин пишет, что «в зачаточных органах временного правительства мы, социал-демократы, участвуем вместе и рядом с революционной буржуазией»³. В марте же 1906 года Ленин указывал, что «Новая жизнь» рассматривала Советы... как зачаточные органы рев. власти, соединявшие пролетариат и революционную демократию»⁴. Отожествление Советов с временным революционным правительством у Ленина не случайно. Об этом он пишет в статье «Политический кризис и провал оппортунистической тактики»⁴. Об этом же он указывает и в проекте резолюции «о временном революционном правительстве», предложенной IV съездом партии. Эту же мысль он проводит в своих произведениях накануне и во время Февральской и Октябрьской революций. Поэтому вполне закономерно, что советы периода марта—июня 1917 г., делившие власть с буржуазным временным правительством, Ленин считал осуществлением большевистского лозунга 1905 года о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства».

Основные большевистские лозунги: о вооруженном восстании (декабрь 1905 г.), о временном революционном правительстве с участием социал-демократов, о союзе пролетариата с крестьянством—все это осуществилось в той или иной мере даже в рамках непобедившей револю-

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 20.

² Там же, т. X, стр. 194.

³ Там же, т. IX, стр. 123.

⁴ Там же, т. X, стр. 37.

ции 1905 г. Лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства оправдал себя и в 1905 и 1917 годах.

Дале буржуазия в 1905 г. иногда нехотя сбивчиво признавала, что Советы рабочих депутатов—зародыш революционной власти. Но все же чаще всего она их трактовала как классовые организации пролетариата и не больше. Струве, идеолог ранее освобожденской, а к декабрю 1905 г. уже кадетской буржуазии, сделал в своем журнале «Полярная звезда» такого рода признание: «...он (совет—А.) за это время готовил (на словах) вооруженное восстание и тем приготовил свой собственный арест,—событие, которое во всяком случае отдалило для этой многоголовной коллегии возможность стать правительством или выделить из себя правительство... он—«хозяин рабочего петербургского народа», приказывал: ему подчинялись. Но содержание своих приказов он черпал... в меняющихся настроениях этих подданных. Эти настроения Совет рабочих депутатов возвращал рабочим в кратких электризирующих приказательных формулах... и потому Совет рабочих депутатов не был властью; он только ею казался. И он казался тем более огромной властью, чем послушнее исполнялись его приказы, т. е. в сущности, чем послушнее был он сам»¹. Струве не хочется признать, что Советы рабочих депутатов были зародышевой формой власти, ибо такое признание совсем не улыбалось идеологу буржуазии. Отсюда и такая завуалированная форма выражений—«с одной стороны, нельзя не признать, а с другой стороны, нельзя не сознаваться». Буржуазия в крайнем случае готова признать право Совета быть представительством рабочего класса, но признать его государственной властью—это значит признать такое положение, когда может быть создано временное революционное правительство без участия либеральной буржуазии... Кадетский журнал «Свобода и культура», издававшийся при ближайшем участии того же П. Б. Струве, писал: «Не мудрено, что такие организации, как советы рабочих депутатов, сразу сделались могучими центрами, управлявшими целым классом. Но для других слоев населения эти центры не имели авторитета и в этом был с самого начала их приговор»².

Критика ленинского лозунга революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства сперва шла со стороны правоверного официального российского меньшевизма, который давал такой анализ характера и движущих сил революции, так пугался перспектив якобинской диктатуры и страдал такой боязнью крестьянской революции, что он фактически становился (обеими ногами на «немецкие рельсы»). Открыто об этом заговаривали видные меньшевики только после поражения революции. В условиях же ожидавшегося подъема они сравнивали революцию 1905 года с великой французской революцией, но никогда не додумывали последовательно до конца вытекающие из этого сравнения выводы, так как в этом случае они должны были бы притти к большевист-

¹ «Полярная звезда» № 1, 1905 г., стр. 11—12.

² «Свобода и культура» № 5, 1906 г., стр. 359.

ской оценке характера и движущих сил революции и к большевистской тактике. Плеханов на IV съезде партии заявил, что он за такое правительство, каким был Конвент в 1793 г. Что и говорить, мысль правильная, но ее нужно было перевести на язык современности. Но в таком случае она бы не гармонировала с общей концепцией меньшевизма, и потому в плехановской системе мыслей она не получила развития и оказалась случайной.

Но уже в 1907 году на V съезде партии лидер думской социал-демократической фракции Церетелли выступил с речью такого содержания: «1848 год научил нас не только тому, что не созрели еще условия для социализма, но и тому, что за свободу нельзя бороться без того или иного союза с буржуазной демократией»¹. Получается совсем как у Бернштейна. Ленин так и характеризует этот тезис Церетелли, говоря, что «вывод т. Церетелли есть чистейший ревизионизм»². В эпоху реакции все виднейшие меньшевики—ликвидаторы станут восхвалять «немецкий путь» и указывать, что он уже победил в России.

Коренное принципиальное расхождение меньшевиков с большевиками заключалось во взглядах на судьбы революции и на руководство ею: закончится ли она сделкой буржуазии с царизмом, или победит революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства; будет ли пролетариат выполнять в революционном движении роль пособника буржуазии, в лучшем случае—«авангарда», «передового отряда», «главного двигателя» (предложения меньшевиков на V съезде партии) или же его задача—«выполнить роль вождя в буржуазно-демократической революции»³; «правый» блок с кадетами, или «левый» блок с эсерами и трудовиками; за давление «только снизу», или за давление «снизу и сверху»; за положение «крайней оппозиции» или же за участие социал-демократов во временном революционном правительстве.

Меньшевики в полемике с большевиками выявили доктринерско-схоластическую черту метода своей аргументации, особенно по вопросу об участии социал-демократов во временном революционном правительстве. Плеханов софистически цитировал «Обращение» Маркса 1850 г., когда тот, держа курс на революцию социалистическую и исходя из слабости германских социалистов, подчеркивал, что пролетариату необходимо лучше организовать. Плеханов комментировал его в том смысле, что Маркс отрицательно относился к диктатуре пролетариата и крестьянства и к участию социал-демократов во временном революционном правительстве, хотя Маркс и не поднимал вопроса об этом участии. Ленин доказал, ссылаясь на статью Энгельса «Бакунисты за работой», что основное положение меньшевизма—давление на революцию «только снизу»—это принцип анархизма, который бакунистами применялся в революционном движении 70-х годов в Испании.

¹ Цитируем по Ленину, Сочинения, т. XI, стр. 239.

² Там же.

³ Из резолюций V съезда РСДРП. См. Сочинения Ленина, т. XI, стр. 526.

Другим модным среди меньшевиков мотивом против участия социал-демократов во временном революционном правительстве было отождествление этого участия социал-демократов во временном революционном правительстве с милберанизмом—жоресизмом. Чтобы доказать это, меньшевики совершенно упускали все конкретные особенности России 1905 г. и Франции (1899 г.) В России на очереди стояла буржуазно-демократическая революция, а во Франции 1899 г.—социалистическая революция. Первую пролетариат продвигает в союзе с крестьянством, так как ее непосредственная задача—это задача общая для обоих этих классов—сокрушения царизма и выкорчевывания корней помещичьего землевладения. Поэтому в интересах победы необходимо создание общего революционного правительства при сохранении классовой самостоятельности пролетариата, при сохранении за пролетариатом руководящей направляющей роли в этом временном революционном правительстве. Социалистическую же революцию пролетариат может и должен делать не рядом с буржуазией, а против нее, в союзе с беднотой при нейтрализации на первом этапе мелкой буржуазии. Ленин указывал, что участие интернационалиста Варлена в правительстве Коммуны рядом с мелкобуржуазными якобинцами-революционерами (тип Делеклюза) усиливало революцию, а участие Мильерана в правительстве палача Коммуны, генерала Галлифе, было актом измены социализму. А метод, который произвольно смешивает две различные ситуации, называется софистическим, жонглерским в отличие от метода материалистической диалектики. Поэтому Ленин указывал Плеханову, что «иное дело марксизм, а иное дело мартиновизм».

«Положительная» программа действий меньшевизма была полна внутренних противоречий. Лозунгу большевиков о создании временного революционного правительства они противопоставляли лозунги «организации революционных самоуправлений» или лозунг организации «революционных коммун», с допущением захвата власти в отдельных городах. Лозунг «организация революционного самоуправления» дробил силы революции и облегчал победу царизма, во-вторых, он не связывал, не обуславливал установление «революционного самоуправления» с вооруженным восстанием, с ликвидацией царизма, в-третьих—«организация революционных самоуправлений», выбора народом своих уполномоченных есть не *пролог*, а *эпилог* восстания»¹.

Меньшевики в Советах 1905 г. увидели «органы революционного самоуправления», а не органы восстания и зародыш временного революционного правительства. Они совершенно закрывали глаза на такие факты, как выступление Петербургского Совета по ряду вопросов как антагониста царской власти, как то, что Московский и другие Советы были организаторами восстаний и совсем не занимались проблемами «городского благоустройства».

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 80.

Мартов в своей «Истории российской социал-демократии», написанной в 1918 г., отметил, что в Советах «...меньшевики видели естественные центры классового сплочения пролетариата на открытой арене и зародыши коммунального, захватным путем образующегося, самоуправления, долженствующего стать основой и исходным пунктом новой демокритической организации общества»¹.

Что же получается на основании этого положения Мартова? 1) Советы—«орган классового сплочения», «зародыш коммунального самоуправления», 2) «основа и исходный пункт новой демокритической организации общества». Первая часть положения не выдерживает критики, так как противоречит исторической деятельности самих Советов, которые выступали как зародыши революционного временного правительства. Вторая часть утверждения Мартова (напомним, что он это писал уже после Октябрьской революции) о том, что Советы—исходный пункт демокритической организации общества, звучит по меньшей мере странно. Ведь в Советы не входила крупная буржуазия, которой по теории меньшевиков в буржуазной революции был уготован путь к власти. Как же возможно было, чтобы буржуазия была у власти, а «властью на местах» были бы Советы рабочих депутатов. Несомненно, у Мартова тут выступают некоторые черты причисывания меньшевистских идей под современность. Муниципалитет (городское самоуправление) в представлении меньшевиков был тем рычагом, которым они пытались перевернуть старый порядок. Это ярко показывает их знаменитая идея муниципализации земли, противопоставляемая большевистскому лозунгу национализации.

Таково было оппортунистическое лицо правоверного меньшевизма в революцию 1905 года. Такова была его «положительная» программа, противопоставленная большевистской идее революционно-демокритической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Наряду с официальным меньшевизмом в революции 1905 г. фигурировала и «левая» разновидность меньшевизма парvusизм-троцкизм. Наша задача—это, во-первых, вскрыть идейно-политические корни этой разновидности меньшевизма; во-вторых, показать ее формирование и развертывание ее сущности на основных периодах первого этапа революции (от конца 1904 г. по конец 1905 г.) и в-третьих, показать особенности этой лево-меньшевистской критики ленинского учения о революционно-демокритической диктатуре пролетариата и крестьянства².

Парvusизм-троцкизм, в отличие от правого меньшевизма и большевизма, отстаивал, в основном, пролетарский характер революции 1905 г., исходя из особенностей исторического процесса развития России³.

¹ Мартов, «История российской социал-демократии», изд. «Книга», 1923 г., стр. 133.

² В разделе о троцкизме автором не использованы последние работы Л. Троцкого «Моя жизнь», «Перманентная революция» и др., благодаря чему некоторые вопросы не получили более подробного, исчерпывающего объяснения. *Ред.*

³ Н. Троцкий, «Наша революция», Книгоизд. Н. Глаголева, СПб 1907 г., стр. 224.—Л. Троцкий, «1905 год», Гиз, 1922, стр. 236, 297.

Первым выступил в этом направлении Парвус в ряде своих статей 1904 г., а частью и 1905 г. Вслед за ним выступил и Троцкий.

Парвус в своих статьях обосновывает теорию внеклассового происхождения русского самодержавия. Парвус и является в этом, как и во многих других вопросах, вдохновителем Троцкого.

Уже в начале 1904 г., когда началась война с Японией, Парвус с известными, правда, оговорками отмечал самодовлеющий характер русского самодержавия. «Не надо,—говорил он,—забывать, что самодержавие имеет свое собственное политическое содержание, конечно, оно экономически является представителем имущих классов, но *политически* оно старается их подчинить себе»¹. Агрессивную внешнюю политику самодержавия он объясняет давлением Запада. «Дело тут не столько в культурном воздействии, сколько в непрерывной опасности для самостоятельности России со стороны королевства Польского и прилегающих государств. Это привело самодержавие к агрессивной внешней политике и заставило вместе с тем приспособить армию к развитию военной организации Запада...»².

Освобождение крестьян в 1861 г. оказывается, главным образом, следствием не роста капитализма, а продукт поражения русского самодержавия в борьбе с Западом (если рассматривать реформы самодержавия *только* в связи с военными поражениями, а не как результат нарастания внутренних противоречий, развитию которых внешние благоприятствуют).

Далее Парвус отводит самодержавию основную роль в деле подчинения и насаждения капитализма в России: «Самодержавие уже не боится капиталистического развития, но у него явилась идея подчинить его себе. Оно насаждает индустрию в интересах фиска...»³.

Для полноты картины Парвус гипертрофирует роль иностранного капитала в России, и таким образом все основные предпосылки для троцкистской теории «перманентной» революции налицо. «Революция,—говорит он,—в России запоздала. Ее задержал европейский капитал. Европейский капитал в течение многих лет снабжал самодержавие оружием и деньгами и укреплял его в интересах своей наживы и своего собственного господства. Пока наши самобытники искали основы самодержавия в русской душе православного христианства, последнее давно уже пустило новые корни в банковых кассах Ротшильда, Мендельсона, Credit Lyonnais и проч., и проч., и проч. Но тот же европейский капитал перевернул все общественные и культурные условия России, создал революционный пролетариат и, наконец, вогнал правительство в войну, которая сломила его военное могущество... среди класса капиталистов очень сильно представлена европейская биржа...»⁴.

¹ Парвус, «Россия и революция», изд. Н. Глаголева. С.-Петербург. Статья «Падение самодержавия», стр. 96.

² Там же, стр. 96—97.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Там же, стр. 203.

Таким образом, по концепции Парвуса, давление Запада вызывает и агрессивную внешнюю политику самодержавия и реформаторскую внутреннюю политику его, задерживает революцию и создает революционный пролетариат, вгоняет правительство в войну и вообще переворачивает «все общественные и культурные условия России». Русское самодержавие по этой концепции политически независимо от имущих классов. Оно производит реформы, насаждает капитализм, становится поперек политического и социального развития страны.

Эта антимарксистская философия русского исторического процесса, сформулированная в марксистских терминах Парвусом, в основном была целиком воспроизведена Л. Д. Троцким в 1904 г. (и только частью в начале 1905 г.). В 1907 г. она им дана как заключительная глава его книги «Наша революция». (О роли Парвуса в формировании этой теории Л. Д. Троцкий скромно умалчивает)¹.

Вполне естественно, что схема русского исторического процесса предшествует у Парвуса его теории «перманентной» революции.

Тов. М. Н. Покровский в предисловии к сборнику «Марксизм и особенности исторического развития России», в котором помещена серия статей о «буржуазных концепциях русского исторического процесса», сформулированных в русской марксистской литературе Плехановым, Троцким и Слепковым, пишет: «По сути дела эти концепции отправляются от одной мысли, что в России абсолютизм сложился как внеклассовая организация государственной обороны... От Плеханова она перешла к т. Троцкому, попытавшемуся заново, иногда весьма оригинально, ее переаргументировать². Нам представляется, что между Плехановым и Троцким должна быть помещена не менее колоритная фигура Парвуса, который предвосхитил теории Троцкого.

В парвусовско-троцкистской системе этих историко-социологических проблем главным был вопрос о государстве и его роли в историческом развитии общества. Большевиству пришлось в этом вопросе бороться на два фронта, как против меньшевиков, отрицавших какое-либо значение за государственной властью в революции («давление только снизу»), так и против их «разновидности» — троцкистов, преувеличивавших роль государственной власти.

Исходя из положения, что Россия не имела средневекового городского строя, Парвус в своей статье «Что дает нам 9 января» делает такое заключение: «...в России есть капиталистическая буржуазия, но нет

¹ В «Нашей революции» (стр. 233) Парвус упоминается с ссылкой на то, что он очень «проницательно указал», что ремесленный слой в нашей революции, в отличие от французской революции, не будет играть никакой роли. В этом Троцкий солидарно с Парвусом усматривает причину особых судеб русской революции. Это примечание с упоминанием фамилии Парвуса есть еще в «Итогах и перспективах» Троцкого в издании 1919 г., но его уже нет в книге «1935».

² М. Н. Покровский, сборник «Марксизм и особенности исторического развития России». Изд. «Прибой», 1923 г., стр. 3.

буржуазии промежуточной, из которой возродилась и на которой держалась политическая демократия Западной Европы¹. Крестьяне все большими массами будут вовлечены в движение. Но они в состоянии только увеличить политическую анархию в стране и, таким образом, ослабить правительство, они не могут составить сомкнутой революционной армии»². Таким образом, первый вывод Парвуса из его теории русского исторического процесса—это то, что в России 1905 г. нет мелкой буржуазии, как активного фактора политики, что крестьянство—фактор политической анархии, и что все это имеет место при наличии крупной капиталистической буржуазии.

Что касается пролетариата, то дело представляется Парвусу в следующем виде: «То, что помешало развитию мелкобуржуазной демократии, послужило на пользу классовой сознательности пролетариата в России: слабое развитие ремесленной формы производства. Экономическое господство сразу предстало перед ним в своей самой совершенной форме капиталиста, чуждого производству, а государственная власть в своей самой концентрированной форме самодержавия, опирающегося исключительно на военную силу»³. Отсюда у Парвуса вытекает второй вывод,—что пролетариат наиболее развитой политически класс, который «прошел эту тройную школу». «Поэтому,—заключает Парвус,—мы должны уметь стоять идейно во главе революционного движения, *быть революционнее всех*»⁴. (Курсив мой.—Р. А.). Характеризуя эти слова Парвуса как перегиб, Ленин указывает, что «он (Парвус.—Р. А.) бунтует». Именно поэтому, что «бунтует», он пересобачил»⁵. ✓

Останавливаясь на проблеме временного рев. правительства, Парвус говорит, что «перед социал-демократией будет стоять дилемма: либо взять на себя ответственность за временное правительство, либо стать в стороне от рабочего движения. Рабочие будут считать это правительство своим, как бы ни держала себя социал-демократия... Революционный переворот в России могут совершить только рабочие. Временное правительство в России будет правительством рабочей демократии. Если социал-демократия будет во главе революционного движения, то это правительство будет социал-демократическим... Социал-демократическое временное правительство не может совершить в России социалистического переворота, но уже самый процесс ликвидации самодержавия даст ему благодарную почву политической работы». Правильным во всех этих положениях является, во-первых, что с.-д. должны участвовать во временном правительстве и, во-вторых, что революционное временное правительство не сможет сразу сделать социалистического переворота в России.

Все это еще недостаточно обрисовывает характерные черты пар-

¹ Парвус, «Россия и революция», стр. 136.

² Там же, стр. 140.

³ Там же, стр. 139.

⁴ Там же.

⁵ «Ленинский сборник» V, стр. 123.

вусовского анализа развертывающейся революции и ее перспектив. А между тем только по этому анализу можно определить место парвусовских идей между двумя основными оценками характера и движущих сил революции 1905 г.: между меньшевистской и большевистской.

Уже статью «Самодержавие и реформы», написанную еще до 9 января, Парвус закончил следующим характерным местом: «Русская революция потрясает капиталистический мир в его политических основах, а русский пролетариат может сыграть роль авангарда социалистической революции¹. Это положение Парвуса, если его понимать в том смысле, что победоносная российская буржуазно-демократическая революция, руководимая пролетариатом, открывает серию социалистических революций на Западе и тем самым ставит русский пролетариат в авангард мировой социалистической революции,—не заключает в себе никакой ереси. Но как в действительности сам Парвус понимал этот тезис, покажет развертывание его теории «перманентной» революции на всем протяжении 1905 года.

О перспективах классовой борьбы на другой день после низвержения самодержавия Парвус пишет: «Ведя пролетариат в центре и во главе революционного движения всего народа и общества, социал-демократия должна его в то же время готовить к гражданской войне, которая следует за свержением самодержавия—к нападению со стороны аграрного и буржуазного либерализма, к предательству со стороны политических радикалов и демократов»². Что верного и что неверного в этих мыслях Парвуса?

Верно то, что после свержения самодержавия, после завершения буржуазно-демократической революции должен начаться второй этап революции при иных уже внутренних и внешних политических условиях—при иной уже расстановке классов. Эта вторая революция, революция социалистическая, будет гражданской войной, которую пролетариат поведет уже в союзе с беднотой против буржуазии города и деревни при нейтрализации на первом этапе середняка. Но такой обрисовки расположения сил в схеме Парвуса не дано. В ней указано, что после свержения самодержавия пролетариат подвергается нападению со стороны городской и сельской буржуазии, а радикалы и демократы, т. е. мелкая (по преимуществу) буржуазия его предают. Нет здесь, во-первых, ясного размежевания революции буржуазно-демократической от революции пролетарской; во-вторых, здесь нет указания, что пролетариат, при переходе к пролетарской революции, будет иметь союзником внутри страны—полу-пролетариев, беднейших крестьян. Мы имеем здесь также противоречивые указания о с.-д. составе временного правительства при игнорировании крестьянства как движущей силы революции и роли его в ней как союзника пролетариата.

Частичный крен Парвуса в сторону большевизма Ленин решил ис-

¹ Парвус, «Россия и революция», стр. 133.

² Там же, стр. 138.

пользовать, разъяснив ему необходимость дальнейшей эволюции в этом направлении и рекомендуя ему освободиться от революционной фразы. Ленин писал: «Парвус сумел, наконец, пойти вперед, вместо того чтобы пятиться, подобно раку, назад... Он вступил прямо (к сожалению, вместе с Троцким) с защитой идей революционно-демократической диктатуры, идеи об обязанности социал-демократии принять участие во временном революционном правительстве после низвержения самодержавия»¹. Далее, Ленин считает необходимым подчеркнуть фальшь остальных положений Парвуса, начиная лозунгом: «Быть революционнее всех» и кончая утверждением, что временное правительство будет социал-демократическим. Первое положение Ленин опровергает тем, что мы не станем конкурировать с людьми типа Надеждина, которые «беспомощны перед революционной фразой» или «у которых инстинкт заменяет революционное миросозерцание» (вроде Гапона). «Если пустозвон Троцкий,—подчеркивает Ленин,—пишет теперь (к сожалению, рядом с Парвусом), что священник Гапон «мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это исключительно потому, что он пустозвон»².

Ленин разъясняет Парвусу, почему у нас не может быть однородного социал-демократического правительства, которое было бы уже показателем пролетарской революции. Последняя же может, по мысли Ленина, произойти лишь в случае, если пролетариат, составляющий меньшинство населения, объединится «с массой мелко-буржуазной и городской бедноты» и станет таким образом «громадным, подавляющим большинством», а пока что «их (гигантских масс.—Р. А.) классовое положение не есть пролетарское, потому что объективная логика исторического развития ставит перед ним в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота. И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отменяя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других...»³.

Итак, в статье «Что дает нам 9 января» даны все элементы (за исключением одного—о социалистическом характере революции 1905 г.) теории «перманентной» революции (отсутствие, по мнению Парвуса, революционной мелкой буржуазии, указание, что революция держится только на одном пролетариате, требование, чтобы временное революционное правительство по своему составу было сплошь социал-демократическим). Но Парвус не выступает открыто против большевистской идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Поэтому Ленин, отмечая его революционную фразу, считал, что он, в основном, эволюционирует вперед от меньшевистского хвостизма и что указанные фальшивые ноты—это заскок и простая реакция на хвостизм Мартыновых. Но, оказалось, что дальше этой стадии движения Парвус так и не продвинулся. Наоборот, очень скоро он попятился назад.

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 192.

² Там же, стр. 191.

³ Там же, стр. 191.

Троцкий во 2-м своем «политическом письме» («Искра» № 93 от 17/III 1905 г.) развивает основные положения Парвуса: «Задачей нашей революции,—говорит он,—является не только «развязать» революцию, но и подготовить условия ее победы... Как? Внесением в «развязавшуюся» революционную стихию элементов политической и технической организованности... Мы должны организовать революцию; очередным этапом ее является активное выступление—мы и должны его организовать»¹.

Здесь Троцкий как будто бы готов согласиться с идеей о необходимости подготовки вооруженного восстания («активного выступления») со стороны социал-демократии. Даже больше—Троцкий призывает к тому, чтобы вокруг этого «всемирного активного натиска» сосредоточилась «наша политическая и техническая деятельность». Троцкий вслед за Парвусом делает и последующий шаг, указывая, что «наша прямая неотложная обязанность—поднять лозунг «Да здравствует временное правительство»². Необходимость временного правительства—это, таким образом, второй вывод из статьи Троцкого. Правда, он обращен к Мартову и Мартынову, боящимся осквернить свои уста провозглашением здравницы временному правительству буржуазно-демократической революции. Само по себе взятое признание необходимости временного правительства еще очень мало говорит за движение вперед, ибо временное правительство только форма, которую нужно заполнить определенным классовым содержанием. Каким? Парвус дал ответ: «социал-демократическим», следовательно, исключительно пролетарским. Троцкий, вслед за Парвусом, так отвечает на этот вопрос: «...Идея временного революционного правительства, хотя бы и *буржуазного* (подчеркнуто мною.—Р. А.), в противовес бюрократическому правительству означает гигантский размах революции... и потому должна быть выдвинута нами в настоящий решительный момент»³.

Таким образом, Троцкий допускает возможность даже «буржуазного» временного правительства, считая, что даже оно будет означать «гигантский размах революции». Но дальше Троцкий продолжает: «Революция выдвигает пролетариат на первое место и передает ему гегемонию. Для временного правительства это, надеюсь, не фразы. Следовательно, состав временного правительства будет, главным образом, зависеть от пролетариата. Точнее сказать, при решительной победе выступления власть получат те, которые руководили пролетариатом. Это значит не что иное, как то, что революционное развитие влечет пролетариат, а с ним РСДРП к временному политическому господству»⁴.

Итак, перед нами изложение в несколько ухудшенной редакции взглядов Парвуса на все основные вопросы революции.

К концу марта 1905 г. можно уже говорить о сформулировании в

¹ «Искра» за два года», СПб, 1906, ч. 2-я, стр. 171.

² Там же, стр. 174.

³ Там же, стр. 175.

⁴ Там же, стр. 176.

основных чертах: 1) парвусовской теории исторического процесса, которая является предпосылкой теории «перманентной» революции, 2) готовых атрибутов самой субстанции «перманентной» революции—оценки классов и определения классового состава временного правительства. Следующая волна революционного подъема в октябре—декабре толкнет Парвуса и Троцкого заполнить зияющие пробелы в их «прекрасной теории», мимо которой десятилетиями будет равнодушно проходить жизнь.

С ленинской оценкой этих мыслей Парвуса мы уже ознакомились. Теперь необходимо остановиться на том, как меньшевики реагировали на выступление перманентников. Меньшевики считали первым своим долгом заняться идейной «обработкой» не Парвуса (как это делал Ленин), а «пустозвона Троцкого».

Редакция новой «Искры» сопровождала 2-е «политическое письмо» Троцкого примечанием такого свойства: «Мы не разделяем взглядов, изложенных в этом письме нашего постоянного сотрудника тов. Т.»¹. В ответ на это письмо «постоянного сотрудника тов. Т.» редакция «Искры» выпускает Мартова (с его статьей «На очереди») и Мартынова (с его статьей «Революционные перспективы»). Под этим двойным эскортом мысли Троцкого увидели свет на страницах новой «Искры». Характер аргументации Мартова и Мартынова в полемике с Троцким приобретает исключительный интерес в смысле установления родства, единства взглядов между этими кажущимися на первый взгляд противниками.

Исходный пункт аргументации Мартова заключается в следующем тезисе: «Революция, которую начало собой 9 января, остается тою же, какою мы ее считали до 9 января—социальной революцией буржуазии»². Итак, буржуазная революция—это революция буржуазии. Яснее и короче изложить меньшевистское определение характера революции 1905 г. трудно. Однако 9 января, по мнению Мартова, вызвало известное шатание умов: «...после 9 января в наших собственных рядах заговорили о коренном пересмотре наших тактических задач. Мы услышали от газеты «Вперед» о необходимости стремиться в ближайшем будущем к «диктатуре пролетариата и крестьянства». Тов. Парвус провозгласил лозунг борьбы: «Без царя, а правительство рабочее» и даже «социал-демократическое временное правительство», а теперь тов. Т. объявляет: «Да здравствует временное правительство»³.

Мартов оспаривает положение Троцкого о необходимости подготовки «активного выступления». Отношение Троцкого к временному правительству он не в состоянии понять, ибо он знает одно: «какое правительство ни стояло бы во главе революционного трансформирующегося государства, мы должны держать его под своим давлением»⁴. Мартов против «якобинских декретов сверху» и за «давление снизу»; он против

¹ «Искра» за два года, ч. 2-я, стр. 177.

² Там же, стр. 179.

³ Там же, стр. 180.

⁴ Там же, стр. 182.

того, чтобы «осквернить уста сочетанием слов: «Да здравствует» и «правительство»¹. Для Мартова существует только такая дилемма: или мы за «революционную диктатуру пролетариата», или мы должны быть в положении «крайней оппозиции». Третьего не дано. Собственно говоря, эта дилемма стоит и перед Троцким: или, или. Мартов выбирает вторую часть дилеммы, а Троцкий первую. Исходные точки у них одинаковы—расхождения только тактические.

Мартов считает, что пролетариат вызвал к политической жизни ряд слоев, которые представляют «субъективные факты этой буржуазной революции. Сто миллионов крестьян, добрый десяток миллионов мелких производителей промышленности—достаточно широкая народная база для русского «якобинства» и достаточно горячий материал для революции»². В тезисах статьи «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» Ленин отмечает правоту в этом вопросе Мартова против Троцкого и Парвуса: «Есть ли революционная демократия? Конечно, да (Л. Мартов прав *contra* Троцкий и Парвус). Напрасно даже верит Л. Мартов Троцкому, что революционная демократия лишь «подрастает», а пролетариат растет. Скорее *vice versa* (легальная печать, широкая интеллигенция, ее связь с крестьянством etc. восстановится *sehr bald*)»³.

Но не успел еще Мартов доказать наличие у нас революционной буржуазной демократии и тем самым опровергнуть положение Троцкого, что «кроме нас некому» брать власть, как вдруг он на 90° делает поворот к троцкизму. «Крупная роль,—говорит он,—которую играет и будет играть в российской революции пролетариат, делает вполне возможным такое положение, когда борьба пролетариата за дальнейшее упрочение и развитие революции отождествится с борьбой за непосредственное обладание политической властью. Наступление такого момента будет, разумеется, ускорено, если все сильные буржуазно-революционные партии ответят, не успевши расцвести. И в этом случае пролетариат не сможет отвернуться от политической власти. Но разумеется также, что, получив ее в ходе социальной борьбы, он не сможет ограничить себя в ее пользовании рамками буржуазной революции. Если он получит власть как класс (а мы с тов. Т. только о таком овладении властью и говорим), он не сможет не повести революции дальше, не сможет не стремиться к прямой борьбе со всем буржуазным обществом. Конкретно это значит—либо новое повторение Парижской коммуны, либо начало социалистической революции «на Западе» и ее переход в Россию, и мы обязаны стремиться ко второму»⁴.

Что эта система мыслей у Мартова не случайна, а, так сказать, неотъемлемая партийная принадлежность, в этом можно убедиться из аналогичных высказываний в том же номере «Искры» А. Мартынова. А. Мартынов, этот вождь и тактик меньшевизма, пишет: «Но если бы независимо

¹ «Искра» за два года», ч. 2-я, стр. 184.

² Там же, стр. 187.

³ «Ленинский сборник» V, стр. 123.

⁴ «Искра» за два года», стр. 187.

от нашей воли внутренняя диалектика нашей революции в конце концов все-таки вынесла бы нас к власти, когда национальные условия еще не назрели, мы бы не стали пятиться назад. Мы бы поставили себе целью разбить тесные национальные рамки революции и толкнуть на путь революции Запад, как сто лет тому назад Франция толкнула на этот путь Восток...»¹.

Женевская меньшевистская конференция также допускает возможность взятия власти пролетариатом для совершения пролетарской революции, создания временного правительства и «эпизодического захвата и образования революционных коммун в том или другом городе, в том или другом районе»². Правда, одновременно с допущением образования временного правительства (это результат большевистской критики) конференция признает необходимым, чтобы социал-демократия оставалась по отношению к нему «партией крайней революционной оппозиции». Какое благодарное поле для талантов меньшевистской дипломатии!

В системе мыслей Л. Мартова необходимо остановиться на следующих моментах: 1) из крупной роли пролетариата в революции вытекает возможность овладения им властью, 2) ускорение наступления такого момента должно быть результатом отцветания «сильных буржуазно-революционных партий», 3) пролетариат, получив власть, «не сможет ограничить себя рамками буржуазной революции», 4) пролетариат, овладев политической властью, поведет прямую борьбу «со всем буржуазным обществом», 5) борьба «со всем буржуазным обществом» может закончиться двояким исходом: либо «повторение Парижской коммуны», либо начало социалистической революции «на Западе» и ее переход в Россию». Ход мыслей у Мартынова несколько иной, что у Мартова, но направление у них общее: 1) возможность прихода к власти допускается, 2) это может сделать стихия—«внутренняя диалектика революции», 3) тогда задача пролетарской диктатуры—выйти из национальных рамок «и толкнуть на путь революции Запад».

Общим у обоих вождей меньшевизма является: 1) отрицание гегемонии пролетариата, 2) игнорирование крестьянства как движущей силы буржуазно-демократической революции и как союзника пролетариата в борьбе с царем и помещиками, 3) нет разделения, дифференциации самого крестьянства с выделением полупролетариев, беднейших крестьян, как союзников пролетариата в его борьбе за пролетарскую диктатуру, 4) Мартов не дает ответа на вопрос, когда и почему станет возможной борьба за диктатуру пролетариата (кроме указания на момент ускорения, который, по Мартову, находится в зависимости от краха буржуазных партий); Мартынов же на этот вопрос дает недвусмысленный ответ—«внутренняя диалектика революции», т. е. стихия. Ленин по другому поводу писал: «Диалектика запутанной жизни и логика распутывающих «бацилл» со-

¹ «Искра» за два года», ч. 2-я, стр. 237.

² Первая общерусская конференция партийных работников.

циал-демократического сознания»¹. Мартынову для разрешения своего во-проса нехватало как раз этих самых «бацилл» социал-демократического сознания.

Перечисленные выше основные моменты составили содержание теории «перманентной» революции Парвуса—Троцкого. Нужно ли напоминать о том, какую роль играют у «перманентников» тезисы Л. Мартова: 1) пролетариат, став у власти, не сможет себя ограничить рамками буржуазной революции и 2) дилемма—или перенесение революции на Запад или судьба Парижской коммуны, т. е. обязательный разгром силами мелкой буржуазии (крестьянства) пролетарской революции. Эти идеи сформулированы своими словами, в выпуклой форме, Троцким сначала в «Нашей революции», а впоследствии в 1922 году в его печально-знаменитом предисловии к «1905 году».

Для установления степени родства «перманентной» революции Парвуса—Троцкого с меньшевистской системой идей—этого еще мало, хотя и в этой еще пока недостаточной форме все же устанавливается *общность идеологических предпосылок у официального меньшевизма и троцкизма-парвусизма*. Справедливость требует отметить, что троцкизм свои аргументы против ленинского учения о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства заимствовал из того же меньшевистского источника.

Расправляясь со своим внутренним врагом (Парвусом и Троцким), Мартов и Мартынов все же главный огонь направляют на «публицистов» из газеты «Вперед».

Мартов строит силлогизм № 1: или мы непримиримая оппозиция ко всякому не чисто пролетарскому правительству,—или мы входим в состав правительства буржуазно-демократической революции и тогда уже несем ответственность за все противоречия, за все язвы капитализма. Силлогизм № 2 Мартова: или пролетариат овладевает государством в результате борьбы со всем буржуазным строем,—тогда нужно пересмотреть партийную программу; или социал-демократия участвует в революционно-демократическом правительстве,—«в этом случае нам надо сейчас же пересмотреть принципы нашей тактики». «Или—или! Или самый вульгарный жоресизм, или же отрицание характера данной революции»².

В том же духе, с различиями формы, а не содержания, вытягивается цепь рассуждений, умозаключений А. Мартынова: «Диктатура пролетариата не может не поставить на очередь дня коренные социальные проблемы буржуазного общества, вопрос об уничтожении безработицы, об уничтожении эксплуатации труда и т. п.»³. Мартынов резко возражает Парвусу, который допускал возможность социал-демократического временного правительства для совершения буржуазно-демократической революции: «Станут ли,—пишет он,—утверждать товарищи Парвус и Троцкий, что в период

¹ «Ленинский сборник» V, стр. 400.

² «Искра» за два года», стр. 189.

³ Там же, стр. 215.

³ Пролетарская революция № 12 (107)

временной диктатуры исчезнет классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазным обществом, и в частности между пролетариатом и революционной мелкой буржуазией»¹. А если это так, то отпадает самая возможность участия социал-демократов в правительстве буржуазной революции².

Свое отношение так же, как и отношение перманентников к роли мелкой буржуазии в революции, Мартынов резюмирует в следующих словах: «Из всей новой теории видно только то, что наша мелкая буржуазия не может служить базой для прочных *консолидированных* политических партий. Но это-то как раз не ново, и в этом отношении политические судьбы русской мелкой буржуазии мало чем отличаются от судеб западноевропейских. Такова уже противоречивая сущность всякой мелкой буржуазии. Это однако не помешало ей, в известные периоды, играть революционную роль»³.

Этим доводом о невозможности создания мелкой буржуазией прочной партии козырял Троцкий против идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, против участия социал-демократов во временном правительстве рядом с политическими представителями крестьянства. Троцкий в «Нашей революции» писал: «Такого рода коалиция предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо что крестьянство создает самостоятельную могучую партию. Ни то, ни другое, как мы старались показать, невозможно»⁴.

Мартов со стороны Троцкого тоже не остается в обиде: его силогизм № 1 сослужит большую службу Троцкому в критике ленинского учения о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Социал-демократы, участвующие в революционно-демократическом правительстве, по его мнению, вынуждены будут, под давлением рабочих, затронуть основы капитализма и тем самым или взорвать правительственный блок и перейти рамки буржуазной революции или отказаться от участия в правительстве. Они не смогут нести ответственность за капиталистические порядки, тогда как капиталисты даже не пойдут на введение 8-часового рабочего дня и не согласятся на государственное обеспечение безработных.

Итак, теория «перманентной» революции, как она сложилась к весне 1905 года, была в основном своих чертах как по своему существу, так и по логическому и историческому происхождению теорией меньшевистской. По своей же методологии, по своей философии русского исторического процесса, по отрицанию гегемонии пролетариата и революционных способностей крестьянства, по механическому соединению в одно целое двух различных общественных переворотов она уже тогда была теорией антимарксистской.

¹ «Искра» за два года», ч. 2-я, стр. 231.

² Впрочем, Троцкий в «Начале» выходит из этого положения. Он удовлетворяет теоретическую совесть А. Мартынова, ликвидируя деление программы на минимум и максимум и механически соединяя в одно целое буржуазно-демократическую и пролетарскую революции. В косвенной форме это сделал в «Начале» и Парвус.

³ «Искра» за два года», стр. 221.

⁴ Троцкий, «Наша революция», стр. 233.

Осенью 1905 года, в период подъема революции, теория «перманентной» революции становится официальным догматом меньшевизма. Она пропагандируется на страницах нового меньшевистского ЦО «Начала», не встречая резкого противодействия со стороны меньшевистского литературно-политического штаба. В августе Парвус еще не договаривает до конца и о характере революции пишет в двусмысленных выражениях. Пролетариат становится «господином государственной власти». «Дальнейшее политическое развитие страны идет по равнодействующей ее общественных сил. Конечно, мы в России революцией пока что подготовляем политическое господство буржуазии... Перед русской социал-демократической партией восстала задача—овладеть государственной властью и использовать ее, конечно, в соответствии с экономическими условиями России в интересах рабочего класса... В России вне социальной революции в Западной Европе в настоящее время неосуществим социализм. Но какова будет форма господства капитализма, какова будет сила его государственной власти, каков будет парламент... это в значительной степени зависит от победы революции... от политической решимости социал-демократии»¹.

Таким образом, революция должна быть буржуазная, и социал-демократическое правительство не в состоянии изменить этого коренного факта на известный отрезок времени. Но почему Парвус пишет, что мы «пока что подготовляем политическое господство буржуазии»? Это обстоятельство, само по себе взятое, непонятно, но становится ясным, если его увязать со всей тактической линией Парвуса осенью 1905 года. Он выступал за участие в Булыгинской думе, за соглашения с либералами, против активного бойкота этой Думы. Отношение свое к либералам он еще раньше определил следующим образом: «Либерализм—заноза, которую мы вгоняем в тело буржуазного парламента. Не стальной клинок, но кусок древесины, который, разлагая живой организм, сам гнивает. В наших интересах, чтобы этих заноз было побольше в Государственной думе»².

Тактическая установка Парвуса на 100% меньшевистская. Но параллельно этой своей тактической установке он в своей статье «Наши задачи» («программной статье», по оценке Л. Мартова) в № 1 «Начала» пишет: «Революция в России создает особую связь между программой-минимум социал-демократии и ее конечной целью. Это не диктатура пролетариата, имеющая своей задачей изменить коренным образом производственные отношения в стране, а все же она идет уже дальше буржуазной демократии. Мы не можем пока еще в России ставить своей задачей превратить буржуазную революцию в социальную... сама классовая борьба нас толкнет вперед... Непосредственная революционная цель пролетариата в России—осуществление такого государственного строя, при котором были бы обеспечены требования рабочей демократии...»³.

¹ Парвус, «Россия и революция», стр. 194—195.

² Там же, стр. 154.

³ Там же, стр. 203.

Обратимся к Троцкому. В «Начале» в статье «Социал-демократия и революция» он писал: *«Непрерывная революция становится для пролетариата законом классового самосохранения... Пролетариат осуществляет основные законы демократии—и логика его непосредственной борьбы за упрочнение политического господства ставит перед ним в известный момент чисто социалистические проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революционная непрерывность»*¹. В 1907 году Л. Троцкий косвенно пытался зачислить в штат перманентников Каутского². В марте же 1919 года он это делал прямо, без обиняков... «Каутский,—пишет он,—понимал тогда, что, взяв в руки революционную власть, пролетариат не будет ставить судьбу революции в зависимость от временного настроения наименее сознательных, еще не пробужденных масс в данный момент»³. Походя Троцкий кидает камушки в большевистский огород (и это в 1919 году), указывая, что пролетариат, взяв власть в свои руки, в буржуазно-демократической революции не будет считаться с настроениями наименее сознательных масс, т. е. крестьянскими массами в первую очередь.

Всей своей организационной и тактической линией перманентники не выходили за рамки меньшевизма. Проблема союзников пролетариата для Парвуса не существовала. Накануне декабрьского восстания он писал: «Почти что безразлично, найдет ли пролетариат поддержку со стороны демократической буржуазии или нет. Эта поддержка важна, покуда приходится еще только расторгать старую государственную власть. Но когда складывается новая, демократические партии ввиду своего междуклассового положения становятся бессмысленными». Союзники таким образом пролетариату не нужны, так как они бессильны—«их кучка во всей стране»⁴.

Нужно ли вооруженное восстание и руководство им со стороны социал-демократии? Троцкий после «кровавого воскресенья» пишет в начале февраля 1905 г. «Организация революции является на ближайший период осью политического руководства восставшей массой. Что же нужно для такого руководства? Несколько очень простых вещей: свобода от организационной рутины и жалких традиций конспиративного подполья...». «Мобилизационного и организационного значения баррикада иметь не может»⁵. Троцкий стоит за участие в выборах в Виттевскую (1-ю Государственную думу). «Учреждение,—говорит он,—может быть архаическим, бесправным, каким угодно; но если его берет в руки революционная сила, оно может превратиться в могучий рычаг для завоевания права»⁶. Необ-

¹ Троцкий, «Наша революция», стр. 172, 173.

² См. там же, стр. 247 и 248.

³ Л. Троцкий, Предисловие к «Итогам и перспективам», издательство «Советский мир», Москва 1919 г., стр. 7.

⁴ Парвус, «Россия и революция», стр. 210.

⁵ Троцкий, «Наша революция», стр. 71.

⁶ Там же, стр. VIII—IX.

ходимость выборов в 1-ю Государственную думу у Троцкого вытекает не из оценки конкретной ситуации, а из... принципиальных соображений. Чего же стоят такие принципы?

Не лучше была тактическая линия Парвуса. В своем проекте защитительной речи на суде он писал (может быть страха ради иудейска): «И я утверждаю, что он (совет Р. Д.—Р. А.) рассчитывал не на бомбы и револьверы... он надеялся на самоотверженность народа, ту силу, которая победила 17 октября... И если бы Государственная дума была созвана, она бы себе привлекла внимание крестьян, собрала бы на себе все их надежды. Но Государственной думы не было и отчаянное положение крестьян нашло себе выражение в мерах отчаяния... В своей финансовой борьбе против правительства Совет рабочих депутатов боролся за бюджетное право Государственной думы». А еще раньше он писал: «Восьмичасовой рабочий день можно установить только законодательным путем, и сделать это нужно не в одном Петербурге, а во всей России. Но эта неудавшаяся попытка только эпизод, единичное явление»². Здесь такое богатство оппортунистических красок, что, пожалуй, по этой тактической линии трудно отличить «перманентника» от либерала.

Не выше уровня среднего меньшевика поднялись Парвус и Троцкий в своих взглядах на Советы. «Начало», например, рассматривало Советы рабочих депутатов, как «орган революционного самоуправления». Троцкий рассматривал Советы, как «органы, созданные... массой для координирования ее революционной борьбы»³, но отнюдь не как органы власти: в лучшем случае это для него «рабочий парламент». Парвус рассматривает Советы примерно в таком же духе—для него Советы только «*организующие массовые силы*» «выборным представительством народных масс», «учреждение не только разрушающее, но и созидющее»⁴. В одном только месте Парвус говорит, что в них «приучались видеть ядро государственной власти»⁵. О Советах, как об органе революционного восстания, как о зародыше власти, как об оформлении идеи временного правительства—ни Парвус, ни Троцкий даже не заикаются.

После революции 1905 г. теория «перманентной» революции персонифицировалась в лице Л. Д. Троцкого и перешла в его монопольное владение. Время от времени Троцкий подправляет свою теорию, возводит новые подпорки, пускает стрелы в лагерь большевизма, но не в состоянии претворить ее в реальность. В 1907 году в «Нашей революции» Троцкий разрабатывает отдельные стороны теории «перманентной» революции. Так, особенно он подчеркивает то обстоятельство, что эта теория не результат марксистского анализа как экономики, так и классовых отношений, а

¹ Парвус, «Россия и революция», стр. 234, 243, 246.

² Там же, стр. 217.

³ Троцкий, «Наша революция», стр. 243.

⁴ Парвус, «Россия и революция», стр. 214—215.

⁵ Там же, стр. 216.

• вытекает из его (троцкистской) тактики, что она упирается в нее— иначе «мы были бы жалчайшими субъективистами»¹.

В «Нашей революции» Троцким заострен вопрос о возможностях победы революции в России. Условием этой победы им выставлен тезис о «прямой государственной поддержке европейского пролетариата». Это положение станет доминирующей идеей троцкизма и «левого коммунизма» в 1918 году, в 1923 году и последующих годах. Предпосылкой этой идеи служит неверие в гегемонию пролетариата и в революционные способности бедноты и среднего крестьянства. Это положение—исходный пункт атаки Троцкого в «Нашей революции» на ленинскую идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. «Мы считаем ее (ленинскую идею),—пишет Троцкий,—неосуществимой... Такого рода коалиция предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо, что крестьянство создает самостоятельную могучую партию. Ни то, ни другое, как мы старались показать, невозможно»². Опыт 1917 года подтвердил то, что уже выявилось в 1905 г. Мелкая буржуазия получила политическое представительство в лице партии меньшевиков и с.р. Советы первой половины 1917 г. показали, что мелкая буржуазия может принимать участие в дележе власти или с буржуазией или с пролетариатом.

В «Нашей революции» Троцкий критикует идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и с другой стороны. «Рабочий класс,—говорит он,—не сможет обеспечить демократический характер своей диктатуры, не переступая за границы демократической программы... Грань между «минимальной» и «максимальной» программой стирается, как только у власти становится пролетариат»³. Основными аргументами в пользу этого своего положения Троцкий выдвигает невозможность проведения временным революционным правительством 8-часового рабочего дня, социального обеспечения безработных, не вызвав этим самым контратаки капиталистов и приостановки всего производства с необходимостью последующей его экспроприации. Опыт последнего 25-летия на Западе и, в особенности, опыт послевоенного десятилетия свидетельствуют, что сами по себе, отдельно взятые, эти мероприятия еще не затрагивают основ ведения капиталистического хозяйства. Больше того: капитализм в таких его формах—как концессии, аренда, смешанные общества—и даже частный неорганизованный капитализм, не контролируемый государством, может функционировать до известного времени и в условиях пролетарской диктатуры.

Жизнь, подтвердившая правильность ленинского лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, лишней раз опровергла троцкистско-парвусовскую теорию перманентной революции.

Р. Амбурский

¹ Троцкий, «Наша революция», стр. XVII.

² Там же, стр. 253.

³ Там же, стр. 258, 275.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ТАКТИКА С.-Д. В ЭПОХУ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Окончание) *

III. ТАКТИКА В ОТНОШЕНИИ К 1-Й ГОС. ДУМЕ

Закон о первой Государственной думе был издан 11 декабря в самый разгар революционных событий, в момент уже начавшегося вооруженного восстания в Москве. Непосредственная борьба с самодержавием отодвигала все вопросы о мирных, парламентских путях борьбы, а общая боевая атмосфера захватывала и заражала невольно всех участников или даже просто свидетелей совершающихся событий. Не явились исключением в этом отношении и меньшевики, которые, правда, впоследствии раскаивались в своем революционном увлечении немало. Характерно, например, признание правого меньшевика Череванина, писавшего в начале 1906 года, что «хотя правительство 17 октября вместе с возвещением свобод заявило о своем желании созвать на новых началах Государственную думу, но в рядах социал-демократии тогда почти никто не верил, что правительству придется созывать эту Думу»¹. Более того: иногда не верила в способность царского правительства созвать Думу даже либеральная буржуазия. В органе либеральной буржуазии «Русь» мы читаем следующие строки: «Государственная дума станет возможна у нас с тех пор, когда временным правительством общественного происхождения страна будет приведена в некоторый порядок и выборы станут в ней исполнимы. Теперь же они невозможны, как бы ни хотел граф Витте отвлечь на разговоры о них внимание общества»².

Конечно, никто всерьез эти архиреволюционные фразы «Руси» не принимал, но все же они достаточно показательны для характеристики тогдашнего господствующего настроения. Приведем еще небольшую выдержку из письменного заявления Ю. Ларина на объединительном съезде. Ларин касается публично в своих антименьшевистских настроениях периода декабря 1905 г. В заявлении Ларина большевики, конечно, называются носителями настроений несознательных рабочих, а меньшевики сознательных, но от этого смысл заявления для нас не меняется.

* См. № 11 (106) Пролетарской революции.

¹ «Вопросы момента», сборник статей, М. 1906, стр. 41.

² Газета «Русь» № 33 от 30/XI 1905 г.

Этим заявлением констатируется факт временного отхода меньшевиков в декабрьские дни от своих меньшевистских позиций и переход на боевые позиции большевиков. «В декабре,—пишет Ларин,—имело место подчинение социал-демократии стихийным настроениям пролетариата, обобщителями которых являются большевики. Поэтому тогда и меньшинство вообще, и я в частности вели себя не по-меньшевистски, не так, как себя должны были вести социал-демократы, руководящиеся сознательным политическим расчетом»¹. Это заявление Ларина, как и другие приведенные нами цитаты, помогут нам разобраться в тактике меньшевиков по отношению к 1-й Думе, тактике, которая, на первый взгляд, представляется сплошным шатанием и нелепицей.

Первые выступления меньшевиков по вопросу о тактике в отношении к 1-й Думе мы находим в центральном органе меньшевиков—«Начало» (№ 14) от 30 ноября. «Начало», в основном, повторяет ту же установку, которую меньшевики имели в отношении Булыгинской думы. Созыв 1-й Думы признается желательным и рассматривается как факт, не подлежащий никакому сомнению. «Созыв Государственной думы,—пишет «Начало»,—даст... в руки пролетариата новое мощное орудие для организации его сил». Точно так же не ставится под сомнение участие социал-демократии в избирательной кампании: «Социал-демократия вступит в избирательную кампанию со всем своим организационным аппаратом» (там же). В качестве лозунгов думской кампании опять-таки выдвигаются старые лозунги времен Булыгина. Отстаивать «захватное право», т. е. агитировать за общенародные выборы, требовать свободу слова, собраний, союзов, печати и агитировать за Учредительное собрание. Вот те требования, с которыми рекомендуется выступить в избирательной кампании. Но уже через два дня, в № 16 от 2/XII, «Начало» пишет, что «перед революционным народом, свергнувшим Булыгинскую думу, снова встает та же задача по отношению к Думе г-р. Витте». Меньшевики целиком отказываются от своей старой тактики и ставят задачу свержения Виттевской думы. Статья в «Начале» не являлась реакционной ошибкой. После опубликования—11 декабря—нового закона о Думе меньшевики допускают помещение в объединенном органе большевиков и меньшевиков—«Наш голос»²—статьи, в которой закон 1 декабря называется «мертвой бумагой» и ближайшей задачей объясняется непосредственный созыв Учредительного собрания помимо Думы, против Думы. Таким образом меньшевики радикально изменили свой курс в отношении к Думе буквально в два дня. Такая «смена вех», конечно, допустима, а иногда необходима в переломные моменты, но те два дня, которые привели меньшевиков к отказу от старой тактики и принятию противоположной, не дают решительно никаких новых данных для такого крутого поворота.

Что же побудило все-таки меньшевиков так резко изменить свою

¹ «Протоколы объединительного съезда РСДРП», 1-е изд. М. 1907, стр. 197.

² № 1 от 18/XII 1905 г.

тактику? Ответом на этот вопрос является та характеристика господствующего настроения в стране в декабрьские дни, которую мы привели в начале главы. Если уже либерально-буржуазная газета заговорила о возможности созыва Думы только «временным правительством общественного происхождения», то могли ли меньшевики, не рискуя стать изменниками революции в глазах рабочего класса, предлагать участие в выборах? Нет сомнения, что меньшевики, отказываясь от своей старой тактики и принимая тактику бойкота, руководствовались сознательно или бессознательно исключительно стремлением приспособиться к господствующему настроению. Хвостизм, приспособленчество—вот единственная основа и единственное объяснение думской тактики меньшевиков в период декабря.

Итак, за самый короткий срок меньшевики сменили две прямо противоположные тактики. После 17 октября, когда подъем революционного движения еще не достиг своей высшей ступени вооруженного восстания, меньшевики даже не ставят вопроса о возможности бойкота Думы и прямо предлагают готовиться к избирательной кампании для участия в выборах. Но, по мере роста революционной волны, по мере приближения момента непосредственной схватки революционного народа с самодержавием, вопрос о Думе отодвигается, господствующее настроение в стране требует не выборов в Думу, а бойкота, не избирательной кампании, а вооруженного восстания. Под влиянием господствующего настроения меняется и тактика меньшевиков. Меньшевики, недавно еще говорившие о выборах в Думу, начинают говорить о бойкоте. Уже не участие в выборах, а бойкот Думы—такова тактика меньшевиков в декабрьские дни¹.

Но вот московское декабрьское восстание разбито, революционная волна пошла на убыль. Начинают меняться и настроения. Как отразилось это на тактике меньшевиков? Предоставим слово цитированному уже нами меньшевику Череванину, признававшемуся, что никто не верил в возможность созыва Думы царским правительством. Поражение декабрьского восстания «начало,—по словам Череванина,—постепенно возвращать, если не всей партии, то по крайней мере меньшевистской части ее, ту ясность сознания, которая была утрачена партией в дни свободы; оно

¹ Нужно отметить, что у меньшевиков нашелся все же человек, который не поддался настроению и ни на одну минуту не сомневался в необходимости принимать участие в выборах, как по отношению к Булыгинской думе, так и Виттевской. Правда, этот меньшевик (Плеханов) сидел далеко от революционной России за границей и это его спасало, в известной мере, от заражения революционным настроением российских рабочих. Плеханов в своем «Дневнике социал-демократа» из номера в номер (№№ 3, 4, 5) писал, что «следовало бы участвовать в выборах». Что делать после выборов, на этот вопрос Плеханов отказывался отвечать: «Злоба теперешнего момента требует от нас участия в выборах, и этого с меня достаточно... Как поступать после выборов? На это я сейчас не могу дать определенного ответа» (Дневник, № 5, стр. 36, 37, Сочинения Плеханова, т. XV, стр. 60).

Таким образом Плеханов, хотя и не шатался так, как его единомышленники в России, но дать какую-либо стройную, ясную, законченную, программу действий в думской кампании не мог.

беспощадно разбило иллюзию,—что пролетариат может осуществить победоносное восстание при отсутствии сочувствия к нему со стороны массы буржуазного общества... И в то же время жизнь снова поставила перед партией вопрос об отношении к Государственной думе».

В этих строках Череванин замечательно ярко вскрывает суть последекабрьской меньшевистской постановки вопроса о тактике в отношении к 1-й Думе. Пока революционный подъем был налицо, пока вооруженное восстание еще не было разбито, меньшевики сохраняют «иллюзию» в возможность победоносного вооруженного восстания и поэтому принимают большевистскую тактику бойкота Думы. Но как только вооруженное восстание терпит поражение, меньшевики сразу же теряют свои «иллюзии» и начинают подумывать о более мирном, спокойном пути к Учредительному собранию. «Жизнь снова поставила перед партией вопрос об отношении к Государственной думе»,—так формулирует этот вопрос Череванин... После поражения декабрьского восстания меньшевистский центр уже не думает о бойкоте. Но призвать к выборам в Думу значит признать, что революция потерпела поражение, объявить открыто о своем неверии в революцию. Этого меньшевики не могли сделать, не рискуя потерять всякое доверие к себе со стороны рабочего класса. С другой стороны, меньшевики не могут уже поддерживать и тактики бойкота, так как, потеряв свои «иллюзии» в возможность победы революции через вооруженное восстание, они возвращаются к своим старым иллюзиям о развитии революции через Думу. Такое положение меньшевиков приводит их к нелепейшему проекту участия в выборах в Думу на первой стадии и бойкота остальных. Такой план окончательно запутал меньшевистские организации на местах. На практике приходилось,—или присоединяться к большевистской тактике бойкота, или же участвовать в выборах на всех стадиях ¹.

Интересно, что защищать такую тактику никто из меньшевиков впоследствии не брался. Так, например, Дан, в своей речи на Стокгольмском съезде партии, не столько защищает полубойкотистскую тактику, сколько оправдывается в ней и старается свалить вину за ее принятие на большевиков. Дело объясняется, по Дану, будто бы тем, что объединенная редакция «Партийных известий», состоя из большевиков и меньшевиков поровну, не могла бы выпустить ни одного номера, если бы меньшевики не пошли на компромисс. «И тогда было решено вопрос о самой Думе оставить в стороне, не выдвигать его, временно умолчать о нем. Умолчать о Думе и решить бойкотировать ее—это вовсе не одно и то же ². Такое же точно объяснение дает и Мартов в «Общественном движении», заявляя,

¹ Иллюстрацией того эффекта, который оказывал план центра на местные меньшевистские организации, служат воспоминания Ерманского («Из пережитого», Гиз, 1927 г.) о практике Одесского комитета. «Меньшевистская часть, — пишет Ерманский, — сначала была за участие в выборах. Но потом она получила письмо от своего центра (кажется от Дана). «с директивой, намечавшей своеобразную линию: ни участие в выборах, ни бойкот»... (стр. 88). В итоге Одесский комитет постановил проводить бойкот...

² «Протоколы объединительного съезда РСДРП», 1-е изд., М. 1907, стр. 254.

что меньшевики сделали уступку большевикам для соглашения. Таким образом, по Дану и Мартову, меньшевики не поставили вопроса о выборах в Думу лишь потому, что хотели достигнуть соглашения с большевиками. Простая справка о бойкотистской позиции меньшевистского «Начала» показывает всю ложность такого объяснения. Ведь «Начало» имело исключительно меньшевистскую редакцию, никаким постановлением о соглашении с большевиками меньшевики тогда еще не были связаны, однако вопрос о выборах в Думу также был «оставлен в стороне», — Дума бойкотировалась. В приведенных объяснениях обращает на себя внимание замечание Дана, что меньшевики не бойкотировали Думу, а «умалчивали» о ней. Это замечание целиком подтверждает наше объяснение меньшевистской тактики в отношении к 1-й Думе. Меньшевики, сохранив свою установку на развитие революции через Думу, все же официально умалчивали об этом, приспосабливаясь к господствующему настроению. Признание Дана характеризует меньшевиков не только как хвостистов, приспособленцев, но и как лицемерных политиков, которые не говорят то, что думают, и умалчивают о своих принципах, когда это им выгодно.

Вполне открыто заговорили меньшевики о своем действительном отношении к Думе лишь на IV съезде партии, когда выборы в Думу почти уже закончились и открытие Думы должно было стать фактом ближайших дней. Вопрос о Думе на съезде явился для меньшевистских ораторов вопросом всех вопросов, вопросом прошлого, настоящего и будущего революции в России. Такой подход меньшевиков к вопросу о Думе вполне понятен, если вспомнить меньшевистскую схему развития «нормальной» буржуазной революции и ту роль, которую играет в этой схеме представительное учреждение. Недаром и доклад Аксельрода и революция меньшевиков о Думе были посвящены не конкретной Виттевской думе, а представительному учреждению вообще и предложенная резолюция по докладу так и озаглавливалась: «О значении представительных учреждений в революционную эпоху». Конечно, все то, что меньшевики говорили о представительном учреждении вообще, они относили и к царской Думе в частности.

Приведем из выступлений меньшевиков на съезде несколько наиболее характерных мест, хорошо подытоживающих отношение меньшевиков к Думе и к думской тактике в эпоху первой русской революции. Характерны, например, в этом отношении слова Аксельрода (из его доклада о Думе), что «средства и путь к... решению наших тактических задач заключались, главным образом, в систематическом использовании тех органов нашего самоуправления, общественных учреждений и проявлений социальной самодетельности образованных слоев, которые представляли у нас своего рода суррогаты или зародыши конституционализма». В этой фразе мы имеем всю меньшевистскую философию революции. Не брезгать никакими суррогатами и зародышами конституционализма, а, наоборот, от них исходить, по ним равняться. Они — «средство и путь» к решению всех тактических задач. Такая установка сохраняется во всех выступлениях

меньшевиков на съезде. Обсуждается вопрос о текущем моменте. «Именно вопрос об отношении к представительным учреждениям и есть центральный пункт вопроса о «текущем моменте»,—говорит Дан ¹. Обсуждается вопрос о поражении декабрьского восстания: «борьба с самодержавием... закончилась поражением вследствие того, что не было налицо общенационального политического центра»,—заявляет Мартов ². Большевики ставят вопрос о всенародном вооруженном восстании. «Меньшевик» в «Партийных известиях» (№ 2) отвечает, что если можно говорить о всенародном восстании, то только при наличии «какого-либо объединяющего политического центра», а «роль такого центра могла бы сыграть в революционной обстановке даже и самая плохонькая, подтасованная, нелепая Дума». В момент «Объединительного съезда такая «плохонькая, подтасованная, нелепая Дума» уже собиралась, и Аксельрод на съезде с облегчением заявил, что «с вступлением в жизнь Государственной думы у нас... впервые создается почва для действительно широкой политической борьбы» ³.

IV съезд партии, большинством меньшевистских голосов постановил—принять участие в выборах в Думу там, где выборы еще не производились. Этим постановлением меньшевики окончательно раздвигались со своими декабрьскими бойкотистскими грехами. С этого момента для меньшевиков вопросы об отношении к Думе, об участии или неучастии в выборах уже не существуют и их место занимают вопросы об избирательных соглашениях и внутридумской тактике.

Перейдем теперь к вопросу об отношении большевиков к 1-й Государственной думе.

В истории вопроса об отношении социал-демократии к 1-й Думе играют роль два исторических события—манифест 17 октября и разгром декабрьского восстания. Выше мы видели, что для меньшевиков период октябрь—декабрь был периодом их максимального разброда и шатаний, когда значительная часть местных меньшевистских организаций приняла большевистские лозунги и изменила всему своему меньшевистскому прошлому. Как отразились 17 октября и разгром декабрьского восстания на тактике большевиков?

17 октября рассматривается большевиками, конечно, как победа и не малая победа революции, но наряду с этим подчеркивается, что «царизм еще далеко не капитулировал. Самодержавие далеко еще не пало» ⁴. Конкретно, в отношении Думы, ставится вопрос так, что Дума надорвана, но еще не сорвана. Отсюда вопрос о 1-й Думе является продолжением вопроса о Булыгинской думе. Тактика, применявшаяся по отношению к Булыгинской думе, целиком переносится и в отношении к думе Витте. Все изменение тактики большевиков сводится, так сказать, к количественному, а не к качественному изменению. Та борьба, которая велась до 17 октя-

¹ «Протоколы объединительного съезда», стр. 170.

² Там же, стр. 164.

³ Там же, стр. 213.

⁴ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 355.

бря, требует теперь еще более энергичного продолжения. Та же борьба, за те же цели, но ставится как неотложная задача привлечения к борьбе и организации для этой борьбы новых, более широких слоев народа — отсталых слоев рабочих, армии, крестьянства.

Издание закона 11 декабря также не внесло никаких изменений в тактику большевиков в отношении к Думе. Заседавшая в это время большевистская конференция в Таммерфорсе вынесла резолюцию о Думе, повторяющую в основном резолюции, принятые по поводу Булыгинской думы. Конференция выражает уверенность, что ответом на новый закон будет «решительная борьба против этой, как и всякой другой, подделки народного представительства». Участие в избирательной кампании не отвергается, но цель участия — не выборы, а использование избирательных собраний, «чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию за вооруженное восстание». Таким образом вся тактика остается неизменной, как и центральный лозунг кампании — вооруженное восстание. В то время, когда заседала Таммерфорская конференция, в Москве уже шла пальба и лозунг вооруженного восстания пропагандировался не только словом, но и делом...

Поражение декабрьского восстания вновь поставило перед социал-демократией коренные вопросы революции. Дальнейшая тактика, как общая, так и думская, зависела от той оценки момента, которую давали социал-демократы последекабрьскому периоду. «Вопрос о бойкоте Государственной думы, — писал Ленин, — в это время есть, в сущности, лишь маленькая частичка большого вопроса о пересмотре всей тактики партии. А этот последний вопрос в свою очередь есть лишь маленькая частичка большого вопроса о современном положении в России и о значении настоящего момента в истории русской революции»¹. Как оценивали последекабрьский момент меньшевики, мы уже видели. Меньшевики признали новый подъем революции на ближайшее (исторически) время невозможным, декабрьское восстание ошибочным и возможность нового вооруженного восстания исключенной. Отсюда вытекает переоценка ценностей меньшевистской октябрьско-декабрьской тактики и деятельности и возврат меньшевиков к своей старой дооктябрьской тактике. Какие выводы делали большевики из своей оценки последекабрьского момента?

Важнейшим вопросом момента являлся вопрос: разбита ли демократическая революция в России и она (революция) идет на убыль, вступив на путь конституционализма, или же имеется только временное затишье, после которого революционное движение, накопив силы, пойдет к новому подъему, к новому более успешному вооруженному восстанию. От того или иного ответа на этот вопрос зависела и та или иная тактика социал-демократии, в том числе и думская. Отсюда вытекало известное «или — или».

«Или мы признаем, что в настоящее время о действительной революции не может быть и речи... Тогда мы должны рассматривать Государственную

¹ Ленин, Сочинения, т. IX, стр. 20.

1 думу, как парламент, хотя бы и худой, участвовать не только в выборах, но и в Думе... Или мы признаем, что в настоящее время о действительной революции может и должна быть речь... Во всей агитации тогда мы выдвигаем в первую голову критику и разоблачение конституционных иллюзий... Думу мы признаем тогда не парламентом, а полицейской канцелярией и отвергаем какое бы то ни было участие в комедиантских выборах, как развращающее и дезорганизующее пролетариат»¹ Это «или—или», явившееся на IV съезде предметом насмешек со стороны меньшевиков и обвинений большевиков в забвении диалектики, являлось на самом деле скрытой основой тактики и меньшевиков. Вся разница в тактике меньшевиков и большевиков была в данном случае в том, что меньшевики из этих двух «или» выбирали первое и ставили ставку на Думу, считая, что о действительной революции после декабря не может быть и речи. Тактика большевиков исходила из признания второго «или». «Мы не имеем основания снимать с очереди вопрос о восстании,—писал Ленин,—мы не должны перестраивать заново партийную тактику с точки зрения условий данного момента реакции»². Подавление декабрьского восстания рассматривалось большевиками как подготовка почвы и условий для новой, более решительной вооруженной борьбы. Пролетариат должен готовить упорнее и терпеливее новое восстание, укрепляя связь с крестьянством, более сильное движение которого ожидалось к весне.

Таким образом, старый центральный лозунг большевиков—лозунг вооруженного восстания—не снимался, а тем самым не снимался и лозунг бойкота Думы. Именно в этой связи лозунга вооруженного восстания с лозунгом бойкота Думы была суть большевистской тактики. Действительный парламентаризм в условиях России 1905 года мог быть достигнут только внепарламентской борьбой. Стать на путь признания Думы означало отказаться от осуществления действительного парламентаризма и примириться с ложным конституционализмом, сохраняющим самодержавие за счет небольших уступок крупной буржуазии. Старый вопрос о двух путях развития принимал новую формулировку—о парламентской или внепарламентской борьбе. Меньшевистские «и—и»—и парламентская и внепарламентская борьба—вели по существу к отказу от пути решительной победы революции и к принятию пути соглашения, сделки царизма с крупной буржуазией. Вот почему в агитации большевиков периода перводумских выборов приобретает особое значение лозунг борьбы с конституционными иллюзиями. Борьба с конституционными иллюзиями—это то особенное, специфическое, что отличает тактику большевиков в отношении к 1-й Думе от тактики в отношении к Булыгинской думе. Принципиальные основы тактики остались неизменными, но особенности момента внесли в них дополнение, вытекающее из этих основ, но вместе с тем дающее им конкретный, живой, неповторимый характер, чуждый раз на-

¹ Ленин, Сочинения, т. IX, стр. 34 и 35.

² Там же, т. IX, стр. 26.

всегда составленной схеме. Ниже мы увидим, что далеко не все даже большевики, не говоря уже о меньшевиках, понимали живой, диалектический характер парламентской тактики большевиков, принимая бойкотизм большевиков за застывший, голый принцип и отождествляя иногда бойкотизм с большевизмом в парламентской тактике.

Итак, тактика большевиков по отношению к 1-й Думе заключалась в активном бойкоте. Основная предпосылка бойкотистской тактики—курс на вооруженное восстание, на внепарламентскую борьбу за парламентаризм. Отсюда во всей агитации выдвигается, в первую голову, критика и разоблачение, разрушение конституционных иллюзий. Участие в выборах поддерживало бы в народе веру в Думу, давало бы извращенное представление о Думе и тем самым ослабляло бы борьбу против подделки народного представительства. Дополнительным мотивом бойкотистской тактики служило устранение партии от газет, от собраний, от выставлений в кандидаты видных членов партии, от всех других условий, при которых парламентаризм мог бы явиться действительным средством воспитания пролетариата. Такие политические условия ставили партию перед фактом невозможности использовать выборы в интересах партии и пролетариата, и революционное использование собраний без выборов давало при таких условиях больше для агитации и организации масс, чем легальные выборы. Участие в выборах вместе с тем чрезвычайно ослабило бы партийные силы, нужные для организации восстания. Совмещение подготовки восстания с участием в выборах было практически почти неосуществимо. Возможные исключения не давали достаточно оснований вносить в принятую тактику какие-либо оговорки, ибо простота, ясность, понятность тактики была бы этим нарушена, что недопустимо для тактики массовой партии. Вместе с тем участие в выборах поставило бы пролетариат в ложное положение перед буржуазной демократией, так как либеральная буржуазия стояла безоговорочно за участие в выборах, радикальная же демократия тяготела к бойкоту. Последнее соображение усугублялось тем, что участие в выборах пришлось бы доводить до конца, т. е. до выборов депутатов в Думу, а это повлекло бы за собой при тогдашних условиях соглашение, сделки с к.-д. Но основным мотивом принятия бойкотистской тактики являлось все же то, что «участие в выборах неизбежно имеет тенденцию порождать мысль о подмене Учредительного собрания Думой, о созыве Учредительного собрания через Думу» ➤

Мы нарочно перечислили почти все мотивы, приводившиеся в то время большевиками против участия в выборах, за бойкот Думы, так как впоследствии Ленин признал, что бойкот первой Думы был все же «ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой»². Как следует понимать это выражение Ленина, в какой мере была ошибочной тактика бойкота 1-й Думы, на эти вопросы мы и постараемся дать ответ в следующей главе.

¹ Ленин, Сочинения, т. IX, стр. 16.

² Там же, т. XXV, стр. 183.

IV. БОЙКОТИЗМ И ОСНОВЫ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ТАКТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ

Вопрос о бойкоте как тактике большевиков в отношении к представительным учреждениям, созываемым царским правительством, был впервые решен на III съезде партии. До съезда вопрос об отношении к представительным учреждениям решался уже конкретно питерской организацией в связи с выборами в так называемую комиссию Шидловского. В период съезда в России стоял вопрос о возможности созыва Земского собора или еще какого-либо представительного учреждения подобного типа. Таким образом, съезду приходилось решать вопрос, имевший не только отвлеченный теоретический, но и вполне реальный, практический характер.

В таких условиях особое значение имели разногласия, наметившиеся на съезде по этому вопросу. Значение этих разногласий усугубляется еще тем, что в них проявило себя уже в основном то течение в большевизме, которое идейно оформилось в годы реакции и привело к созданию особой «левой» группы большевиков—отзовистов, ультиматистов, впередовцев. Наиболее яркими представителями этого направления на III съезде явились Лесков (Стопани) и Максимов (Богданов)—будущий вождь отзовистов. К ним примыкали из выступавших на съезде, делегатов—Красин, Лядов, Десницкий-Строев и Рыбкин¹. В предложенной Лесковым съезду резолюции пролетариат призывается «к полному и категорическому отказу от участия в каких бы то ни было представительных комиссиях, анкетах, выборах в создаваемые правительством карикатурные подобы народного представительства и т. п.». Далее в резолюции предлагается съезду признать «несовместимыми с принципами социал-демократии как партии неуклонно-революционной вовлечение рабочих в легальные общества, в участие в петициях и требованиях, обращаемых к правительству, земским собраниям, городским думам и т. п.». Данная резолюция грешит смешением большевизма с бойкотизмом, в чем Ленин обвинял впоследствии бойкотистов III Думы—Каменева, Богданова, Лядова и др. Против бойкотизма «всегда и во всех случаях» выступал Ленин, указывавший на недialeктичность такой постановки вопроса. «Ответить категорически,—говорил Ленин,—следует ли участвовать в Земском соборе, нельзя. Все будет зависеть от политической конъюнктуры, системы выборов и др. конкретных условий, которых заранее учесть нельзя. Говорят, Земский собор—это обман. Это верно. Но иногда для того, чтобы разоблачить обман, надо принять участие в выборах»². В соответствии со сказанным, Ленин вместе с Филипповым (П. П. Румянцевым) внесли в предложенную ими съезду резолюцию «Об отношении к тактике правительства накануне переворота» пункт о том, что социал-демократия в случае созыва прави-

¹ По протоколу III съезда трудно судить о позиции Рыбкина, но в воспоминаниях Лядова—участника съезда и бойкотиста, Рыбкин определенно относится к группе Богданова, Лескова и др. (см. «Пролетарская революция», 1924 г., № 3).

² «Третий съезд РСДРП». Истпарт ЦК ВКП (б), 1924 г., стр. 207.

тельством представительных учреждений, пользуется предвыборной агитацией и принимает, когда это целесообразно, участие в самих выборах (стр. 246). Максимов (Богданов) предложил съезду снять пункт о допустимости участия в выборах, и эта поправка съездом была принята. Из этого факта видно, что на III съезде господствовало настроение бойкотизма—«во что бы то ни стало», и правильного, ленинского, понимания тактики бойкота у большинства делегатов не было.

Эта небольшая справка о III съезде делает для нас вполне понятным постоянное подчеркивание Лениным в статьях о Булыгинской думе того, что социал-демократия отнюдь не отрицает парламентаризм и парламентскую борьбу, что социал-демократия пойдет на выборы в самый плохонький, самый реакционный парламент, если только он (парламент) будет все-таки создан и если не будет условий для внепарламентской борьбы, для восстания. В первой же статье о Булыгинской думе Ленин пишет: «Смешно было бы «зарекаться» утилизировать эту буржуазно-чиновничью думу в целях агитации и борьбы... Булыгинская дума, если даже не будет «сорвана», породит политические конфликты, которыми непременно должен будет воспользоваться пролетариат...»¹. Эти строки носят определенно полемический характер и направлены несомненно против тех меньшевистских «левых» настроений, которые проявили себя на III съезде.

Второй раз перед партией вопрос о бойкоте встал в связи с законом 11 декабря (в 1-й Думе). Обсуждение этого вопроса на конференции в Таммерфорсе вызвало некоторую дискуссию. Документальных данных об этой дискуссии мы не имеем, так как стенограммы на Таммерфорсской конференции не велось, а протокольные записи секретарей не были опубликованы и до сих пор еще не найдены. О том, что на конференции имелись разногласия, мы узнаем лишь из воспоминаний мемуарного характера некоторых участников конференции и косвенным путем из меньшевистских источников. На конференции, поскольку там решался в числе других вопрос об объединении с меньшевиками, присутствовал официальный представитель меньшевиков (Гуревич). Выступление этого представителя на объединительном съезде и служит нам одним из тех источников, из которых мы узнаем о разногласиях на Таммерфорсской конференции². Никто из выступавших на съезде большевиков не опровергал «разоблачения» этого меньшевистского представителя. Приведем еще свидетельство Л. Мартова, который если и не был на самой конференции, то, во всяком случае, был достаточно информирован о работе конференции³. В «Об-

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 145.

² Приводим цитату из выступления Гуревича на съезде: «я был на большевистской конференции, когда был принят бойкот, и знаю, что некоторые видные большевики стояли за участие в выборах, по крайней мере в первых двух стадиях» (Протоколы, 188).

³ По материалам департамента полиции Л. Мартов, сейчас же после окончания Таммерфорсской конференции, принимал участие вместе с Лениным в чтении реферата на группе съехавшихся в Питер делегатов конференции (см. примечание о Таммерфорсской конференции во 2-м изд. Соч. Ленина, т. VIII, стр. 517).

щественном движении» Мартов пишет: «На большевистской конференции в ноябре (декабре.—Ф. С.) 1905 года Ленин и др. лидеры склонялись к признанию желательности участия в выборах, но сочли полезным уступить делегатам центра и Урала, резко противопоставлявших участие в выборах принципу непримиримой борьбы с реакцией за полную демократизацию»¹.

В большевистской литературе, насколько мы знаем, нет нигде более или менее подробного изложения сути разногласий среди большевиков по вопросу о Думе на Таммерфорсской конференции². Для нас, однако, нет никаких сомнений, что если на конференции разногласия имелись, то основа их была та же, что и на III съезде.

С одной стороны, несомненно имелась, по крайней мере у части делегатов, «левизна», выразившаяся в признании несовместимости с принципами революционной партии участия в каком бы то ни было представительном учреждении, созываемом царским правительством, с другой—ленинская диалектическая постановка вопроса об участии или неучастии, в зависимости от условий момента и целесообразности³. В оценке момента среди большевиков никаких разногласий на конференции, как мы знаем, не было. Оценка момента требовала подготовки к вооруженному восстанию и борьбы против конституционных иллюзий, и потому бойкотистское настроение «левых» было и на этот раз совершенно безвредно. Только уже в эпоху 3-й Думы, в эпоху реакции, Ленин выступил резко против «левого» бойкотизма, когда бойкотизм Богдановых, Лядовых и др. грозил оторвать партию от массы, превратить ее в секту и тем самым ликвидировать ее как массовую партию рабочего класса.

Рассмотрим теперь вопрос о сути ленинского понимания парламентской тактики. Отрицает ли парламентская тактика бойкот, противоречит ли бойкот принципам парламентской тактики, участию в выборах и вхождению в парламент? Выше мы уже указывали на постоянную борьбу Ленина против взгляда, что принципы революционной партии будто бы не совместимы с участием в выборах хотя бы и реакционного представительного учреждения. «Социал-демократ, стоя на почве марксизма, выводит бойкот не из степени реакционности того или иного учреждения»,— писал Ленин в статье, направленной против бойкотистов 3-й Думы⁴. Точно так же Ленин всегда в своих статьях за бойкот оговаривал, что если представительное учреждение будет все же создано, вопреки усилиям социал-демократии, то партия отнюдь не зарекается от его использования. Бойкот направляется не против представительного учреждения вообще и

¹ «Общественное движение в России» в начале XX века, т. III, стр. 602—603.

² Некоторый материал по этому вопросу дает доклад тов. Крамольникова и прения по докладу на I-й всесоюзной конференции историков-марксистов. См. «Труды», стр. 210—247.

³ Конечно, на конференции могла быть представлена и третья — правая, меньшевистская точка зрения, но мы имеем в виду главным образом те воспоминания участников конференции, по которым Ленин первое время конференции еще не занимал безоговорочно бойкотистской позиции. Известия о восстании в Москве, очевидно, сыграли решающий момент в принятии конференцией тактики бойкота.

⁴ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 18.

не против конкретного учреждения лишь потому, что оно реакционно. Бойкот не предпринимает вопросов борьбы на почве данного учреждения, а направлен против введения представительного учреждения в жизнь.

Почему же все-таки партия, вместо использования парламентской борьбы на почве парламента, предпочитает иногда бороться против самого введения парламента в жизнь? Этот вопрос решается исключительно с точки зрения условий борьбы пролетариата в данный конкретный момент и с точки зрения той роли, которую может сыграть в этой борьбе созыв представительного учреждения. Какую роль, например, должен был сыграть созыв Булыгинской думы в 1905 г.? Созыв представительного учреждения царским правительством означал в условиях первой русской революции заключение сделки правительства с крупной буржуазией для ликвидации непосредственного революционного натиска и для дальнейшего развития путем медленной эволюции через монархический конституционализм.

Вопрос о том, кто созовет первое представительное учреждение, являлся вопросом о двух путях развития революции. Бойкот Думы в таких условиях был формой борьбы за путь непосредственной революционной борьбы против пути конституционно-монархического. Итак, «объективной подкладкой бойкота была поставленная историей на очередь дня борьба за форму ближайшего пути развития, борьба за то—старой ли власти или новой самочинной народной власти достанется созыв в России первого представительного собрания, борьба за непосредственно-революционный путь или (на известное время) за путь монархической конституции»¹.

В чем коренилась ошибка меньшевиков, отрицавших бойкот как тактику, несовместимую с принципами социал-демократии? В непонимании того, что бывают исторические ситуации, когда реформы преследуют исключительно одну цель—приостановить революционное движение, ослабить борьбу. Именно такой смысл имел закон Временного правительства в 1917 году об установлении предпарламента, и потому большевики бойкотировали предпарламент (некоторые большевики, стоявшие за участие в предпарламенте, повторяли ошибку меньшевиков в отношении к Булыгинской думе). В чем коренилась ошибка «левых» большевиков-бойкотистов, считавших обязательным для социал-демократии бойкотировать все реакционные представительные учреждения, созываемые правительством? В непонимании того, что при определенных исторических условиях правительственные уступки и реформы могут и должны быть использованы для развития революционного движения, для усиления борьбы. И меньшевики и «левые» большевики-бойкотисты в своих ошибках проявляли один и тот же грех—забвение диалектики, недиалектический подход к вопросу, непонимание того, что один и тот же вопрос в зависимости от тех или иных исторических условий может решаться каждый раз совершенно по-другому. Ошибка Каменева—бойкотиста по отношению к 3-й Думе—по

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 20.

существу имеет одну основу с ошибкой Каменева, стоявшего за участие в предпарламенте Временного правительства, хотя по форме эти ошибки совершенно противоположны.

Но для решения вопроса о бойкоте или использовании правительственной уступки обязательно не только правильное понимание объективного смысла данной уступки. Смысл 2-й Думы, как сделки царизма с крупной буржуазией, не изменился, однако большевики уже не призывали к бойкоту, а приняли энергичное участие в предвыборной кампании и в самих выборах. Чем объясняется такое различное отношение большевиков к Булыгинской и 2-й Думе? Тем, что обстановка, условия борьбы в момент выборов во 2-ю Думу значительно отличались от условий, в которых созывалась Булыгинская дума. Здесь мы переходим к вопросу об условии, при котором только и может быть объявлен бойкот.

Основным условием объявления бойкота служит широкий, общий, быстрый и сильный революционный подъем. Если нет налицо такого подъема, то не может быть объявлен и бойкот. Успех бойкота Булыгинской думы объясняется именно тем, что «верно было учтено объективное положение, ведущее к быстрому превращению массовых стачек в политическую, затем в революционную стачку и затем в восстание»¹. Неуспех бойкота первой Думы соответственно связан с неоправдавшимися ожиданиями скорого, нового, еще более широкого и сильного подъема. Ошибкой был бойкот 1-й Думы? Поскольку для провозглашения и успешного проведения бойкота необходимо налицо условие широкого массового революционного подъема, а такого подъема в рассматриваемый период не последовало, постольку бойкот 1-й Думы был, несомненно, ошибкой. Но оценивать бойкот 1-й Думы как ошибку можно только с точки зрения большого, законченного уже, исторического периода. Если же мы будем рассматривать вопрос с точки зрения тогдашнего момента и оценки большевиками ближайших перспектив дальнейшего революционного подъема, то тактика бойкота была правильной и целесообразной. Ближайшие же события 1906 г. однако показали, что революционное движение идет на убыль, благодаря чему тактика бойкота объективно явилась ошибочной.

Основной предпосылкой успешного проведения бойкота, как мы указали, является наличие условий для мощного революционного подъема. Но условия революционного подъема создаются из объективных и субъективных факторов. Оценку объективных предпосылок для революции в России,—это подтвердилось дальнейшим ходом истории,—большевики давали вполне правильно. В этом вопросе никакой ошибки большевиками допущено не было. «Ошибка» большевиков заключалась в оценке субъективного фактора революции, в оценке способности пролетариата и крестьянства в данный конкретный момент выступить на решительную борьбу с самодержавием. Мы поставили слово «ошибка» в кавычки для того, чтобы подчеркнуть всю условность, относительность значения этого сло-

¹ Ленин, Сочинения, т. XXV, стр. 182.

ва применительно к данному случаю. Нет нужды доказывать после опыта революций последнего времени, какое колоссальное, подчас—в общей сумме субъективных предпосылок—решающее значение имела для развития революций деятельность действительно революционной рабочей партии. «Правота» меньшевиков, отрицавших возможность подъема и говоривших об упадке революционного движения, походит на «правоту» предателя, за ранее предсказавшего провал предаваемого им дела. Несомненно, что партия всегда может безошибочно предсказать неудачу восстания, если она (партия) откажется от подготовки и руководства восстанием. Именно таково было поведение меньшевиков в 1905 г. и такова была их «правота» в отношении оценки перспектив революционного движения. В таком же условном смысле, как мы говорим о «правоте» меньшевиков, следует говорить и об «ошибке» большевиков. Большевики «ошиблись» настолько, насколько оказались «правы» меньшевики. Не вина большевиков, что революция была предана меньшевиками и либералами. Бойкотируя Думу, идя по пути внепарламентской борьбы, по пути восстания, большевики выполняли долг революционной партии, обязанной сделать все, что только в ее силах, чтобы довести революцию до победного конца.

Тактика большевиков находит себе оправдание не только с точки зрения правильности их оценки объективных возможностей победоносного исхода революции. Если бы мы признали, что уже в конце 1905 г. можно было предвидеть безнадежность борьбы за немедленное свержение самодержавия, то и это не давало бы нам оснований признать тактику большевиков ошибочной. «Бывают моменты в истории,—пишет Ленин в предисловии к письмам Маркса к Кугельману,—когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело необходима во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к следующей борьбе». Обстановка издания закона о 1-й Думе была однако такова, что о безнадежности борьбы в тот момент не могло быть и речи. Закон о 1-й Думе вышел 11 декабря, как раз во время вооруженного восстания в Москве. Мог ли пролетариат, могла ли партия в самый разгар борьбы признать эту борьбу уже проигранной и отдать в руки царя созыв первого представительного учреждения? Конечно, нет. Решение Таммерфорсской конференции о бойкоте Думы было лозунгом продолжения борьбы за право созыва первого представительного учреждения самим народом. Декабрьское восстание было разгромлено. Но имелись ли основания считать декабрьское поражение окончательным, решительным поражением? Таких оснований в то время не было, так как после декабрьского восстания последовал целый ряд других разрозненных и частичных восстаний и стачек и лозунг бойкота «был лозунгом борьбы за сосредоточение и обобщение этих восстаний» (Ленин).

Кроме того, в условиях созыва 1-й Думы перед пролетариатом стояли задачи, которые могли быть выполнены лучше всего через бойкот. «Пролетариат должен был всеми силами отстоять свою самостоятельную тактику в нашей революции, именно вместе с сознательным крестьянством

против шаткой и предательской либерально-монархической буржуазии. А эта тактика была *невозможна* при выборах в Виттевскую Думу»¹. Невозможна потому, что, как мы уже указывали выше, по целому ряду условий пролетариат должен был при выборах во многих случаях поддерживать кадетов и тем самым дезориентировать массу революционной демократии. Перед пролетариатом стояла также задача борьбы с конституционными иллюзиями. Эта борьба была, по выражению Ленина, «поистине живой душой бойкота».

В заключение отметим, что бойкот, по мнению Ленина, дал очень много для поддержания революционного духа и социал-демократического сознания среди рабочих. Доказательством этому служит поддержка бойкота рабочими низами и блестящее проведение его в особенно угнетенных окраинах. Революционизирующее значение бойкота оценило лучше меньшевиков и кадетов само правительство, издав специальный закон против бойкота. Но кроме морально-политической пользы бойкот принес и реальную, непосредственную пользу. Бойкот отвлек внимание правительства от выборов и тем самым косвенно обеспечил более нормальный ход выборов. «Революционная тактика и здесь, как и всегда, всего лучше развивала сознание и боевую способность пролетариата, косвенно обеспечивая половинчатые реформы в случае недостижения полной победы»². На этом мы кончаем вопрос о бойкоте 1-й Думы и переходим к последнему вопросу, связанному с выяснением основ парламентской тактики большевиков,—к вопросу об отношении большевиков к выборам во 2-ю Думу.

В начале главы мы отмечали уже, что тактика бойкота отнюдь не означает отказа от использования любого, самого плохого представительного учреждения, если только таковое будет все-таки создано. «Мы должны были сделать и мы сделали все, чтобы помешать созыву подставного представительства,—писал Ленин по поводу образования социал-демократической фракции в 1-й Думе,—но если, вопреки всем нашим усилиям оно создано, мы не можем отказываться от задачи использовать его»³. Опыт использования 1-й Думы был произведен и «история доказала известную, хотя и скромную, пользу такого учреждения для революции, как трибуны для агитации, для разоблачения истинного «нутра» политических партий и т. п.»⁴. В частности использование 1-й Думы доказало, что «тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна внутри Думы»⁵. Эти краткие замечания Ленина по поводу уроков 1-й Думы дают нам достаточно полное и ясное объяснение решения большевиков об участии в выборах во 2-ю Думу.

Дает ли это решение какую-либо иную, принципиально новую установку в вопросе большевистской тактики? Из приведенных выше слов

¹ Ленин, Сочинения, т. X, стр. 28.

² Там же, т. IX, стр. 403.

³ Там же, стр. 392.

⁴ Там же, т. X, стр. 29.

⁵ Там же.

Ленина видно, что использование Думы на почве Думы является по существу не новой тактикой, а только новой формой проведения старой тактики. Решение участвовать в выборах во 2-ю Думу основывается не на признании ошибочности старой тактики, а на признании возможности, полезности, в связи с новыми конкретными условиями, использовать Думу как одно из подсобных средств для достижения тех же тактических задач. Как бойкот был не самоцелью, а средством борьбы за разрешение в интересах пролетариата поставленных революцией задач, средством, применение которого зависело от условий момента и подчинялось задачам момента, так и участие в выборах в Думу и работа в Думе являлись только подчиненным средством для достижения тех же задач, но в условиях иной обстановки. Как во время бойкота основной задачей момента была подготовка и организация всенародного вооруженного восстания и лозунг бойкота подчинялся лозунгу вооруженного восстания, так и «думская кампания,—писал Ленин,—есть подчиненная второстепенная форма борьбы, главной же формой—в силу объективных условий момента—остаются непосредственно революционные движения широких народных масс»¹.

Таким образом, парламентская тактика большевиков в эпоху 1-й русской революции характеризуется не признанием бойкота или участием в выборах («бойкот, небойкот—вопрос не принципа, а целесообразности»—писал Ленин), а признанием и бойкота и участия в парламенте лишь одним из средств политической борьбы за задачи рабочего класса, средством, всецело и безусловно подчиненным общим интересам рабочего движения и особым задачам пролетариата в буржуазно-демократической революции. В этом основное принципиальное отличие парламентской тактики большевиков от парламентской тактики меньшевиков. Итак, рассмотрение вопроса о тактике большевиков в отношении ко 2-й Думе приводит нас к выводу, что в своих основах тактика участия в выборах основывается на тех же принципах, как и тактика бойкота. С этой точки зрения Ленин говорил о тактике в отношении ко второй Думе, что «эту тактику можно назвать, если хотите, старой бойкотистской тактикой». Понятно, что в данном случае имеется в виду именно неизменность основных принципов парламентской тактики, ибо по существу дела мы имеем, конечно, не прежний бойкот, но вывод из бойкота, не повторение, а последовательное развитие старой тактики.

Подытоживая вопрос о парламентской тактике большевиков в эпоху 1-й русской революции, мы можем сделать следующие краткие выводы: Большевики на всем протяжении первой русской революции в основу своей парламентской тактики клали одни и те же неизменные принципы. Вопрос бойкота или небойкота являлся вопросом не принципа, а целесообразности. И, наконец, вся парламентская тактика большевиков являлась частью общей тактики и определялась в конечном счете оценкой классов и задачами пролетариата в революции.

¹ Ленин, Сочинения, т. X, стр. 31.

V. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В ПЕРИОД 1-й и 2-й ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Иллюстрировать на примерах внутридумской деятельности различие в парламентской тактике большевиков и меньшевиков является последней задачей нашей статьи. Мы не ставим себе целью рассмотреть все выступления с.-д. депутатов в 1-й и 2-й думах, точно так же не разбираем всех вопросов, по которым выступала в Думе с.-д. фракция. Из вопросов, обсуждавшихся в думе и в связи с думой, мы берем только те, на которых ярче всего отразилось различие двух тактик социал-демократии. Заметим еще, что при разборе думских вопросов мы не будем придерживаться хронологического порядка их возникновения и обсуждения, а будем располагать их применительно к тем основным вопросам, различное решение которых разделило с.-д. на две партии с особой тактикой и в частности с особой парламентской тактикой.

В основе различий общей и парламентской тактики большевиков и меньшевиков стоят, как мы видели, два вопроса: вопрос о путях революции и вопрос о роли различных классов в революции. Следует ли идти к победе революции через вооруженное восстание или через представительное учреждение, через Думу? Так формулировался в революции 1905 г. первый вопрос, вопрос о путях революции. Факт созыва 1-й Думы был воспринят меньшевиками как начало осуществления их схемы революции. Если в период еще неопределенных мечтаний о представительном учреждении меньшевики достаточно откровенно связывали свои надежды на победу революции с обязательным созывом представительного учреждения, то, когда Дума стала, наконец, фактом, откровенность меньшевиков в этом отношении достигла уже высшей степени. С оценки думы меньшевиками мы и начнем свой обзор тактики с.-д. в думский период.

Еще на IV съезде партии Аксельрод, в своем докладе о Думе заявил, что «с вступлением в жизнь Государственной думы у нас... впервые создается почва для действительно широкой политической борьбы¹. Перед созывом 1-й думы, когда уже определился кадетский состав ее, мы имеем целый ряд выступлений ответственных меньшевиков в печати с оценкой Думы и ее возможной роли. Вот, например, как оценивает роль Думы один из виднейших лидеров меньшевиков—Ф. Дан: «Дума может сыграть огромную роль в освободительной борьбе, может явиться в руках борющегося народа оружием колоссальной силы для разрушения старого государственного строя и создания нового»². Такую же примерно оценку роли думы дает и другой видный меньшевик—Е. Смитнов. «Именно в думе и около думы,—пишет он,—по крайней мере в течение некоторого времени будет центр борьбы рвущейся к свободе новой Рос-

¹ Протоколы объединительного съезда, стр. 233.

² Ф. Дан, «Социал-демократия и Государственная дума». Книгоиздательство «Новый мир», 1906 г., стр. 21.

сии со старым режимом»¹. Таким образом, роль Думы рисуется как роль центра, руководителя всей борьбы против старого строя. Еще яснее говорят о такой роли Думы меньшевики—Вл. Громан и Н. Гилин в сборнике «Вопросы момента». Н. Гилин в статье «Народ и Дума» пишет: «Соц.-демократии приходится... признать Думу 11 декабря величайшим фактором русской революции... опорным пунктом и исходной точкой своей дальнейшей борьбы за полное народовластие»². Громан в своем преклонении перед Думой превзошел всех... «Дума...—пишет он,—организация по самому своему положению, не могущая не стать центром все-народного движения во всех его формах. Дума... рупор народного гнева и народных требований. Дума—организующий центр... Наконец, Дума—необходимый, единственный возможный орган для создания новой власти»³.

Неправильно было бы думать что Громан в своей оценке думы, как «единственного возможного органа для создания новой власти», одинок. Такая оценка Думы логически вытекала из меньшевистской схемы развития революции через представительное учреждение, и то, что сказал Громан перед созывом Думы, повторил меньшевистский ЦК после разгрома Думы. Меншевистский ЦК после разгромы 1-й Думы сменил за самое короткое время три лозунга, но эта смена означала лишь шаткость и оппортунистическую приспособляемость меньшевиков, по существу же все лозунги выражали одну и ту же мысль. Первый лозунг ЦК был: «Возобновление сессии Думы для созыва Учредительного собрания». Второй: «Борьба с правительством в защиту Думы в целях созыва Учредительного собрания» и третий: «За Думу, как орган власти, который созвет Учредительное собрание». Какова основная мысль и основная ошибка всех этих трех лозунгов? Основная мысль всех лозунгов—призыв к борьбе за Думу, которая возьмет уже на себя дальнейшую борьбу за Учредительное собрание. Основная ошибка—непонимание того, что *кадетская дума* уже показала себя непригодной к революционной борьбе за власть, что объективно борьба шла не за представительное учреждение, а за создание условий, при которых действительно могло бы быть осуществлено народное представительство. Иначе говоря, меньшевики не понимали, что нужен был призыв не к борьбе за Думу, а за *свержение самодержавия*. Чтобы показать, что приведенные лозунги меньшевистского ЦК явились результатом не растерянности, а соответствовали всей установке меньшевиков, приведем еще две небольшие цитаты из позднейших выступлений меньшевиков. Мы имеем в виду выступление Плеханова (в октябрьской книжке «Современной жизни» 1906 г.), в котором он намечает путь дальнейшего развития освободительной борьбы «через Думу к несравненно более высокой форме народного представительства»⁴. Как видим, Плеханов пошел еще дальше от лозунгов ЦК и даже не упоминает

¹ Е. Смирнов, «Победа к.-д. и левые партии».

² «Вопросы момента», сборник статей, М., 1906 г., стр. 77.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Плеханов, Сочинения, т. XV, стр. 198.

об Учредительном собрании. Ниже нам еще придется коснуться факта замазывания Плехановым общепризнанного лозунга—«Учредительное собрание». Несколько ранее Плеханов выступил в печати с той же мыслью—о развитии революции через Думу. «Стремясь к Учредительному собранию, мы не *минуем*,—подчеркивает Валентинов,—новой Думы». «Через Думу к Учредительному собранию—вот одна из наиболее реальных перспектив»¹. Буквально то же самое и неоднократно пишет и Череванин.

Приведенные нами примеры неоспоримо доказывают, что исходный принцип меньшевистской тактики—развитие революции через представительное учреждение—оставался для меньшевиков неизменным на всем протяжении первой русской революции и лежал в основе их парламентской тактики как до созыва Думы, так и в период существования и деятельности 1 и 2 Государственной думы.

Второе исходное положение, определяющее как общую, так и парламентскую тактику меньшевиков, это положение о роли либеральной буржуазии в буржуазной революции. Если в вопросе об отношении к Булыгинской и к 1-й думам корень разногласий между большевиками и меньшевиками лежал главным образом в различной оценке путей революции, то разногласия по внутридумской тактике основывались главным образом уже на различной оценке роли либеральной буржуазии.

Меньшевистская оценка либеральной буржуазии, как силы революционной, сказалась прежде всего на оценке меньшевиками кадетов—партии либеральной буржуазии². Другой стороной меньшевистской переоценки революционности либеральной буржуазии являлась недооценка революционности крестьянства и народнических партий. На IV съезде, например, Мартынов в своем докладе заявил, что «в настоящей стадии революции значительная масса крестьянства проникнута наивной верой в царя, а значительная масса либеральной буржуазии напротив того решительно сочувствует конституционному режиму». Отсюда Мартынов делал вывод, что «кадеты объективно, помимо своей воли и даже против своей воли, содействуют теперь развитию революции»³. Только принимая во внимание меньшевистскую оценку либеральной буржуазии и соответственно кадетов, мы сможем понять руководящий принцип меньшевистской тактики в Думе—образование и сохранение во что бы то ни стало общенациональной оппозиции из всех оппозиционных групп и партий в Думе, включая и кадетов. Ради этой идеи меньшевики не только уступали гегемонию в Думе кадетам, но и шли на урезывание соц.-демократических лозунгов, требований и даже с.-д. программы. Эта идея определяла их поведение, их выступления и их решения вопросов в Думе. Этим

¹ Статья «К вопросу об избирательных соглашениях» за подписью И. Валентинова в сборнике «Политическое положение и тактические проблемы», М. 1906 г., стр. 127.

² Кадетов поддерживала в эпоху 1-й и 2-й Дум и часть мелкой буржуазии и либеральные помещики, но руководящая роль принадлежала несомненно средней, либеральной буржуазии, которая и определяла характер и поведение партии.

³ Протоколы объединительного съезда, стр. 165.

же определялась, как мы увидим ниже, и избирательная тактика меньшевиков.

Направление будущей внутридумской тактики было дано и большевиками и меньшевиками еще до созыва Думы, когда более или менее определялся уже ее состав. Ленин в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» сразу же выступил против меньшевистской идеи поддержки кадетов и кадетской думы. «Революционная социал-демократия не может,—писал Ленин,—в настоящее время определять свою тактику положением: поддержка кадетской партии и кадетской Думы. Такая тактика была бы неверна и никуда негодна...¹ При условиях, когда еще предстоит окончательная непарламентская битва, ставить задачей рабочей партии поддержку партии парламентских соглашателей, партии конституционных иллюзий, было бы прямо роковой ошибкой, если не преступлением перед пролетариатом...² Поддерживать не партию парламента, а буржуазную демократию, действующую не парламентским путем»³. В этих цитатах Ленина наряду с критикой меньшевистской тактики ясно и исчерпывающе определена и мотивирована и тактика большевиков. Совершенно иную установку для будущей тактики с.-д. в Думе дает меньшевик Смирнов (брошюра «Победа кадетов и левые партии»). Смирнов пишет следующее: «Необходимо во что бы то ни стало избегать такого положения, при котором вместо конфликта между народным представительством и реакцией получился бы конфликт между крайней демократической и либерально-демократическими каде́тами». Такую же установку дает и меньшевистская «Невская газета», в передовице которой от 11/V предлагается поставить с.-д. свою агитацию по поводу Думы так, «чтобы в массах не создалось одновременного настроения против Думы и ее кадетских руководителей». «Мы должны,—пишет «Невская газета»,—стремиться передать широким массам понимание той положительной роли, которую... может сыграть Дума».

Лучшим комментарием к приведенным меньшевистским цитатам о думской тактике послужат следующие выдержки из руководящего кадетского органа «Полярная звезда». В № 10 Изгоев в статье «Диктатура пролетариата» пытается определить задачи пролетариата в связи с созывом Думы. «Политическая деятельность пролетариата,—пишет он,—...должна сосредоточиться возле Государственной думы. Действие в самой Думе в связи с воздействием на Думу извне—вот к чему в главнейшем сводятся задачи минуты». «Пролетариат, как и крестьянство должны дружно поддерживать будущую думскую оппозицию»⁴. Не менее интересно процитировать «самого» П. Струве. В № 14 Струве пишет: «Только дружное и мудрое взаимодействие оппозиционной Думы с оппозиционным большинством народа сможет побороть и начисто смести старый бюрократический

¹ Ленин, Сочинения, т. IX, стр. 106.

² Там же, стр. 109.

³ Там же, стр. 111.

⁴ «Полярная звезда» № 10 за 1906 г., стр. 724.

порядок»¹. Сравнивая цитаты из кадетского журнала с цитатами из меньшевистской печати, мы видим, что под цитатами Изгоева и Струве можно вполне поставить подписи Смирнова и сотрудников «Невской газеты», а под передовицей «Невской газеты» могли бы подписаться, не изменяя своим убеждениям, сотрудники «Полярной звезды».

Перейдем к обзору тактики большевиков и меньшевиков в связи с деятельностью 1-й Думы.

Рабочие депутаты—с.-д.², попавшие в 1-ю Думу, вошли первое время, как известно, в «трудовую группу». Первое политическое выступление с.-д. депутатов состоялось 4 мая в связи с обсуждением ответного адреса Думы на тронную речь. Проект адреса был составлен кадетами в достаточно раболопной форме. Правда, в адресе был выражен протест против бюрократии и безответственного чиновничества, а в конце упоминалось о необходимости амнистии, но все эти требования аргументировались интересами «единения монарха с народом». И вот по поводу такого-то проекта лидер рабочей группы с.-д. Михайличенко в своем первом выступлении в Думе только и сказал, что «в ответе на тронную речь не нужно ничего ни вычеркивать, ни добавлять, но только необходимо упомянуть о рабочем вопросе»³. В последующих выступлениях с.-д. депутатов бесцветность и кадетизм речи Михайличенко исправлены, но при окончательном голосовании проекта рабочая группа не выступала со своим собственным проектом и не голосовала против. При практиковавшейся системе голосования в Думе (за и против) воздержание от голосования с.-д. не могло быть заметным, и потому на следующий день во всех газетах извещалось о дружном голосовании всех партий, кроме крайних правых, за кадетский адрес. И только уже спустя некоторое время в «Невской газете» было помещено сообщение от 15 депутатов рабочей группы о том, что они воздержались от голосования. Так, уже первый шаг с.-д. депутатов меньшевиков показал их несамостоятельность и зависимость от кадетов⁴.

Следующим знаменательным днем для 1-й Думы был день принятия формулы перехода к очередным делам после заслушивания правительственной декларации. В этой формуле перехода (составленной опять-таки кадетами) было выражено недоверие министерству, требовалась отставка министров и замена их министрами, пользующимися доверием Думы. В

¹ «Полярная звезда» № 14, стр. 219. Ст. «Заметки публициста».

² Все с.-д. депутаты 1-й Думы были меньшевиками.

³ «Государственная дума. Стенографические отчеты», 1906 год, т. I, стр. 105.

⁴ Что выступление Михайличенко не являлось случайным, а действительно соответствовало оценке меньшевиками кадетского адреса, показывают следующие выдержки из статей Л. Мартоза и Вл. Громана: Л. Мартов в «Откликах современности» № 3 пишет: «Надо признать, что по своему тону... адрес составлен весьма прилично» (стр. 92). Вл. Громан в «Вопросах момента» дает еще лучшую оценку адресу: «Принятый Думою кадетский адрес... представляет собою революционный... акт против еще господствующего строя» (стр. 27). Таким образом меньшевики не только не критиковали кадетов, а защищали их первое обращение не к народу, а к царю.

данном случае кадеты завоевали полную гегемонию в Думе и при голосовании формулы за нее голосовали на этот раз вместе с трудовиками и социал-демократы. Поддержка кадетов социал-демократами не ограничилась голосованием в Думе. Вся меньшевистская печать восприняла лозунг кадетов об ответственном министерстве и стала пропагандировать этот лозунг с гораздо большим усердием и постоянством, чем это делали сами кадеты. Разумеется, ошибка меньшевиков заключалась не в том, что они подхватили и сделали своим лозунг кадетов. Социал-демократия может и должна иногда в буржуазной революции лозунги демократии делать своими лозунгами. Ошибка меньшевиков заключалась в непонимании того, что ответственного министерства можно было добиться в условиях 1906 года только внедумской борьбой, а если бы внедумская борьба была налицо, то лозунг ответственного министерства был бы уже недостаточен и не развивал бы, а задерживал бы, тормозил бы размах борьбы. Получение же ответственного министерства путем парламентской борьбы возможно было только в результате сделки либеральной буржуазии с самодержавием. Меньшевики, поддерживая лозунг ответственного министерства, способствовали развитию конституционных иллюзий, вселяли в народе веру в Думу, мешали таким образом развитию внедумской борьбы, изменяли революции и становились на путь ликвидации революции через сделку либералов с самодержавием.

О тех надеждах, которые меньшевики связывали с выступлением кадетов в Думе (с требованием ответственного министерства), можно судить например по статье такого выдержанного и неувлекающегося лидера меньшевиков, как Л. Мартов. В специальной статье, посвященной знаменательному событию, Л. Мартов пишет: «С 13 мая (день принятия формулы.—Ф. С.) деятельность Думы вступает в новую фазу, она начинает... функционировать в единственно возможной для нее роли—организованной, общенациональной оппозиции самодержавию. Требование, заявленное Думой,—ответственное министерство,—является в настоящее время требованием революционным» ¹ Еще радужнее расценивает это событие Громан. «Требование ответственного министерства перед Думой. обновления администрации на всех ступенях государственной службы в связи с демократизацией органов самоуправления (требования приняты формулой перехода.—Ф. С.) означает не больше, не меньше, как требование полной ликвидации того строя, при котором государственная власть из слуги общества превратилась в его повелителя» ². Так кадетское требование ответственного министерства—попытка заключить сделку с самодержавием для сохранения монархии—превратилось в устах меньшевиков в требование «полной ликвидации» старого строя. Поистине о лучшей рекламе своей партии кадеты и мечтать не могли!

¹ «Отклики современности» № 4 за 1906 г., стр. 91 и 92. Статья «Думский конфликт и задачи момента».

² «Вопросы момента», стр. 28.

Отметим еще два официальных меньшевистских документа, в которых встречается та же реклама кадетов и кадетской Думы. Первый документ—это обращение «ко всем рабочим России—от депутатов рабочих Государственной думы». Сам по себе факт обращения депутатов к рабочим являлся, конечно, революционным актом, но по содержанию обращение не может быть признано революционным. С чем обращаются, к чему призывают с.-д. депутаты Думы к рабочим? «Вы, товарищи рабочие,—читаем мы в обращении,—должны теперь же готовиться поддержать Думу в ее столкновении с правительством». Революционный лозунг подготовки к вооруженному восстанию для свержения самодержавия и созыва Учредительного собрания заменяется, таким образом, либеральным, кадетским лозунгом поддержки кадетской Думы! Второй документ—резолуция меньшевистского ЦК—также призывает «поддерживать Думу во всех ее шагах, направленных к низвержению нынешнего министерства и к замене его министерством, назначенным Думой, видя в такой замене условие, способствующее созыву Учредительного собрания». Итак, вместо низвержения самодержавия призыв к «низвержению нынешнего правительства»! Кадеты имели все основания хвалить меньшевиков¹. Мы не можем не привести еще маленькой выдержки из письма Плеханова в «Курьере» (№ 4). Трудно догадаться, не видя подписи, что письмо это принадлежит перу социал-демократа. Основная мысль письма та, что всякая критика Думы является провокацией и на руку реакции. Основной лозунг—«весь народ должен единодушно поддержать Думу». В своем отступничестве от марксизма и прислужничестве буржуазии (конечно, объективном, не субъективном) Плеханов договорился,—в том же письме,—до заведомо ложного положения, что «буржуазия, преобладающая в Думе, требует свободы для всех и земли для крестьян»². И меньшевистская печать не только не отмежеввалась от выступления Плеханова, но, наоборот, впоследствии не раз повторяла и развивала основные мысли плехановского письма.

Коснемся еще двух вопросов, связанных с деятельностью 1-й думы—1) о декларации с.-д. фракции и 2) об аграрном обращении Думы к народу.

Социал-демократическая фракция в 1-й Думе организовалась с приездом кавказских депутатов. В своем первом официальном выступлении (16 июня) фракция огласила декларацию. Интересно отметить, что фракции были предложены два проекта декларации большевистский и меньшевистский, но фракция большевистский проект отвергла. Сравнение большевистского и меньшевистского проектов декларации дает нам на-

¹ В кадетской газете «Речь» меньшевики неоднократно заслуживали похвалу, и меньшевистская «реальная» политика не раз противопоставлялась «анархизму» большевиков, играющих якобы объективно на руку реакции. Вскрывая объективный смысл лозунга—«ответственное министерство»,—мы показали, кто на деле играл на руку реакции и предавал революцию.

² Плеханов, Сочинения, т. XV, стр. 90.

глядное представление о разнице парламентской тактики большевиков и меньшевиков. В большевистском тексте имеется критика кадетов, в меньшевистском критики кадетов нет. У большевиков имеется противопоставление союза с трудовиками кадетам, у меньшевиков—нет. Меньшевики ничего не говорят о движении вне Думы, большевики делают на этом упор. У меньшевиков нет ясного определения социалистических целей и интернационального характера партии. И, наконец, у меньшевиков нет ясного и полного изложения ближайших требований с.-д. Зато в меньшевистском тексте имеется признание того, что «Государственная дума может явиться центром общественного движения против полицейского самодержавия в настоящий момент и победа ее над безответственными палачами и насильниками, терзающими страну, может явиться этапом борьбы народа за Учредительное собрание и за переход власти в руки народа»¹. Если эту цитату очистить от шелухи и громких слов, то мы будем иметь не что иное, как призыв к поддержке кадетской думы и кадетского лозунга борьбы за ответственное министерство (см. примечание).

Аграрное обращение Думы к народу было вызвано опубликованием правительственного сообщения, подвергавшего критике работу Думы и предвосхищавшего будущий закон о земле. И на этот раз инициаторами и авторами обращения явились кадеты. Обращение кончалось словами: «Государственная дума надеется, что население будет покойно и мирно ожидать окончания ее работы по изданию... закона» (о земле.—Ф. С.). Конечно, в кадетском проекте ни слова не было сказано о том, что народ хочет взять землю без выкупа. Как отнеслись меньшевики к этому кадетскому проекту обращения? Меньшевистский ЦК постановил,—и провел это на думской фракции,—что, в интересах сохранения общенациональной оппозиции, с.-д. фракция должна отказаться от программного требования с.-д.—отчуждение земли без выкупа—и голосовать за кадетский проект. Из книги Б-ова и Дана («Рабочие депутаты в 1-й Государственной думе») мы узнаем, кроме того, что хотя и было постановлено протестовать и требовать снятия последних слов обращения (о покойном и мирном ожидании земельного закона), но «на случай, если бы обращению грозил без поддержки социал-демократической фракции провал, было решено в этой крайности голосовать за проект»². Таковы результаты применения на практике основного меньшевистского принципа парламентской тактики—образование общенациональной оппозиции. Отказ от с.-д. программы

¹ «Государственная дума. Стенографические отчеты, 1906 г.», т. II, стр. 1404., В Собр. соч. Ленина, т. VII, ч. 2, изд. 1-е — конец приведенной нами из ст. отчета цитаты другой. После слов «Учр. собр.» стоит точка, а затем новая фраза: «Поэтому с.-д. фракция будет поддерживать все усилия Государственной думы подчинить себе исполнительную власть и тем положить начало переходу всей государственной власти в руки народа» (стр. 204). Так как в книге М. Б-ов и Ф. Дан, «Рабочие депутаты в Государственной думе» приведен аналогичный текст декларации, то надо полагать, что в стенограмме первоначальный текст несколько изменен.

² Б-в и Дан, указанная книга, стр. 150.

и превращение с.-д. фракции в кадетский привесок—таков «заключительный аккорд» меньшевистской тактики в 1-й Думе.

О лозунгах меньшевистского ЦК после разгона 1-й Думы мы уже говорили выше и потому перейдем теперь к вопросу об избирательной тактике большевиков и меньшевиков в связи с выборами во 2-ю Думу.

Ни в каком еще другом вопросе не выявился так резко, так отчетливо основной корень разногласий меньшевиков и большевиков, именно различная оценка либеральной буржуазии и революционной демократии крестьянства. В избирательной кампании это различие основных принципов тактики большевиков и меньшевиков выразилось в различном решении вопроса об избирательных соглашениях. Вступать ли в предвыборные соглашения с кадетами или с трудовиками? Вот вопрос, разделивший большевиков и меньшевиков на два лагеря. Острота споров вокруг этого вопроса будет вполне ясна, если мы отношения партий переведем на язык отношений классов. Тогда суть избирательных соглашений выразится не в соглашении с кадетами или трудовиками, а в вопросе о гегемонии либеральной буржуазии или пролетариата. Мы не будем останавливаться на вопросе о содержании выборной кампании, о лозунгах и содержании предвыборной агитации, ибо эти вопросы мы затрагивали уже выше, разбирая вопрос об отношении большевиков ко 2-й Думе. Сейчас «мы остановимся только на одном вопросе—на вопросе об избирательном соглашении».

Изложим прежде всего большевистские принципы избирательной кампании. Исчерпывающий ответ на этот вопрос дает брошюра Ленина «Социал-демократия и избирательные соглашения»¹. Основной принцип—сохранение классовой самостоятельности. Этот принцип лежит в основе всего поведения партии и определяет условия возможных соглашений. Вопрос о соглашениях должен решаться после тщательного анализа избирательной системы и анализа буржуазно-демократических партий. Не останавливаясь на ленинском анализе существовавшей избирательной системы и буржуазно-демократических партий, мы даем окончательные выводы Ленина. По рабочей курии никакие соглашения не допустимы. Соглашения, как правило, нежелательны, но в исключительных случаях допустимы—в городах на низшей ступени, в деревнях только на высших ступенях (уездное, губернское собрание). О кадетях: «Соглашения с партией сделок и переговоров со старой властью недопустимы. Союзниками в народной революции кадеты быть не могут. Присоединение их к борцам революции не усиливает, а ослабляет борцов». «Мы должны с трудовиками разбить кадетов, вместе с эс-эрами разбить эн-эсов и т. д.»². И, наконец, в качестве обобщающего принципа: «Социал-демократия должна... постоянно бороться против кадетской гегемонии в освободительном движении, заставляя мелкобуржуазную демократию делать вы-

¹ Ленин, Сочинения, т. X, стр. 127—146.

² Там же, стр. 146.

бор между лицемерным демократизмом кадетов и последовательным демократизмом пролетариата»¹. В последней цитате ясно выражен классовый смысл избирательных соглашений, как борьбы за гегемонию в революции.

Перейдем теперь к избирательной тактике меньшевиков.

Как и всегда, меньшевики не сразу выступили с четкой и ясной программой своих действий в избирательной кампании. Сначала шла подготовка соответствующего настроения для восприятия оппортунистического меньшевистского лозунга соглашений с кадетами. Эта подготовка велась в форме туманных, расплывчатых намеков на черносотенную опасность, на необходимость объединиться всем перед лицом реакции. Статьи на эту тему писали таким языком, в такой форме, что, нет сомнения, любой кадет присоединил бы свою подпись к подписи меньшевистского автора. Для образца дадим несколько выдержек: Вот, например, статья Горна В. (передовая) в еженедельнике «Наша доля» (№ 2). «Чтобы избавить страну,—пишет Горн,—от господства самодержавной бюрократии, необходимо соединить усилия всех слоев народа, заинтересованных в ее падении и, сплотившись в ходе избирательной кампании, провести в Думу противников старого порядка». Вся терминология этой цитаты типично либеральная, кадетская, и в любой либерально-буржуазной газете того времени мы встретим те же словечки о «самодержавной бюрократии» (не о самодержавии!) и о необходимости соединить усилия «всех слоев народа». Расплывчатое буржуазное выражение—о «всех слоях народа»,—предпочитает марксистскому точному обозначению классов и другой орган меньшевиков «Невский вестник». В № 1-м «Невского вестника», тоже в передовице, пишется, что «интересы рабочего класса требуют, чтобы в настоящее время рабочие вместе с другими слоями населения, враждебными правительству, дали отпор темным силам, не отдали бы Думу в руки явных врагов народа». Правда, здесь упоминается и рабочий класс, но зато фигурирует и новый кадетский термин «темные силы». Все эти словечки,—о «других слоях народа»,—нужны были только первое время для того, чтобы не говорить сразу и прямо о либеральной буржуазии и о кадетях.

Когда меньшевики нашли, что писание о «темных силах» произвело желательное впечатление, то о соглашениях с кадетами заговорили уже яснее и смелее. Вполне ясно, например, высказывается о соглашениях с кадетами В. Л. Горн. «Сознательный пролетариат,—пишет он,—для борьбы с реакцией может, а местами и должен вступать в соглашение с кадетами»². Не оспаривая возможности и необходимости соглашений с кадетами, некоторые стыдливые меньшевики считали нужным все же делать кое-какие оговорки. Так, Валентинов (в том же сборнике), признавая возможность соглашения с партией к.-д., тем не менее считает нужным сделать следующее необходимое добавление: «Мы непременно

¹ Ленин, Сочинения, т. X, стр. 387.

² Сборник «Политическое положение и тактические проблемы», стр. 54—55.

⁵ Пролетарская революция, № 12 (107).

должны различать кадетов... Левого кадеты мы должны предпочесть правому, кадетов вообще мы должны поддерживать против более правых и черносотенцев»¹. Наивная «левая» оговорочка Валентинова очевидно слишком бросалась в глаза и разоблачала меньшевиков лучше, чем открытый призыв к соглашению с кадетами, потому что в дальнейшем такого «дополнения» мы не встречаем ни у самого Валентинова, ни у какого-либо другого меньшевистского публициста.

Откровенность меньшевиков достигла высшей степени с началом выборов в Думу. Уже без обычного тумана, без всяких оговорок меньшевики выступают с кадетским лозунгом общего списка, против самостоятельного выступления с с.-д. списком и против соглашения только с левыми партиями. «Оппозиционная Дума,—читаем мы в передовице «Невского вестника» (№ 6),—в настоящее время столь явно в интересах рабочего класса, черносотенная Дума так для него не выгодна, а опасность ее создания... столь реальна, что в такую минуту рабочему классу приходится отказаться от самостоятельного выступления на выборах и, создав *один* общий список рядом со всеми оппозиционными партиями, ринуться в избирательную борьбу... Вступая в социалистический блок, мы играем на руку правительству»².

Уступки и фактическое подчинение кадетам в избирательной кампании зашли у меньшевиков так далеко, что мы встречаем у отдельных меньшевистских литераторов и вождей предложения пойти навстречу кадетам и в выработке общего лозунга кампании, сняв лозунг Учредительного собрания. Такие попытки мы встречаем, например, со стороны С. Семенова³, который считает несомненным фактом, что «лозунг Учредительного собрания еще не усвоен массами». Попытку найти общий лозунг с кадетами делает Валентинов. «Когда мы говорим,—пишет он,—о всенародном Учредительном собрании, а кадеты говорят о свободно избранном всенародном представительстве с учредительными функциями, которое должно быть созвано Думой, мы можем пойти вместе»⁴. И, наконец, мы имеем статью Плеханова в «Товарище» (№ 122), в которой Плеханов предлагает лозунг «полновластная Дума», лозунг, способный, по его мнению, объединить всю демократию⁵. Начав с абстрактного положения о гегемонии либеральной буржуазии в буржуазной революции и о необходимости

¹ Там же, стр. 126.

² Открыто выступает против соглашения с левыми партиями и другой орган меньшевиков «На очереди» (№ 4). В передовице, написанной Мартыновым, с.-д. призывается противостоять образованию социалистического блока. Мотивы таковы: «Образование социалистического блока ускорило бы и облегчило бы консолидацию, отвердение к.-д. центра, равнение кадетов направо... в такой момент, когда за кадетами еще идут широкие слои городской буржуазной демократии, нужные для революции». Корень разногласий, как видим, тот же: революционные или контрреволюционные кадеты и либеральная буржуазия.

³ См. его статью в сборнике «Политическое положение и тактические проблемы», стр. 80.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ Плеханов, Сочинения, т. XV, стр. 333.

поддержать буржуазию в ее борьбе с самодержавием, меньшевики пришли сначала к снятию с.-д. программных требований и, наконец, к отказу от уже не с.-д., а общедемократического требования. Пожертвовав своей социалистичностью, меньшевики затем перестали быть даже просто последовательными демократами¹.

Вопрос об избирательных соглашениях мы закончим маленькой выдержкой из кадетской газеты «Новый путь». Эта выдержка показывает, что близость меньшевиков к кадетам в вопросе об избирательной тактике хорошо понималась и самими кадетами. Как и меньшевики, кадетская газета стоит за блок всех демократических элементов; как и меньшевики, газета считает, что—«если блок или частичное соглашение не состоится, то для страны это будет несчастьем». Дальше в цитируемой нами статье особо приветствуется выступление Плеханова. «Мы с удовольствием видим,—пишется в статье,—что наиболее спокойные и наиболее дальновидные вожди демократических партий постепенно приходят к тому же выводу» (имеются в виду выводы газеты) (№ 62). «Новый путь» прав: меньшевистские вожди—вожди демократической партии, приходили к тому же выводу, что и кадеты, иначе говоря, плелись в хвосте у кадетов.

Тактика меньшевиков, приводившая их к потере самостоятельного классового лица и подчинению кадетам, продолжалась и во 2-й Думе. Вздорность и преступность меньшевистской идеи «общенациональной оппозиции» бросалась тем более в глаза, что левые партии во 2-й Думе были гораздо многочисленнее, чем в 1-й (одних с.-д. было 53 чел., в том числе 11 депутатов большевиков), а либералы (к.-д. в том числе) сильно ушли вправо после первой Думы и выступили решительно против революции².

Первое же заседание Думы дало повод меньшевикам продемонстрировать свою тактику объединения всей оппозиции под гегемонией кадетов. Речь идет о выборах председателя Думы. Вместо того, чтобы противопоставить кадетскому кандидату кандидата левых партий (как на этом настаивали депутаты большевики), меньшевики постановили голодовать за кадета. И все это для того, чтобы не разбивать оппозиции и создать наибольший авторитет кандидату оппозиции (кадетов)³. Курь-

¹ К счастью для меньшевиков, кадеты отвергли все те жертвы, которые меньшевики предложили им ради осуществления идеи «общенациональной оппозиции». Лозунг, предложенный Плехановым, вместо пугавшего кадетов Учредительного собрания, был признан все-таки для кадетов неприемлемым, а в Москве кадеты отвергли избирательное соглашение с меньшевиками. Напрасно Череванин молил: «Во имя борьбы с ненавистным и нам и вам строим, во имя необходимости поддержки Думы со стороны населения мы предлагаем вам... не разбивать своими вызывающими действиями силы оппозиции» («Дело жизни» № 3). К.-д. были неумолимы и меньшевикам пришлось до поры до времени сохранить свою с.-д. невинность.

² Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 21.

³ Избранный на пост председателя Думы кадет Головин вскоре показал себя в качестве представителя оппозиции не против правительства, а против соц.-демократов. На 3-м заседании Думы (через день после своего избрания) Головин не допустил попытки предста-

езно, что результаты голосования и выбор президиума меньшевики оценивали как «первую победу» (?) социал-демократов (?!). Буквально так читаем мы в статье Мартынова¹. Мартынов считает результат выборов победой с.-д. потому, что задачи, которые ставила себе с.-д. фракция Думы, были достигнуты. А эти задачи таковы: 1) «Не изолировать себя», 2) «Оказать давление (? Ф. С.) в том смысле, чтобы президиум был по возможности (! Ф. С.) более левым, не раскалывая на этом формальном (? Ф. С.) вопросе оппозиции».

Иначе подошли к вопросу о выборах президиума большевики. Еще до выборов большевики писали², что левое думское крыло «должно наметить своих кандидатов. Сдавать кадетам президиум без боя значило бы в значительной мере облегчить им ту роль хозяев Думы, которой они так страстно добиваются и которая была бы крайне вредна для деятельности левых партий». Сразу же бросается в глаза разница в постановке вопроса у большевиков и меньшевиков. В то время как меньшевики (Мартынов) считают выборы формальным вопросом, большевики поднимают этот частный практический вопрос на принципиальную высоту. Четко формулирован такой подход к вопросу о выборах Лениным. «Вопрос о думском президиуме,—писал он,—был частным вопросом общей тактики социал-демократов в буржуазной революции. Социал-демократы должны были *вырвать* трудовиков у кадетов, либо голосуя за трудовика, либо воздерживаясь демонстративно с объяснением своего воздержания»³. Различный подход к вопросу о выборах определил и различную оценку результатов голосования. Большевики оценивали выбор Головина не как «первую победу социал-демократов», а как «первую победу кадетов, шаг к гегемонии кадетов»⁴.

Разногласия большевиков и меньшевиков по вопросу о выборах президиума повторились в связи с вопросами об информационном бюро, о хождении на общие собрания оппозиции и об отношении к народолюбцам. Суть споров об информационном бюро сводилась к вопросу о том, создавать ли бюро отдельно от кадетов вместе с левыми группами (на этом настаивали большевики), или образовать бюро вместе с кадетами (как предлагали меньшевики). Так как во фракции большинство было меньшевиков и ЦК был также меньшевистский, то все споры в думской фракции решались всегда принятием меньшевистских предложений. Информационное бюро было образовано вместе с кадетами и, понятно, при фактической гегемонии кадетов⁵.

вителя с.-д. фракции Геруса поставить вопрос об амнистии впредь до конституирования Думы в порядке внеочередного заявления (см. «Государственная дума». Стеногр. отчеты, 1907 г., т. 1, стр. 45—46).

¹ «Дело жизни» № 2. М. 1907.

² «Новый луч» № 1 от 20/II 1907 г. СПб. Статья П. Орловского.

³ Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 25.

⁴ «Новый луч», № 4. Авилов.

⁵ Мартынов ухитрился и в факте создания общего с кадетами информационного бюро увидеть победу с.-д. «Фракция отбила, — торжествует Мартынов, — атаку на два

Точно так же обстояло дело и с вопросом об общих собраниях всех оппозиционных групп. Меньшевики постановили принять участие в таких совещаниях вместе с кадетами, и кадеты, получая сведения о готовящихся выступлениях левых групп, могли использовать эти совещания в желательном для себя смысле, сохраняя сами полную независимость.

Остро встал вопрос о народовцах (польской народной демократии). Народовцы, зарекомендовавшие себя в Польше как погромная партия, приглашались кадетами на общие собрания оппозиционных групп. Большевицкая часть фракции заявила протест против приглашения народовцев и отказалась посещать совещания, на которых присутствуют народовцы. Меньшевики в интересах сохранения «общенациональной оппозиции» продолжали сидеть вместе с погромщиками, оправдываясь впоследствии, на V съезде, тем, что народовцы являются черносотенной партией только для Польши, а в Думе они настроены оппозиционно и «конституционно».

По примеру с.-д. фракции 1-й Думы комитет фракции 2-й Думы в первые же дни своей деятельности принял постановление, нарушающее программу партии. Именно было постановлено, с согласия меньшевистского ЦК, в ответе фракции на тронную речь ради единства оппозиции¹ выбросить в пункте, говорящем о принудительном отчуждении земли, слова «без выкупа». Это постановление не получило широкой огласки и не было осуществлено только потому, что не было самой тронной речи... Так вторично² меньшевикам,—не по своей «вине»,—не удалось публично изменить с.-д. программы...

Первое открытое выступление с.-д. фракции во 2-й Думе состоялось в связи с обсуждением ответа на правительственную декларацию Столыпина. Ответственным представителем фракции выступил Церетелли, произнесший большую речь и огласивший затем заявление-декларацию. В основу своей речи, долженствовавшей показать классовое лицо фракции, Церетелли взял слово... кадета Набокова, поставившего в 1-й Думе вопрос об ответственном министерстве. Свою речь Церетелли кончил лозунгом: «Законодательная власть да подчинит себе власть исполнительную»³. Произнесенной речи соответствовала и оглашенная декларация. В декларации социал-демократической фракции ни слова не говорилось о социализме, об аграрной программе с.-д. Зато указывалось, что социал-

фронта. Она, во 1-х, отказалась пойти навстречу желанию под видом информационного бюро подсурдинку положить основу «левого блока; она, во 2-х, отказалась отрезать себе путь к совещанию со всеми без различия оппозиционными партиями» («Дело жизни № 2»).

¹ В своем докладе на V съезде Церетелли так объяснял постановление комитета фракции: «Мы хотели противопоставить всю думскую оппозицию правительству» (Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов. Париж 1909 г., стр. 153).

² В первой Думе точно такое же постановление меньшевиков не было реализовано, потому что кадеты свой первый проект аграрного обращения, за который меньшевики готовились голосовать, неожиданно, вопреки всем правилам думской работы, изменили при автором чтения.

³ Стенографические отчеты, 1907 г., т. I, стр. 126.

демократическая фракция в своей деятельности «будет опираться на законные права Государственной думы» и что своей задачей фракция ставит—указывать народу «на необходимость поддержки Государственной думы в ее шагах, направленных на завоевание свободы и подчинения себе исполнительной власти»¹. В предложенной формуле перехода к очередным делам меньшевики (выступление Джапаридзе) провозглашают лозунг—«подчинить исполнительную власть законодательной»². Так меньшевики во 2-й Думе повторяли выступления и лозунги кадетов в 1-й Думе.

Конечно, цель, которую меньшевики преследовали провозглашением кадетского лозунга, была иная, чем у кадетов. Лозунг ответственного министерства был нужен меньшевикам, во 1-х, для объединения всей оппозиции и, во 2-х, как этап к дальнейшему развитию революции. Именно о таких целях говорит, например, Д. Кольцов. Ответственное министерство, по мнению Кольцова, должно явиться практическим требованием 2-й Думы, которое (требование) объединит всю оппозицию и послужит лозунгом «борьбы за переход власти из рук бюрократии в руки народа»³. О том же говорит и Мартынов в своем выступлении на V съезде, заявляя, что лозунг ответственного министерства, «не находясь в противоречии с нашим лозунгом Учредительное собрание,... напротив того, лежал на пути к его осуществлению»⁴. Мы не будем останавливаться на критике кадетско-меньшевистского лозунга—ответственное министерство,—так как выше нами был уже показан объективно-реакционный смысл этого лозунга. Точно так же не будем останавливаться и на доказательстве фальши, реакционности требования меньшевиками ответственного министерства как этапа к Учредительному собранию. Такое толкование меньшевиками лозунга ответственного министерства являлось только вариацией общей установки меньшевиков, о которой мы не раз уже говорили,—установки на развитие революции через представительное учреждение.

Упомянем еще о двух вопросах, при обсуждении и решении которых сказалось подчинение меньшевиков (в их думской деятельности) кадетам. Первый вопрос—о бюджете. Меньшевики подошли к критике бюджета не с точки зрения вскрытия классового характера бюджета, не с точки зрения партии рабочего класса (соответствующее предложение большевиков было отвергнуто), а с точки зрения, приемлемой для всей оппозиции. Докладчик от фракции—Алексинский, предлагая резолюцию по бюджетным прениям, говорил: «Эту резолюцию мы считаем безусловно приемлемой не только для социал-демократов, но и для всех истинных демократов и для всех представителей народа»⁵. Мотивировка резолюции об отказе в утверждении бюджета заключала в себе общее

¹ Стенографические отчеты, 1907 г., т. I, стр. 129.

² Там же, стр. 157.

³ «Дело жизни».

⁴ «Лондонский съезд РСДРП» Протоколы, стр. 109.

⁵ Стенографические отчеты, 1907 г., т. I, стр. 959.

указание на несостоятельность правительства, доведшего страну до нищеты и голода. Затем в резолюции критиковалась система собирания и расходования средств, причем указывалось только на непроизводительные расходы по содержанию бюрократии, и, наконец, констатировалось фактическое отсутствие у Думы прав контроля над выполнением бюджета, т. е. никакой специфически социал-демократической классовой критики бюджета в резолюции не заключалось.

Второй вопрос—аграрный. Уже при обсуждении этого вопроса в 1-й Думе депутаты меньшевики критиковали больше законопроект и выступления трудовиков, чем кадетов. Во 2-й Думе с.-д. фракция продолжала политику депутатов 1-й Думы. В первом выступлении оратора от фракции по аграрному вопросу (Церетелли)¹ совершенно не было никакой критики кадетской аграрной программы и программ других левых партий². Затем было оглашено заявление, в котором развивалась меньшевистская аграрная программа, «сбивающая на кадетизм, доказывающая непонимание экономических и политических условий крестьянской революции»³.

Из всех выступлений с.-д. депутатов по аграрному вопросу мы возьмем вторую речь Церетелли, произнесенную им уже к концу обсуждения вопроса. В своей речи Церетелли критикует между прочим и кадетскую программу, но сама эта критика показывает близость меньшевистской программы к кадетской. Всю разницу между к.-д. и меньшевиками (по аграрному вопросу) Церетелли видит не в различных принципах аграрной программы, а в большей или меньшей последовательности этих двух партий. «Принцип принудительного отчуждения земли (принятый кадетами.—Ф. С.),—говорит Церетелли,—есть объективно принцип освободительного движения, но не все стоявшие за этот принцип сознают или хотят признать все те выводы, к которым обязывает этот принцип... Взгляды партии народной свободы являются лишь недоведенными до конца выводами из того принципа, который диктуется самой жизнью». Дальше Церетелли спрашивает: «Кто более последователен? Мы (с.-д.) или кадетская фракция?»⁴. Отмечая большую последовательность с.-д. программы и характеризуя программу кадетов как «недоведенный до конца шаг», Церетелли отрицает таким образом принципиальную разницу кадетской и социал-демократической программы. Вполне понятно поэтому, что, переходя к критике программы народнических фракций, Церетелли заявляет: «В вопросе о формах землепользования мы (с.-д.) от них, народников, стоим дальше, чем от кадетов»⁵. С точки зрения меньшевистской

¹ Стенографические отчеты, 1907 г., т. I, стр. 723—730.

² Это умолчание о других программах и отсутствие критики кадетов было обусловлено стремлением к единству оппозиционных групп. Но это условие не помешало оратору кадетов выступить с критикой с.-д. программы и дать, таким образом, предметный урок меньшевикам о прочности и ценности их союза с кадетами.

³ Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 491.

⁴ Стенографические отчеты, II, стр. 1225, 1226.

⁵ Там же, стр. 1230.

установки в аграрном вопросе понятна также и та легкость, с которой меньшевики отказывались от с.-д. программного требования «земля без выкупа», и довольствовались кадетским «принудительным отчуждением». Ленинская характеристика меньшевистской аграрной программы («программа, сбивающая на кадетизм») блестяще иллюстрируется выступлениями по аграрному вопросу меньшевистской думской фракции...

На этом мы кончаем обзор тех думских вопросов, на которых ярче всего отразилось применение основного меньшевистского принципа парламентской тактики—образование единой общенациональной оппозиции всех левых групп, включая и кадетов.

Перейдем к последнему вопросу внутрипарламентской тактики—к вопросу об отношении соц.-демократии к положительной, законодательной работе парламента. Этот вопрос по существу выходит из рамок нашей статьи, поскольку мы разбираем вопрос о парламентской тактике в *революции*. О положительной, законодательной работе парламента можно говорить только в эпоху уже установившегося, парламентского, конституционного строя. Все же характеристика меньшевиков и их парламентской тактики была бы не полна, если бы мы не отметили, что еще в революционную эпоху, когда об окончательном поражении революции не смели говорить и самые правые меньшевики, мы уже встречаем в парламентской тактике правого крыла соц.-демократии тенденцию к участию в организационной, законодательной работе. Должна ли была соц.-демократия совершенно отказаться от внесения законопроектов в Думу? Конечно, нет. Но внесение законопроектов должно было преследовать цель непроведения того или иного закона. (В условиях деятельности 1-й, 2-й Думы нельзя было вообще говорить серьезно о законодательной деятельности Думы.) Внесение законопроекта могло иметь значение только в целях агитационной, пропагандистской работы. «На первый план должна быть выдвинута критическая пропагандистская, агитационная и организационная роль социал-демократической думской фракции... Именно этим, а не непосредственно «законодательным» целям должны служить законопроекты с.-д. думской фракции». Так писали большевики в своем проекте резолюции о тактике с.-д. в Государственной думе (к V съезду).

Иначе решали этот вопрос меньшевики. Интересно, например, какие задачи перед с.-д. в Думе ставит В. Горн: «По отношению к законодательной деятельности,—пишет Горн,—социал-демократия должна руководствоваться следующими основными задачами: стремиться, чтобы законы выражали действительные интересы пролетариата и сельской и городской бедноты. Она будет поэтому вносить свои законопроекты, требовать соответствующих поправок в законопроектах других партий»¹. В. Горн, очевидно, и не задумывается, может ли существующая, бессильная дума, ограниченная к тому же в своих законодательных правах «существованием Государственного совета и фактически зависящая от са-

¹ «Дело жизни» № 4.

модержавного правительства, сможет ли такая дума провести хоть какой-либо закон. Желание принять участие в мирной, парламентской, буржуазно-реформаторской деятельности так велико у Горна, что он совершенно не замечает всей бессмысленности, никчемности своих советов применительно к конкретным условиям России 1906—1907 гг.

Другой меньшевистский автор—Е. Смирнов—пишет: «Сознавая всю ограниченность прав народного представительства, социал-демократы будут настаивать на использовании им всех признанных за ним формально прав и будут содействовать всем шагам Думы в направлении расширения этих прав. Таковы общие принципы, которые лягут в основу думской тактики социал-демократов»¹. Е. Смирнов сознает ограниченность прав народного представительства, но он вряд ли сознавал весь оппортунизм, кадетизм предполагаемых им общих принципов думской тактики. Использовать признание права и содействовать расширению этих прав—ведь в этом как раз символ веры всех буржуазных реформистов! Приведем еще выдержку из «Письма о тактике и бестактности» Плеханова. «Некоторые товарищи говорят,—недоумевает Плеханов,—что Дума не должна заниматься органической работой, вся работа должна быть чисто агитационной, но ведь надо же понять, что наиболее агитационное значение будет иметь именно органическая работа Думы»². Цитата Плеханова не требует комментария. Она сама является лучшим комментарием явно оппортунистической, кадетской установки меньшевиков в вопросе о законодательной работе Думы.

Приведенные нами цитаты Горна, Смирнова, Плеханова отнюдь не являются выражением частного, личного мнения отдельных меньшевиков, но отражают вполне правильно общую меньшевистскую линию в вопросе думской тактики. Сошлемся на меньшевистский проект резолюции о Думе (к V съезду). В этом проекте к пункту—о законодательной деятельности Думы,—имеется следующее примечание: «с.-д. поддерживает как меньшее зло те из законопроектов других партий, которые, будучи проведены в жизнь, могут стать в руках народных масс орудием революционной борьбы за достижение действительной демократической свободы». Хотя примечание снабжено достаточным количеством громких революционных слов, но все же ясно, что «в этом примечании выражена мысль о необходимости участия с.-д. в буржуазно-реформаторской работе на почве Думы»³. В этом смысл всех приведенных нами рассуждений меньшевиков по поводу законодательной работы Думы. Принимать участие в буржуазно-реформаторской работе парламента—таков один из основных принципов парламентской тактики меньшевиков, принцип, который не мог быть широко развит в эпоху революции, но который проявил себя все же в некоторых тенденциях думской работы с.-д. фракции 2-й Думы.

¹ «Отголоски», сборник IV, стр. 20.

² Плеханов, Сочинения, т. XV, стр. 101.

³ Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 55.

Выше нам уже пришлось привести цитату из декларации фракции, в которой говорилось, что фракция в своей деятельности «будет опираться на законные права Государственной думы». Если эти слова имели какой-либо смысл в устах с.-д. депутата, так только как выражение желания принять участие в буржуазно-реформаторской работе на почве Думы. Другого смысла это выражение иметь не могло, ибо всякая попытка использовать Думу не для реформаторской, а для революционной работы неизбежно должна была бы опереться на революционное, неконституционное движение вне Думы, и явилась бы, конечно, нарушением закона и «законных прав» думской фракции. Непонимание меньшевиками этой простой истины ярко выявилось при обсуждении двух практических вопросов, стоящих в Думе,—вопроса о продовольственной помощи голодающим и вопроса о помощи безработным. В обоих этих случаях социал-демократическая фракция оказалась на высоте своего положения и выступила революционно, с революционными предложениями, «действовала по-большевистски»—по выражению Церетелли. Но как раз это-то удачное, «большевистское», поведение фракции и вызвало на V съезде партии самокритику меньшевиков. Депутаты меньшевики, отстаивавшие свою правоту во всех остальных случаях, когда с.-д. фракция плелась в хвосте за кадетами, подчас изменяя программе своей партии, в данном случае критиковали себя и свои выступления, признавая их неудачными и ошибочными.

Суть вопроса такова: с.-д. фракция предложила Думе для оказания действительной помощи голодающим и безработным создать специальные комиссии, которые поехали бы на места и расследовали бы на месте положение дела. Это было революционное предложение, которое давало Думе возможность связаться с населением, организовать его и опереться на него. Понятно, что такое предложение было признано незаконным и провалено кадетами вместе с правыми. Прошло предложение кадетов (с которым согласилось и правительство), похоронившее вопросы во внутридумской комиссии. Казалось бы, что из этого факта можно вынести хороший урок о сущности российской конституции и об условиях работы в Думе. Но меньшевики увидели причину провала своего предложения совсем в другом. Вот что говорил Церетелли по поводу этих вопросов на съезде партии: «мы сделали,—кается Церетелли,—тут серьезный тактический промах. Кадеты возражали, что посылка представителей Думы незаконна, проверка продовольственной деятельности на местах—вторжение в права исполнительной власти. Никогда мы не находились в таком выгодном положении, но мы не сумели им воспользоваться. Мы не подчеркнули, что мы исходим из прав Думы, несомненно у нее существующих... Ставши на эту точку зрения, мы могли бы разбить кадетов. «Речь» (кадетский центральный орган.—Ф. С.) принуждена была признать, что этот шаг ничего себе нелегального не включает... Мы могли ответить: мы желаем только в пределах прав Думы принести пользу населению. Вместо того, чтобы стать на такую позицию, мы пустились в

тактические рассуждения... Точно так же и в вопросе о безработице мы сбились на почву тактических рассуждений». Мы привели эту длинную выдержку из речи Церетелли потому, что она лучше всего показывает основной грех меньшевистской парламентской тактики—стремление к мирной реформаторской работе на почве Думы. Церетеллевское—«мы желаем только в пределах прав Думы принести пользу населению»—выражает с непревзойденной краткостью и ясностью основную сущность как парламентской тактики меньшевиков, так и сущность самой партии меньшевиков. Меньшевики—это партия, стремящаяся стать во что бы то ни стало партией парламентских мирных реформ. Вот вывод, который неизбежно вытекает из рассмотрения парламентской тактики меньшевиков в эпоху первой русской революции.

* * *

В заключение подведем ряд общих выводов о парламентской тактике с.-д. в эпоху первой революции:

I. Парламентская тактика как большевиков, так и меньшевиков определяется в конечном счете оценкой характера и движущих сил первой русской революции. Отсюда различие в парламентской тактике большевиков и меньшевиков объясняется их различной оценкой характера и движущих сил революции.

II. Оценивая революцию как буржуазную в смысле создания почвы для быстрого развития капитализма, большевики подчеркивали особенность революции 1905 года, как революции крестьянской. Особая заинтересованность крестьянства в революции делала его наиболее последовательным и надежным союзником пролетариата. Рабочий класс, которому выгодно было решительное доведение буржуазной революции до конца—в интересах создания наиболее благоприятных условий для своей классовой борьбы против буржуазии,—был признан, как класс наиболее революционный и организованный, сыграть в революции роль гегемона. Буржуазия по своему классовому положению не могла быть революционной.

Такая оценка характера и движущих сил революции приводила большевиков к установлению следующих основных принципов как общей тактики, так и парламентской тактики:

1. Пролетариат должен взять на себя роль гегемона в революции.
2. Присоединить к себе в качестве союзника крестьянство.
3. Бороться с либеральной буржуазией за гегемонию над революционной демократией (крестьянством).

Из этих принципов вытекали и основные моменты тактической линии большевиков:

- а) с.-д. должна сохранять классовую самостоятельность и независимость в своей тактике;
- б) поддерживать революционные требования революционной демократии,

в) разоблачать непоследовательный демократизм и антиреволюционность либеральной буржуазии.

III. Меньшевики из оценки революции как буржуазной делали вывод о гегемонии либеральной буржуазии в революции. Не понимая особенности русской революции, как революции крестьянской, руководимой пролетариатом, меньшевики не признавали за крестьянством особой роли в революции, считая городскую либеральную буржуазию объективно даже более революционной, чем отсталая, темная деревенская мелкая буржуазия. Отсюда вытекают меньшевистские основные принципы общей и парламентской тактики:

1. Пролетариат не должен брать на себя роль гегемона в революции.
2. Роль гегемона в революции должна играть либеральная буржуазия.
3. Отказ пролетариата от гегемонии в революции снимает вопрос о союзнике и ставит вопрос о соглашении с либеральной буржуазией, как гегемоном.

Этим принципам меньшевиков соответствовала и их тактическая линия:

а) с.-д., занимая место крайней оппозиции, не должна выступать с самостоятельными классовыми требованиями впредь до прихода к власти буржуазии,

б) сохранить единство общенациональной оппозиции вместе с либеральной буржуазией,

в) воздержаться от выступлений и требований, которые могут запугать буржуазию, отшатнуть ее от революции,

г) вступать в соглашения с либеральной буржуазией, поддерживая ее на определенных условиях.

IV. Различная оценка большевиками и меньшевиками характера и движущих сил революции дополнилась различным представлением о путях развития революции, что, в свою очередь, влияло как на общую, так и на парламентскую тактику большевиков и меньшевиков.

V. Большевики, допуская два объективно-возможных пути капиталистического развития России, признавали и два возможных пути развития революции: 1) путь победоносной революции, связанный с уничтожением помещичьего землевладения, и 2) путь незаконченной революции, путь эволюции крепостнических поместий в капиталистические хозяйства. Пролетариат, заинтересованный в доведении революции до конца, решительно поддерживает развитие революции по первому пути. Роль пролетариата, как гегемона и решающей силы в революции, кладет свой отпечаток на методы борьбы: через стачки и всеобщую политическую забастовку к вооруженному восстанию. Лозунг всенародного вооруженного восстания становится основным лозунгом партии. Вся практическая, агитационная, пропагандистская, организационная работа подчинена этому лозунгу, все, что тормозит или отклоняет движение с этого пути, должно быть отброшено. Так была отброшена Булыгинская дума. Все другие формы борьбы должны быть подчинены этой главной форме. Так борьба в 1-й,

2-й Думе должна была быть подчинена внедумской борьбе, как *главной форме борьбы*. Итак, к перечисленным уже принципам парламентской тактики большевиков, добавляется еще один: *Парламентская борьба является в эпоху революции подчиненной формой борьбы, и парламентская тактика должна служить интересам внепарламентского движения, как главной формы революционного движения.*

VI. Меньшевики в своем представлении о путях развития революции исходили из опыта зап.-европейских незаконченных революций. Беря за образец германскую революцию 1848 года и французскую 1789 года, меньшевики пришли к созданию абстрактной схемы развития «нормальной» буржуазной революции. По этой схеме революция начинается с конфликта представительного учреждения со старым порядком и развивается через борьбу групп и партий в представительном учреждении, которое становится центром общенациональной борьбы. Из этой схемы вытекал следующий принцип, определявший не только парламентскую, но и общую тактику меньшевиков: *Борьба в представительном учреждении—главная форма революционной борьбы, внепарламентская борьба должна подчиняться внутрипарламентской борьбе.* Не парламентская тактика подчинена общей тактике и лозунгами текущего момента, а, наоборот, лозунги и общая тактика определяются интересами парламентской тактики.

VII. Различная оценка роли парламента и парламентской борьбы тесно связана с различием взглядов большевиков и меньшевиков на характер самой работы с.-д. в парламенте.

VIII. Большевики, отрицая участие в органической, законодательной работе парламента, придают значение пребыванию с.-д. депутатов в Думе, поскольку они ведут агитационную, пропагандистскую и организационную работу, используя парламентскую трибуну и положение депутата в интересах внепарламентской борьбы, разоблачая в частности роль парламента, как орудия господствующего класса.

IX. Меньшевики исходят из признания необходимости и обязательности для с.-д. участвовать в органической, законодательной работе парламента, урезывая в интересах достижения ближайших практических успехов революционные лозунги и программные требования партии и жертвуя самостоятельной классовой позицией ради сохранения легальных возможностей работы.

Ф. Савинский

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 Г. и КАУТСКИЙ

Из всех крупнейших теоретиков II Интернационала в довоенный период Ленин являлся единственным, до конца последовательным представителем революционного марксизма в новую эпоху. Владея методом Маркса, изучая всю современную историческую обстановку, Ленин умел теоретически и практически решать новые исторические задачи применительно к особенностям данной конкретной обстановки, соответственно особенностям нового периода мировой истории. Рассматривая теоретическую борьбу как необходимейшую составную часть всей классовой борьбы пролетариата, тесно связывая ее с массовой борьбой, Ленин с самого начала своей революционной деятельности умел отстаивать революционный марксизм и проводить его в жизнь в борьбе не только с буржуазными идеологами, но главным образом с представителями II Интернационала.

Уже в своей ранней, поистине пророческой работе «Друзья народа» Ленин дал образец применения марксизма к специфическим условиям России. Пользуясь методом Маркса, он в ней показывает направление экономической эволюции России, действующие в ней классовые силы, а следовательно, и определение характера грядущей революции. Обвиня господствующую идеологию либералов и народников 90-х гг. в затушевывании крепостнических и капиталистических форм угнетения, господствовавших в русской действительности, в искажении классового характера и задач грядущей революции, Ленин не только вскрыл классовые корни и вред мелкобуржуазного «социализма», но и пророчески указал пути к освобождению рабочего класса.

Борьба с представителями II Интернационала по вопросу о характере и движущих силах русской революции началась почти с самого начала существования Интернационала. В самом деле, если Ленин в «Друзьях народа» заявлял, что русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, сломит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции¹, то такой представитель II Интернационала, как П. Аксельрод, в 1898 г. писал: «В России, где пролетариат находится еще только в процессе выделения из веками жившей в рабстве и невежестве народной массы, он сам стоит еще в массе своей не слишком низкой ступени культурного развития, чтобы быть в состоянии... возвыситься до роли сознательной революционной силы, без прямой или косвенной помощи со стороны

¹ Ленин, Сочинения, т. I, стр. 194.

буржуазии»¹. В этих двух цитатах как на ладони видны два подхода к анализу русской революции, две линии, которые со временем выкристаллизовались в два течения: большевизм и меньшевизм.

Эти два анализа движущих сил предстоящей революции подтверждаются уже майским разговором в 1895 г. между Лениным, с одной стороны, и Плехановым с Аксельродом—с другой. Плеханов, в передаче Ленина, эти две линии выразил в следующей форме: «Вы (будущие большевики.—М. К.) поворачиваетесь к либералам спиной, а мы (будущие меньшевики.—М. К.)—лицом»². Нам могут заметить, что в это время Плеханов написал блестящую книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», где изложил и обосновал учение Маркса о материалистическом истолковании истории. Это верно. Исторические заслуги Плеханова неоспоримы. На это Ленин неоднократно указывал даже незадолго до смерти³. Известно, что целое поколение марксистов училось марксизму и диалектике у Плеханова, но в плехановском толковании марксизма не хватало той силы, тех глубоких корней, той связи с миллионными массами трудящихся России, которые дали Ленину возможность не остаться только истолкователем марксизма, но и превратили его в вождя социалистической революции.

Минусы исторической методологии у Плеханова мы уже видим в период первой нашей революции. Еще в 1902 году, при выработке проекта программы, он предложил вместо характеристики данного (русского) капитализма, ограничиться характеристикой капитализма вообще. Ленин тогда же указывал, что ограничиваться общей характеристикой есть отступление от той самой конкретной истины, которая и составляет сущность марксистской диалектики. Вторым примером слабости плехановского анализа исторических явлений может служить знаменитая анкета, заставившая его друга Каутского высказаться о характере нашей первой революции. Сама постановка вопроса: «буржуазная или социалистическая»—похожа на формулу «да-да, нет-нет, а что сверх того, то от лукавого». Разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса? Если к этому прибавить не менее антимарксистскую оценку Плехановым декабрьского восстания, выраженную в его знаменитой формуле: «не надо было браться за оружие», то становится совершенно понятной шаткость исторической методологии первого русского марксиста.

В статье «К оценке русской революции» Ленин наряду с критикой того же Плеханова дает образец исторического метода. «Чтобы оценить революцию,—говорит автор статьи,—действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия,

¹ П. Аксельрод, «Историческое положение и взаимное отношение л.б.ральной и социалистической демократии в России», Женева, 1898, стр. 27.

² «Переписка Г. Плеханова и П. Аксельрод, т. I, М., 1925 г., стр. 271.

³ Ленин, Сочинения, т. XXVI, стр. 135.

⁴ «Ленинский сборник» II, стр. 88.

действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы»¹. Впоследствии, объясняя причины, породившие диктатуру пролетариата в России, Ленин разъяснял, что всемирная история неуклонно идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями, так как «ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма не было и быть не могло»². Только исходя из учета вышеуказанных факторов, можно делать революцию по Марксу, а стало быть и по Ленину.

Сопоставив два различных метода в деле анализа грядущей русской революции, перейдем к выяснению взглядов главного теоретика II Интернационала на то же историческое событие. Необходимо оговориться, что взгляды Каутского на революцию 1905 г. нельзя отрывать от его взглядов на революцию вообще.

За последнее время в литературе наметились, в основном, две точки зрения на отношение Каутского к основным проблемам революции, а стало быть, и к нашей революции. Одни говорят, что Каутский изменил марксизму и предал пролетариат не 4 августа 1914 г., а гораздо раньше, пожалуй с самого начала своей политической деятельности³. Эта точка зрения в своем рвении заклеить сегодняшнего ренегата готова не оставить камня на камне из его прошлого. Другие пишут, что нельзя смешивать Каутского до и после 4 августа 1914 г., нельзя компрометировать всего прошлого Каутского, нельзя замалчивать заслуг Каутского. «Мы,—пишет И. Альтер,—можем перенести оценку, данную Лениным II Интернационалу, и на Каутского и сказать, что он «выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого политического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века». И. Альтер советует рассматривать Каутского в свете двух планов, т. е. в довоенном и современном. Он советует быть к нему «сугубо осторожным», «соблюдать историческую меру», не забывать, что оппортунизм главы II Интернационала был в «юношеском состоянии до войны», а «поэтому нельзя смешивать Каутского до и после 4 августа 1914 г.». Для подкрепления своей точки зрения, Альтер приводит следующее место из Ленина: «Мы знаем из работ Каутского, что он умел быть марксистским историком, что такие работы его останутся достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство»⁴.

Приведенные две точки зрения на историю взглядов Каутского нам представляются крайними. Первая точка зрения, отрицая эволюцию Каутского, забывает «историческую меру». Вторая, увлекаясь «двумя планами», недооценивает корни сегодняшнего оппортунизма в прошлом. Не при-

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 208.

² Ленин, Сочинения, т. XXIV, стр. 248.

³ «Не приходится почти говорить об эволюции Каутского», пишет т. Миронов на 54 странице своей книжки («Каутский о революции», Свердловск 1929 г.).

⁴ И. Альтер, «Демократия против революции», М. 1930, стр. 41—42.

ходится спорить, что когда-то Каутский умел давать «талантливейшие образцы применения исторического материализма» не только в таких работах, как «Томас Мор», «Классовая борьба в великой французской революции», «Предшественники новейшего социализма» и др., но и в ряде работ, относящихся к нашей первой революции, например в статьях «Славяне и революция», «Движущие силы» и др. Метод Каутского коренным образом отличался от плехановского метода, на что неоднократно указывал Ленин.

Но наряду с этими работами мы имеем и такие работы Каутского, в которых корни сегодняшнего ренегатства заложены весьма основательно. Стоит посмотреть на его книгу «Парламентаризм и демократия» (1-е издание 1893 г., 2-е—1911 г.), в которой Каутский пишет: «Теперь начинает становиться ясным, что настоящий парламентский режим может быть одинаково как орудием диктатуры пролетариата, так и орудием диктатуры буржуазии». Нам думается, что это тот «корешок», из которого, хотя и зигзагообразно, выросла вера Каутского в «чистую демократию» и в отрицание диктатуры пролетариата. Такого рода «корешков» в прошлом у Каутского немало, и они вряд ли дают нам право рассматривать историю развития его взглядов в свете «двух планов», да еще с «сугубой осторожностью».

Попытаемся проследить это на его отношении сначала к нашей первой революции.

* * *

В начале XX века, когда Каутский был еще марксистом, а не ренегатом, он сумел предсказать ту роль, которую сыграл русский пролетариат в последующих трех революциях. Общая картина состояния капитализма ему представлялась в следующем виде: «борьба между господствующими кликами из-за мирового рынка продолжается. Какие бы формы она ни приняла, она все равно будет чревата катастрофами. Война, кризисы и катастрофы—вот та милая перспектива, которую сулит наше развитие ближайших десяти лет (1902). Здесь предсказаны по крайней мере две большие войны (русско-японская и мировая), ряд катастроф-революций.

В отношении России Каутский в том же году написал прямо-таки пророческую статью «Славяне и революция» («Искра» № 18, 1902 г.). В этой статье он писал: «Революционный центр передвигается с запада на восток... именно в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь быть может сама готова послужить для него источником революционной энергии. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма». В этой замечательной статье каждая строчка—пророчество. Действительно, революционный центр передвинулся из Франции, через Германию, в Россию и, не ограничиваясь последней, захватил и многомиллионный китайский народ. Россию

ожидает революция, при помощи которой Каутский надеялся «вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства», который уже тогда распространялся в рядах германской социал-демократии. Здесь действительно предсказано и будущее самого Каутского, т. е. сегодняшнее «дряблое филистерство», за чечевичную похлебку продающее буржуазии свои прежние идеи.

Будучи марксистом, Каутский в это время в названной статье только развивал мысли Маркса и Энгельса. Основоположники марксизма не раз высказывались в отношении русской революции, рассматривая ее как одно из главных звеньев мировой революции¹. Маркс в своих письмах особенно сильно отмечал неизбежность революции в России и ее международное значение. «В России движение зашло дальше, чем во всей Европе,—пишет он 13/XII 1859 г. В предстоящей революции (Маркс говорит о мировой революции.—М. К.) Россия примет участие с большой готовностью»². В 1877 г. Маркс снова писал о России, что она «давно находится накануне переворота, и все необходимые для этого элементы созрели»³. Революция,—продолжает Маркс,—на этот раз начинается на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции. Маркс и Энгельс рассматривали русскую революцию как часть мировой революции. Они не только гениально предсказали нашу революцию, но они точно предвидели и обстановку, в которой она развернется.

Энгельс, например, отмечал огромные пространства восточных государств (сыгравших впоследствии огромную роль в Октябрьской революции), широту размаха распространения капитализма не только в России, но и в Китае. По его мнению, «завоевание Китая капитализмом дает толчок для крушения капитализма в Европе и Америке»⁴. Маркс предсказал войну между Россией и Германией, которая «сыграет по отношению к неизбежной русской революции роль повивальной бабки»⁵. Это предвидение Маркса—Энгельса исполнилось в точности.

Единственно, в чем они ошиблись, это в сроках, но такие ошибки никакого значения не имеют. Важно, что общий диагноз положения, оценка движущих сил и характера русской революции, а также ее мирового значения, были даны правильно.

Если к сказанному прибавить то, что Маркс в 1881 г. и Энгельс в 1885 г. писали В. Засулич⁶, то станет совершенно ясно, что они, особенно в последние годы своей жизни, ждали первых революционных толчков именно из России, где социальные противоречия особенно обострились.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, перевод В. Адолатского, М. 1923. См. письмо Энгельса Марксу от 14/IV 1856 г., стр. 76.

² Там же, стр. 93.

³ Там же, стр. 263.

⁴ Там же, стр. 346. Письмо к Зорге от 10/XI 1894 г.

⁵ Там же, стр. 247. Письмо к Зорге от 1/IX 1870 г.

⁶ «Группа Освоб. труда», сборник № 3 за 1925 г.

Сравнивая взгляды Маркса и Энгельса с мыслями автора статьи «Славяне и революция», видно, что хотя последний, говоря о России, как о зачинщице ближайшей революции и о Западной Европе, как об оплоте реакции, повторял великих учителей, это повторение явилось прекрасным пророчеством для целого периода истории. Это подтвердили не только три русские революции, но и две китайские (1911 года и 1925—1927 годов). Отсюда можно легко сделать вывод, что Каутский накануне первой нашей революции придерживался последовательно революционной линии. Это было бы неверно. Нельзя рассматривать взгляды Каутского на нашу революцию независимо от его взглядов на революцию вообще. Нельзя к тому же основываться только на одной его статье. Надо судить по всему тому, что было написано им в эти годы. Анализ же таких работ, как «Социальная революция», «На другой день после социальной революции», «Ответ Люсне», показывает, что автор их был весьма непоследователен.

В названных работах, даже в «Социальной революции», наряду с признанием наступления эпохи обостренной классовой борьбы, связанной с усиленной концентрацией капитала, с ростом милитаризма и налогов, с ростом эксплуатации, с развалом парламентаризма и либерализма, Каутский отрицает вооруженное восстание, отвергает пути от войны к революции. Если он и признавал стачку, то не как пролог к восстанию, а как средство против восстания.

Правда, для России он делал исключение. Он находил, что «война с Японией может ускорить победу русской революции»¹. Да и вообще он не был тогда против революции, но не «у себя дома». В Германии, по его мнению, самое сильное правительство, лучшая армия, бюрократия и население, лишенное революционных тенденций. В России—другое дело. Страна хотя и отсталая, и пролетариат слабее и менее зрел, чем германский и английский. Но все относительно, в том числе и революционная сила какого-нибудь класса. К тому же «русское правительство самое слабое, с прогнившей бюрократией», потерявшее опору в крестьянстве, так как крестьянин гибнет, голодает или бунтует. Русский же пролетариат (больше, чем где бы то ни было, с беззаветной храбростью бросается в борьбу, так как он находится еще в той стадии, когда ему нечего терять кроме своих цепей.

Конечно, революция в России, по мнению Каутского, не может установить социалистического режима. Для этого экономические условия далеко не созрели в стране, но вызвать к жизни демократический режим с находящимся за его спиной отважным, сильным и стремящимся вперед пролетариатом, способным добиться значительных уступок, это она вполне в состоянии сделать. Кроме того русская революция с подобным режимом окажет «могущественное влияние» на соседние страны в смысле оживления пролетарского движения и демократизации их политического строя. Все сказанное Каутским в отношении грядущей русской революции в

¹ Каутский, Революционные перспективы, изд. «Звезда», СПб, 1907, стр. 21.

1094 г. не плохо, хотя пролетариат и поставлен «за спину режима», прикрытого демократией, конечно, буржуазной.

Такие общие рассуждения в расплывчатых терминах дали некоторый повод считать Каутского чуть ли не стопроцентным сторонником большевизма накануне 1905 г. При этом ссылаются на Ленина. Известно, что Ленин частенько в борьбе с меньшевиками подкреплял свою точку зрения на тот или иной вопрос тогдашним авторитетом Каутского. Но мы должны напомнить, что тот же Ленин писал об этом «авторитете» 12/VII 1905 г. так: «Каутский поместил преподлую статью». Действительно, этот «авторитет» в эти годы поместил не одну «преподлую статью»¹. Дело в том, что Каутский после знаменитой статьи «Славяне и революция» (1902 г.), вернее в начале раскола между большевиками и меньшевиками, после II съезда по ряду важнейших вопросов, особенно по организационным, становится на сторону последних².

Почти одновременно с выходом ленинской книги «Шаг вперед—два назад» Каутский пишет письмо в меньшевистскую «Искру», помещенное в № 66 в мае 1904 г. под заглавием «Каутский о наших партийных разногласиях». В этом письме Каутский целиком разделяет «оппортунизм в организационных вопросах». Выступая в качестве «миротворца», призывающего к единству партии, указывая, что история преподносит ей возможность сбросить русское самодержавие, Каутский в то же время решительно обвинял «большинство» во главе с Лениным в раскольничестве из-за пустякового организационного устава. Критикуя ленинское понимание построения партии, Каутский пишет: «Мы хорошо знаем отрицательные стороны этого типа организации, но все эти отрицательные стороны необходимо присущи всякой тайной организации. Поэтому, если на вашем съезде мне пришлось бы выбирать между Мартовым и Лениным, то на основании всего опыта нашей деятельности в Германии я решительно высказался бы за Мартова». Меньшевики, борясь с организационными идеями Ленина, заявили, что заключения, к которым Каутский пришел, совпадают со взглядами меньшинства.

Меньшевики и Каутский никак не могли понять, что оппортунизм в организационных вопросах тесно связан с тактическими и программными вопросами. Например, тот же Аксельрод писал Каутскому: «Со своим слабым рассудком, я не в состоянии понять, что это за штука такая «оппортунизм в организационных вопросах», выдвигаемый на сцену, как нечто самостоятельное, вне органической связи с программными и тактическими взглядами»³. Вскоре история революции 1905—1907 гг. великолепно расшифровала «непонятную штуку», т. е. вскрыла органическую связь между организационным и тактическим оппортунизмом меньшевиков и тем самым блестяще подтвердила правильность ленинской оценки тогдашних споров.

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 8.

² См. Сочинения Ленина, т. XI, стр. 438—439.

³ Письмо от 6/VI 1904 г. См. сборник «Искра» за два года, ч. 2, стр. 149.

С 1903 и до осени 1905 г. Каутский был определенным сторонником меньшевизма. Это подтверждается его статьями «О разногласиях между русскими социалистами»¹ и «Раскол в русской социал-демократии»². Последнюю статью Ленин и назвал «преподлой»³; в ней Каутский выступает вновь в роли «миротворца», но уже не только в качестве представителя организационного оппортунизма, но и как определенный защитник меньшевистской тактики в развивающейся революции. Как известно, меньшевистская тактика с самого начала революции заключалась в запугивании пролетариата перспективой участия во временном революционном правительстве в случае восстания. Меньшевики, ложно толкуя Энгельса, смешивая временное революционное правительство в эпоху свержения самодержавия с господством пролетариата в эпоху свержения буржуазии, смешивая революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с социалистической диктатурой рабочего класса, предлагали пролетариату «оказывать революционное *давление* на волю либеральной и радикальной буржуазии»⁴.

«Давление» вместо восстания, «оппозиция» вместо участия во временном революционном правительстве—такова была тактика меньшевиков в первой нашей революции. Каково же отношение Каутского к этим вопросам? В статье «Раскол в РСДРП» он писал: «Между двумя фракциями, представленными «Искрой» и «Вперед» (это писалось после III большевистского съезда и меньшевистской конференции.—М. К.), действительные разногласия менее значительны, чем те, которые существуют в самой немецкой социал-демократии... Главный вопрос, разделяющий их в настоящий момент, заключается в том, должны или не должны члены партии принимать участие в будущем революционном правительстве. Но обсуждать дележ этой шкуры еще не убитого медведя можно было, конечно, самым спокойным образом также и внутри единой партии, причем самый спор остается совершенно беспредметным, пока ровно ничего неизвестно о том, как будет выглядеть то революционное правительство, в котором мы должны принять участие». После такого рассуждения Каутский естественно не советует «русским товарищам раскалываться на этом вопросе, как и на всех других, о которых идет спор»⁵.

Делая вид беспристрастного миротворца, он предлагал иностранцам не распространять резолюций большевистского съезда. Он советовал «остерегаться нападок Ленина и его сторонников на Плеханова»⁶. А что значило—не распространять резолюций боевой партии в момент начавшейся революции? Это значит, что глава Интернационала не хотел зна-

¹ «Neue Zeit» № 29 за 1905 г.

² «Искра» № 102.

³ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 7.

⁴ А. Мартынов, Две диктатуры.

⁵ «Искра» № 102.

⁶ Там же.

комить международный пролетариат с теми задачами, которые поставил перед рабочим классом 1905 г. Каутский великолепно понимал, что «суть спора идет по линии вооруженного восстания, временного революционного правительства, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, завоевания республики. «Сглаживая» внутривнутрипартийные споры, он тем самым старался отвести внимание международного пролетариата и революционных партий от самых вопросов, которые ставила в порядок дня революция.

Ленин тогда же в знаменитых «Двух тактиках», полемизируя с Каутским, писал: «Каутский пробует теперь иронизировать, что наши споры о временном революционном правительстве похожи на дележ шкуры не убитого медведя, но эта ирония показывает лишь, как даже умные и революционные социал-демократы попадают впросак, когда говорят о том, что известно им по наслышке»¹. Вопрос о том, смеем ли мы убивать, «убивать медведя» — имел громадное принципиальное и практически-политическое значение для всего Интернационала, а для России и РСДРП крайне серьезное значение. Дело тут не в «наслышке», а в том, что уже тогда немецкая социал-демократия даже во главе с «левым» теоретиком была вполне солидарна с меньшевистскими взглядами на пути и методы нашей революции. В подтверждение сказанного приведем место из письма Ленина в Секретариат Международного социалистического бюро, от 24/VII 1905 г., где он говорил: «Я вынужден заявить, что почти все социалистические газеты, а особенно «Die Neue Zeit» (редактором которой был Каутский.—М. К.)... стоят целиком на стороне «меньшинства»². Меньшинство же, ложно толкуя знаменитое «Обращение» Маркса, не хотело убивать медведя, т. е. звать массы на восстание, и в случае его победоносного проведения принять участие во временном революционном правительстве, осуществляющем диктатуру революционных классов. Наоборот, новая «Искра» писала, что такое участие в революционном правительстве с буржуазной демократией погубит демократическую республику и приведет революцию к гибели. Меньшевики рассуждали не диалектически, а схоластически. Ссылаясь на Маркса, во-первых, не понимали различия исторических условий, а во-вторых, забыли, что Маркс и Энгельс в 1850 году не делали различия между демократической и социалистической диктатурой, т. е. не проводили разницы между программой-минимум и программой-максимум, так как «им капитализм казался дряхлым, а социализм близким»³. Большевики разъясняли новоискрывцам, что если мы добиваемся свержения самодержавия, то мы должны добиваться замены царского правительства революционным правительством, так как республика немыслима без такого правительства. Диалектика истории такова, что демократический переворот совершается пролетариатом при огромной массе союзников из мелкой буржуазии и крестьянства, ре-

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 101.

² Там же, стр. 11.

³ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 321.

альные потребности которых потребуют как раз проведения программы-минимум, которую нельзя смешивать с программой-максимум. Такую программу можно осуществить только при союзе двух классов—пролетариата и крестьянства. А когда они будут вместе «бить» самодержавие и «отбивать» своих врагов, им прежде всего потребуется революционное правительство, классовая сущность которого и будет демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Вот почему новонсковцы были не правы, когда проводили разницу между первым и вторым, т. е. отделяли одно от другого, не понимая того, что отношение между тем и другим «приблизительно таково, как отношение между юридической формой и классовым содержанием»¹.

Октябрьско-декабрьская борьба подтвердила ленинский прогноз. Советы депутатов фактически и были зачатками временного правительства по форме; по содержанию же они были зародышем диктатуры пролетариата и крестьянства. В таком коренном вопросе революции Каутский, предлагая не делить «шкуры не убитого медведя» и придерживаясь амстердамской резолюции, безусловно был солидарен с «меньшинством». Это нежелание идти в поход на «медведя», т. е. не видеть в перспективе революционной диктатуры пролетариата и крестьянства, по нашему мнению, вытекало у Каутского из того неправильного понимания борющихся сил, которое у него было даже в первые месяцы революции.

Рассматривая крестьянство как одну из движущих сил революции, Каутский совершенно не по-марксистски, не диалектически смотрел на взаимоотношения городского пролетариата с крестьянством. В феврале 1905 г. он пишет статью «Крестьяне и революция в России», в которой, критикуя центральный орган германской социал-демократии «Vorwärts», за его отрицательное отношение к революционному движению русского крестьянства, он писал: «В споре между крестьянами и крупными помещиками—городское революционное движение должно было бы держаться *нейтрально*; ему незачем становиться между мужиком и помещиком и охранять последнего от первого; все симпатии городского движения—на стороне крестьян. Но в задачи его не входит *натравливание* крестьян на помещиков, которые в современной России играют совсем не ту роль, какую играло хотя бы французское феодальное дворянство времени старого порядка... Эти отношения помещики и крестьяне сами между собой определяют». Мысль автора статьи не требует особых комментариев. Она сводится к тому, чтобы городские революционеры (социал-демократы) не «натравливали» крестьян на помещиков, так как теперешние русские помещичьи имения—культурные хозяйства. Здесь нельзя не видеть уже в тогдашнем Каутском—современного защитника капитализма.

Такое толкование теоретиком Интернационала основного вопроса революции заставило Ленина немедленно разъяснить Каутскому марксистское понимание взаимоотношений пролетариата и крестьянства, особен-

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 201.

но в начавшейся революции. В статье «Пролетариат и крестьянство» Ленин сравнивал его взгляды со взглядами меньшевиков и эсеров, под видом критики последних он критиковал и Каутского. Суть дела в том,— отвечает Ленин Каутскому,— что отношение революционного пролетариата к тяжбе между крестьянами и помещиками не может быть во всех случаях и при всех условиях одинаковым, при различных перипетиях русской революции. При одних условиях это отношение должно быть отношением не только сочувствия, но и прямой поддержки и не только поддержки, но и «натравливания», при других отношениях может и должно быть нейтральным»¹.

Ленин указывал Каутскому, что революционные социал-демократы (большевики) давно уже определили двоякую задачу в отношении крестьянства. Еще в первых номерах «Искры» (см. № 3) это отношение было четко определено. А накануне революции Ленин взаимоотношения пролетариата и крестьянства выразил в следующей классической формуле: «вместе с буржуазным крестьянством против остатков крепостничества, против самодержавия, попов, помещиков, вместе с городским пролетариатом против буржуазии вообще и буржуазного крестьянства в частности»— вот единственно правильный лозунг сельского пролетария. Короче: «Вместе с крестьянской буржуазией за демократию, вместе с городским пролетариатом за социализм»². Сравнивая ленинскую постановку этого вопроса с постановкой Каутского, невольно бросается в глаза следующее: у Ленина мы видим перерастание одних отношений в другие в связи с перерастанием одного этапа революции в другой; у Каутского— нарочитое отгораживание политической революции от социальной и установление одинакового отношения к союзнику при всех условиях и перипетиях революции. Ленинская постановка насквозь диалектична, а над Каутским довлеет западно-европейская схема.

Общий вывод, к которому мы приходим, таков: Каутский с начала раскола между большевиками и меньшевиками с 1903 г. до осени 1905 г. во всех основных вопросах революции, начиная с организационного и кончая взглядами на взаимоотношения пролетариата и крестьянства, стоял на стороне меньшевиков. Со второй половины 1905 г. Каутский заболевает «левизной»; болезнь продолжается около пятилетия. О диагнозе и сейчас еще нет определенного мнения. Одни говорят— вождь германской социал-демократии полностью разделял большевистскую оценку нашей первой революции (следуют обыкновенно ссылки на Ленина). Другие пишут, что «революция 1905 г. заставила его только потоньше замаскироваться (см. Миронов, стр. 54). Третьи говорят, что он, в оценке революции 1905 г., стоял ближе к большевикам, чем к меньшевикам, хотя и в произведениях этого периода встречается много недомолвок и прикрытых отступлений от марксизма (вопросы о диалектике, диктатуре, о переходных путях к социализму)». Мы думаем, что ближе к истине— последнее мнение.

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 159.

² Там же, стр. 73.

Чтобы уяснить позицию Каутского в отношении нашей первой революции, необходимо сравнить его взгляды со взглядами большевиков и меньшевиков. Это вызывается еще и тем, что по поводу позиции, занятой в отношении 1905 г. Каутским, разгорелась в свое время полемика, в которой различные течения старались подкрепить свои точки зрения авторитетом вождя Интернационала. Большевики (Ленин, Борисов, Ольминский и др.) заявили, что «анализ Каутского дает нам самое полное удовлетворение»¹. Троцкий писал, что у него нет никаких оснований отказываться ни от одного из положений Каутского². У меньшевиков мы не находим единого мнения, но идеолог меньшевизма Плеханов писал, что большевики напрасно хватают за фалды Каутского, ведь последний сказал то, что им (Плехановым) говорилось с 80-х годов³. Даже Мартов, обвинявший автора «Движущих сил» в неправильном методологическом подходе к русской революции, заявил, что Каутский дает материал для опровержения и Ленина и Троцкого⁴. Только наиболее откровенный меньшевик Череванин в своем предисловии к брошюре Каутского признал анализ последнего «совершенно неудовлетворительным».

Если внимательно знакомиться со всем тем, что написано Каутским в отношении нашей первой революции, то мы заметим, что он высказался по самым актуальным вопросам того времени, как то: о характере революции, о движущих силах, о путях и методах борьбы и т. д. Нет надобности рассматривать все его статьи (он написал их около десятка), так как сам Каутский постарался свести воедино свои взгляды по поводу социальных исторических условий, определивших развитие русской революции, в брошюре «Движущие силы и перспективы русской революции».

Тогдашнюю концепцию русской революции у Каутского мы и сравним со взглядами основных течений РСДРП на революцию 1905 г. Оба основных течения смотрели на революцию как на «буржуазную», но тут же начинались разногласия. Самый термин «*буржуазная революция*» понимался двояко. Большевики вкладывали в него такое содержание, которое предполагает необходимые предпосылки для развития капиталистического строя; меньшевики понимали под «буржуазной» такую революцию, которой непременно должна руководить буржуазия (Покровский).

Меньшевистская концепция революции сводилась к следующему: наша революция не есть социалистическая революция, а следовательно, это — революция буржуазная. Она освобождает из сословно-крепостнического плена буржуазные производственные отношения и должна иметь своим объективным последствием создание буржуазного общества, классового господства буржуазии. Пролетариат должен содействовать победе буржуазной революции и, следовательно, переходу власти в руки буржуазии. Победа революции должна повести к буржуазно-демократической дик-

¹ Ленин, Сочинения, т. X, стр. 202.

² Троцкий, В защиту партии, стр. 147.

³ Плеханов, Сочинения, т. XV, стр. 297—305.

⁴ «Отклики» № 2 за 1907 г.

татуре с *пролетариатом в оппозиции*. Поэтому участие во временном революционном правительстве должно быть решительно отвергнуто. Что касается крестьянства, то меньшевики стояли на точке зрения старого отношения к нему, усвоенного еще от европейской социал-демократии. Этот взгляд таков: крестьянство—мелкая буржуазия, являющаяся продавцом своих продуктов на рынке, которые рабочие покупают. Оно заинтересовано в повышении цен, а пролетариат—в понижении. Крестьянство всегда поддерживало буржуазию в борьбе против рабочего класса. Крестьянство—реакционный класс, еще более реакционный, чем буржуазия, поскольку последняя представляет передовой способ производства, а крестьянство докапиталистическую форму производства.

Эта концепция буржуазной революции, руководимой буржуазией при наличии огромного реакционного крестьянства, великолепно сформулирована Мартовым в его ответе Каутскому в 1907 г. в следующих словах: «Так как переживаемая Россией революция по своему социально-экономическому содержанию буржуазна, то по мере ее развития будет разворачиваться буржуазное содержание революционного движения крестьянских масс и тем самым антибуржуазная идеология этого движения и антиреволюционная идеология городской буржуазии будут вытеснены буржуазно-революционной идеологией, которая объединит или сблизит эти два класса». Отсюда меньшевики, естественно, делали вывод, что ни о какой «диктатуре пролетариата и крестьянства» и разговора быть не может. Такое механическое представление совершенно исключает «скачки», опускает, игнорирует конкретную действительность и мыслит революцию по шаблону «в виде медленно и равномерно восходящей линии: сначала очередь за либеральной буржуазией—уступочки самодержавия, потом очередь за революционной мелкой буржуазией—демократическая республика, наконец, за пролетариатом—социалистический переворот»¹.

Если меньшевики полагали, что русская революция пойдет по путям, проторенным западно-европейским движением, то большевики, учитывая наличие других исторических условий, породивших новое соотношение классовых сил, смотрели на революцию не как на типично-буржуазную, а как на *своеобразную буржуазно-крестьянскую революцию*. Гвоздем нашей революции 1905—1907 гг. был аграрный вопрос. Поэтому исход ее зависел от того, как поведет себя крестьянство. Основной задачей революции являлось уничтожение феодального землевладения во главе с диктатурой крепостников-помещиков и создание условий для успешной борьбы рабочего класса против буржуазии. Отсюда непоследовательность буржуазии, ее колебания между революционными массами и самодержавием и неизбежность ее перехода на сторону последнего. Меньшевики, обвиняя большевиков в непонимании буржуазного характера происходящей революции, сами совершенно не могли понять ее своеобразия². Ленин неустанно разъяснял, что: «Всякая крестьянская революция, направленная

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 199.

² Плеханов, Сочинения, т. XV, стр. 281—305.

против средневековья при капиталистическом характере своего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция... Основной источник неверности всей тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период революции (1905—1907 гг.) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией»¹.

Большевики во главе с Лениным ставили вопрос так: мы должны провести и можем провести буржуазно-демократический переворот против самой буржуазии. Она будет отброшена в лагерь контрреволюции. В то же время рабочий класс и крестьянство против воли буржуазии доведут до конца буржуазно-демократический переворот. Отсюда и вытекал лозунг «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», который,—говорил Ленин,—обеспечил бы нам не прусский, не германский, а американский темп (путь) развития. Такая диктатура неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные «легальным» и «мирным путем» созданные учреждения. Без такой диктатуры отразить контрреволюционные сопротивления невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура.

Большевизм смотрел на революцию не как на «непрерывную», а как на демократическую диктатуру, как на временную диктатуру, выражавшую определенное отношение классовых сил на определенном этапе развития революции. Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую со всей четкостью была поставлена Лениным в 1905 г. «От революции демократической,—говорит Ленин,—мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции, мы стоим за непрерывную революцию... Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации, крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянства вообще. Мы знаем действительные условия этой задачи и не затушевываем, а разоблачаем зреющую новую классовую борьбу в недрах крестьянства».

Уже тогдашняя постановка вопроса Ленина бьет нынешних право-оппортунистов за «замазывание» классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. «Не впадая в авантюризм,—продолжает Ленин,—не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевенькой популярностью, мы можем сказать, и говорим, лишь одно: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать демократическую революцию, чтобы легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче—революции социалистической»². Как это не похоже на «перманентный аван-

¹ Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 437.

² Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 186—137.

тиоризм» Троцкого, отрицавшего революционную роль крестьянства, а стало быть и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, и совершенно не понимавшего аграрной души нашей революции.

Подведем итог вопросу об определении меньшевиками и большевиками характера и движущих сил революции 1905 г. Меньшевики утверждали, что России предстоит совершить буржуазную революцию. А раз так, то буржуазия является единственной преемницей самодержавия; пролетариат же должен помочь гегемону (буржуазии) притти к власти, стремясь в ходе революции завоевать для себя максимум уступок. Что касается крестьянства, то оно не может быть надежным союзником пролетариата и непременно будет на стороне реакции¹.

Большевизм указывал на то, что эпоха чистых буржуазных революций прошла. Пролетариат Запада ведет борьбу за социализм. В России буржуазия не способна идти на борьбу с самодержавием, так как она слишком к нему привязана. Пролетариат поэтому—единственный класс, могущий стать гегемоном революции. Отсюда классовое соотношение сил в буржуазной революции большевики формулировали так: пролетариат, присоединяя к себе крестьянство, нейтрализует либеральную буржуазию и разрушает до конца монархию, средневековое, помещичье землевладение. Доведя до конца буржуазно-демократическую революцию (поскольку мы идем в союзе с мелким производителем, стоящим на почве товарного производства), мы тем самым открывали дверь для социалистической революции (борьба против буржуазии при нейтрализации колеблющейся части крестьянства и мелкой буржуазии).

Если меньшевики во главе с Плехановым исходили из общих отвлеченных соображений о буржуазном характере революции и соответственно этому ставили ставку на буржуазию, требуя поддержки со стороны пролетариата, то большевики во главе с Лениным, исходя из правильной методологической постановки, указывали на необходимость конкретного анализа революции и борющихся классов в ней.

Каутский, отвечая на формальную постановку вопроса Плехановым, «буржуазная» или «социалистическая» у нас революция, умело разъяснил своему другу, что самый метод анализа революции у меньшевиков страдает шаблоном, т. е. не является марксистским, диалектическим. К русской революции,—говорил Каутский,—нельзя подходить по старому шаблону: нельзя рассматривать ее поверхностно, как движение, направленное к свержению самодержавия, а надо смотреть глубже, нельзя не видеть положение масс, классов и то, за что они борются.

Каутский смотрел на первую нашу революцию «как на совершенно своеобразный процесс, совершающийся на границе буржуазного и социалистического общества, способствующий ликвидации первого, подго-

¹ Череванин, Пролетариат в революции. М. 1907 г., стр. 57.

товоряющий условия для образования второго»¹, т. е. социалистического общества. Эта мысль высказана им также в статье «Старая и новая революция» в следующих словах: «Скорее же всего русской революцией начнется эра европейских революций, которые закончатся диктатурой пролетариата, проложением путей к социалистическому строю общества». Конечно,—разъяснял Каутский меньшевикам,—«русская революция не социалистическая (о социалистической диктатуре не может быть и речи), но она и не буржуазная революция, ибо буржуазия не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России. Русская буржуазия больше боится революции, чем реакции, и если добивается политической свободы, то для подавления революции: там, где пролетариат выступает самостоятельно, буржуазия перестает быть революционным классом». Каутский, исходя из анализа положения классов в революции, находил, что гвоздем русской революции является аграрный вопрос: «без удовлетворения крестьян... население России не может покинуть революционной партии». Если в «Социальной революции» он был сторонником выкупа, то 1905 год заставил его требовать конфискации крупного землевладения и крупных капиталистических монополий. Такая программа, по его мнению, естественно ускорит процесс превращения либералов в реакционеров.

Что касается мелкой буржуазии, то она становится все реакционнее и ненадежнее. В России, где отсутствовала социальная база (отсутствие ремесленных городов), она еще более склонна, чем ее европейские сотоварищи по классовому положению, к антисемитизму и к реакции. Отсюда Каутский делает вывод, что в России нет остова для буржуазной демократии, нет основания для совместной борьбы пролетариата и буржуазии за политическую свободу. «Класс капиталистов и пролетариат с самого начала революционной борьбы резко противостояли друг другу». Остаются два класса—пролетариат и крестьянство. Общность интересов во весь период революционной борьбы существует только между ними. Только в союзе (в общности интересов) пролетариата и крестьянства заключается революционная сила РСДРП и возможность ее победы.

Каутский разъяснил меньшевикам, что если мы хотим добиться победы, то мы должны внушать своим приверженцам уверенность в ней. «Нельзя успешно бороться, отказываясь наперед от победы». Определив характер революции и поведения классов в ней, Каутский не менее ясно высказался и о формах борьбы. В статье «Перспективы» (1906 г.) он сравнивал июньскую битву 1848 г. с декабрьской борьбой 1905 г., требовал пересмотра выводов Энгельса относительно невозможности баррикадной борьбы при современных условиях техники. Теперь известно, что взгляды Энгельса на тактику баррикадной борьбы были искажены германской социал-демократией, несмотря на протест самого автора «Введения» к «Клас-

¹ Каутский, «Движущие силы и перспективы русской революции», стр. 29 (издание Гиз 1926 г.).

совой борьбе» Маркса. Но тогда Каутский об этом, видимо, еще не знал. Постановка вопроса о «пересмотре» говорит о том, что Каутский тогда стоял на марксистских позициях. Впоследствии Ленин писал, что Каутский был прав, когда после опыта Москвы требовал пересмотра выводов Энгельса.

Итак, Каутский высказался по самым актуальным вопросам революции. Он признавал своеобразие нашей первой революции, совершающейся на границе буржуазного и социалистического общества, указывал на реакционность русской буржуазии, разъяснял меньшевикам, что в России нет остова буржуазной демократии и что время буржуазных революций (в меньшевистском понимании) миновало и для России. Движущими силами он считал пролетариат и крестьянство, неоднократно подчеркивая интернациональное значение революции 1905 г. и признавая ее грандиознейшим и великолепнейшим увенчанием марксовой практической деятельности (см. предисловие к «Теории прибавочной стоимости» стр. 8, изд. 1926 г.). Такой взгляд на коренные вопросы революции несомненно приближал теоретика II Интернационала к большевистской точке зрения. Вот почему неправ Плеханов, пытавшийся в пятом письме «о тактике» отождествить свою меньшевистскую точку зрения со взглядами Каутского¹.

А раз так, то не совпадает ли полностью концепция Каутского с ленинской концепцией нашей первой революции. Известно, что Ленин неоднократно для подкрепления своего взгляда на тот или иной вопрос ссылаясь на международный авторитет Каутского. Но это еще вовсе не говорит, что Ленин во всем был согласен с Каутским в оценке 1905 г. Надо помнить тактику Ленина по отношению к таким авторитетам, когда они начинают приближаться к революционному марксизму. Например, когда Плеханов в период реакции начинал отходить от меньшевиков, Ленин всячески охранял его от различных нетактичных и буквоедских нападок. Такое же отношение, видимо, было у него и по отношению к Каутскому, тем более, что последний подавал надежды в смысле приближения к большевистскому пониманию начавшейся русской революции.

Приближаясь к ленинскому пониманию революции 1905 г., Каутский не далеко ушел от Троцкого. Хотя Зиновьев в своем «Ленинизме» категорически утверждает, что между «перманентной теорией Троцкого и взглядами Каутского ничего общего не имеется, но нам кажется, что кое-что общего в них есть. Это «кое-что» и дало Троцкому повод заявить еще в 1907 г., что у него нет никаких оснований отказываться ни от одного из положений, сформулированных в статье («Движущие силы». — М. К.) Каутского. Будучи попутчиком большевиков, Троцкий в 1922 г. снова заявляет, что Каутский и Мering (в 1908 г.) целиком присоединились к теории «перманентной революции» в его, Троцкого, понимании².

Конечно, Мering здесь притянут за волосы и совершенно нестати.

¹ См. Плеханов, Сочинения, т. XV, стр. 295—303.

² Троцкий, «1905», предисловие, стр. 6.

Меринг действительно написал статью «Непрерывная революция»¹, в которой он умело применял положения Маркса (из «знаменитого Обращения») к русской революции. А «перманентная теория» Троцкого, как известно, ничего общего с пониманием перманентной революции у Маркса (за исключением общего термина) не имеет. Но Каутский, публикуя в своем органе «Neue Zeit» статью Троцкого с обоснованием теории перманентной революции, видимо не возражал против нее. К тому же автор статьи заверял, что редактор «целиком присоединился к его взглядам»². Мы далеки от того, чтобы отождествить «целиком» взгляды Каутского с теорией перманентной революции Троцкого, но «кое-что» их уже тогда сближало.

Многие думают, что Троцкий отрицал возможность буржуазной революции в России в 1905 г. и ждал пролетарской, хотя бы при государственной помощи европейского пролетариата³. Отсюда, мол, у него и лозунг—«без царя, а правительство рабочее». Конечно, авторы теории перманентной революции допускали в России пролетарскую революцию при наличии государственной помощи Запада, но какова будет революция, если этой помощи не будет? Ответ в этой же статье (к которой «целиком присоединился» Каутский) дается такой: «Мы знаем классический пример революции, в котором условия капиталистической буржуазии были подготовлены террористической диктатурой победоносных санкюлотов»⁴. Далее автором развиваются не менее откровенные мысли, высказанные им раньше в рецензии на «Движущие силы» Каутского и сформулированные так: «не имеем ли мы основания думать, что теперь они (условия господства капиталистической буржуазии) будут подготовлены классовыми приемами победоносного пролетариата»⁵. Здесь же дается типичный троцкистский анализ классового соотношения сил, доведенный до неизбежности конфликта рабочего класса с крестьянством даже в буржуазной революции. Что касается «рабочего правительства», то сам Троцкий о нем на Лондонском съезде сказал так: «Правительство, опирающееся непосредственно на пролетариат и через него на революционное крестьянство, еще не означает социалистической диктатуры».

Такого рода рассуждений у Троцкого можно найти сколько угодно. Все они говорят о том, что если не будет предварительной социалистической революции на Западе, т. е. не будет прямой государственной помощи русской революции, то последняя будет только буржуазной, задачи которой разрешает победоносный пролетариат, организованный в рабочее правительство. Будет ли это правительство диктатуры пролетариата? Троцкий сам сомневается в этом. Больше того, он по примеру Каутского просто избегал этого термина. В статье «Каутский о рус-

¹ См. «Начало» № 10 от 25/XI 1905 г.

² См. «1905», стр. 6.

³ Бухарин, К вопросу о троцкизме. Гиз, 1925, стр. 114.

⁴ «1905», стр. 260.

⁵ «В защиту партии», стр. 147.

ской революции» Троцкий в 1906 г. писал: «Каутский отказывается называть это политическое господство пролетариата диктатурой, я обыкновенно также избегаю этого слова, во всяком случае социальное содержание пролетарского господства у меня совершенно то же, что и у Каутского». А если ему когда-нибудь и приходилось употребить термин диктатура пролетариата, то он в нее вкладывал не большевистское содержание, а то, которое вкладывал и Каутский. Об этом он сам признался в 1928 г. в следующих словах: «Диктатура пролетариата именно потому представлялась вероятной и даже неизбежной на основе буржуазной революции, что не было другой силы и других путей для разрешения задач этой революции»¹.

Левая фраза раскрыта самим автором: диктатура пролетариата («рабочее правительство») *на основе буржуазной революции*. Эти положения своей теории Троцкий недавно применял к китайской революции. В своей «критике» проекта программы Коминтерна он писал: «социальное содержание буржуазно-демократической революции должно будет заполнить собой первый период грядущей диктатуры китайского пролетариата и деревенской бедноты». Ясно, что под диктатурой пролетариата Троцкий понимает демократическую, а не социалистическую диктатуру. Теперь становится не менее ясно и то, что он даже октябрьскую революцию квалифицирует как буржуазно-демократическую.

Не противоречит ли сказанное нами ленинской оценке основной ошибки Троцкого, т. е. ошибке игнорирования буржуазного характера нашей революции. Нисколько. Ленин обвинял Троцкого в том, что он не понимал своеобразия нашей революции, ее крестьянского характера, не понимал перехода от одной революции к другой. Своеобразное понимание движущих сил (отрицание революционной роли крестьянства) приводило Троцкого к отрицанию революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Автор теории перманентной революции не понял процесса переплетения антифеодальной революции с антикапиталистической и процесса перерастания демократической революции в социалистическую. Отрицая рев.-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, Троцкий по сути дела убивал теорию непрерывности революции у Маркса. Теорию Маркса надо понимать в двояком смысле: развитие революции по горизонтальной линии (выход за национальные границы) и по вертикальной (внутреннее углубление революции, переход от одного этапа к другому, смена одних классовых соотношений другими). Только так надо понимать знаменитое «Обращение» Маркса. Троцкий видит только первую сторону и не видел второй и главной сущности марксовской теории, т. е. не понимал социальных условий, обусловивших соотношение классов в России в XX веке. Это мешало ему видеть неизбежность на первом этапе революции революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и ее перерастание в диктатуру пролетариата.

¹ Троцкий, «Перманентная революция и линия Ленина».

Если Парвус и Троцкий взяли самый термин перманентной революции у Маркса, то в части социального обоснования своей теории они немало позаимствовали у Каутского. Хотя последний и смотрел на первую русскую революцию как на «своеобразный процесс», но его взгляд далеко не совпадал с ленинским анализом.

Ленин видел в нашей революции осуществление марксовой теории непрерывной (тоже перманентной) революции, начавшейся развиваться в специфических русских условиях в эпоху империализма. Ленин видел не только горизонтальное развитие революции, но главным образом ее внутреннее (вертикальное) развитие: своеобразное соотношение классов, переход одного этапа революции в другой. Вернее сказать, проблема «перерастания» Лениным была четко сформулирована еще летом 1905 г.: «мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче—революции социалистической»¹.

«Своеобразный процесс» Каутского далеко не похож на оценку характера и перспектив революции 1905 года Лениным. На революцию 1905—1907 гг. Каутский смотрел примерно так же, как он смотрит сейчас на восточные революции (Китай, Индия). Сравнивая Запад с Востоком, Каутский в 1927 г. писал: «Иначе происходит развитие в Китае и Индии: Здесь также нет самоуправляющихся городов с сильной независимой буржуазией, которая могла бы выравнивать дорогу перед современной демократией (так же писали Парвус и Троцкий в отношении России.—М. К.). Промышленный капитализм приходит извне, как и в России. Здесь также промышленный пролетариат должен решать революционные задачи вместе с передовой частью интеллигенции... которые на Западе решала буржуазия. Так же, как и в России, здесь пролетариат получает большую, чем в Европе, власть по сравнению с высотой промышленного капитализма этих стран»². Точно такие же рассуждения мы находим и в его брошюре «Американский и русский рабочий» (1904 г.), где он считал единственным революционным классом пролетариат и передовую интеллигенцию, а на крестьянство смотрел как на «вспомогательную силу». Отсюда становится ясным, почему Каутский даже в 1905 г. советовал не натравливать крестьян на помещиков.

Если проследить все высказывания Каутского по вопросу о взаимоотношении буржуазно-демократической революции с пролетарской, то они опять-таки ближе к троцкистскому пониманию, нежели к ленинскому. В тех «перспективах», которые намечались Каутским для нашей революции, никак нельзя обнаружить и намека на ленинское перерастание. По его мнению, русская революция могла дать только толчок пролетарским движениям Европы, но не больше; сама же она оставалась типично буржуазной. Даже в «Движущих силах» мы не находим процесса «пере-

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 187.

² Karl Kautsky, «Die materialistische Geschichtsauffassung». Band II, Berlin. Seite 531.

⁷ Пролетарская революция № 12 107))

растания». В заключительной главе он писал: «Теперешняя крестьянская революция может повести в деревне лишь к созданию крепкого крестьянства... а не к введению социалистического способа производства, даже если бы она временно и предоставила социал-демократии кормило правления». Такие взгляды естественно не приводили Каутского к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, наоборот, он еще летом 1905 г. боролся против нее, когда советовал «не делить шкуры не убитого медведя». Если Ленин и толкал Каутского влево, заставляя его признать неизбежность революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, то сам он нигде ни слова не сказал о ней.

Поскольку Каутский не видел неизбежности в нашей революции диктатуры революционных классов, постольку он не понимал и ее формы—советов, которым исключительное значение придавал Ленин.

Теперешнее совпадение взглядов Троцкого и Каутского на восточные революции не случайно, оно несомненно имело и в прошлом некоторые родственные черты. Если Троцкий не понимал характера революции 1905—1907 гг., то и Каутский не смог объяснить ее характера *«как буржуазно-крестьянской под гегемонией пролетариата»*. Хотя Каутский и заявил, что это революция не буржуазная и не социалистическая, но на вопрос, *какая же она*, он прямого ответа не давал. В обосновании расстановки классовых сил у него и у Троцкого также немало сходных положений. Например, тот и другой недооценивали контрреволюционность русской буржуазии; оба неверно оценивали классовую сущность самодержавия и т. д.

В отношении крестьянства у Каутского не было последовательно-выдержанной позиции. В февральской статье «Крестьяне и революция» Каутский совершенно неправильно толковал о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в начавшейся революции, а в «Движущих силах» он говорит о «союзе» рабочего класса с крестьянством, т. е. солидаризируется с большевиками в этом вопросе. Став на почву «коалиции пролетариата и крестьянства», Каутский тем самым отмежевался как от меньшевиков, так и от Троцкого, так как последний, как известно, отрицал революционную роль крестьянства. Это была такая «недооценка» крестьянского движения, которая естественно приводила автора теории перманентной революции к отрицанию ленинской теории диктатуры пролетариата и крестьянства на данном этапе революции.

Приводя разницу в этом коренном вопросе революции между Каутским и меньшевиками (включая и троцкизм, как разновидность меньшевизма), мы не должны забывать, что и автор «Движущих сил» свой правильный анализ о «коалиции пролетариата и крестьянства» не доводил до революционной диктатуры пролетариата и крестьянства. Не понимая этого лозунга, Каутский естественно не понимал и конкретных путей в деле организации революции, т. е. не только действия «снизу, но и «сверху».

Приближаясь к большевистскому пониманию движущих сил первой

нашей революции, Каутский, подобно Троцкому, совершенно не понимал «своеобразного» перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Ленин в 1909 году писал, что у Троцкого отсутствует ясная мысль о переходе от одной революции к другой¹, а в статье «К 4-й годовщине Октябрьской революции» Ленин и про Каутского писал: «Все Каутские, Гильфердинги, Мартовы и проч. герои 21½ марксизма не сумели понять... соотношения между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революцией»². Как тогда по отношению к нашей первой революции, так и теперь по отношению к восточным революциям Каутский и Троцкий отрицали и отрицают неизбежность революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства как необходимую и переходную форму классового соотношения борющихся сил. Если тому и другому приходилось договариваться до диктатуры пролетариата, то оба они вкладывали в это понятие не социалистическое содержание, а демократическое, при этом они термина «диктатура пролетариата» вообще избегали.

Из всего этого вытекает, что Каутский в годы первой нашей революции не был последователен. Не разделяя меньшевистских взглядов на основные вопросы революции, он в то же время не смог подняться и до большевистского понимания нашей революции. Революция 1905—1907 гг. толкнуло его, как и Розу Люксембург, влево, и в этом их отличие от других вождей II Интернационала.

Как долго болел Каутский «левизной» и насколько он был последователен, это мы попытаемся разобрать в следующей статье.

М. Кроц

¹ Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 44.

² Там же, т. XXVII, стр. 26.

ВОСПОМИНАНИЯ

К ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Руководство вооруженным восстанием в Москве лежало на Федеративном комитете, в который входили представители всех главных партий. От большевиков туда входили т. Шанцер, тогдашний секретарь МК, агент ЦК партии и т. Васильев-Южин. Вопрос о вооруженном восстании решался приблизительно в начале декабря. Ненависть двух враждебных лагерей дошла до такой степени, атмосфера была так накалена, что думать о каком-либо мирном сожительстве, о каких-либо мирных разговорах к этому времени казалось смешным. К началу декабря была подготовлена наша партийная конференция. Конференция,—если не ошибаюсь,—происходила в доме Фидлера. На конференции были почти исключительно представители рабочих организаций. На этой конференции председателем вначале был я, но это продолжалось не более 3—5 минут, и я был сменин т. Шанцером. Принимала участие на этой конференции Землячка, там же был и Станислав, а также приехавший из Петербурга т. Саммер—агент ЦК, привезший и директивы большевикам и сведения об арестах в Петрограде. Одним словом, здесь был весь цвет московской организации, потому что обсуждался вопрос чрезвычайно важный как для рабочего класса, так и для революции.

Я хочу здесь подчеркнуть, что ни Московский совет рабочих депутатов, ни отдельные организации до решения московской конференцией не ставили и не решали вопроса о вооруженном восстании; это у меня отчетливо врезалось в память. Только после того как на этой конференции чуть ли не единогласно решен был вопрос о том, чтобы от забастовки перейти к вооруженному восстанию—только с этого момента появляются то там, то здесь отдельные баррикады. С этого момента делегаты конференции, разойдясь по фабрикам и заводам, дают приказ готовить оружие, подготовиться к вооруженному восстанию. Дальше события идут с невероятной быстротой. Мы уже не успеваем не только руководить всеми событиями, но и уследить за ними. На тогдашней Трехгорке атмосфера была также накаленная, но неопределенная. Достаточно было, однако, появиться первому большевику с ясной партийной установкой и в упор поставить вопрос о вооруженном восстании, как те рабочие, которые, выражаясь языком молодежи, «шамкали резолюции о земле и воле», как эти люди поняли, что землю получить можно только путем вооруженного восстания.

Вспоминается мне мое появление на Трехгорке. Громадная кухня—

вернее полумрачный громадный сарай—каменный мешок, бочки, на бочках сделана эстрада, на эстраде группа товарищей. Достаточно было в этой атмосфере мне, постороннему для рабочих Трехгорки (к посторонним они относились очень недоверчиво) взять слово и заявить, что никогда они землю не получат, если будут ограничиваться одними словами—резолюциями, что получают они ее только тогда, когда прольется кровь, когда они восстанут и свергнут самодержавие,—достаточно было это сказать, чтобы собрание оказалось наэлектризованным. В этот день подъем у рабочих был колоссальный. В связи с организацией восстания к нам должны были прийти с сахарного завода, с Мамонтовского завода, с Московско-Брестской (ныне Белорусско-Балтийской) железной дороги и др. предприятий,—словом, мы ожидали тысяч 10—20 рабочих. Это обстоятельство говорит, что уже за 1½—2 дня до выступления кое-что было сделано и намечено.

На Пресне был организован совет депутатов. По имевшимся у меня тогда сведениям (я к нему имел очень «маленькое» отношение) там было человек 12—15. Кроме того функционировал так называемый боевой комитет. Там приходилось учитывать все вопросы, связанные с вооружением. Эсерам, несмотря на то, что они много говорили о бомбах и другом вооружении, трудно было верить. При проверке оказалось, что никаких бомб у них не было; самое большое, что я там нашел в момент перед демонстрацией, когда мы узнали, что могут быть нападения казаков, это—13 револьверов: из них штук 8—9 системы смит-висон, а остальные браунинги.

Значительную помощь оказывала нам хорошо вооруженная шмидтовская дружина с ее руководителем большевиком т. Николаевым. Мы организовали свой суд на Пресне, организовали свою постоянную разведку.

Каков был план московской организации в отношении руководства восстанием? В московской организации было два предложения. Предложение Шанцера имело в виду организовать непосредственную атаку на дом генерала-губернатора, чтобы взять его (хотя бы это связано было с большими потерями), и отсюда, опираясь на результаты победы, развивать наступление дальше. План Станислава Вольского был иным. Он предлагал начать с окраин и, обогнув все окраины железным кольцом, сжать правительственные учреждения, взяв губернатора и все его силы что называется живьем. И тот и другой план были хороши. Но достаточной вооруженной силы у нас не было. Кроме того мы имели чрезвычайно мало оружия, так как только месяц или полтора, как большевики систематически начали получать оружие. Меньшевики в этом отношении неимоверно отставали (хотя лучшие из них также готовились). Что касается эсеров, то они очень много надеялись на бомбы, но меньше всего думали о вооружении масс.

Первая баррикада (не помню какого числа) была на Садовой. 7—8-го я был там. Мы произвели ряд подготовительных мер. По ночам я с двумя-тремя товарищами производил обход Хамовнического района, затем Бу-

тырского района и Тверскую часть, Марьину рощу. Кроме того у меня была персональная связь с Володей Мазуриным. 8-го мы начинаем строить баррикаду на Пресне. Мы знали, что делается за Горбатым мостом. В Москве на Садовой, недалеко от Аквариума, был первый расстрел. Это как будто бы происходило 7-го или, вернее, 8-го вечером. Происходил расстрел и там, где имеется трамвайная станция на Тверской. Если мне память не изменяет, это имело место против Страстного монастыря. В это время я с рядом товарищей проходил с намерением посмотреть, что делается вечером в Москве. Я увидел вооруженных драгун. Кто-то из рабочих крикнул, или что-то бросил в драгун. Они обстреляли эту станцию. Мы продвинулись дальше и дошли до Аквариума. В это время откуда-то из пулемета затрещали вдоль Садовой. Я повертываюсь к своим товарищам и говорю: «Нам нужно идти к себе домой, дело ясное—игра началась, значит, надо идти куда следует». Домом мы называли то место, к которому мы были прикреплены. Я был прикреплен т. Шанцером к Пресне, и это, следовательно, был мой дом. У меня была группа верных хороших оруженосцев. Это были ученики старой Прохоровской школы и несколько человек из Комиссаровского технического училища. На одной из прилегающих улиц были две квартиры, где жил и ученики этой школы. Туда мне частенько приходилось ходить и там-то мне дали человек 10 парней, которые были моими верными помощниками.

С 9-го числа мы имеем резкий поворот. Борьба началась по всей Москве. Строительство баррикад пошло по всей линии. 9-го, не позднее ночи на 10/XII, после стачки с казаками постройка баррикад была закончена по всей Пресне, и она в общем сплошь была ими покрыта. 9-го ночью мы начали объезды квартир, как военные люди в осажденной крепости. Маленькую деревянную кухню мы сделали штабом—центром восстания. Я думаю, что эта деревянная небольшая кухня на Трехгорке имеет больше прав на существование, чем какой-нибудь домик Петра великого, ее надо превратить в музей. В этом домике у нас были установлены дежурства, сюда приходили дружины. Эсеры предоставили в распоряжение штаба двух женщин—Пчелку (кличка) и Павлову. Я возложил на них заботу о патронах, об оружии. Все оружие приносили сюда, здесь оно раздавалось, сюда приходили уставшие дружинники и сдавали свое оружие, которое получали другие, выступавшие им на смену. Тут же отливали и пули.

С 8—9-го числа, когда кухня стала штабом, здесь полностью прекратились какие-либо дискуссии, митинги. Царствует приказ. Дисциплина была установлена жесткая. Многим из эсерствующих эта дисциплина не нравилась и перед ними приходилось ставить вопрос ребром: или подчиняйтесь, или убирайтесь к чорту; если же не будет ни того ни другого—«расстреляем».

К этому же времени мы уже набрали порядочно оружия. Между прочим, от Мамоитовской дружины к нам пришла с винтовкой очень молодая дружинница. Это была единственная женщина-дружинница, кото-

рая имела огнестрельное оружие. Она и сейчас жива и здорова; она работница-большевичка.

На Трехгорке, у Шмидта, на сахарном заводе и на др. предприятиях потекла боевая жизнь: караулы, пароли и прочее. Главный контингент дружинников представляла все-таки Трехгорка. На территории, прилегающей к тогдашней «Прохоровке», были организованы главные силы. Пресня занимала первое место и в смысле количества дружин. Все же к четвертому-пятому дню восстания смешно было бы говорить, что восстала только Трехгорка и ее соседи. Это была бы неправда. В это время на Пресне были вооружены представители рабочих всей Москвы. Пресня была к этому моменту окружена кольцом баррикад. Если мне память не изменяет—был лишь определенный проход на Большой пресне. Кто шел иным путем—арестовывался и препровождался в штаб. Начиная с 12—13-го, на Пресне шли отовсюду одиночки. Сюда же 15—16-го приехал из Иваново-Вознесенска на Пресню Фрунзе с 2—3 товарищами. В числе арестованных был расстрелянный нами казацкий полковник, помощник пристава Сахаров, обозревавший баррикады, и др.

В пятницу обстановка была уже тяжелая. Действовала одна Пресня. Она была крепостью, которая еще держалась. Восставшие решили, что надо кончить самим. Но как кончать? Смысл нашего решения был таков: мы начали—мы и кончим; мы остановили предприятия—мы их и пустим. А так как разговор шел в пятницу, то в субботу, мы считали, начинать работу не стоит, а начнем мы ее в понедельник утром. В этом духе была составлена отпечатанная на гектографе и распространенная в количестве 200 экземпляров прокламация. В воскресенье предполагалось дать приказ быть всем на месте. В понедельник утром Трехгорка должна была быть очищена от баррикад, и Дубасов с его войсками должен был увидеть Трехгорку в нормальном положении.

Но в ночь на субботу я, пройдясь по Москве, убедился, что мы окружены. В субботу утром началась такая канонада, какую я слышал только в империалистическую войну. По Пресне был сосредоточен невероятный огонь. Часов в десять утра нам стало понятно, что битва проиграна. Пресня горела. Стрельба все больше и больше нарастала и продолжалась без остановки. Разрушали, мстили за свой позор. Разрушали не рискуя ни общей, ни частной атакой.

В последние дни у нас на Пресне не было какой-либо определенной установки. Мы знали, что по всей России уже приступили к работе. В Москве уже начали выходить газеты; железные дороги тоже работали. Не получив директив, мы сами решили в понедельник утром кончать. Дружины и рабочие прятали оружие и расходились. Работа наша сворачивалась. Шмидтовская фабрика с ее запасом леса горела. В ней сгорели убитые, ожидавшие похорон дружинники. Я также уходил. По дороге кой-где валялись трупы. Бомбардировка и пожары выгнали людей на улицу. Стлался едкий дым. Вооруженная борьба на улицах закончилась.

З. Литвин-Седой.

О ПЕРВОМ СОВЕТЕ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Условия жизни рабочих Иваново-Вознесенска перед революцией 1905 г. были чрезвычайно тяжелы. Установленный законом рабочий день в 11½ часов благодаря широкой практике применения так называемых «сверхурочных работ» фактически иногда удлинялся до 15 и больше часов. Нищенского заработка едва хватало на полуголодную еду и самую дешевую одежду и обувь. Официальные подсчеты фабричных инспекторов по 18 крупнейшим фабрикам Иваново-Вознесенска, охватывавшим 20 тысяч рабочих, показывают, что в то время ткачи зарабатывали от 11 до 14 руб. в месяц, шпильницы—от 10 до 11, банкоброшницы и ватерщицы—14—16 руб.; средний заработок подмастерья составлял 28 руб. 60 коп. в месяц, слесаря—26 руб. 81 коп.¹

Наряду с этим на всех предприятиях процветали штрафы и увольнения за самые незначительные недочеты в работе и всякие обиды и притеснения со стороны фабричной администрации. Жаловаться было некому, так как существовавшие тогда якобы «независимые» посредники между рабочими и фабрикантами—фабричные инспектора—фактически были зависимы от фабриканта и всегда держали их руку. Ужасны были и жилищные условия рабочих. На 1 жилья приходилось от 3 до 5 квадратных аршин пола. Заболеваемость на сотню рабочих доходила до 297 в 1894 г., т. е. на каждого рабочего приходилось до 3 заболеваний в год.²

Таковы цифры и факты. Так жили в то время иваново-вознесенские рабочие. Их уделом было самое ужасное экономическое подчинение у своих хозяев и полное политическое бесправие. Не видя никакого выхода из такого положения, они сильно предавались пьянству и легко поддавались на всякие удочки попов и всяких других агентов своих хозяев и стоявшей за их спинами тогдашней царской власти.

В партию я вступил в мае 1903 г., когда была восстановлена иваново-вознесенская партийная организация, после ее разгрома полицией осенью 1902 г. Летом 1903 г. партработа протекала в кружках, руководимых двумя интеллигентами под кличками «Юрик» (Бутягин) и «Степан» (Андреев). В начале осени, когда уехали названные руководители из Иваново-Вознесенска, работой кружков начали руководить уже вступившие в течение лета в организацию товарищи (В. Иванов, я и другие).

¹ В. Г. Пестун, «Красная Талка», Гиз, 1930 г.

² Там же.

В конце осени были аресты, и партработа несколько затормозилась, но через короткое время, после освобождения большинства арестованных, работа вновь пошла прежним темпом, вновь собирались кружки, распространялись прокламации и другая нелегальная литература.

Летом 1904 г. в окрестных лесах устраивались массовки с участием большого количества беспартийных рабочих. На одной из таких массовок в июле, устроенной за мельницей Сластихой, произошла большая схватка с приехавшими из города казаками, в результате которой несколько человек были избиты и арестованы (Кирякина, Голубев и другие). Но организация была уже очень сильная, и аресты эти на ее работе отразились мало.

В связи с начавшейся русско-японской войной парторганизация вела усиленную устную и печатную агитацию среди рабочих. Последовавшие вскоре после начала войны одна за другой военные неудачи поднимали настроение в среде рабочей массы, создавая благоприятную почву для партийной работы.

Ни меньшевикам, ни зубатовцам в Иваново-Вознесенке развернуть работу не удалось, и умами рабочих всецело владела наша большевистская организация. Тем не менее наши первые попытки организовать стачку в связи с событиями 9 января в Петербурге не удались. Но с приближением весны настроение рабочих все больше и больше поднималось, создавая благоприятную почву для всеобщей стачки. Перед стачкой в распространенном среди рабочих группой Северного комитета РСДРП(б) (руководящий тогда орган иваново-вознесенской парторганизации) обращении говорилось: «Нехватает сил больше терпеть, оглянитесь на вашу жизнь,— до чего довели нас хозяева. Нигде не видно просвета в нашей собачьей жизни. Довольно, час пробил!.. Не на кого надеяться, кроме как на самих себя. Пора приняться добывать себе лучшую жизнь. Бросайте работу, присоединяйтесь к нам, забастовщикам, товарищам. Выставляйте 26 требований, изданных нашей партией. Присоединяйте к ним кроме того свои местные, частные требования. Собирайтесь для обсуждения ваших нужд в городе и за городом».

Согласно решению состоявшейся 24 (11) мая партконференции, начать 25 (12) мая стачку, на другой день всеобщая стачка в Иваново-Вознесенске началась, и рабочие многочисленной толпой собрались на площади у городской управы. После нескольких речей выступивших товарищей и оглашения выработанных требований они разошлись с тем, чтобы на другой день также вновь собраться. На другой день для ведения переговоров с владельцами предприятий и представителями власти и для руководства движением бастующие избрали свыше 100 чел. депутатов. Так образовался первый в России Совет рабочих депутатов, послуживший прообразом остальных советов, появившихся позже и в других местах тогдашней России.

Первые заседания Совета происходили в городской мещанской управе. На первом же из этих заседаний был избран президиум Совета, в кото-

рый вошли: А. Е. Ноздрин (гравер), первым секретарем Н. П. Драчев, вторым и третьим секретарями Добровольский и Суховский (все трое монтеры) и казначеем Царский (фотограф). На этом собрании присутствовали старший фабричный инспектор и два его помощника. Обсуждались требования, предъявленные бастующими хозяевам. Эти требования состояли из двух частей—экономической и политической. В число экономических требований входили: 8-часовой рабочий день, 20-рублевый минимум заработной платы, улучшение санитарных условий и т. д. В числе политических были: учредительное собрание, свобода слова, союзов, стачек, собраний, неприкосновенность личности и жилища всех граждан и т. д. Все эти требования были приняты единогласно.

В первые же дни стачки полицией было предъявлено требование присылки на просмотр протоколов заседания Совета. Совет категорически отказал. После этого ему было отказано в помещении мещанской управы для заседаний, а также запрещены были и собрания бастующих на городской площади. Митинги бастующих и заседания Совета были перенесены за город, на речку Талку. Здесь на небольшой лужайке, отделенной от места общего собрания бастующих речкой Талкой, делающей в этом месте крутой изгиб, образуя маленький полуостров—часов с 9 утра соби-рался пленум Совета. На пленуме обсуждались вопросы руководства движением и вырабатывался порядок дня митинга. Здесь присутствовали только члены Совета и представители партийной организации, а посторонние допускались лишь в случаях необходимости заслушания от них каких-либо сообщений.

К концу пленума ежедневно на Талку собиралось несколько десятков тысяч бастующих. Депутаты шли к трибуне (большая бочка) на место общего собрания, которое открывалось речью одного из депутатов в виде сообщения о ходе забастовки. Дальше шло краткое обсуждение практических вопросов по текущим делам стачки, голосовались внесенные советом предложения, а затем выступал кто-нибудь из партийных интеллигентов с агитационной речью на тему о тяжелом положении русских рабочих их бесправии, экономической нужде, о причинах этого и т. д. Бастующие слушали речи выступавших товарищей с большим вниманием, часто прерывая их криками одобрения и аплодисментами. За первым выступал другой, третий оратор, и собрание продолжалось до тех пор, пока слушатели не утомлялись в достаточной степени. Тогда пелись революционные песни, и собрание закрывалось.

В первое время в выступлениях товарищей решительных призывов к вооруженной борьбе не было и наблюдался осторожный подход к подобного рода вопросам. Это вызывалось тем, что отношение большей части бастующих к вопросам политики в первое время было отрицательное. Большинство все еще жило иллюзией, что можно добиться чего-нибудь «мирным способом». Таким образом под руководством парторганизаций через Совет рабочих депутатов Талка с первых же дней стачки начала сильно расшатывать «вековые устои» рабства трудящихся, пре-

вратившись в полном смысле слова в университет политического воспитания бастующих. А фабриканты с ответом на предъявленные требования не спешили, власти тоже активно себя не проявили и собрания бастующих и Совета в течение первых трех недель происходили регулярно.

Наиболее видными и популярными из депутатов были: Е. Дунаев, А. Ноздрин (председатель Совета), Н. Грачев (секретарь Совета), М. Лакин, С. Балашев, М. Киселев, Д. Шорохов, Косяков, В. Морозов, (Ермак), К. Макаров. Из женщин: Е. Балашова, К. Кирякина, М. Разумова, Д. Черникова и др.

Из рабочих депутатов, выступавших на общих собраниях бастующих, особенно появлялся часто на трибуне Е. Дунаев. Он пользовался огромной популярностью среди бастующих, говорил простым и понятным широкой массе рабочих языком, умело и вдумчиво переходил к вопросам, освещал их толково и понятно. Немалую роль в его популярности играла и его наружность. Вид у него был самого заурядного рабочего: рябоватый, худощавый, среднего роста, одет он был всегда в синюю поношенную блузу или такого же цвета простую рубашку, а сверху иногда в сильно поношенный черный пиджачок; голова была прикрыта старой потертой фуражкой. Такая его внешность внушала особое доверие. Рабочие чувствовали, что это «свой человек», у властей же он считался одним из виднейших главарей забастовки, и ими принимались все меры к его аресту, но благодаря хорошей конспирации это не удавалось.

Почти на все экономические требования, предъявленные фабрикантам, от последних был получен отрицательный ответ. После оглашения этого ответа единогласно было решено стачку продолжать. Что же касается политических требований, хозяева в своем ответе заявили, что удовлетворение их зависит не от них, и что направлены они не по адресу. После этого политические требования были выделены и с согласия общего собрания бастующих, за подписями всех членов Совета, были посланы председателю совета министров.

Между тем популярность Совета росла с каждым днем не только среди самих его избирателей—бастующих рабочих, но и далеко за пределами города. В Совет поступили самые разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек на притеснения со стороны хозяев. Поступали жалобы от крестьян на помещиков и на сельское начальство. От рабочих с фабрик соседних городов и местечек часто приезжали делегаты за советами и со всякого рода жалобами на своих хозяев. Их приглашали на заседания Совета, выслушивали, давали им необходимые указания, а часто и посылали с ними на место членов Совета или партийных работников для организации стачки.

С первых же дней существования Совета власти признали в нем орган представительства бастующих и как с таковым вступили с ним в сношения. В первые же дни стачки по требованию Совета были закрыты казенные винные лавки и категорически запрещены картежные и всякие другие азартные игры. В требовании Совета организовать вме-

сто полиции рабочую милицию было отказано, но фактически она была создана и в виде пикетов дежурила у предприятий.

Выступая на общих собраниях, многие товарищи доходили до полной потери голоса, но приезжали другие, и «университет» продолжал свою работу, результаты которой скоро начали сказываться очень заметно. Та самая толпа, которая в начале стачки и слышать не хотела революционных призывов и возгласов «долой самодержавие», «да здравствует вооруженное восстание» и т. д., теперь, после прохождения порядочного курса политической грамоты, уже с большим подъемом аплодировала самым горячим политическим речам, направленным против царского самодержавия, и пела революционные песни.

Вполне сознавая, что Талка подрывает основы самодержавия, основы режима кнута в царстве капиталистов и помещиков, представители власти решились, наконец, применить меры насилия. 16 (3) июля собравшиеся на Талке бастующие вместе с Советом рабочих депутатов были обстреляны казаками. В результате оказалось много раненых, избитых и арестованных. Среди последних—большинство президиума Совета во главе с председателем и многие депутаты Совета. В ответ на это злодеяние властей начались поджоги дач фабрикантов, избивание полицейских и т. д. Собрания Совета и бастующих перенесены были в окрестные леса, и забастовка продолжалась.

Видя бесполезность примененных мер насилия против бастующих, власти через две недели после расстрела вынуждены были снова разрешить собрания на Талке, и «свободный университет» возобновил свои занятия. С трибуны-бочки снова полилось свободное, ничем не ограниченное слово, орудие политического воспитания бастующих, но фабриканты продолжали упорствовать, и стачка затянулась надолго. Озлобленные расстрелом рабочие, несмотря на голод, продолжали стойко держаться. Только в конце июля после получения ряда уступок (повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и некоторых других) стачка полностью закончилась. Так окончилась героическая борьба иваново-вознесенских рабочих, протекавшая под планомерным руководством большевистской партийной организации через впервые родившийся в огне борьбы небывалый до того в истории рабочего движения боевой руководящий пролетарский орган—Совет рабочих депутатов, прообраз теперешних советов.

Как своего рода официальное учреждение Совет просуществовал всего два с половиной месяца, т. е. столько, сколько продолжалась стачка, а дальше он хотя юридически и не существовал уже, но рабочие еще долго продолжали считать работавших вместе с ними депутатов своими представителями, и при всяких конфликтах с фабрично-заводской администрацией вели переговоры только через них.

После окончания стачки полиция пыталась «изъять» некоторых депутатов и произвела ряд арестов, но во многих случаях потерпела неудачу. Так, например, арестованные депутаты (четверо, в том числе и я)

фабрики «Компания» по требованию вновь бросивших работу рабочих были освобождены на другой день после ареста.

Октябрьские события 1905 г. в Иваново-Вознесенске ознаменовались черносотенным погромом, который не был предотвращен главным образом потому, что городской комитет партии совершенно не ожидал его. В Иваново-Вознесенске—городе рабочих—никогда ничего подобного не бывало; октябрьские события застали нас до такой степени врасплох, что мы не могли дать должного отпора погромщикам и понесли ряд жертв: были убиты—видный партийный работник Афанасьев (отец), Красильников и др., не говоря уже о многих избитых и арестованных. Но это, так сказать, нарушение революционного порядка имело место лишь в течение короткого времени. Скоро парторганизация оправилась и снова безраздельно овладела умами иваново-вознесенских рабочих.

Ф. Самойлов

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. В ЛАТВИИ

Революционное движение в Латвии приняло особенно широкие размеры к осени 1905 года. В Курляндии военное положение не в силах было остановить надвигающуюся волну революции. Грозные приказы ген.-губернатора оставались на бумаге. Повсюду происходили массовые демонстрации и митинги. Участились случаи вооруженных стычек. Крестьяне вооружались чем могли и повсюду громили волостные правления, казенные винные лавки, поджигали именья. Рассеянные по всей стране небольшие воинские и полицейские отряды не в состоянии были подавить все растущее массовое движение.

Всеобщая октябрьская стачка в Риге началась 15 октября. Первыми забастовали железнодорожные рабочие, отозвавшиеся на призыв всероссийского железнодорожного союза. Затем стали и остальные фабрики и заводы. Улицы были сплошь залиты толпами возбужденного народа. Повсюду происходили так наз. «летучки» — митинги и демонстрации с небольшим количеством участников, которые рассеивались при появлении полиции и войск, но затем снова собирались в другом месте. В 3 часа дня в мастерских Риге-орловской железной дороги начался митинг, затянувшийся до глубокой ночи. После митинга состоялась демонстрация, закончившаяся кровавыми стычками с полицией. Во время перестрелки с той и другой стороны было убито несколько человек.

Ночью весь город погрузился в темноту. Непрерывный темный людской поток медленно катился по улицам. Иногда в темноте слышался стук копыт и бряцанье оружия — это проезжали казачьи и драгунские отряды. Везде раздавались революционные песни и возгласы. В 10 часов вечера город замер. Улицы совершенно опустели, полицейские посты были сняты. За последние дни полицейские, терроризованные частыми убийствами, почти не показывались на улице, тем более в одиночку. В воскресенье 16 октября толпы рабочих, студентов, учащихся снова наводнили улицы города. У Мироновского коммерческого училища состоялся митинг бастующих учеников средних учебных заведений. В 2 часа дня произошли стычки с драгунами и полицейскими патрулями. После 4 часов на главных улицах состоялась грандиозная демонстрация с красными флагами и революционными песнями. На Мариинской улице завязалась безрезультатная перестрелка с драгунами. В помещении рижского латышского общества происходило собрание националистов-избирателей в Булыгинскую думу. Но на собрание явились «лишенные избирательных прав» и сорвали его.

В течение всего дня происходили митинги в помещении железнодорожных мастерских. Вечером состоялся грандиозный митинг в помещении латышского общества. Некоторые ораторы выступали в черных масках, чтобы не опознали шпики. 17 октября стачка охватила решительно все городские предприятия.

18 октября утром появился пресловутый манифест. Он был расклеен по всем углам, на заборах, на стенах домов. Кучки народа читали и обсуждали его. На улицах царило лихорадочное возбуждение. Из завода Эйкерта толпа демонстрантов направилась на завод Тилло, где в 11 часов утра был назначен митинг. Но демонстрантов разогнали, а рабочего, предъявившего манифест, арестовали.

18-го на Гагенсберге состоялся грандиозный митинг, число участников которого достигало 60 000 человек. Вечером того же дня состоялся митинг в латышском обществе. Была принята резолюция о необходимости немедленного осуществления обещанных свобод, об освобождении арестованных, отмене усиленной охраны, отозвания войск и т. д. Решено было всеобщую стачку продолжать, выпускать только те газеты, издатели которых отказались представлять их на просмотр в цензуру (таковых в Риге оказалось 4—все латышские).

19 октября состоялся митинг на так наз. лагерной площади. Здесь было воздвигнуто до 30 трибун, над которыми развевались флаги. Говорили на 7 языках. Здесь же латышская с.-д. рабочая партия объявила о своей легализации. На всех митингах открыто производилась запись в члены партии. В старом латышском обществе состоялся многолюдный митинг под руководством Яна Асара. Председатель общества латышский националист Гроссвальд, «знаменитый» впоследствии «безгласный», «немой депутат» Государственной думы—вызвал солдат, но по требованию собрания вынужден был отпустить их. Митинги происходили чуть ли не ежедневно. Особенно грандиозные митинги устраивались на Гризенбурге. Число участников здесь доходило до 200 000 человек. Приведу резолюцию, принятую на гагенсбергском митинге и через особую делегацию препровожденную местному губернатору, который тут же дал ответ на изложенные в ней требования.

Этот документ гласит:

1. **Требование.** Освободить всех политических и арестованных в административном порядке.

Ответ губернатора: Будут освобождены все арестованные в административном порядке, а также арестованные за идейную пропаганду; обвиняемые в убийствах будут судимы в обыкновенных уголовных судах, арестованные за насильственное закрытие лавок — мировыми судьями.

2. **Отменить усиленную охрану.**

Не в его власти.

3. **Отозвать войска.**

С улиц войска будут удалены, но вообще они нужны для борьбы с хулиганами и босяками.

4. Предоставить помещение для митингов.

В ответе губернатор советует не собираться в таком громадном количестве на улицах и «чтобы ораторы не приглашали так много народа», «нельзя же всех приглашать на митинги».

5. Удовлетворить требования железнодорожников.

Не в его власти.

6. Отменить обязательное постановление от 17 октября о стрельбе по народу в известных случаях.

Постановление это не противоречит манифесту, но впредь такие издаваться не будут.

7. Назначить выборы в новую Городскую думу.

Не от него зависит.

8. Ввести 8-часовой рабочий день во всех городских и общественных предприятиях.

Не от него зависит.

9. Уволить некоторых полицейских.

Жалобы на незаконные действия полицейских чинов должны подаваться ему лично; он будет внимательно выслушивать все жалобы.

10. Отменить обыски по квартирам и на улицах.

Обыски в квартирах впредь будут производиться лишь по распоряжению прокуратуры; арестованным в течение 24 часов будет предъявлено обвинение или они будут освобождены.

11. Отменить обыски и высылки евреев.

Впредь не будут производиться.

12. Разрешить служащим в городских и общественных заведениях собираться и обсуждать свои нужды.

Не возражает, но советует не устраивать собраний самовольно.

Кроме того губернатор дал обещание, что за распространение и хранение прокламаций и литературы впредь никто не будет привлекаться к ответственности.

Несколько дней город бурлил словно кипящий котел. Митинги и демонстрации не прекращались. Бросалось в глаза, что на митингах часто присутствовали солдаты и городовые в качестве слушателей. В других городах и местностях Латвии в эти дни происходило то же самое.

Но главные события разыгрались пока в Риге, центре движения. 21 октября на Гризенберге состоялся третий грандиозный митинг, разбившийся на множество групп по профессиям. Особо происходили митинги бастовавшей домашней прислуги, извозчиков, ремесленников, лавочников и т. д. Организовались профессиональные союзы всех отраслей труда. Распространялась масса партийной литературы. Фотографы сделали несколько снимков этого митинга. По окончании митинга состоялась грандиозная демонстрация с оркестром музыки во главе.

В октябрьские дни в Риге организовался Федеративный комитет из

представителей Бунда, Российской социал-демократической рабочей партии, Латышской социал-демократической партии и др.,—руководивший забастовкой и дальнейшими массовыми выступлениями в крае. Федеративный комитет стал как бы вторым фактическим правительством края; его распоряжениям беспрекословно повиновались тысячные массы. Преступления уголовного характера прекратились. Наскоро организованная революционная самооборона поддерживала в городе образцовый порядок.

21 октября в Риге появились первые слухи о «черной сотне»; были распространены черносотенные прокламации, кое-где на окраинах произошло избиение евреев. 23-го в Московском форштадте, где жило много русских, были устроены патриотические манифестации, которые закончились еврейским погромом. 7 чел. были убиты, 30 ранено. В местной черносотенной газете «Рижский вестник» было напечатано сообщение, что евреи будто бы бросали в крестный ход «горячие камни». Вмешалась рабочая самооборона и подавила погром. Репрессии со стороны администрации все усиливались. Были уволены все бастующие служащие Ригорловской жел. дороги. 28 октября Лифляндским губернатором Звегинцевым были воспрещены всякие «незаконные собрания».

Теперь посмотрим, что делалось в это время в других городах и сельских местностях. В Виндаве и Митаве состоялись митинги и грандиозные демонстрации. В Либаве грандиозные собрания состоялись за городом, у железнодорожных мастерских. Туда высыпало почти все население города, было устроено несколько трибун, говорились речи на всех местных языках. Митинги состоялись также в закрытых помещениях, причем не обошлось без недоразумений: в либавскую николаевскую гимназию, где происходил митинг учащихся средних учебных заведений, директор гимназии, известный реакционер, вызвал солдат под предлогом, что «жида» громят гимназию. Солдаты прикладами разогнали учащихся; произошла паника и многие были сильно помяты. В маленьком уездном городке Лифляндской губернии—Валке, забастовкой руководили железнодорожники. Был избран Совет рабочих депутатов, во главе которого тоже стали железнодорожники: 1 инженер, служащий и рабочий. 20 октября эти 3 депутата в экстренном поезде из одного вагона с паровозом уехали в Петербург за информацией и директивами, через три дня они вернулись и устроили митинг.

23 октября состоялся митинг на живописных, мрачных развалинах Бауского рыцарского замка. По окончании митинга состоялась демонстрация; число участников было до 3000 чел. В тот же день был устроен митинг в Гольдингене. Из местной тюрьмы освободили всех арестованных. В городах повсюду была организована народная милиция, комплектовавшаяся из рабочей молодежи.

Демонстрации местами носили своеобразный характер. Так, например, 30 октября в Гофберге прибыл пароход «Кондор», на котором развевались красные и черные флаги, играл оркестр музыки и имелась даже большая пушка! На пароходе прибыли ораторы и революционеры из

местечка Шлок. Прибывшие были восторженно встречены местным населением, густой толпой усеявших оба берега. Высадившись на берег, приезжие вместе с собравшимися направились к волостному правлению, где состоялся митинг. Поздно вечером пароход отплыл, салютуя выстрелами из пушки.

Внушительная демонстрация состоялась 23 октября в Тальсене. Уездный начальник с драгунами удалился из города, заперев городских во дворе участка. Единственной властью в городке оказался местный с.-д. комитет. В демонстрации участвовало до 4 000 человек. Вечером городок был иллюминирован.

30 октября состоялся митинг на развалинах Гробинского замка, помещающегося в центре уездного города Гробина (Курляндской губернии). Оратор напомнил о существовавшем в этом замке несколько сот лет тому назад постановлении—у каждого пойманного беглого крепостного отрубать ногу и выставлять ее на шесте на видном месте—на устрашение прочим.

23 октября состоялся митинг и демонстрация в городе Туккуме. Всеобщая стачка здесь не удалась—магазины не закрылись, потому что торговцы вытребовали солдат для защиты «свободы торговли». 26 октября состоялся митинг, созданный городским головою. На этом же митинге в легализовавшуюся с.-д. партию открыто записалось до 200 человек.

В г. Газенпоте число участников митинга и демонстрации достигло 5 000 чел. На демонстрантов напали драгуны, отняли 2 красных флага и убили несколько человек. В сельских местностях более чем в 200 пунктах были устроены грандиозные митинги и демонстрации. Под первым впечатлением манифеста кое-где народ сначала поверил было в искренность данных обещаний и принимал резолюции об осуществлении обещанных свобод, прекращении партизанских действий и церковных демонстраций. Многие терпеливо ожидали осуществления «свобод» сверху. Скептически относилась к манифесту лишь наиболее сознательная часть сельского населения. Из латышских деревень посылались многочисленные телеграммы на имя председателя совета министров—Витте, с требованием поспешить с выполнением данных правительством обещаний. Из Дондангена, например, была послана телеграмма за подписью 6 000 обывателей с требованием полной амнистии, отмены военного положения и реформы местного самоуправления. Но одновременно с этим кое-где уже началось осуществление провозглашенных свобод революционным путем: прекращали уплату податей и налогов, отказывались отбывать общественные повинности и т. д. Многие волости и собрания настойчиво требовали созыва Балтийского сейма для решения местных дел. Усилился бойкот местных властей. Но это были единичные случаи—большинство все еще надеялось, что правительство сдержит свои обещания. Но тщетность этих ожиданий и надежд выяснилась очень скоро. Вместо ожидаемых свобод народ дождался присылки новых отрядов войск—казаков, драгун, пехоты—и усиления ре-

прессий. Войска все чаще стали нападать на митинги и манифестации и все чаще применяли оружие при разгонах.

Своеобразный местный характер движения подчеркивается следующим случаем: 20 октября в Нитауре в местную почтово-телеграфную контору вошли трое революционеров и потребовали у чиновника выдачи денег и оружия. Чиновники заманили двух нападавших в соседнюю комнату и там их пристрелили. 25-го состоялись похороны убитых, сопровождавшиеся демонстрацией. По окончании демонстрации более чем 3 000 присутствующих была принята следующая резолюция: «мы, группа латышских крестьян, признали настоящий момент наиболее подходящим для свержения бюрократии и употребим все силы на учреждение своего *особого народного свободного государства на федеративных началах...* Чтобы обеспечить своему народу свободу культурного развития, мы будем добиваться созыва местного сейма (в Риге), избранного на демократических началах для разрешения местных Прибалтийских дел». Насколько мне известно, это была первая подобного рода резолюция. Латвийская социал-демократия тогда такого лозунга не выдвигала. Тем же собранием были приняты еще следующие постановления: 1) отказаться от содержания и исправления дорог, пока к этому не будут привлечены также помещики, 2) не платить аренды помещикам, 3) потребовать передачи всех помещичьих лесов волостному обществу и не допускать дальнейшей продажи и порубки этих лесов помещиками, 4) с 23 октября 1906 г. закрыть все корчмы и казенные винные лавки до передачи права содержания их волостным обществам, 5) не признавать современных судов, 6) не допускать в школах преподавания на русском языке, 7) объявить бойкот всем сельским пасторам, 8) всякий, нарушающий эти постановления, считается врагом народа».

5 ноября произошло избиение безоружного народа в Старо-Пебалге. 11 казаков, под командой уездного начальника Иванова и его помощника (латыша) Витола, напали на митинг, избивая собравшихся. Казаки врывались даже в дома и там продолжали избиение.

6 ноября происходил митинг в Альт-Ауце, между прочим, разрешенный полицией. Вдруг на митинг явился урядник с отрядом солдат. Офицер подозвал к себе оратора и приказал солдатам... заколоть его! Те, однако, не исполнили этого приказания. Оратору удалось скрыться в толпе. Тогда офицер приказал разойтись. Требование это немедленно было исполнено. Но по уходящим безо всякого предупреждения была открыта стрельба. Ранили до 12 чел. Иногда на митингах пытались выступать и бароны (в Сабиле, 30 октября, например), причем речи их обнаруживали глубочайшее политическое невежество.

На митингах офицеры стали требовать выдачи ораторов, а также сдачи красных флагов. Им, конечно, отвечали отказом. При попытках отнимать флаги происходили стычки с полицией и войсками. Как латышские крестьяне отстаивали заявленные ими на митингах и в резолюциях требования и постановления, доказывает следующий пример: в Курситен-

ской волости 6 августа арестовали учителя Р. Инспектор известил волостное правление, что Р. уволен со службы и предложил выбрать на его место другого, причем уже и наметил своего кандидата. Но крестьяне послали попечителю Рижского учебного округа прошение за 170 подписями о том, чтобы оставили учителем Р., кстати уже освобожденного из заключения. Попечитель отказался. Тогда в школу в большом количестве явились родители учеников и сами потребовали, чтобы Р. приступил к занятиям. Тот послушался. Но высшее школьное начальство настаивало на увольнении учителя и поручило заведующему школой и другому учителю насильно уволить Р. Те послушались и ворвались в класс во время занятий. Учитель Р. отказался уходить. Тогда ретивые исполнители воли начальства стали выгонять учеников, но те тоже не повиновались. Не помогли даже угрозы исключением из школы. Тогда решили отправить инспектору телеграмму о необходимости закрытия школы. Но 31 октября школу осадила толпа народа в несколько сот человек. Собравшиеся потребовали, чтобы попечитель не вмешивался в это дело и считался бы с волей общества.

3 ноября была перехвачена телеграмма лифляндского губернатора Звегинцева об ожидаемом вооруженном восстании латышей, имеющем якобы целью отделение от России и основание собственной республики; для предотвращения этого губернатор ходатайствовал о введении военного положения. Тогда едва удалось предотвратить немедленную вспышку действительного восстания. Слух о перехваченной телеграмме быстро распространился по всей Латвии.

Возбуждение росло. Помещики стали уезжать в города, за границу, бросая свои имения на произвол судьбы. 13 ноября появилось сообщение Курляндского генерал-губернатора Бекмана о том, что всякое собрание будет рассеиваться оружием. Первое серьезное столкновение с войсками произошло 4 ноября в Ленневардене (Лифляндия). В волостное правление явился уездный начальник и урядник в сопровождении 8 драгун, чтобы арестовать вновь избранный распорядительный комитет, но в волости никого не оказалось. Тогда, чтобы не уйти с пустыми руками, устроили охоту за другими подозрительными людьми. Отправились в соседнюю волость—Рангмунедгоф—арестовали там 3 членов распорядительного комитета и учителя; арестованных на другой день собирались отправить в Ригу, но весть об аресте быстро распространилась среди местного населения, и народ толпами стал стекаться к месту происшествия. Почти все были вооружены, хотя некоторые только вилами! Арестованные содержались в имении. На требование народа освободить их уездный начальник заявил, что арест только к лучшему для них. А помощник его стал разъяснять толпе закон об устройстве собраний. Но требования толпы становились все настойчивее и грознее. Тогда полиция снова начала переговоры, чтобы выиграть время и получить подкрепления. Прошло около 6 часов. Толпа стала сильно волноваться, слышались призывы к наступлению. Тогда с верхнего этажа дома барон фон-Раутен-

фельд дал сигнал к стрельбе. Драгуны внезапно открыли огонь, из толпы раздались ответные выстрелы, которыми был ранен драгун. Из толпы никто не пострадал. Драгуны скрылись. Страшное негодование овладело собравшимися. Напрасно полиция уверяла, что не она приказала стрелять. Имение было окружено со всех сторон, а народ все прибывал; даже из смежной Курляндской губернии приходили вооруженные толпы. Наконец, арестованные были освобождены. На станции Огер (Огре) толпою был задержан и обыскан поезд, чтобы убедиться, не увозят ли тайком арестованных.

Стычки между войсками и крестьянами становились все чаще. 12 ноября произошла перестрелка у Нейгофского волостного правления, причем были ранены помощник уездного начальника барон Кампфенгаузен и 1 солдат. 16 ноября произошла перестрелка в Туккуме, при этом 2 драгун были ранены.

Несмотря на грозные циркуляры Бекмана, митинги и демонстрации в Курляндии не прекращались. 22 ноября в местечке Тальсен состоялся съезд делегатов сельскохозяйственных рабочих (до 400 чел.). На делегатов напали драгуны (40 чел.) и без всякого предупреждения открыли огонь. 1 был убит, несколько тяжело ранены. 18 ноября толпа осадила замок братьев фон Адеркас—казацких офицеров, прославившихся своею жестокостью. Оба брата были убиты, а замок сожжен. Того же дня в Шрундене революционеры обратили в бегство отряд драгун, явившихся с целью разогнать митинг. Уже с начала ноября митинги и демонстрации происходили в самых глухих уголках, причем на митинги крестьяне являлись уже вооруженные, чтобы отбить нападение солдат и полицейских. Но и в лагере врагов готовились к борьбе, велась соответствующая агитация, шла мобилизация всех черносотенных сил.

В Митаве, например, пастор Р. открыто проповедывал поголовное истребление всех латышских социалистов—в церкви, с кафедр. Какой-то студент, поляк, открыто агитировал за еврейский погром. Его арестовали, но, составив протокол, освободили. Полиция освобождала хулиганов, травливая их на погромы, вербовала в самооборону. Черносотенцы утвердились даже на некоторых заводах. Так, например, в Митаве, на заводе Гребнера, рабочим раздавались особые «марки» на бесплатное получение пива, за что они приглашались «бить евреев». Но сознательные рабочие сорвали эту попытку, окончившуюся взаимной потасовкой. Ближайшими участниками и руководителями черносотенных банд были сыновья баронов, студенты рижского политехникума, юрьевского университета и заграничных университетов.

Они образовали правильно организованные шайки с оружием в руках, защищавшие свои дворянские привилегии и свои имения. Особенно прославилась борьбою с революцией корпорация «Fraternitas Baltica» (Балтийское братство), самая черносотенная. Характерным эпизодом этой эпохи является так. наз. «газенпотская мобилизация». Газенпот—б. уездный город Курляндской губ. 17 ноября местный полицеймейстер известил про-

живающих в Газенпоте 3 учителей и ветеринарного врача Гертеля, местных популярных общественных работников, что они высылаются из города по приказанию генерал-губернатора. Это распоряжение взволновало всех, особенно когда стало известно, что к высылке предназначено еще 40 лиц. Местная с.-д. организация предложила населению протестовать против этой произвольной меры. На этот призыв все откликнулись с небывалым энтузиазмом. За одну ночь произошла настоящая мобилизация революционных сил. Вооруженный народ со всех окрестностей, за несколько миль даже, буквально наводнил город. Вооружились чем попало: револьверами разных систем, пистолетами, ружьями, топорами, вилами, дубинами. 21 ноября улицы Газенпота были заняты более чем 20 000 вооруженной толпой. Было объявлено осадное положение—не правительством, а боевым революционным центром. Полициеместеру были предъявлены следующие требования: 1) отмена распоряжения об административной высылке, 2) освобождение арестованных политических, 3) прекращение дальнейших арестов на политической почве, 4) отозвание войск и полиции. По исполнении этих требований народное ополчение было распущено. Эта мобилизация сильно подняла настроение курляндских крестьян.

* * *

Латышский народный учитель и школьный вопрос в революции 1905 г. играли не маловажную роль. Народные учителя, которых насчитывалось в Латвии до 3 000 чел., принимали самое близкое участие в революционном движении. Правительство стремилось сделать из учителей чиновников, которые бы служили орудием политики обрусения и которые бы воспитывали учеников в духе казарменной морали верноподданничества. Для подготовки таких учителей были созданы специальные питомники—учительские семинарии. Абсолютная политическая благонадежность было главное, что требовалось от народного учителя, знания, педагогические способности и т. п. стояли на последнем месте. Специальный штат надзирателей—инспекторов народных училищ—зорко следил за нравственностью, образом жизни и работою учителей. Программа народных сельских (волостных) школ дореволюционного периода была настолько урезана, что за три или даже за пять лет пребывания в школе учащиеся не только не приобретали необходимых знаний, но и не научились даже грамоте. Преподавание сводилось к обучению закону божьему, арифметике, чтению, письму, причем все предметы преподавались на русском языке, которого дети не знали, на котором их домашние не говорили. Родному латышскому языку посвящалось несколько часов в неделю и преподавался он небрежно, кое-как, по крайне убогим учебникам. Понятно, что население не могло питать особой любви к такой школе. При первых же веяниях свободы учительство, особенно молодежь, сбросило с себя цепи унижительного рабства. В октябре в Риге состоялось несколько собраний учителей и родителей, на которых стали обсуждаться вопросы о

реорганизации школы. Уже весной 1905 г. у учителей народных училищ была своя организация. К октябрю она сильно выросла и окрепла и работала под руководством с.-д. Тогда же на нескольких собраниях родителей и учителей в Риге была выработана и утверждена новая программа преподавания в волостных школах. Из старой программы было выброшено преподавание закона божьего, бывшего до сего времени одним из основных и обязательных предметов, введены новые предметы (естествознание например).

10 ноября открылся съезд латышских народных учителей. Участвовало в нем до 1000 чел. Председательствовал популярный в Латвии учитель Зеленко, знаток местных условий и языка. Съезд продолжался 4 дня. На этом съезде собрались люди самых разнообразных взглядов: здесь были с.-д., с.-р., либералы и пр. После продолжительного и страстного обсуждения наболевших вопросов школьной жизни съезд вынес ряд принципиальных и практических решений, которые выдвигали политические задачи учительства и намечали ряд мероприятий по реорганизации школы.

Съезд постановил основать профессиональный учительский союз с центральным учительским бюро в Риге (учителя объединяются в отдельные кружки, по 40—50 чел. в кружке). Устав союза было поручено разработать бюро. Следующий конгресс было решено созвать к Рождеству, чему, однако, не суждено было сбыться. Для борьбы с штрейкбрехерами и учителями, активно поддерживавшими реакцию, были созданы особый третейский суд и суд чести. Для успешного и правильного осуществления всех намеченных реформ, а также для установления связи между семьей и школой было решено устраивать в школах периодические собрания родителей и учителей.

Для реорганизации городских начальных, так называемых элементарных, училищ признано необходимым прежде всего добиться реформы городского самоуправления на широких демократических началах, а занятия в этих школах вести тоже по новой программе. Съезд заслушал реферат учителя Золотарева о преподавании русского языка в латышской народной школе в связи с предстоящей реформой и согласился с основными положениями докладчика. Преподавание истории в начальной школе было решено построить на новых началах—ввести преподавание истории и теории классовой борьбы и социально-экономических отношений, а не анекдотическую историю подвигов и злодеяний разных князей и царей, как это было до сих пор. В связи с преподаванием истории уделять также внимание вопросам современности. Знакомить учеников со всеми перипетиями освободительного движения и его деятелями. Национальное самосознание учащихся воспитывать в духе классового пролетарского самосознания. Съезд закрылся вдохновенными призывами к борьбе за социалистические идеалы, учителя призывались растить гербовборцов и т. д. Учителя разъехались по деревням и сейчас же на местах принялись проводить в жизнь постановления съезда, пользуясь самой ши-

рокой поддержкой населения. Прекратилось преподавание закона божьего в народных школах, во многих местах новая программа была введена полностью. Энергично осуществлялся бойкот пасторов и школьного начальства. Родители, крестьяне в большинстве случаев, относились сочувственно к новой программе и к решениям конгресса вообще и оказывали учителям всяческую поддержку и содействие при проведении этой программы в жизнь.

Кроме того определенная часть народных учителей добросовестно выполняла взятое ими на себя обязательство в области политически-просветительной и революционно-агитационной, а также организационной работы среди крестьян. Многие из них открыто вступили в партию с.-д. и самоотверженно работали в качестве ее доверенных лиц в сельских районах. Другие, более осторожные, по преимуществу принадлежавшие к старому поколению учителей от этого воздерживались, но и они являлись в большинстве сочувствующими движению и по мере сил и умения оказывали ему всяческие услуги и поддержку. Лишь незначительная, самая консервативная часть учителей оказалась в стане врагов революции, но и они вначале не осмелились выступать активно против него. Это, по преимуществу, были учителя церковно-приходских школ и затем городские учителя, находившиеся под влиянием духовенства или являвшиеся типичными ведомственными чиновниками.

Вскоре после учительского съезда состоялись съезды латышских крестьян, оказавших решающее влияние на дальнейший ход революционного движения, которое к этому времени уже достигло высшего напряжения.

Следует отметить, что к тому времени в настроении крестьянства—под влиянием агитации с.-д. (но еще лучше агитировали казаки, полицейские и бароны-усмирители)—повсюду произошел полный перелом: теперь уже никто не ожидал реформ сверху и не верил обещаниям правительства. «Революция вырвала у него это обещание, революция же должна провести в жизнь все справедливые требования народа»—так рассуждали в этой среде. И на предстоящих съездах должен был решиться вопрос, как лучше осуществить это.

18 ноября в Либаве состоялся съезд делегатов 20 окрестных волостей. На съезде были поставлены вопросы: 1) о введении новых органов местного самоуправления взамен волостных правлений, 2) о деятельности этих органов, их обязанностях, компетенции и т. д. (народное образование, общественное призрение, вопрос о социальном страховании, о податях и повинностях и т. д. и т. д.), 3) вопрос об объединении крестьян (союз, объединение волостей). Были приняты постановления: 1) немедленно созвать во всех волостях общие собрания крестьян для избрания новых органов волостного самоуправления, 2) ввести в деревне повсюду прогрессивный подоходный налог, 3) передать заведывание и руководство всеми общественными делами в руки общего собрания членов волости и нового органа волостного самоуправления—распорядительного комитета, 4) право участия в местных выборах предоставляется всем лицам

обоего пола, достигшим 20-летнего возраста и проживающим в волости, 5) общее собрание членов волости созывается не реже 1 раза в год и по требованию 50 чел. волости, 6) за свою деятельность новые органы ответственны перед общим собранием членов волости.

19 ноября в Риге состоялся общелатвийский съезд крестьянских депутатов, на котором латышские крестьяне призывались к совместной борьбе за свободу с революционным русским народом, за созыв Учредительного собрания и пр. Съезд постановил немедленно приступить к выбору новых органов крестьянского самоуправления. Требование национальной автономии было решительно отвергнуто громадным большинством. Съезд постановил созвать во всех волостях общие собрания всех жителей обоего пола (с 20-летнего возраста) для выборов волостных распорядительных комитетов из 5 членов, а также для переизбрания волостных судов на демократических началах и т. д. Распорядительным комитетам было категорически воспрещено поддерживать связь с правительством, исполнять его приказания и т. д.; было вменено в обязанность удалить всех пасторов, принять от старых волостных правлений все дела, общественные суммы и имущество, ввести прогрессивный подоходный налог, содержать волостного учителя, писаря, равно и членов распорядительного комитета, заботиться о нищих, наблюдать за преподаванием в школах по новой программе. Кроме того распорядительные комитеты должны были: 1) следить за тем, чтобы помещики не вырубали лесов, 2) закрыть все корчмы и казенные винные лавки, 3) устраивать общие собрания членов волости по требованию более чем 20 членов, 4) заботиться об улучшении участи помещичьих и крестьянских батраков, 5) в случае увольнения помещиками бастующих батраков и необработки вследствие этого полей (как это бывало в Курляндии во время летней забастовки батраков) вся помещичья земля переходит в артельное пользование батраков данного имения, которые пользуются землею на правах арендаторов под наблюдением распорядительного комитета, уплачивая аренду волостному обществу, собственностью которого и считается эта земля. В случае попыток администрации помешать деятельности распорядительного комитета, ареста его членов и т. п., все члены данной волости во главе с распорядительным комитетом обязаны были дать отпор посягательствам подобного рода в случае необходимости пуская в ход оружие. Распорядительным комитетам было поручено осуществить еще следующие революционные мероприятия: отменить уплату всяких старых налогов впредь до коренной реформы налоговой системы и следить за выполнением этого решения. Распорядительным комитетам поручено также практически осуществить отмену всех помещичьих привилегий и организовать самооборону (народную милицию) для защиты завоеваний революции и борьбы с полицейскими и воинскими отрядами. Для успешной борьбы с врагами революции было решено установить связь между распорядительными комитетами и их центральным бюро в Риге, а также со Всероссийским крестьянским союзом для согласования действий. Распорядительные комитеты были только времен-

ными органами революционного самоуправления до созыва Учредительного собрания, которое должно выработать проект местного самоуправления.

9 декабря, когда вся Латвия уже была объята пламенем восстания и с севера уже надвигался со своими карательными отрядами ген. Орлов, латышское центральное крестьянское бюро обратилось ко всем распорядительным комитетам и всему латышскому крестьянству с манифестом, в котором подводились итоги победам и достижениям, отмечались мероприятия новых революционных органов и давались практические указания о дальнейших действиях. Привожу здесь сокращенное содержание этого исторического документа.

«Мы не могли поступить иначе, — говорится в воззвании. — Пьяные казаки, солдаты и озверевшие бароны наводнили нашу страну, засели в помещичьих замках. Каждую ночь они охотились за людьми, а старые волостные старшины и писаря были их подручными. Могло ли это быть терпимо дальше? Мы освободились от них, но на горизонте сгустились новые мрачные тучи: генерал-губернатор, опираясь на вызванные им войска и все имеющееся в его распоряжении средства, будет пытаться восстановить старые порядки. В борьбе с нашей стороны многие могут погибнуть, но как бы то ни было — возврата к старому для нас нет и не может быть. Мосты к прошлому нами разрушены навсегда... Революция не дело одного дня. Финны боролись десятилетия... Надо укреплять новые органы самоуправления...» Одной из первых задач распорядительных комитетов является аккуратное собирание податей по новой налоговой системе. Прогрессивный подоходный налог вводится немедленно. Ставки его с 200—300 руб.—1%, 300—400 руб.—2% и т. д. Необходимо произвести переоценку доходов дворохозяев и батраков. Согласно полученных данных определяется платежеспособность жителей и производится соответственная группировка налогоплательщиков. Самую низшую категорию плательщиков составляют одинокие батрачки, затем следуют семейные батраки, потом одинокие, затем дворохозяева; высшую категорию плательщиков составляют помещики. Подати уплачиваются в 2-месячный срок (Следует отметить, что вначале подати поступали в распорядительный комитет крайне исправно.—К. Л.).

Были произведены также пере выборы волостных судов на основании всеобщего, равного и т. д. голосования. Но вначале для них почти не было работы, так как всякого рода уголовные и иные преступления почти совершенно прекратились, а другие наиболее серьезные дела разбирались всем обществом на общих собраниях. Но зато оказалась потребность в высших судах, которые были учреждены по древнему шведскому образцу. В имениях, покинутых владельцами, назначались особые управляющие, которые выбирались общим собранием членов данной волости. Их обязанностью было надзирать за правильным ходом работ батрацких артелей, следить, чтобы рабочим аккуратно выплачивалось жалованье и т. д. Надзирателей же, старост, руководителей работ выбирали сами батраки. Где не хватало средств для содержания батраков, там распорядительный комитет

продавал с аукциона часть инвентаря на покрытие расходов. Впоследствии, ввиду усилившейся агрессивной политики помещиков, было постановлено конфисковать и продавать с аукциона все имения, но это постановление уже не могло быть проведено в жизнь... Дробить помещичьи хозяйства на мелкие участки не разрешалось. Помещикам, которые не участвовали в активной борьбе с революцией, нечего было опасаться—их никто не трогал. Они могли спокойно оставаться в своих имениях и вести свои хозяйства, разумеется по удовлетворении требований своих батраков. В первую очередь революционеры стремились к уничтожению помещичьих привилегий; помещики превращались просто в крупных землевладельцев: *«Частная собственность на землю в ближайшем будущем не может быть уничтожена»*,—говорится в воззвании бюро. Но таких помещиков, которые не участвовали в борьбе с революцией, почти что не было—во всяком случае они составляли единичные исключения. Было также строго запрещено вырубать помещичьи леса на частные или общественные нужды, для собственного пользования или продажи без разрешения распорядительного комитета.

О народной милиции в упомянутом воззвании говорится следующее: «Для охранения общественной безопасности и защиты прав народа учреждается народная милиция, которой заведует особая комиссия. Милиционерам во время службы выдается 50 коп. суточных. Между распорядительными комитетами организована связь: на каждой 10-й версте расположен пост, кроме того в распоряжении распорядительных комитетов имеются телефоны». При приближении сильных отрядов войска, которым милиция не могла дать своими силами надлежащего отпора, рекомендовалось отступать и вести партизанскую войну. Предлагалось всеми силами задерживать продвижение войск, препятствовать доставлению им провианта, портить пути сообщения, мосты и т. д. Распорядительным комитетам было строго наказано проявлять в своей деятельности полнейшее беспристрастие и объективность, так чтобы все видели, что они лучше и больше заботятся о всеобщем благе, чем старые волостные правления. На распорядительные комитеты была возложена также обязанность ведения актов гражданского состояния, регистрация браков, рождений, смерти и т. д.; им вменено также в обязанность вести самую энергичную и беспощадную борьбу со всякого рода хулиганством, грабежами, особенно теми, которые совершались якобы от имени партии или местных революционных организаций, разоблачать и беспощадно карать всех авантюристов и провокаторов, выдававших себя за революционеров и социал-демократов.

Воззвание это заканчивается обещанием в скором времени созвать следующий съезд. Однако дальнейшие события помешали осуществлению этого обещания.

Осуществить намеченное на первом крестьянском съезде удалось лишь частично, и то не повсюду, потому что надвигались уже грозные события, приближалась решительная схватка. Контрреволюция перешла в открытое наступление, мобилизовала все находящиеся в ее рас-

поражении силы—и на маленькую революционную Латвию был брошен сильный «кулак»—бароны получили, наконец, достаточную помощь и поддержку.

24 ноября в Риге была перехвачена телеграмма из Петербурга о введении в Лифляндии военного положения. Хотя официального извещения об этом местными властями еще не было получено, но весть об этом с молниеносной быстротой облетела весь город. Сомнений быть не могло, и рабочие ответили на этот вызов объявлением всеобщей стачки, которая началась уже на другой день—25 ноября.

25 ноября утром на всех рижских сталелитейных заводах рабочие ковали оружие, распевая революционные песни. После обеда все заводы стали. Толпы народа наводнили улицы. Прекратилось движение трамвая, извозчиков. Закрылись все магазины. На улицах появились усиленные воинские патрули; даже артиллерия в полной боевой готовности разъезжала по улицам. Но отношения между солдатами и народом вначале были внешне миролюбивые. В отдельных кучках в 60—70 чел. велись беседы между рабочими и солдатами. Мальчики весело шутили с артиллеристами, засовывали в жерла орудий прокламации.

Вечером у здания городской думы были расклеены 3 телеграммы—от губернского предводителя дворянства, губернатора и городского головы на имя царя, премьера Витте и министра внутренних дел Дурново, заключавшие в себе ходатайство об отмене военного положения. А на всех столбах объявлений, заборах и стенах домов, вместо официального извещения о введении военного положения, были расклеены воззвания и обязательные постановления Федеративного комитета с призывом ко всеобщей забастовке. На другой день, 26 ноября, на всех больших заводах происходили митинги. Настроение было повышенное, бодрое, дисциплина и порядок образцовые. К вечеру стали распространяться нелепые слухи, что ночью будет погром. По всему городу были расставлены усиленные воинские части с пулеметами, но, понятно, никакого погрома не было.

Того же числа в 11 час. утра происходило собрание железнодорожных служащих и рабочих Балтийской железной дороги, всего присутствовало до 5000 чел. Вдруг появился отряд солдат унтер-офицерского батальона под командой офицера, приказавшего немедленно разойтись. Когда это приказание не было сразу исполнено, офицер приказал готовиться к стрельбе. После второго сигнала рабочие с криком «забастовка» рассыпались по линии и мастерским. Тут же, на глазах солдат, из паровозов был выпущен пар и так началась железнодорожная забастовка. Руководил ею популярный в Риге тов. Максим. Вечером на собрании железнодорожников снова произошла паника. Только благодаря самообладанию и хладнокровию того же тов. Максима, который председательствовал на этом митинге, собрание не было сорвано. К воротам завода направились вооруженные рабочие-дружинники, чтобы дать отпор казакам, нападение которых ожидалось. Однако все обошлось благополучно. После митинга

состоялась демонстрация. Из всех домов демонстрантов приветствовали восторженными кликами—«Да здравствует революция!».

В воскресенье на улицах царило необычайное оживление. Повсюду двигались группы манифестантов, площади и улицы были буквально наводнены людьми, на всех заводах и многих частных домах развевались красные флаги. Во многих местах происходили митинги. На улицах возле помещений, где происходили митинги, дежурили вооруженные ружьями и саблями патрули рабочих, охраняя помещения от нападения черносотенцев и казаков. Отношение с солдатами регулярных войск попрежнему было хорошее.

Именно об этой забастовке в эти дни были разосланы неизвестно кем во все концы России и напечатаны во всех почти столичных и провинциальных газетах телеграммы о том, что «в ответ на новую репрессивную меру правительства,—объявление Лифляндии на военном положении—весь край ответил вооруженным восстанием. Командующий краем г. Риги подал сигнал. Там все правительственные учреждения и банки заняты рабочими, которые подняли на всех зданиях красные флаги». Произошел будто бы кровавый бой у Двинского вокзала. Одновременно была послана кем-то от имени якобы революционного комитета провокационная телеграмма в Либаву и другие города края с предложением присоединиться к «рижскому восстанию». Россия в те дни пребывала в совершенном неведении относительно того, что на самом деле творилось в Латвии. Благодаря прерванному сообщению многие верили всевозможным сенсационным сообщениям о победоносном рижском восстании. Возможно, что автором этого «слуха» был просто жадный на сенсацию газетный корреспондент, но и весьма вероятно, что эта сенсация была пущена из другого источника с определенной целью—напугать обывателя и либералов («смотрите, мол, Латвия восстала, отделиться хочет от России»; в таком духе уже писало «Новое время») и подготовить так наз. общественное мнение к той кровавой расправе, которая уже нависла над Латвией. Второе объяснение, по моему мнению, более вероятно. А между тем то, что происходило в Риге, все же далеко еще не было вооруженным восстанием и открытой вооруженной борьбой, хотя нельзя отрицать того, что это было уже прелюдией восстания: вооруженная борьба могла вспыхнуть каждую минуту—положение было весьма и весьма напряженным.

В воскресенье, 27 ноября, по всему городу были расклеены обязательные постановления Федеративного комитета о воспреещении торговцам повышать за время стачки цены на съестные припасы, воспреещение под страхом смертной казни стрельбы в солдат и т. д. Комитет в эти дни фактически был единственной сильной и авторитетной властью в городе. В понедельник, 28 ноября, на всех заводах состоялись митинги. После обеда вдруг появились извещения Федеративного комитета о прекращении забастовки по тактическим соображениям. Воинственно настроенные рабочие сначала не поверили такому сообщению, сочли его за провокацию

и в нескольких местах лица, наклеивавшие эти извещения, чуть не заплакали жизнью. Рабочие повсюду высказывались за продолжение забастовки. Едва удалось убедить их в необходимости пока прекратить забастовку, ввиду приближавшейся уже решенной всеобщей всероссийской забастовки. Как бы то ни было, эта «неувязка» внесла известное расстройство в рабочие ряды и это пагубно отразилось на дальнейшем ходе событий. Во вторник почти на всех заводах приступили к работам. Только железнодорожники упорствовали и даже Максиму не сразу удалось убедить их прекратить забастовку.

Одновременно всеобщая стачка была проведена с большим или меньшим успехом и в остальных местностях края. В Митаве она началась 28 ноября и удалась блестяще. Были митинги в 6—7 тысяч чел., демонстрации. Не обошлось и без стычек с полицией и войсками, причем были раненные с обеих сторон.

В связи с этой забастовкой усилилось революционное движение и в деревне. Здесь оно принимало подчас характер открытых вооруженных стычек. За ноябрь в сельских местностях Латвии было до 30 случаев изгнания из церквей и приходов лютеранских пасторов. Повсюду участились поджоги имений. Чуть ли не ежедневно происходили нападения на казачьи разъезды, часто удачные. 22 ноября вооруженная группа крестьян в 100 чел. напала на имение Кейшен, где расположились драгуны. Был убит офицер и тяжело ранены 3 драгуна. Власти тем временем все подвозили новые силы. В Митаве было сосредоточено много войска, рижский гарнизон был увеличен до 30 000 человек. Характерно, что к этому времени в Рижской гавани появились иностранные военные суда, между прочим, один шведский крейсер, якобы прибывший за шведскими подданными на случай начала восстания. Ожидались военные суда и других европейских государств—Германии, Англии, Франции. Повсюду наблюдалось массовое бегство полицейских с занимаемых ими должностей. 27 ноября произошла серьезная стычка у ст. Рингмундсгоф (Лифляндия). Революционеры заняли каменное здание станции и открыли стрельбу по драгунам. Завязалась перестрелка. В это время прибыл поезд с революционерами, которые напали на драгун с тыла. Очутившись под перекрестным огнем, драгуны отступили. Чтобы пресечь революционерам путь к отступлению, драгуны принялись разрушать полотно железной дороги. В это время из поезда в них была брошена бомба, которою были ранены начальник отряда и 30 драгун. После этого драгуны спешно отступили, но попали в болото, где у многих из них погибли лошади. Перестрелка продолжалась около получаса; несколько серьезно раненных драгун осталось на месте стычки.

24 ноября в г. Фридрихштадте местному уездному начальнику и драгунам приказано было оставить город; те повиновались, заявив, что уступают лишь превосходству сил. Управление городом взял в свои руки особый комитет из 10 человек, избранный всеобщим голосованием на собрании всего населения города.

* * *

Латышские крестьяне ответили на введение военного положения в Лифляндии усилением революционной борьбы, сожжением имений и массовым террором по отношению к полицейским и помещикам. Одновременно усилилось также движение и в Курляндии. Но с особой силой вспыхнула тогда революционная борьба в Лифляндии, на побережье красивой многоводной Западной Двины. Здесь события достигли крайнего напряжения и приняли характер открытого массового вооруженного выступления. В Кокенгузене весть о введении военного положения и всеобщей забастовке в Риге была получена 26 ноября. Немедленно было созвано собрание всех взрослых жителей. Мужчинам было роздано оружие (многие явились уже вооруженными) и сформирован отряд народной милиции. Вечером того же дня на станцию Кокенгузен прибыл бежавший из своего прихода пастор Штоль с семьей, 5 возами имущества и в сопровождении 7 вооруженных телохранителей. Так как поезда вследствие железнодорожной забастовки не ходили, то пастор остановился в местном пасторате. Ночью отряд милиционеров окружил пасторат; у пастора и его спутников потребовали сдачи оружия. Осажденные предлагали значительный выкуп, но сдать оружие отказались. Тогда начался обстрел пастората. Осажденные отвечали. Все окна были прострелены, а на другое утро оказался раненым сын пастора. После этого осажденные сдались и в руки революционеров попали несколько ружей системы Маузер, 7 маузеровских пистолетов, несколько браунингов, масса патронов, пороха и холодного оружия. Беглецов сначала арестовали, но затем освободили.

В воскресенье в Кокенгузене была получена весть, что в Ремерсгофе драгуны и черкесы под предводительством уже «прославившегося» усмирителя фон-Петерсона, его писаря и главного палача Максимовича совершили нападение на крестьян. Кокенгузенская милиция поспешно направилась в Ремерсгоф. Но бароны заперлись в хорошо укрепленном и занимающем весьма удобное стратегическое положение замке. Милиционеры оцепили замок со всех сторон. Вдруг было получено известие, что в помощь осажденным у Фридрихштадта через реку переправляется отряд войска. Милиционеры отправились навстречу солдатам и несколькими залпами в воздух заставили их вернуться. После этого милиционеры возобновили осаду замка и начали его обстреливать. Драгуны отвечали залпами. Все дороги к замку были заняты вооруженными постами и тщательно охранялись. В понедельник, 28 ноября, перестрелка усилилась. Драгуны сделали вылазку из замка и оттеснили милиционеров. Через час они были отбиты и отступили в замок. Но во время боя баронам удалось бежать из замка. Драгуны вышли вслед за ними, прикрывая бегство баронов. Революционеры заняли замок, тщательно обыскали его и конфисковали некоторое количество оружия. В подвале замка были найдены изуродованные трупы двух крестьян-милиционеров, арестованных

черкесами. Их истязали, допрашивая о планах осаждающей замок милиции, а потом пристрелили.

В догонку бежавшим баронам спешно отправился сильный отряд милиции и одновременно были извещены соседние Ленневарденские и Рембатенские комитеты о бегстве баронов. (Телеграф был в руках милиционеров.) Значительный отряд Ленневарденских милиционеров встретил беглецов у Ленневарденской корчмы и вступил с ними в перестрелку. После ожесточенной перестрелки беглецы отступили. Драгуны потеряли в перестрелке из 120 человек до 40. Бароны—до 40 человек—со всеми семьями, добровольной дружиной, черкесами и драгунами заперлись в Ленневарденском замке и подняли белый флаг. Капитуляция, условия которой были выработаны Ленневарденскими милиционерами, была весьма «почетной» для баронов: они должны были отдать только маузеровские винтовки и пистолеты, а остальное оружие со всей амуницией оставалось при них. У драгун отняли лишь часть патронов. Но тем временем прибыли отряды Кокенгузенской и Ремерсгофской милиции, которые заявили самый категорический протест против такой капитуляции. Они поставили непременным условием сдачи: полное разоружение драгун и баронов и выдачу милиционерам барона Петерсона, его писаря Максимовича и черкесов. После этого сдавшимся гарантировалась личная неприкосновенность, но все они оставались пока под арестом. Бароны сначала отказывались выполнить эти требования, но затем уступили, выдали оружие и требуемых лиц. В ту же ночь революционерами были арестованы многие другие окрестные помещики—Либковский, Шейнфогель, барон Майдель, двое братьев Левис-оф-Менар, фон-Бегезак, Махмергаузен, граф Сиверс и мн. др. Возбужденный народ хотел немедленно расправиться с этими ненавистнейшими своими врагами, но его удержали от этого, указав, что бароны могут пригодиться в качестве заложников. Этих баронов тоже подвергли аресту под охраной милиционеров. Спустя несколько дней в Лифляндский дворянский конвент в Риге поступило заявление за подписями всех взятых в плен баронов о необходимости отмены в крае военного положения, отозвания солдат, отказа дворян от всех своих привилегий, об уравнивании всех повинностей и т. д. Такие же требования были предъявлены дворянству от имени латышской социал-демократической рабочей партии. До получения ответа арестованных заключили в Кокенгузенский замок—красивое здание, расположенное на живописном холме.

Петерсон, Максимович и оба черкеса, отличавшиеся особой жестокостью и кровожадностью при нападении на крестьян и на дворовых, были расстреляны. На протяжении 100 слишком верст—от Нитаурена до Зегевольда запылали помещичьи замки и усадьбы. Свыше 30 замков (всего 35) были сожжены в эти дни дотла или разрушены. Народ повсюду спешно вооружался. Небольшие отряды драгун и казаков отступали, избегая стычек с превосходящим их численно противником. В то же время в помощь им в Риге спешно снаряжались новые отряды войск. В Курляндии творилось то же самое. Города Виндава, Гольдинген, Газенпот и

4 местечка были очищены от войск и полиции и заняты революционерами. Повсюду вводилось самоуправление на демократических началах, организовалась милиция и т. д.

Арестованные в Кокенгузене бароны были вскоре освобождены и под конвоем милиционеров отправлены в Ригу. Они дали торжественное обещание впредь не участвовать в борьбе с «освободительным движением» и всеми силами содействовать умиротворению края, добиваясь удовлетворения справедливых требований народа. Следует ли говорить о том, что они своего торжественного обещания не сдержали, а, наоборот, впоследствии явились самыми ретивыми «усмирителями», помогая властям при составлении проскрипционных списков, командуя карательными отрядами и т. д.

* * *

Одним из самых ярких эпизодов революционного движения этого периода является знаменитое Туккумское восстание. Туккум—небольшой уездный городок Курляндской губернии, но революционное движение захватило и его, и он стал центром для окрестных волостей. По объявлении губернии на военном положении здесь расположился отряд драгун. Драгуны вели себя по обыкновению вызывающе, словно в завоеванной неприятельской стране. С ростом революционного движения здесь тоже организовалась милиция, и на улицах стали дежурить патрули вооруженных милиционеров. Ночью на 28 ноября драгуны без всякого повода напали на патруль, застрелили одного милиционера, другого ранили. В городе наступило сильное возбуждение, усилившееся благодаря вызывающему поведению местного уездного начальника, барона Радена, прямолинейного и зверски жестокого усмирителя. Он задерживал и обыскивал всех прохожих, мужчин и женщин, допрашивал и обыскивал всех приезжавших в город. Кроме того драгунам было приказано разгонять всех, останавливающихся на улицах. Было отдано также распоряжение сжигать каждый дом, из которого последует выстрел.

На другой день после убийства двух милиционеров драгуны опять уже днем без всякого повода открыли стрельбу по милиционерам. Народ в панике бросился бежать. Этот случай усилил раздражение. Все спешили вооружиться. Среди окрестного населения распространился слух, что в Туккуме орудует «черная сотня». В город стали стекаться вооруженные толпы крестьян. Многие приезжали на больших крестьянских телегах. За одну ночь прибыло до 70 подвод. Город быстро наполнялся милиционерами. А в гостинице, где всегда останавливались бароны, пьянствовали драгуны. В среду 30 ноября трое драгун отправились за сеном в имение барона Рекке (Дурбен). Возле церкви по ним раздались 3 выстрела, двое из них раненые упали с лошадей, третьему удалось ускакать. После этого драгуны забаррикадировались в гостинице. Несколько драгун вышли на разведку. Их не тронули, но когда они вернулись в го-

стиницу, оттуда открылась стрельба. Тогда началась осада гостиницы. Милиционеры заняли удобные позиции—церковную башню, общественные здания и каменные дома и начали обстрел гостиницы. А подкрепления милиционерам все прибывали. Народ приезжал даже за несколько десятков верст. Но прибывали и пытались пробиться в город подкрепления и к осажденным. Во вторник прибыл с отрядом драгун барон Раден, но близ станции Туккум I отряд милиционеров встретил его сильным огнем. Во время перестрелки под Раденом была убита лошадь, и, падая с нее, он сломал ногу. Были ранены также несколько драгун. Драгуны все же успели посадить Радена на другую лошадь и отступили, отстреливаясь, в имение Дурбен.

По дороге драгуны пристрелили двух случайных прохожих. Из милиционеров никто не пострадал. После обеда 32 драгуна под командой офицера пытались проникнуть в город с другой менее защищенной стороны, но улицы оказались загражденными проволокой. Драгуны прорвались было, но попали в засаду. Со всех сторон по ним открыли жестокий огонь, обративший их в бегство, причем шесть человек были подстрелены. Ожидая новых нападений, милиционеры спешно воздвигали новые баррикады, преграждали улицы проволокой. Вечером пришлось отбивать еще три нападения. В сумерки значительный вооруженный отряд драгун, солдат и баронской самообороны пытался прорваться в город. Но одного залпа было достаточно, чтобы они обратились в бегство. Вечером в городе трубачи милиционеров протрубили зорю и усиленные патрули заняли посты. Ночь прошла спокойно. В четверг в городе было необыкновенное возбуждение. На высокой церковной башне развевался большой красный флаг. К осажденным драгунам снарядили парламентаря с предложением сдаться и выдать оружие. Хотели отправить городского голову Кремана, но тот со страху забрался в погреб и зарылся в картофель так, что его не могли найти. Командующий отрядом драгунский офицер ответил, что он и представить себе не может, чтобы драгуны могли сдаться. После этого начался обстрел и штурм гостиницы.

Топорами милиционеры разбили ставни гостиницы и проникли внутрь помещения. Драгуны со своим начальником, подполковником Мюллером, укрылись в погребе и конюшне. Чтобы заставить их выйти оттуда, милиционеры подожгли конюшню.

Первый пожар драгунам удалось потушить. Тогда конюшню облили керосином и подожгли. Показалось яркое пламя, повалили густые столбы удушливого черного дыма. Тогда драгуны решили пробиться, но дежурившие на церковной башне милиционеры заметили приготовления драгун и дали сигнал: «все к оружию». Драгуны сначала вывели лошадей, а сами вышли под их прикрытием. Со всех сторон их осыпали градом выстрелов. Лошади запутались в проволоке, падали подстреленные, некоторые умчались. Падали также убитые и раненые драгуны. В этой стычке было убито 13 драгун, в том числе подполковник Мюллер, остальные были взяты в плен или ранены. Только двум драгунам удалось прорваться

и ускокать в имение Дурбен с вестью о гибели отряда. Из революционеро-
ров были убиты двое.

После этой стычки город перешел в руки революционеро-
в. Из тюрьмы были освобождены все политические арестованные, уничтожено
несколько тюков тюремных дел. Были арестованы и заключены в тюрьму
8 черносотенцев. Воодушевленные этим успехом, революционеры решили
на другое утро штурмовать замок Дурбен, где находились бежавшие
бароны, в том числе ненавистные населению Раден, Рекке и др. Вдруг
вечером была получена вестъ о прибытии из Митавы отряда солдат в
210 человек—артиллерии и пехоты при 2 орудиях. Милиционеры решили
отрезать нападение. В 9 часов отряд вступил в предместье. Солдаты
принялись разрушать баррикады. Несколько солдат ворвались в ближай-
ший дом и, схватив за горло первого попавшегося, потребовали, чтобы
тот указал им «главные позиции». Но так как тот ничего указать
не мог, то его захватили в качестве заложника. Затем навели пушки на
дом латышского общества и стали его обстреливать. Произвели 3 вы-
стрела, не причинивших значительных повреждений: был сорван карниз
дома и вывеска с соседнего магазина. Милиционеры со всех сторон от-
крыли по наступающим сильный огонь и заставили солдат в беспор-
ядке отступить. Несколько солдат было ранено.

Отступив, отряд оцепил город, установив пушки на холме, господствующем
над городом. Многие крестьяне пытались ночью незаметно уйти из
города, но солдаты поймали их и расстреляли на месте. За ночь было
убито несколько десятков человек. Барон Рекке в форме драгунского
офицера, ворвался с отрядом драгун в предместье и стал избивать жителей,
позволяя драгунам грабить и избивать всех без разбору. Два дома были
им собственноручно подожжены; было расстреляно до 20 человек.

В пятницу начались мирные переговоры. В 9 час. утра в город въехал
парламентер-солдат с белым флагом и передал жителям города следующее
требование начальника отряда: «социалисты» приглашаются разоружиться
и сдать войскам город 2 декабря до 10 часов утра; если по истечении
этого срока сдача не состоится, город будет разгромлен пушечным огнем
и сожжен. Уполномоченные для переговоров приглашаются на станцию
Туккум II к начальнику отряда. Со стороны населения города были вы-
ставлены следующие главные требования: 1) отмена военного положения,
2) отозвание войск. После продолжительных переговоров соглашение со-
стоялось. Начальник отряда, генерал Хорунженков, обещал, что репрессии
военного положения впредь в Туккуме применяться не будут, а мили-
ционеры обязуются выдать отнятое у драгун казенное оружие и ло-
шадей.

После состоявшегося соглашения отряд вступил в город. Впереди
отряда шло местное православное духовенство с иконами и хоругвями,
за духовенством ген. Хорунженков во главе отряда. Но в то же время
драгуны под командой барона Рекке грабили и избивали население пред-
местья, мотивируя расправу местью за убитых революционерами драгун.

Видя, что удержать пьяных драгун нет возможности, генерал Хорунженков приказал их разоружить. Улицы и базарную площадь загромодили массы народа. На площади генерал на русском языке произнес речь, в которой отметил героизм борцов за свободу и подтвердил, что данные им обещания будут исполнены—солдаты из Туккума будут отозваны, а военное положение в Курляндии отменено в связи с предстоящими крупными реформами во всех областях русской жизни. Но во время речи генерала из предместья доносились выстрелы и крики—там все еще неистовствовали драгуны барона Рекке, чиня расправу над безоружным мирным населением. Вечером в город прибыл уездный начальник барон Гротус и тоже держал лицемерную речь, поздравляя население с успехом в его освободительной борьбе и выражая свое мнимое сожаление по поводу того, что пролилось столько крови, благодаря «нелактичности» одного человека—барона Радена. Это лживое благодушие обоих усмирителей объяснилось тем, что у них было сравнительно мало сил и главное мало снарядов. После капитуляции милиционеры стали расходиться. Среди них было убито всего 5 человек. Но мирных жителей, невинных жертв кровавой расправы драгун, погибло около 200 человек. В церкви были сложены 60 трупов убитых, среди них были также женщины и дети.

Вооруженные стычки, перестрелки, нападения на имения и волостные правления происходили повсюду по всей стране. Это была уже настоящая партизанская война, хотя в городах открытой вооруженной борьбы еще не было, не считая стычек манифестантов с полицией и расстрела дружинниками отдельных полицейских. Революционная Латвия согласовывала свои действия с общерусским революционным движением и ожидала сигнала к общему наступлению. То, что происходило в латышской деревне, было лишь авангардными стычками на фоне общей борьбы. Главная тяжесть борьбы в этих стычках выпадала на долю милиции, формировавшейся главным образом из крестьянской (батрацкой) молодежи. Милиционеры встречали активную поддержку со стороны всего крестьянского населения. Крестьяне-дворохозяева доставляли им бесплатно провиант, перевозили их с места на место. Имения тоже были вынуждены оказывать им всяческое содействие. Отряды милиционеров организовались повсюду, хотя вооружение их было неважное. К серьезному бою с регулярными войсками эта милиция, конечно, не была способна; она могла вести лишь партизанскую войну, нападая на небольшие отряды, на имения и то только тогда, когда она бывала в достаточно большом количестве.

Нет возможности описать все стычки, сражения, которые происходили повсюду. Укажу еще на некоторые, самые серьезные из них.

3 декабря произошла одна из более значительных стычек у Альт-Пебальгской церкви. До 170 солдат на 30 подводах направлялись в г. Венден, исполняя приказание—сконцентрировать воинские силы в городах в более крупные отряды. Когда отряд поровнялся с церковью, с колокольной раздался похоронный звон—условный сигнал для милиционеров, занявших помещение местной приходской школы. По этому сигналу

милиционеры открыли по отряду стрельбу: 3 солдата были убиты, 1 ранен. Солдаты отвечали и завязалось настоящее сражение, во время которого были ранены еще 1 офицер и 1 солдат. Убедившись в невозможности выбить революционеров из школьного помещения, офицер и несколько солдат пробрались в погреб и пытались поджечь здание, но это им тоже не удалось. Тем временем отряд окружила многочисленная толпа революционеров, осыпавшая солдат выстрелами. Расстреляв все патроны, солдаты стали отступать. Но во время отступления отряд понес значительные потери убитыми и ранеными, особенно во время следования отряда через густой лес, где была устроена засада.

Серьезная стычка произошла также в местечке Тальсен. Здесь тоже были водворены драгуны. За все время пребывания здесь они вели себя безобразно, грабя и избивая жителей и т. д. Когда было получено известие о Туккумских событиях и телеграмма генерала Хоруженкова с приказом занять казначейство, а войску спешить на помощь в Туккум, здесь поднялось сильное брожение. Тут-то и обнаружилось двоедушие генерала и мотивы его «либеральничанья» в Туккуме. 2 декабря в Тальсене появились прокламации с призывом к борьбе и в городском лесу сосредоточился отряд милиции в 150 человек. Узнав об этом, драгуны открыли по лесу беспорядочную пальбу, причем случайно убили двух мирных жителей. Тогда милиционеры быстро заняли город и в свою очередь открыли стрельбу по драгунам. Под сильным огнем драгуны были вынуждены оставить город. Вечером они попытались вернуться, однако были отбиты ожесточенным огнем. На другой день после ожесточенной перестрелки революционеры завладели казенным оружейным складом. Оружие было роздано милиционерам, которые заняли самые удобные позиции. Милиционеры разоружили городских и освободили из местной тюрьмы четырех политических. Улицы местечка преградили телеграфной проволокой. Но вечером в подкрепление драгунам прибыл значительный отряд пехоты и артиллерии. По городу были произведены 4 пушечных выстрела и несколько ружейных залпов. В качестве заложников солдаты захватили учителя Зандерта и двух учительниц. Начальник отряда тот же генерал Хорунженков отпустил Зандерта в местечко для передачи населению следующих требований: вернуть казенное оружие, а также захваченные в казначействе, на почте и других правительственных учреждениях суммы. За это генерал обещал отозвать из Тальсена драгун и полицию, вверив охрану порядка милиции. Но обеих учительниц задержали в качестве заложниц, пригрозив их расстрелять и бомбардировать город, если эти требования не будут исполнены. В Тальсене по этому поводу было созвано народное собрание, которое просило дать отсрочку для обсуждения требований генерала. Отсрочка была дана до 6 декабря. Собрание постановило удовлетворить требования начальника отряда, так как милиция не могла выдержать продолжительной и серьезной борьбы. Во избежание кровопролития было постановлено распустить также милицию, но когда эти решения были осуще-

ствлены, в город ворвался отряд спешившихся драгун и открыл во все стороны беспорядочную стрельбу. Затем драгуны по обыкновению принялись грабить и убивать, вламываясь в дома. Многие жители были перебиты, некоторые откупились. Два дома были сожжены. Эта гнусная выходка была организована баронами. Жители никакого сопротивления драгунам не оказывали. Всего было убито до 50 человек.

В Альт-Гульбене 4 декабря революционеры арестовали барона Вольфа. Его обвиняли в том, что он стрелял по манифестантам, убил одного и ранил двоих из толпы. 5 декабря в 12 часов дня над бароном устроили суд в местном волостном правлении в присутствии 100 вооруженных совершеннолетних мужчин. Барона признали виновным и приговорили его... к высылке из волости!.. Его отправили в Ригу в сопровождении милиционера. Это великодушие латышских революционеров по отношению к пленным баронам было, конечно, чрезмерным и, пожалуй, даже преступным. Бароны, несмотря на данное ими торжественное обещание (и даже подписку) не участвовать в контрреволюционной деятельности, приняли в ней ближайшее участие. До 300 баронов участвовали впоследствии в карательных экспедициях в качестве непосредственных руководителей и вдохновителей.

* * *

13 декабря в Риге началась декабрьская всеобщая забастовка. 16 декабря она уже закончилась. Забастовка эта протекала в крайне неблагоприятных и тяжелых условиях. Во-первых, рабочие были крайне утомлены и истощены предыдущими забастовками. Недавно лишь закончилась ноябрьская всеобщая забастовка, начатая с необыкновенным подъемом и воодушевлением и прерванная в самом разгаре. Кроме того в некоторых отраслях труда все еще продолжались прежде начатые забастовки, причем силы бастующих в ряде случаев уже иссякли и забастовка подходила к концу. Так, например, еще бастовали местные почтово-телеграфные служащие и рабочие (забастовка их длилась уже 32 дня); бастовали железнодорожники—их забастовка вспыхнула 9 декабря. Эти забастовки были очень упорны и крайне истощили силы бастующих. К началу всеобщей забастовки дело уже подходило здесь к концу. Эти забастовки кончились поражением бастующих, и это, конечно, не могло ободряюще повлиять на рабочую массу. Кроме того в Риге бастовали еще рабочие нескольких фабрик и заводов, в том числе «Проводника», Кузнецов и др. Вопрос о всеобщей стачке был поставлен на обсуждение и решение представителей рабочих 11 декабря. При голосовании вопроса большинство сначала голосовало *против* забастовки. Но оставшиеся в меньшинстве настояли на пересмотре этого решения и на следующем собрании за забастовку голосовали 203, против 130. Забастовка началась и ее пришлось вынести на своих плечах самой передовой и сознательной части рабочих; в широких рабочих массах уже явно чувствовалась усталость и известная растерянность под

впечатлением слухов о приближении ген. Орлова с его карательными отрядами.

Руководил забастовкой Федеративный комитет, и внешне она протекала стройно—остановилось движение трамваев, закрылись магазины и т. д. Но не чувствовалось прежнего подъема и воодушевления, не было прежних внушительных демонстраций, значительно слабее посещались митинги и собрания. Во время этой забастовки Федеративный комитет разработал положение о новом городском самоуправлении, постановил подвергнуть бойкоту старую городскую думу и управу. Выборы в новый орган городского самоуправления должны были производиться на началах пропорционального представительства отдельных групп городского населения—рабочих, мелкой буржуазии, торговцев и т. д. Но выборы эти так и не состоялись.

Я уже указывал на то, что Федеративный комитет являлся в разгар революционного движения единственным авторитетным и сильным органом революционной власти в Риге. Во всяком случае в то время с его решениями и приказами население считалось больше и серьезнее, чем с распоряжениями официальных властей. Теперь на этот орган, прямою задачей которого было руководство и объединение всей революционной борьбы, легли новые задачи высшего органа местного самоуправления. Ему уже раньше пришлось взять на себя функции местной полиции, так как полицейские, терроризованные крутыми расправами, либо разбежались, либо сознательно бойкотировали свои прямые обязанности—охрану населения от воров, бандитов и злоумышленников. Охрана личности, имущественной безопасности городского населения перешла к Федеративному комитету, который организовал специальную милицию для борьбы с бандитскими налетами. Кроме того с разрешения Федеративного комитета и под его контролем была организована особая домовая самооборона, которая несла ночное дежурство. Затем Федеративный комитет вынужден был принять на себя все обязанности растерявшейся и пребывавшей в панической бездеятельности городской управы—регулировать вопросы жилищные, коммунальных услуг, налоговые и т. д. К нему обратились, например, рыночные торговцы с предложением назначить особого «базарного комиссара», который собирал бы налоги и следил бы за правильным ходом торговли и порядком на рынках. Домовладельцы обратились в Федеративный комитет с ходатайством, чтобы он собирал квартирный и другие налоги и организовал бы взамен полиции городскую милицию. Ему предлагали также заняться выдачей различных удостоверений и свидетельств, к нему обращались со своими жалобами и недоразумениями квартиронаниматели и домовладельцы и т. д. Словом, Федеративный комитет был, хотя и короткое время, единственным общепризнанным авторитетным органом революционной власти и самоуправления в Риге, с которым все считались и решения которого беспрекословно выполнялись.

Но само собою разумеется, что Федеративный комитет, как боевая по-

литическая организация, не мог загромождать себя местными текущими делами. Поэтому он предложил населению до реорганизации городского самоуправления избрать особый городской распорядительный комитет, которому и надлежит ведать всеми местными делами.

Кроме указанных выше неблагоприятных обстоятельств на настроение бастующих рабочих г. Риги повлияли также циркулировавшие уже по городу слухи о приближении карательного отряда ген. Орлова. Действительно, реакция переходила в активное и решительное наступление. Еще 5 декабря был учреждено Прибалтийское генерал-губернаторство. Генерал-губернатором был назначен Соллогуб с диктаторскими полномочиями. Как раз во время забастовки он уже прибыл на ст. Валк. Одновременно сюда прибыл специальный сильный отряд войск всех родов оружия, предназначенный для усмирения революционной Латвии под командой генерала Орлова. Сам Орлов прибыл в блиндированном поезде. В состав его отряда входили отборные части лейб-гвардии уланского полка, лейб-гвардии кирасирского, 2 батареи гв. артиллерии из Царского села, 1 пулеметной роты и войск других родов оружия. Грозная, страшная туча. контрреволюции нависла над Латвией. Приближался час великого народного испытания, час искупления народной кровью завоеванных ценою многих жизней свобод.

Но, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства и тревожные симптомы, рижский пролетариат вначале дружно откликнулся на призыв своей организации. Большинство предприятий стали. В начале забастовки настроение у всех было бодрое, царила уверенность в победе. Но упорное сопротивление администрации и хозяев, а затем наступление реакции ослабили силы бастующих, понизили их настроение, и к концу забастовка приняла чисто оборонительный характер—администрация намеревалась при обратном приеме произвести основательную чистку—объявила всех бастующих уволенными и при возобновлении работ решила устроить новый наем. Одновременно уже во время самой забастовки в Риге начались вооружения реакционных сил. Зная о приближении подкреплений, местные власти и полиция обнаглели и с яростью набросились на рабочих—стали производить массовые обыски, аресты, устраивать облавы, оцепляя целые районы, улицы, заводы. Администрация начала преследовать рабочую печать, закрывать профессиональные союзы.

Первый массовый обыск в Риге произошел 14 декабря в помещении латышского общества, когда там происходил митинг железнодорожников под председательством Максима. Полиция надеялась захватить Максима и других руководителей, но те успели скрыться. Обыск продолжался всю ночь. Солдаты поломали много мебели; пострадал и другой инвентарь общества. В результате были найдены несколько револьверов старых систем и бутафорские сабли. Арестованных участников собрания после обыска все же выпустили. Помещение общества было запечатано.

Затем во время прохождения там митинга был произведен обыск на судостроительной верфи. Эти обыски как бы послужили сигналом к

целому ряду обысков в обществах и частных домах. Обыски сопровождались избиением обыскиваемых и, наоборот, вооруженным сопротивлением обыскиваемых чинам полиции и т. д. Стали производиться также обыски на рижских заводах, причем иногда находили оружие.

Весть о прибытии карательных войск во главе с ген. Орловым и ген.-губернатором Соллогубом была получена в Риге на второй день всеобщей забастовки. Из Валка, где остановились каратели, приходили самые тревожные и преувеличенные слухи о численности войск, их зверствах и т. д. Достоверно стало известно, что в Валке Орловым арестовано 16 человек. Распространился слух, что Орлов решил окружить Ригу со всех сторон, так чтобы никто не мог уйти из города, а затем путем облав и массовых обысков захватить революционеров и перестрелять их. По всему городу в сильно преувеличенном виде распространялся слух о первых расправах Орлова с революционерами. В самой Риге начались массовые обыски и облавы, причем происходили они даже днем. Местная администрация осмелела и перестала стесняться. Уступая превосходству сил противника, революционерам пришлось отступить и разоружиться; началось массовое бегство из города наиболее скомпрометированных и трусливых. Партия уже призывала к перемене тактики, к переходу на старые испытанные методы нелегальной работы и предостерегала от паники, от провокационных слухов.

Начало декабря было переломным моментом революционной борьбы в Латвии. Стянув отовсюду вспомогательные воинские силы, правительство и бароны с ненасытной злобой обрушились на революцию. Однако, несмотря на многочисленность нагнанных в Латвию войск, их все же оказалось недостаточно, чтобы сразу «покорить» все города, местечки и волости. Создалось такое положение, что когда в некоторых районах уже свирепствовали «усмирители», в других, тут же рядом все еще происходили митинги и демонстрации, пылали помещичьи усадьбы, отряды милиционеров успешно отражали нападения небольших казачьих разъездов, а население спешило провести в жизнь решения ноябрьских съездов (крестьянского, учительского и др.). Несмотря на то, что перевес сил уже явственно был на стороне реакции, революция не сдавала своих позиций без боя—борьба продолжалась с большим ожесточением и напряжением всех сил.

* * *

Исключительно тяжелая и ответственная задача выпала в это время на долю партии (латв. с.-д.). Революционное движение настолько расширилось, охватив самые широкие массы и перекинувшись в самые отдаленные уголки Латвии, что планомерное, согласованное руководство им представляло исключительные трудности. При таком размере и размахе движения были совершенно естественны некоторые уклоны и извращения, против которых партия все время вела энергичную борьбу. Так, например, наряду с выборами распорядительных комитетов, согласно решения кре-

стьянского съезда, кое-где происходили просто перевыборы старых органов местной власти (городских управлений, волостных правлений и т. д.) и даже высших должностных лиц (например в Газенпоте был выбран новый уездный начальник взамен изгнанного старого, была переизбрана городская дума, новый полицмейстер и т. д.). Партия решительно выступила против сожжения и разгрома имений, разъясняя, что с изгнанием баронов имения переходят в собственность народа и их нужно беречь как народное добро. Но озлобление крестьян против этих феодальных гнезд вековых притеснителей и поработителей было настолько сильно, что эта агитация партии большого успеха не имела—имения продолжали жечь. Точно так же партия выступила против порчи телеграфного и телефонного сообщения, разрушения жел.-дор. путей, дорог и т. п.

Особенно серьезную борьбу приходилось партии вести со всякими темными элементами и авантюристами, которые, примазавшись к движению под видом дружинников и якобы от имени партии, совершали вооруженные налеты на общественные и государственные учреждения и даже на частных лиц, экспроприруя деньги и ценности. Разумеется, эти деньги попадали в карманы самих экспроприаторов, а их налеты вызывали в бессознательных массах озлобление против партии. Даже в самой Риге образовался какой-то «Комитет Линча», который, прикрываясь авторитетом Федеративного комитета, рассылал отдельным богачам угрожающие письма с категорическим требованием внести в определенный срок выкуп, угрожая смертью в случае отказа. Партия и Федеративный комитет выпустили воззвание с предостережением против этих самозванных бандитских организаций, а в случае обнаружения их с ними беспощадно расправлялись на месте.

Для объединения и организованного руководства вооруженными действиями партия созвала конференцию милиционеров, на которой были приняты определенные постановления о правах и обязанностях милиционеров, о ее задачах в борьбе с наступающей контрреволюцией и защите завоеваний революции. Но эти решения и постановления, регулирующие деятельность милиции, удалось осуществить только кое-где частично и то на весьма короткий срок; события развивались быстро, контрреволюционные силы решительно наступали, ломая стойкое сопротивление еще недостаточно окрепшей милиции. В большинстве случаев милиция оказывала сопротивление и большим карательным отрядам регулярных войск, но в силу огромного перевеса сил противника усилия ее оказывались тщетными.

Изменившаяся ситуация поставила перед партийным руководством вопрос о перемене тактики и изменении методов и способов борьбы. Никто тогда еще не помышлял о сложении оружия и прекращении борьбы. Еще далеко было до окончательного поражения. Успех правительства рассматривали как временный, впереди открывались новые перспективы в связи с предстоящим созывом Государственной думы, с продолжающимися крестьянскими волнениями в России, восстаниями в войсках и т. д. Партия

решила борьбу продолжать, изменив тактику применительно к создавшимся условиям. Деятельность партии носила полулегальный характер. Хотя в дни свобод партия широко провозгласила принцип легализации, но это было сделано главным образом в агитационных целях, чтобы привлечь в партию широкие массы рабочих. Теперь в связи с открытым наступлением реакции партия в организационной работе снова перешла на нелегальные методы. И благодаря этому она сохранила свои основные кадры даже в тягчайшие дни реакции и предотвратила полный разгром организации. Уже в Лифляндии было объявлено военное положение, уже Орлов со своими войсками двинулся на покорение края, уже паника овладела обывательскими массами, а революционные организации и органы—Федеративный комитет, распорядительные комитеты, под руководством партии развивали еще самую энергичную и напряженную деятельность, проводя в жизнь революционные «реформы», осуществляя решения последних съездов и всячески укрепляя завоеванные в борьбе позиции. Этот период революционного творчества, длившийся всего около месяца, дает нам так много интересного, поучительного, что заслуживает специального изучения.

Так, например, весьма интенсивную деятельность развивало в то время центральное бюро крестьянских делегатов, инструктируя распорядительные комитеты, давая руководящие принципиальные указания по отдельным вопросам и в частности уделяя особое внимание вопросу о реорганизации местного сельского самоуправления.

Тем временем вновь назначенный генерал-губернатор прибыл в Ригу. Немедленно по прибытии он вызвал к себе редакторов всех рижских газет и заявил, чтобы они прониклись видами правительства и всячески содействовали «умиротворению» края. Печать после этого внушения сильно понизила тон.

Затем отовсюду в городе были расклеены грозные приказы и драконовские циркуляры и обязательные постановления ген.-губернатора. С этого же времени начались массовые обыски и облавы; они производились ежедневно. Драгуны избивали рабочих, стреляли в освещенные окна (был издан приказ запирать вечером ворота и тушить огни). Во время обысков часто пропадали ценные вещи. Похищенные предметы—галоши, часы и пр.—затем продавались за бесценок на улицах.

Как впоследствии выяснилось, генеральный покоритель и усмиритель Латвии ген. Орлов действительно предполагал вначале произвести «чистку Риги». Окружив ее кордоном, он хотел вести дальнейшие действия по всем правилам военной стратегии. Специальные карательные отряды предполагалось направить в фабрично-заводские районы, в населенные рабочими районы и учинить там примерную расправу. Но этот план завоевания Риги предприимчивому генералу полностью осуществить не удалось. Его план напугал даже самых благонамеренных и зажиточных горожан, опасавшихся, что во время этого усмирительного похода могут пострадать от разошедшейся военщины и они. Это заставило

их ходатайствовать об отмене предполагавшегося похода. Тогда Орлов направил свои силы на покорение остальной Латвии, разбив их на несколько сильных отрядов. Впрочем вместо него в Риге в том же направлении постарались другие, не менее рьяные усмирители. Не в той форме и, может быть, в несколько более скромных размерах, но все же программа усмирения мятежного города была осуществлена полностью. Правда, на улицах и площадях Риги не красовались виселицы, на них не болтались трупы повешенных, кучи расстрелянных тел не валялись повсюду—словом картина получилась не столь эффектная, как об этом мечтал Орлов. Но все же это имело место, если не открыто, на виду у всех, то в полицейских и тюремных застенках и за городом—в песчаных горах.

Одним из самых характерных эпизодов этого усмирительного периода в г. Риге является расправа усмирителей с рабочими завода «Проводник». Это произошло до декабря. В 6½ часов утра к заводу «Проводник» подошли 40 дружинников, перескочили через забор и пришли в здание, где помещались расквартированные в заводе драгуны. В первой комнате они расстреляли 11 драгун, которые еще спали. Находившиеся в другой комнате драгуны поспешили на помощь своим товарищам, но были встречены сильным огнем, причем 11 из них были ранены, 8 тяжело. Двум удалось бежать, но один из них был застрелен во время бегства. Другой убежал. Дружинники еще убили городского, дежурившего у ворот завода, захватили винтовки драгун, сели в поджидавшую их подводу и уехали. В это время мимо проезжал вагон электрического трамвая. По нем были произведены несколько залпов, по одним сведениям революционерами, по другим—драгунами. Несколько пассажиров было убито и ранено. Телефонное сообщение завода с городом оказалось прерванным. О случившемся сообщили в город; вскоре прискакал сильный отряд драгун, произведший по заводу несколько залпов. Затем прибыл еще значительный отряд пехоты с пулеметами и пушками и со всех сторон обложил завод, потребовав выдачи оружия и всех виновных в нападении на драгун. Командир отряда предложил рабочим выбрать делегатов, которые в течение 1 часа укажут бы виновных. Выслушав предложение полковника, рабочие разошлись по цехам. Полковник вызвал мастеров завода и заявил им, что если виновные не будут выданы, то завод со всеми рабочими будет разгромлен из пушек. На здание завода навели 3 пушки и 2 пулемета. Некоторые из рабочих пытались было бежать, но по дороге были расстреляны (13 чел., из них 3 женщины). Около 1 ч. 30 м. дня по заводу открыли огонь шрапнелью. Во время обстрела много рабочих было убито и ранено. Произвели пять выстрелов. Когда стрельба прекратилась, из полуразрушенного здания вышли 100 чел. и заявили, что виновные будут выданы. Указанных якобы виновных немедленно арестовали. Затем приступили к обыску: сначала обыскивали и отпускали работниц и служащих, а затем начали обыскивать рабочих группами по 6 чел. Обыск продолжался до 10 часов вечера. Все

время рабочие стояли во дворе, в легком рабочем платье на сильном морозе. Некоторых продержали на заводе всю ночь. На другой день происходил обыск на квартирах рабочих, искали оружие, но нашли его самое незначительное количество. Работы на заводе, где работали до 5 000 чел., большею частью женщины, были приостановлены. 55 чел. было арестовано и заключено в тюрьму.

Получив еще подкрепление и стянув все свои силы, Орлов разделил их на отдельные карательные отряды до 2 000—3 000 чел. всех родов оружия в каждом и направил их в глубь Латвии. Они рассеялись, по всей стране, расстреливая, вешая, сжигая крестьянские усадьбы, подвергая население массовой порке; начинало сбываться пожелание баронов: за каждого убитого немца—дюжина латышей! Впоследствии на каждого убитого немца пришлось по несколько дюжин убитых латышей—каратели оказались щедрее, чем этого ожидали бароны!

Умиротворение совершалось по определенному церемониалу. Прежде всего войска окружили намеченное местечко, город или волость со всех сторон (или согнав все население волости к месту расположения штаба отряда, оцепляли толпу). Часто по местечку или селению предварительно открывали орудийный и ружейный огонь. После этого солдаты сгоняли все население—мужчин, женщин и детей школьного возраста—на площадь. Здесь начальник отряда обращался к собравшимся с категорическим требованием немедленно выдать «зачинщиков» и руководителей, список коих тут же оглашался. Эти проскрипционные списки составлялись местными помещиками при участии пасторов и предателей из своей же крестьянской среды. Правда, вначале случаи предательства были очень редки, так как кроме всего прочего предателю всегда угрожала месть со стороны успевших укрыться революционеров. Но впоследствии, когда белый террор принял массовые размеры, а революционеры бежали или разоружились, предатели осмелели и доносы посыпались со всех сторон. То мстили революционерам бывшие волостные старшины, богатые усадьбовладельцы, прогнанные революцией со своих постов, а часто таким способом, путем доноса, попросту сводились разные личные счеты, разрешались старые семейные и имущественные распри, вымещались личные обиды. Если обозначенные в списке лица оказывались тут же на месте среди собравшихся, то их отводили в сторону и в большинстве случаев тут же расстреливали на виду всех, приказав им предварительно вырыть себе могилу. После этого начальник отряда выхватывал из толпы «на выбор» нескольких или несколько десятков человек, смотря по имевшимся у него сведениям о степени революционности данной местности, и приказывал их тоже тут же на площади нещадно пороть нагайками, шомполами, розгами. Пороли молодых и старых, подростков и матерей, отцов семейств без разбору и пощады.

Некоторые получали до 400—600 ударов и их замертво уносили с места экзекуции. Характерно, что когда даже в либеральных русских газетах (например в «Руси», «Нашей жизни» и др.) появились протесты

против этих зверских расправ, местная немецкая печать, тоже именовавшая себя «конституционно-демократической», выступила открыто в защиту их, уверяя своих читателей, что латышские крестьяне вполне заслужили это наказание и что по существу оно вовсе не так уж жестоко. Нашелся даже врач, по фамилии, кажется, Крупп, который за своей подписью поместил в газете статью, уверяя в ней, что 400 ударов розгами для взрослого здорового человека сущие пустяки! После порки по распоряжению руководителя карательной экспедиции солдаты поджигали усадьбы бежавших революционеров, иногда, но значительно реже, сжигали только их движимое имущество. Церемония усмирения кончалась речью начальника к населению, в которой он призывал его к послушанию, спокойствию и предостерегал от всяких пагубных увлечений в будущем. После этого присутствующие должны были благодарить начальника «за науку». В заключение всех заставляли петь тоекратно гимн и три раза прокричать «ура» в честь царя. На этом церемония кончалась. Одновременно солдаты производили поголовные обыски во всех окрестных домах, сопровождавшиеся открытым грабежом.

С особенным остервенением расправлялись каратели с народными учителями, замешанными в революционном движении. Те из них, которые, не успев скрыться, попадали в их руки; подвергались расстрелу, реже отделялись беспощадной поркой, имущество их сжигалось, сжигались также школьные помещения, в которых помещались квартиры крамольных учителей или происходили какие-нибудь собрания в «дни свобод».

Чтобы «подогреть» настроение русских солдат, участвовавших в усмирительных походах, и восстановить их против местного населения, среди них велась соответствующая агитация. Им внушали, что латыши задумали отделиться от России, образовать свое государство, изгнать и вырезать русских. Бывали случаи, что русские солдаты, видя сравнительно обеспеченную жизнь, быт и хозяйство латышских фермеров, в недоумении спрашивали: «чего вы бунтуете? чего вам надо? У вас земли много, живете вы, как у нас в России живут помещики, а бунтуете. Вот у наших крестьян земли нет, те голодают и понятно, что они бунтуют. А вы чего?» Но порою агитация погромщиков принимала более откровенный, явно провокационный характер. Так, например, среди солдат распространялись газеты и листки, в которых описывались необыкновенные издевательства и жестокости, проделываемые якобы латышами над пленными и убитыми солдатами; рассказывалось, что латыши отрезали у убитых солдат уши, выкалывали им глаза, отрубали пальцы. К листкам прилагались даже снимки с изуродованных трупов солдат. И эта агитация во многих случаях имела успех. Передавали, что в Туккуме и Тальсене было действительно несколько случаев изуродования трупов, но это было проделано самими же баронами и полицейскими с тою же провокационной целью—возбудить войско против латышского населения. В частности в этих гнусных проделках народная молва обвиняла Туккумского барона Рекке и его трех

дочерей, которые, переодеваясь в мужское платье, участвовали к карательных походах и упражнялись в стрельбе по убитым и бегущим.

Карательные отряды свирепствовали по всей Латвии. Нет возможности в этом очерке перечислить все их подвиги—простой перечень их занял бы целый том. Приведу здесь лишь отдельные случаи из этой мрачной эпопеи.

В Дандангене (Курляндия) карательный отряд расстрелял 13 чел., около 100 чел. подверглись жестокому телесному наказанию, 53 человека были арестованы, сожжено 6 крестьянских усадеб. И это в *одной* лишь волости!

В Прауленской волости было арестовано 30, расстреляно 2, из них один кучер, вся вина которого состояла в том, что он как-то вез в город местную помещицу. В дороге они подверглись обстрелу, причем помещица была убита. Кучера заподозрили в содействии убийцам. В Шрундене сожжено 4 усадьбы, арестовано 43 чел., в том числе члены распорядительного комитета. Кроме того в волости по крестьянским дворам разместили на постой около сотни драгун, причем, разумеется, крестьянам приходилось безвозмездно содержать их. Постой широко практиковался по всему краю как в Латвии, так и в Эстонии.

В Берггдерской волости карательная экспедиция пробыла 2 месяца. Руководили «усмирением» граф Пален, местный пристав, местный пастор и барон Ган. Здесь расстреляно 11 чел., арестовали несколько десятков, при допросах арестованных страшно истязали, сожгли 2 усадьбы и разорили крестьян постоем. В этой волости отличалась группа предателей во главе с волостным старшиной, местным лавочником, писарем местного имения и лесничим. Эти предатели разъезжали открыто с отрядами солдат по усадьбам и помогали ловить скрывающихся революционеров. А волостной старшина провел на волостном собрании несколько приговоров о высылке в Сибирь подозрительных членов волости.

Волость Цесвайи каратели посетили несколько раз. В первый приезд был расстрелян местный выдающийся революционер—батрак Аугул. По уходе карательного отряда его похоронили, причем, несмотря на разгул реакции, эти похороны превратились в грандиозную демонстрацию протеста—с речами и венками. После этого, конечно, каратели явились вторично в усиленном составе, в сопровождении нескольких «опознавателей»-предателей, среди которых особенно подвизался бывший революционер Вавер. Он выдал несколько человек, которые были арестованы и увезены, кроме того сожгли одну усадьбу и у крестьян «реквизировали» скот и разные продукты на нужды отряда. В *третий* раз прибыл отряд в 400 чел. смешанного состава с 4 орудиями. Сожгли 4 усадьбы и арестовали членов местного распорядительного комитета, за исключением одного, который скрылся. Допросив арестованных, их отпустили, приказав явиться к начальнику отряда на другое утро, но в полном составе, т. е. включая и отсутствующего. Одни явились, но, разумеется, без своего товарища, который успел давно уже уехать. За это их подвергли жестокой порке. Одного

из них, протестовавшего против этого, тут же пристрелили. После этого отряд удалился и по пути сжег имущество учителя и волостного писаря соседней волости за то, что те скрылись. Кроме того этот же отряд посетил две соседних волости, сжег там несколько усадеб и подверг истязаниям заподозренных в участии в революционном движении. *В четвертый раз* Цесвайн удостоил своим посещением сам ген. Орлов в сопровождении 6 000 отряда войск. В качестве его правой руки всеми действиями по «умиротворению» несчастной волости распоряжался известный черносотенец—барон Рехтгартен. На этот раз были произведены многочисленные аресты; в числе арестованных были те же члены распорядительного комитета, еще не успевшие оправиться от побоев. Тут же открылись заседания военно-полевого суда, который 8 человек приговорил к смерти (в том числе тех же членов распорядительного комитета) и тут же привели приговор в исполнение. Большинство приговоренных были так избиты, что не могли стоять на ногах. У одного из них, Медниса, отсеченная шашкой рука едва висела на лоскутке кожи. Но, несмотря на это, осужденные мужественно, как настоящие революционеры, встретили смерть. Они сорвали повязки с глаз, простились друг с другом и умерли с криком—«Да здравствует революция!» После расстрела подвергли жесточайшей порке около 200 чел. по указанию предателей и упомянутого барона, среди них было и много женщин. Каждый получил от 50 до 200 ударов. На другой день опять состоялось заседание полевого суда. Приговорили к смерти и расстреляли еще 8 человек. После этого отряд двинулся дальше,—к новым подвигам и завоеваниям. Но злоключения Цесвейнской волости на этом не закончились. Спустя короткое время, *в пятый раз*, явился отряд солдат. На этот раз сожгли 3 усадьбы, конфисковали и распродали с аукциона имущество расстрелянных. Покупатели очевидно нашлись. «Усмирителя» Орлова местные бароны везде встречали с ликованием и помпой, устраивали ему торжественные встречи, обеды и вечеринки, угощали и спаивали его и его офицеров, приветствуя их как своих спасителей. Попойки устраивались также для солдат Орловского отряда, и угощение это шло за счет местных крестьян.

В Валтайкене каратели расстреляли 32 революционеров, привезенных сюда из окрестных волостей. В Кацдангене повесили учителя Вингберга и расстреляли двух молодых революционеров. В Гавезене расстреляли 8 батраков и бобылей, активных участников движения. Кокенгузен карательный отряд посетил тоже несколько раз, но всем внесенным в списки удалось заблаговременно скрыться; здесь удалось изловить и расстрелять только двух. На железнодорожной линии близ Гольдингена было расстреляно 6 человек железнодорожников «в целях восстановления порядка на линии». В Прекульне по приговору военно-полевого суда было расстреляно 12 чел., из них 10 усадебовладельцев из Пормсатенской волости. Известного революционера, сына местного дворохозяина Штрауса, повесили на телеграфном столбе вблизи станции Прекульн, употребив проволоку взамен веревки.

14 декабря отряд драгун под начальством офицера прибыл в Ливберзенскую волость и расстрелял одного члена распорядительного комитета. В Гольдингене новый строй продержался до 10 декабря. Сюда явился из Газенпота отряд драгун в 250 чел. и осадил городскую ратушу, надеясь там захватить вновь избранный городской комитет, но его там не оказалось. Драгунский ротмистр созвал домовладельцев города и потребовал, чтобы они гарантировали ему, что по драгунам в городе не будут стрелять; со своей стороны он гарантирует, что драгуны не тронут городских жителей. В понедельник состоялись выборы городской полиции в присутствии офицера и городского головы Краузе. Выбрали одинаковое количество представителей всех национальных групп городского населения: 4 латышей, 4 немцев, 4 евреев и 4 русских. Взамен городских выставили 20 вооруженных милиционеров, которые не пожелали одеть ненавистную форму полицейских. Но в это соглашение население, повидимому, плохо верило: в четверг утром горожане-немцы на 15 подводах покинули город; среди беглецов были также полицейский пристав, околоточный, урядник, городской голова и несколько баронов. Вслед за ними удалились из города также драгуны: город оказался во власти революционеров. 16 декабря состоялось собрание 400 милиционеров. Была получена весть о событиях в Газенпоте. Большая часть милиционеров на подводах отправилась туда. И после описанной нами выше газенпотской мобилизации большинство гольдингенских милиционеров уже не вернулись в город; надвинувшаяся реакция рассеяла их, как и других милиционеров, заставив положить оружие и искать спасения в бегстве, в эмиграции в глубь России, за границу.

Газенпотский уезд наводнили войсками. Крестьяне пытались разрушить железнодорожный путь, чтобы помешать подвозу войск. Но отряд пехоты открыл по ним ожесточенную пальбу. 80 чел. было убито, до 100 ранено, многие арестованы. Массовые обыски и аресты шли повсюду. Всех подозрительных лиц расстреливали. Милиция повсюду разбегалась, так как была бессильна оказать сопротивление сильным отрядам регулярных войск.

В местечко Доббельн карательный отряд прибыл 17 декабря. При отряде были 4 пушки, из которых местечко подверглось обстрелу. Был арестован и расстрелян учитель Фельдман.

В одной из волостей Курляндии двух арестованных крестьян драгуны привязали к седлам лошадей и заставили бежать за собой, подгоняя их ударами нагаек. Арестованные были босиком и пробежали по снегу 6 верст. Когда они уже не могли больше бежать, их пристрелили.

В Друстенской волости расстреляли учителя Жирона и его старика-отца по ложному обвинению в убийстве урядника. Непричастность обоих к этому убийству была известна всем местным жителям, но на их свидетельства не обратили внимания. Вблизи Туккума были расстреляны дворохозяин Нейман и старик-батрак Берзин. Их арестовали и в сопровождении урядника и двух драгун отправили в тюрьму в Туккум.

Но на другое утро их нашли обоих убитыми в придорожной канаве. Официальный рапорт конвоиров гласил, что оба убиты «за попытку к побегу»! Подобные сообщения с того времени стали встречаться ежедневно в кратких сообщениях местных газет, в отделе местной хроники. Ежедневно по всем дорогам, даже на окраинах Риги находили трупы убитых, и газеты всегда сообщали об убийствах при попытке бежать. Палачи перестали стесняться и даже не считали нужным скрывать следы своих преступлений. Обобранные трупы расстрелянных якобы за побег оставались тут же на месте убийства, причем ясно было, что выстрелы производились на близком расстоянии и часто выстрел был произведен не в спину, а спереди—прямо в лицо. Этот способ расправы практиковался широко, конечно, не без ведома и соизволения высших властей. И те же газеты помещали приказы с изъявлением благодарности палачам за примерную службу и знание устава! В четырех смежных волостях Ассерн, Экенгрива и Бирки было сожжено 20 усадеб (т.е. в общем целая волость) и расстреляно 38 чел. В Балдоне расстреляли кузнеца Берзина. Потом выяснилось, что произошла «небольшая ошибка»—оказывается, надлежало расстрелять другого Берзина, однофамильца кузнеца (эта фамилия очень распространена среди латышей). В Экаве расстреляно 7, сожжены 2 усадьбы. В Ремте расстреляно 4. В Альт-Гульбене расстреляно 13, а один повешен в воротах сожженного революционерами замка. Здесь же многие подвергнуты порке, их прогоняли сквозь строй, некоторые получили до 150 ударов нагайками. В Салац-Грива было расстреляно 8 членов местной с.-д. организации.

Близ Тальсена на краю дороги были найдены трупы 4 расстрелянных мнимых беглецов, которые препровождались в тюрьму. При препровождении из Гольдингенской тюрьмы в Виндавскую был «за попытку к побегу» расстрелян весь этап в составе 6 чел. политических. И таких случаев была масса!

В декабре в Риге военный суд разбирал дело 12 юношей, обвинявшихся в участии в вооруженном восстании. 10 из них были приговорены к смерти и расстреляны. Двое остальных были приговорены к каторге на 15 и 8 лет. Однажды ночью их забрали якобы для отправки в другую тюрьму. Но на другое утро их изрешетенные пулями трупы были найдены в придорожной канаве за городом.

Приводимые факты относятся к отдельным волостям. А волостей в Латвии немало. И если вы примете во внимание, что каждую волость посетил карательный отряд (некоторые даже по несколько раз) и что везде их действия были одинаковы, то вы можете себе представить характер и размах «усмирения» страны. Приведенную выше хронику можно продлить до бесконечности. Я привел всего небольшой отрывок из кровавой летописи усмирения Латвии.

Карательный период—в самой острой его форме—длился в Латвии 2½ месяца. Все это время действовали военно-полевые суды, которыми, по официальным сведениям, приговорено к смерти 274 чел. Но во много

раз больше народу погибло во время стычек, при налетах казачьих и драгунских отрядов (например туккумская резня), расстреляно карательными отрядами на месте—без всякого суда и следствия. Кроме того около 2 лет в Латвии «работали» военные суды, осуществляя лозунг столыпинской политики: «сперва умиротворение, а потом реформы». Эти суды тоже вынесли немалое количество смертных приговоров, из которых большая часть были приведены в исполнение.

По собранным мною, *весьма неполным*, но безусловно достоверным сведениям за период времени с 1 декабря 1905 г. по 1 февраля 1906 г. (разгар деятельности военных судов относится именно к 1906—1907 гг.) в Латвии повешено 13 чел., расстреляно карательными отрядами и по приговору военно-полевого суда 621 чел., убиты в сражениях и перестрелках 321. По социальному составу павшие в борьбе (по этой группе) распределяются следующим образом: 11 начальных учителей (общее число убитых учителей, как это видно будет из дальнейшего, было значительно больше), 4 волостных писаря, 2 студента, 1 аптекарь, 1 книготорговец, 29 усадьбовладельцев. Остальные принадлежали к пролетарским и полупролетарским слоям—рабочим, батракам, бобылям, сельским ремесленникам. Более подробные статистические сведения о жертвах белого террора имеются в материалах к запросу в Государственной думе—о зверствах карательных отрядов и органов в Латвии, внесенному во II Государственную думу с.д. фракцией. Но и эти сведения неполные: в самый момент расправы никто, разумеется, точной статистики жертв не вел, а когда спохватились и стали собирать эти сведения—это удалось далеко не везде.

В качестве самых активных и свирепых карателей прославились следующие руководители карательных экспедиций и начальники отрядов—кадровые офицеры или офицеры запаса—Вершинин, Шиф, Граве, Вендт, Раден, Бредрих, Шредер, Врангель, Коцебу, Дразен, ген. Ренненкампф, кн. Енгальчев, Ильин, Вакен, Каульбарс, гр. Кейзерлинг, Сиверс, Миллер, Ферзен, Самсон, Споре, Рихтер, кн. Ливен, Маслов, ген. Хорунженков и мн. др. В качестве ближайших помощников этих усмирителей подвизались местные полицейские, уездные начальники (большею частью немецкие бароны), волостные писаря, лесничие, управляющие имениями, пасторы и бароны-помещики.

Сведения о расстрелянных по отдельным волостям, местечкам и городам дают нам следующую картину: по Рижскому уезду в волостях Адахи—2, Алласи—2, Долен—16, Иксуль—17, Кокекузен—41, Ленневарден—5, Мадлен—20, Рембат—13, Рудборжи—10, Стопини—23, Сунтайжи—26 и т. д. Всего по уезду расстреляно (не считая г. Риги) 231 чел.; телесному наказанию подвергнуто 600 чел. В Валкском уезде, в Аллуксне расстреляно 13, Лепуцема—11, Смильтен (местечко)—5, Тирза—17, Альт-Гульбен—23 и т. д. Всего 108 человек. В Венденском уезде расстреляно 132 человека. В Вольмарском—37.

В Лифляндии, в волости Вец-Салаце особенно свирепствовал усми-

читель комиссар по крестьянским делам Епинский, сжегший большую часть крестьянских усадеб. Начальником военного отряда здесь был кн. Енгальчев.

В Курляндии сведения о расстрелянных по отдельным местностям дают нам следующую картину: г. Газенпот—16, Бене—9, Дигной—1, Донданген—14, Гавезен—8, Кацданчен—10, Калнамуйжа—13, г. Гольдинген—15, Пормсатен—15, Прекульн (волость)—45, м. Салду—10, м. Саибле—13, м. Шенберг—45, Тальсон—14, Тадайки—13, Валтайки—32, Вайноден—18, Виндава (гор.)—8, Виргинален—8, Рама—14 и т. д. и т. д. Всего по этим сведениям (напечатанным в выходящей в 1907 г. в Петербурге латышской газете «Peterburgas Avize») в Курляндии расстреляно 463 человека.

Военные суды в течение двух лет своей деятельности приговорили к смерти свыше 900 чел., не считая приговоренных к каторге и другим наказаниям.

С особым остервенением реакция обрушилась на народных учителей, принимавших более или менее близкое участие в революционном движении. По малейшему подозрению, чаще всего по доносу предателей, учителя заносились в проскрипционные списки и с ними расправлялись беспощадно; их вешали, стреляли, подвергали жестокому телесному наказанию, часто в присутствии насильно согнанных учеников, их имущество подвергалось конфискации или сожжению. Многие учителя вынуждены были искать спасения в бегстве, еще больше было уволенных с должности. Увольняли всех подчинившихся решениям учительского съезда и начавших в школах преподавание по новой программе. Но, несмотря на все эти репрессии, образовавшийся вскоре после упомянутого съезда учительский союз, руководимый учительским бюро, вел энергичную и самоотверженную борьбу с неистовствующей реакцией. Так, например, места бежавших и уволенных учителей были объявлены под бойкотом, бойкоту подверглись все лица, занявшие эти места, и имена их публиковались в листках и прокламациях, иногда даже в газетах. Союз оказывал также посильную поддержку пострадавшим и их семьям.

Сначала это бюро работало легально, но аресты его членов и преследования полицией заставили его перейти на полулегальное, а затем и нелегальное положение. Эта организованность и революционность учителей особенно раздражала врагов и потому расправа с учителями носила такой яростный характер.

Всего от репрессий карателей пострадало 350 учителей. 23 из них были расстреляны, 5 повешены, 86 арестованы, умерло от истязаний 5, эмигрировали—143. Телесному наказанию подвергли очень многих. В одном Валкском уезде истязанию подвергли 10 учителей, причем один получил 400 ударов, другой 200 и т. д. Альт-пебалгскому учителю—молодому талантливому поэту—Залюму предложили на выбор—100 ударов или расстрел, он выбрал последнее. Учителю Апситу удалось бежать, за это были арестованы его родные и сожжено имущество его тестя.

Иногда ярость карателей обрушивалась также на школьные здания—их громили или сжигали. В Венденском уезде каратели посетили 50 школ. 2 из них сожгли, 8 учителей расстреляли, 5 подвергли телесному наказанию, 7 арестовали, сожгли имущество 7 бежавших, а всего бежало 35 (большинству из них был вынесен заочно смертный приговор, некоторым по нескольку раз). Всего по этому уезду пострадало 64 учителя. Их места были объявлены под бойкотом, и среди учителей нашлось всего 5 штрейкбрехеров, изъявивших согласие по приглашению начальства занять места пострадавших. В Рижском уезде самым активным учителям—все члены с.-д. партии—удалось бежать (22). Арестовали здесь 10 человек: 1 арестовали, 1 избили и сожгли имущество—5. В Либавском и Газенпотском районе с началом «усмирения» бежали почти все учителя. На месте остались всего 5—6 стариков. Учителей Озола и Граудина до смерти зарубили саблями. Учителей Карклина и К. расстреляли за найденные у них номера газет «Русь» и «Новая жизнь», других обвинений и доказательств против них не было. Учителей Пумпура и Зингберга повесили по распоряжению усмирителя Бредриха—одного из самых свирепых палачей-усмирителей. Зингбергу велели взобраться на дерево, надеть себе на шею петлю и прыгнуть с дерева. Этот «остроумный» способ казни изобрел «сам» Бредрих. Учителя Стапрана сначала расстреляли, а потом еще повесили.

Так расправлялись временные победители с революционерами, не разбираясь в степени их «виновности». Была масса случаев, что лиц, сначала заочно приговоренных к расстрелу, потом суд приговаривал к 2—3 неделям ареста. Или, например, членов распорядительных комитетов каратели вначале расстреливали на месте, а потом суд приговаривал их тоже только к аресту.

* * *

Расстрелами, виселицами, массовой поркой, сожжением имущества и усадеб не исчерпываются подвиги рассвирепевшей, разошедшейся реакции. Еще худшая доля ожидала тех, кто в то время попадал в тюрьму, в полицейские участки, сыскные отделения, превратившиеся в настоящие застенки. Воодушевляемые победой, опьяненные сознанием неограниченной власти над судьбой и жизнью арестованных верные слуги самодержавия и развращенные исполнители—палачи в полицейских мундирах—мстили революционерам за свое недавнее поражение и унижение, мстили жестоко и кроваво, подло издеваясь над своими беззащитными жертвами. Да не подумает читатель, что я здесь сгущаю краски, преувеличиваю, поддавшись естественному чувству классовой ненависти к историческому врагу. К сожалению—это не преувеличения. На самом деле то, что тогда творилось в рижских тюрьмах и участках и в особенности в рижском сыском отделении, почти не поддается описанию. Действительность превзошла самую пылкую и извращенную фантазию, и если бы не живые свидетели—бывшие заключенные этих застенков, впоследствии вырвав-

шиеся на волю, я бы, пожалуй, тоже не поверил рассказам и описаниям этих ужасов, считая их явно преувеличенными, настолько это было кошмарно и неправдоподобно. Тут у некоторых может возникнуть сомнение вот по какому поводу: какое, скажут они, отношение имеет сыскное отделение к политическим? Ведь в этой области существовало довольно строгое разделение труда: политическими ведала жандармерия, охранка, а сыскное—уголовными. Так, действительно, было в нормальное время, да и то не совсем так. Так наз. наружная и сыскная полиция давно уже, в явный ущерб своим прямым обязанностям, привлекалась к борьбе с крамолой: полиция производила обыски и облавы, разгоняла демонстрантов и стачечников, а уголовные сыщики того времени чаще всего следили именно за революционерами. В эпоху же «усмирения» полиция целиком и полностью была использована именно для борьбы с революционерами, а рижское сыскное отделение фактически превратилось в филиал охранки и занялось исключительно искоренением крамолы. Жандармы свалили эту неприятную черную работу на сыскное.

Сыскное отделение в Риге было в полном смысле слова кошмаром Латвии. И, вспоминая его, невольно останавливаешься на двух главных палачах и инквизиторах этого вертепа—Грегусе и Давусе. Всякий, кто тогда попадал в руки этих извергов, был уже больше, чем на 70% обречен. В сыском, в самом центре города, содержали самых серьезных подсудимых политических. Здесь производилось первоначальное дознание и допросы и длилось это иногда по нескольку недель, а то и месяцев. А потом арестованных препровождали обычно ночью в тюрьму, расположенную за городом в так наз. песчаных горах. Но многие, большинство даже, до тюрьмы не доходили. На другое утро за городом в дюнах находили изуродованные трупы людей, а газеты кратко сообщали о новых расстрелах при попытке к побегу. Стоит ли говорить о том, что никаких попыток к побегу не было, да и быть не могло, что эти люди едва влачили ноги после «допросов» в сыском.

Допросы эти производились тоже большею частью по ночам, и все они сопровождалось невероятными пытками и истязаниями. Самые гуманные из них было простое избивание допрашиваемых. Били кулаками, ножами шашек, шашками плашмя, но больше специальными толстыми резиновыми палками и так наз. «воловыми жилами». Били и топтали ногами, бросали с размаху на асфальтовый пол—били до крови, до потери сознания. Потерявших сознание обливали холодной водой, приводили в чувство и продолжали избивание. Били за то, что арестованные не хотели сознаться в различных, приписываемых им «преступлениях», за то, что отказывались подписывать подсовываемые им протоколы, отказывались назвать сообщников, выдать своих товарищей. Но и сознание не спасало от побоев. Палачи не унимались, кричали: «Мало! Не все рассказал, что знаешь!» и продолжали истязание. Наконец, утомившись сами, они растаскивали полуживых, окровавленных людей по камерам и оставляли их там лежать на полу—одних, без помощи и присмотра. А когда жертвы поправлялись

после побоев, их снова вызывали на допрос и снова принимались за истязание.

Но я уже говорил, что простое избивание было самой мягкой, самой «гуманной» пыткой. Давусы и Грегусы были изобретательны и знали много других, более утонченных способов. Вырывание волос, прижигание горящими сигарами и папиросами, сжимание особыми тисками наиболее чувствительных органов и мест человеческого тела, колотье иголками, ножами, забивание иголок за ногти и т. д. и т. д. Словом, здесь воскресли многие приемы и способы «святейшей инквизиции» — эпохи ее расцвета. В большом ходу была также пытка бессонницей: по несколько суток жертве не давали уснуть; посадив ее между двумя полицейскими, ее щипали, толкали, кололи. Иногда по целым дням кормили только седелкой (без хлеба), а пить не давали. Велика была изобретательность инквизиторов и все-таки вынослив человеческий организм! Среди наших товарищей еще и теперь имеются такие, которые прошли весь строй этих пыток, и все-таки остались живы! Каким-то чудом их все-таки ночью доставили в тюрьму, а не пристрелили «во время побега». Они-то и поведали потом обо всем, что им приходилось видеть, слышать и переживать самим в этом застенке. В моем рассказе нет ни одного слова преувеличения — все сказанное теперь еще могут подтвердить живые свидетели, и кроме того данные об этом можно найти в упомянутом запросе Государственной думы.

Мне приходилось также встречать освобожденных из сыскаго, проводивших в нем всего 2—3 месяца, и видел я их вскоре после освобождения. Это все были молодые еще люди, почти юноши, но на людей они уже не походили и определить их возраст было крайне трудно. Лысые, согбенные, с гноящимися красными глазами, опухшим лицом, с синяками, кровоподтеками, гноящимися ранами по всему телу, с дрожащими, бесильными ногами и руками они напоминали собой прокаженных, в полном смысле слова — живые трупы. Многие из них вскоре умерли — получили чахотку, другие на всю жизнь остались инвалидами, и лишь немногие выживали и поправлялись. И надо принять во внимание, что раз их выпустили тогда эти палачи, которые на каждого попавшего к ним смотрели как на самого ярого агитатора или боевика, которые хвастали тем, что «отсюда никто не уходит, отсюда одна дорога — в песчаные горы» (намек на ночной расстрел), то можно быть уверенным, что против этих людей действительно не могли найти никаких доказательств их серьезного активного участия в движении.

Но даже в те кошмарные дни иногда происходили почти что чудеса, совершались подвиги, действительно граничавшие с чудом: люди ухитрялись убегать из этого застенка! Так, например, в 1906 г. отсюда бежали 7 обреченных смерти видных революционеров с известным революционным деятелем Латвии — Бобом (тов. Лютером) во главе. Побег этот при содействии нескольких товарищей с воли был совершен днем, когда на улицах уже царил оживленный движение, т. е. на глазах целой толпы

прохожих. И надо принять во внимание, что сыскное кроме вооруженных полицейских и шпионов охранялось еще целым взводом вооруженных солдат, помещавшихся в том же коридоре, где находились камеры арестованных. Однако революционеры, вооруженные лишь револьверами, частью перестреляли, частью терроризировали своих тюремщиков и все ушли. Этот случай тогда наделал много шума и рассказ о нем—один из самых героических эпизодов той эпохи.

В кошмарных условиях содержались также арестованные (политические) Рижской центральной тюрьмы. Режим политических арестованных стал хуже режима уголовных, обращение с ними изменилось—надзиратели стали грубыми, жестокими, ругались, избивали арестованных и за каждый пустяк по своему усмотрению сажали в карцер. Таких «клеток» здесь было настроено много, и многие арестованные проводили в них целые месяцы. Это были настоящие каменные мешки в 7 футов длиной, 4 шириной, 10 высотой, с узеньким окошечком у самого потолка в 1½ фута шириной и в 3 фута вышиной. Никакой мебели в этой клетке не полагалось—ни табуреток, ни койки, ни стола даже. В углу стояла только неизбежная зловонная параша. А тут же рядом в таких же каменных мешках ожидали своего срока приговоренные к смерти. Часто по ночам в коридоре вдруг поднималась страшная возня, открывались двери и вдруг нечеловеческие вопли попеременно с руганью, ударами, стуком прикладов оглашали тюрьму: это палачи пришли за смертниками. И случалось, в ответ на это вся тюрьма начинала гудеть от стуков в дверь, криков, революционных песен, треска ломаемых коек, разбиваемых табуреток. Тогда начиналось усмирение—банды озверелых тюремщиков врываются в камеры, до полусмерти избивали арестованных и волокли их окровавленных, полуживых в карцеры, где и бросали их на голый, холодный цементный пол, часто со сломанными ребрами, выбитыми зубами и т. д.

Так расправлялись победители с побежденным классовым врагом. Правда многим, очень многим революционерам, видным работникам и руководителям движения 1905 г. пришлось эмигрировать, причем многие из них надолго выбыли из строя. Но многие все же остались в Латвии, и кроме того на смену ушедшим уже имелись свежие силы. И как только стало возможно немного свободнее дышать, революционная работа повсюду возобновилась. Приходилось, конечно, работать главным образом в подпольи. Но вместе с тем происходили и открытые массовые выступления, происходили демонстрации, стачки, иногда устраивались и митинги.

Я сам наблюдал к концу лета 1906 г. в Риге героическую забастовку рижских трамвайщиков, упорную, организованную, выдержанную.

Наблюдал я также манифестацию в Либаве—при отправке арестованных политических—манифестацию, кончившуюся расстрелом манифестантов. Лозунгом местной с.-д. было—продолжение борьбы, подготовка к новому наступлению, новому вооруженному восстанию. Пока предлагалось поддерживать тесную связь с рабочими массами, беречь силы, бе-

речь оружие, сохранять основные кадры и ячейки боевиков и народной милиции. Большинство видных работников-эмигрантов находилось тут же поблизости—в Петербурге, Москве и др. русских городах, чтобы по первому зову опять вернуться обратно. А в целях сохранения основных боевых кадров была создана своеобразная организация так наз. «лесных братьев».

Этот передовой боевой отряд революционной армии состоял по преимуществу из пролетарской молодежи, которая все еще была преисполнена революционного энтузиазма и решимости продолжать борьбу, рассматривая свое поражение как временную неудачу. Она распалась на небольшие вооруженные отряды и группы, которые укрылись в латвийских лесах и оттуда постоянно тревожили врага неожиданными налетами, нападая иногда даже на воинские отряды, обозы, имения, беспощадно расправляясь с предателями, доносчиками, провокаторами, подстерегая и расстреливая озверевших усмирителей-баронов, местных полицейских и т. п. Это и были так наз. «лесные братья»—революционеры, не сложившие оружия даже при самом разгаре белого террора, не испугавшиеся армии Орлова и в течение целого года ведущие героическую борьбу на аванпостах революции.

С.-д. партия поддерживала связь с «лесными братьями» и руководила их действиями, контролировала их работу. «Лесные братья» подчинялись директивам партии и вначале представляли собою организационную, дисциплинированную и довольно сильную ударную группу, закаленную в боях и непрерывных стачках. Вначале на стороне «братьев» было также сочувствие и поддержка местного населения, ожесточенного и возмущенного теми издевательствами и насилиями, которые над ними чинили местные и пришлые каратели. Они охотно снабжали лесных братьев продуктами питания, укрывали их от преследования полицейских и драгун, сообщали им сведения о передвижениях войск, доносили им о «подвигах» баронов, провокаторов и предателей. «Лесные братья» являлись для них как бы мстителями за поправленные человеческие права и достоинства, за обманутые надежды, несдержанные обещания, за предательство местных и центральных властей. Но так обстояло дело недолго. «Лесные братья» причинили немало тревог и забот усмирителям, нанося иногда серьезный урон отдельным отрядам и разъездам, беспощадно истребляя местных усмирителей и полицейских, сурово расправляясь также с предателями и этим хоть несколько сдерживая их рвение. «Лесные братья» ушли в леса, скрывались в чащах отнюдь не из-за своего каприза или личного нежелания сдаваться, разоружаться. К этому их вынудила суровая необходимость, и этот шаг они предприняли с ведома и одобрения партии, будучи сами твердо уверены, что здесь, в лесных дебрях, они сохраняют живую боевую силу революции, кадр испытанных в вооруженной борьбе бойцов, которые в ближайшем будущем, при новом победоносном восстании пролетариата, при следующей массовой вспышке снова вольются в ее ряды и явятся руководящим кадром новых бойцов. Они

искренно верили в окончательную победу этой революции и были уверены, что новая вспышка близка—некоторые признаки как будто указывали на это. Во всяком случае волнения в России не улеглись, вспышки, восстания, крестьянские беспорядки продолжались. Но время шло, а желанный час здесь не наступал, напротив—силы врага вырастали с каждым днем, положение его укреплялось.

Чтобы покончить с «лестными братьями», местная администрация стала налагать на крестьян, на отдельные хозяйства и целые волости суровые взыскания, вплоть до расстрела и сожжения усадеб и всего имущества, а также крупных денежных штрафов-контрибуций за укрывательство братьев или оказание им какой бы то ни было помощи. За нападение «братьев» на отряды или отдельных лиц ответственность возлагалась на все население данного района или волости—и с этим братья оказались не в состоянии бороться. Ввиду этих репрессий крестьяне тоже стали относиться к ним холодно и враждебно, стали отказывать им в необходимом продовольствии и поддержке. Призрак голода навис над скрывающимися в лесах революционерами—связь с внешним миром стала прерываться. Кроме того на них устраивали часто облавы, словно на диких зверей, в этих облавах принимали участие охотничьи команды, многочисленные и хорошо вооруженные отряды солдат.

Доведенные до отчаяния, братья были поставлены в необходимость брать силою все необходимое себе—продовольствие, питье, иногда платье, белье, а в отдельных случаях также лошадей, телеги, деньги. Приходилось совершать экспроприации и не только в учреждениях, в казенных винных лавках, но и у частных лиц. Это был крайне опасный и скользкий путь, так как братья все это приходилось *для себя*, а не для организации, партии, на общее дело. Для слабых и неустойчивых, которые вошли в революцию, руководимые увлечением, а не разумом, здесь возникли разные соблазны. Это сказалось скоро: экспроприации все больше стали походить на обычные грабежи, иногда даже с убийством, и тогда крестьянское население возненавидело «лесных братьев», стало бояться их и отшатнулось от них. Неустойчивая часть братьев быстро разложилась и выродилась в обычных грабителей; пужна была высокая степень сознательности, железная сила воли и выдержка, чтобы живя в лесных дебрях и непроходимых болотах, в ямах, берлогах и шалашах, вдали от людей, ожидая каждую минуту нападения и предательства,—чтобы в этих кошмарных условиях сохранить свои идеалы, убеждения, благородство и революционную честность.

Впереди не видно было никакого просвета; со стороны, из города приходили самые мрачные вести: реакция победоносно подвигалась вперед, ряды партии редели и слабели, многие эмигрировали или дезертировали, в рабочих массах все сильнее чувствовались усталость и апатия, терроризованные крестьяне отшатнулись от революции. И тогда паника воцарилась и в рядах лесных братьев усилилось бегство, участились самовольные, единоличные даже экспроприации, начался упадок дисцип-

лины—братья жили уже жизнью обложенного кругом, затравленного зверя, который мог порою лишь злобно огрызаться и скалить зубы. Наконец, партия решила распустить эту организацию, еще раз в самой категорической форме подтвердив запрещение всяких экспроприаций и конфискаций, и заодно вынесла постановление, что всякий, не подчинившийся этому решению, считается порвавшим связь с партией. После этого разошлись, рассеялись лучшие «братья». Самая сознательная часть их эмигрировала за границу или в Россию, а неподчинившиеся решению партии остались и выродились окончательно в обычных грабителей.

* * *

В заключение приведу некоторые итоги 1905 года в Латвии, имеющиеся в книге известного историографа и идейного вождя местных помещиков—проф. Г. Шимана, убежденного контрреволюционера и яркого консерватора. Согласно этим данным в Курляндии за время с 1 января 1905 г. по 30 июня 1906 г. от рук революционеров пали 92 барона, полицейских и др. должностных лиц. А всего покушений на отдельных лиц этой категории было произведено 139. Наибольшее число покушений приходится на октябрь—декабрь 1905 г. (на 27 баронов и пасторов, 29 служащих имений, на 43 дворохозяев (предателей, доносчиков.—К. Л.) и 71 полицейского).

За этот же период насчитывается 291 поджог, из них 45 поджогов имений. Нападений демонстрантов на имения, правительственные учреждения, казенные винные лавки и т. д. произведено 709 (закрыто и частью разрушено 38 казенных винных лавок). Отмечено 67 случаев демонстративного сожжения царских портретов. В городах было 189 случаев нападения на полицейских и др. чиновников (тюремщиков и т. п.). Распорядительные комитеты в Курляндии были избраны в 190 волостях и просуществовали они от 1—3 месяцев.

В Лифляндии (латышской части ее) за это же время убито 125 полицейских, а всего произведено на них 137 нападений. Поджогов—604, из них 75% приходится на имения.

Общий убыток от поджогов, причиненный помещикам, проф. Шиман исчисляет в сумме около 63½ млн. рублей. Этот расчет, несомненно, сильно преувеличен, так как помещики надеялись благодаря ему получить от правительства более солидную субсидию за понесенные убытки. Вооруженных нападений на имения, волостные правления и т. п.—736, на казенные винные лавки—120. Царские портреты сожжены в 60 случаях. Распределительные комитеты имелись в 156 волостях. Количество народных учителей, принимавших ближайшее участие в революционном движении в Лифляндии, проф. Шиман определяет 185 из общего числа 604 учителей.

В 22 церквях Лифляндии состоялись демонстрации, богослужение прерывалось и нарушалось распространением прокламаций, революционными возгласами и т. п. в 20 случаях. Из-за периодически устраиваемых

демонстраций, нарушавших богослужение в Лифляндии, консистория закрыла здесь временно 14 церквей. Революционеры изгнали 15 пасторов, наиболее ненавидимых ими. Общее количество дотла сожженных имений и замков в Лифляндии 85, в Курляндии—45. Таков счет, предъявленный правительству и тогдашнему русскому обществу с одной стороны, таков список жертв, потерь и убытков в лагере помещиков и местных черносотенцев.

Если мы теперь сравним с этим списком другой, в который внесены все жертвы и потери боровшегося за свои права и свободу латышского трудового народа—всех убитых, расстрелянных, казненных, сосланных на каторгу, бежавших из Латвии, затем стоимость сожженных усадеб, имущества, разоренных хозяйств, все штрафы, контрибуции, денежные взыскания и все то, что было разграблено и похищено усмирителями, то можно смело сказать, что этот счет во много раз превосходит первый по всем статьям и во всех отношениях.

К. Ландер

МАТЕРИАЛЫ

ПРОТОКОЛЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП 24 (11) ФЕВРАЛЯ 1906 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце 1905 и в начале 1906 г. вокруг вопроса об отношении к Государственной думе выявились коренные разногласия в оценке революционных задач со стороны большевиков и меньшевиков.

Большевики считали, что разгром декабрьского восстания, являясь временным поражением, не означает конца революции. Исходя из того, что основная задача революции—свержение самодержавия—может быть достигнута только путем вооруженного восстания, большевики настаивали на активном бойкоте I Государственной думы, чтобы использовать избирательную кампанию для борьбы с «конституционными иллюзиями» и для организации новых сил для вооруженного восстания. «Бойкот,—писал Ленин,—есть объявление войны старой власти, прямая атака на нее»¹.

Позиция меньшевиков была непоследовательна и беспринципна. Г. В. Плеханов, занимая крайне правую позицию меньшевизма, выступал с резкой критикой большевистской тактики, противопоставляя тактике активного бойкота участие в выборах и участие в Думе. Остальные меньшевики в интересах «одоления» бойкотистов (т. е. большевиков) сошлись на том, чтобы участвовать в выборах на 1-й и 2-й ступени, отказавшись выставлять кандидатуры в самую Думу. Ленин беспощадно высмеивал меньшевиков за эту половинчатую тактику.

Объединенный Центральный комитет, созданный для созыва Объединительного партийного съезда, в целях объединения обеих частей партии—большевиков и меньшевиков, исходя из невозможности добиться тактического единства по вопросу о выборах в Государственную думу между большевиками и меньшевиками, предложил партийным организациям впредь до созыва партийного съезда проводить на местах одну из двух одинаково рекомендуемых тактик: либо большевистскую—активного бойкота, либо меньшевистскую—участие во всех стадиях выборов, кроме последней, с отказом выставлять кандидатуры в самую Думу. Дискуссия об участии в выборах и бойкоте происходила в течение января—февраля 1906 г. Большинство партийных организаций высказались за большевистскую тактику бойкота, отвергнув половинчатую тактику меньшевиков.

Наиболее остро дискуссия протекала в петербургской партийной ор-

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 23.

ганизации. Петербургский объединенный комитет РСДРП предложил обсудить обе тактические платформы на всех рабочих кружках при обязательном участии докладчиков обеих сторон. Дискуссия заканчивалась голосованием платформ и выбором делегатов на общегородскую конференцию по расчету: 1 делегат на 30 голосовавших членов партии. До созыва общегородской конференции состоялись районные конференции.

Общегородская конференция была созвана петербургским комитетом 24 (11) февраля 1906 г. Сохранившиеся протоколы конференции представляют исторический интерес, так как характеризуют, с одной стороны, условия внутривластной борьбы с меньшевиками, а с другой, — дают некоторый, хотя и далеко не полный, материал о петербургском периоде деятельности Ленина, когда он принимал непосредственное участие в работе петербургской организации и руководил деятельностью ПК.

Протоколы конференции, являясь подробной, почти стенографической записью, к сожалению, не содержат записи доклада Ленина о бойкоте. О характере его можно судить лишь по содокладу Ф. Дана и по речи Л. Мартова. Статья Ленина «Русская революция и задачи пролетариата»¹, написанная уже после конференции, продолжает полемику с меньшевиками, являясь ответом на все основные положения, оспариваемые Ф. Даном и Л. Мартовым.

Резолюция о бойкоте, предложенная Лениным на конференции, также не вошла в протоколы. Мы печатаем ее вслед за протоколами по тексту листовки, изданной Объединенным петербургским комитетом РСДРП. Резолюция о бойкоте в «Сочинения» Ленина не вошла, так как авторство Ленина установлено позднее напечатания тома по данному периоду (том IX). Обсуждение резолюции на конференции 24 (11) февраля не закончилось. Для этой цели в конце февраля, в начале марта 1906 г., была созвана II Общегородская конференция. Протоколы ее хранятся в архиве Института Ленина и будут напечатаны в одном из ближайших номеров «Пролетарской революции».

Вскоре после 1-й конференции Ленин на основе ее решений написал листовку «Ко всем рабочим и работницам Ленинграда и его окрестностей». Рукопись этой листовки найдена в прошлом году в Академии наук, напечатана в недавно вышедшем XVI Ленсборнике, стр. 245.

Б. Лавлер

Заседание открыто в 2 ч[аса].

[Представитель* Петербургского комитета¹ просит занять места]**. Из 68 делегатов с решающими голосами присутствует 56 голосов, т. е. $\frac{3}{4}$, что по постановлению Петербургского комитета делает собрание законным. Собрание объявляется открытым. Преллагается выбрать бюро, или избрать председателя. Отдельные голоса — «Может лучше

¹ Ленин, Сочинения, т. IX, стр. 28—35.

* В оригинале исправлено: вместо *представитель* — *председатель*.

** Курсивом в прямых скобках обозначаем зачеркнутые в оригинале места.

будет бюро!» Останавливаются на выборе бюро из трех лиц. [*Предлагаются кандидатуры: Макар*², *Демьян*³, *Вера Петровна*⁴, *Георг*⁵, *Назарьев*⁶, *Юрий*⁷, *Юлий Петрович*⁸, *Александр Иванович*⁹, *Петр*¹⁰]. Большинством голосов избираются: Демьян (28 голосов), Вера Петровна (26), Макар (24).

Макар. На вчерашнем собрании Петербургского комитета выработан регламент, который предлагается на утверждение. [*Предлагается*] Комитет предлагает, чтобы каждый имел слово 2 раза, время ограничивается так: первый раз не больше 15 мин[ут], второй не больше [10—5] 10 минут. Для докладчиков же первый раз, когда читается доклад, 30 минут, и второй раз—заключительное слово 20 минут. Тот, кто делает первый доклад, имеет последнее заключительное слово. Очередь докладчиков определяется жребием. Фактические поправки делаются в письменной форме в конце. К порядку говорить можно не больше трех минут. На собрании присутствует стенограф и избирается два секретаря: товарищ Сергей¹¹ и товарищ Назарьев.

Порядок дня предлагается на рассмотрение собрания.

Один из делегатов. Я нахожу необходимым для дискуссии уменьшить время: ограничить для оратора первое слово до 10 минут, второе же оставить 5 минут.

*Мартов*¹² предлагает дать первому докладчику предпоследнее заключительное слово, второму последнее.

Макар. Обычный порядок таков: докладчик должен говорить 2 раза: первый раз, когда делает доклад, и 2-й раз, когда говорит заключительное слово.

Мартов. Первый говорит предпоследним, второй последним.

Председатель. Вопрос, кто говорит последним, решается жребием.

Мартов. Прошу поставить на голосование: первый докладчик говорит предпоследним, второй последним.

*Николай*¹³. Товарищ не знает порядка, обычно голосуется раньше предложение целиком, а затем поправка.

Мартов. Товарищ Николай не знает порядка: делается как раз наоборот.

Голосуется поправка Мартова и отклоняется большинством против 26 голосов. Вносится еще поправка о сокращении срока.

*Аким*¹⁴. Докладчик имеет право брать слово и во время дискуссии.

Март[ов]. Везде принято, что референт читает реферат, молчит во время дискуссии и потом говорит после ораторов.

Предлагается два мнения: чтобы докладчик первый раз брал слово на 1/2 часа, второй раз на 20 минут, и второе, ограничить второй раз до 15 минут. Принято единогласно второе мнение.

По голосованию принято также, чтобы оратор брал слово на 10 м[инут] и 5 м[инут].

Голос одного из делегатов к порядку. Я думаю, что слишком будет неудобно...

Председатель. Это по существу.

Мартов. Приходится принимать ограничение во времени потому, что иначе придется урезать список ораторов, пусть лучше выскажется понемногу большее количество ораторов, чем меньшее понемногу.

Председатель ставит на голосование.

Поправка принята большинством (25 голосов).

Вносится и по голосованию принимается поправка Дана, чтобы докладчик не имел заключительного слова.

Председатель голосует регламент с поправкой. Проходит большинством, против только 2 голоса.

Макар. По регламенту следует проверить сначала выбранных делегатов в районах, имеются ли они все, нет ли лишних, а потом перейти к докладу, затем дискуссия, голосование и подсчет голосов. Докладчики—представители обеих фракций. Принятие той или другой тактики обязательно.

*Дан*¹⁵. Будет ли проверка мандатов?

Ответ бюро. Будет.

Председатель. Кто против порядка дня? (Поднимается одна рука.)

[Макаров]. Начинается проверка: 1) Выборгский район—должно быть 3 бойкотчика, 9 небойкотчиков, 1 бойкотчик не мог явиться, поэтому налицо *[тактики большинства]* двое бойкотчиков, *[меньшинство]* 9 небойкотчиков.

Макар дополняет, что голос неявившегося бойкотчика зачислен в остаток.

[Мартов. Будут помещены в остаток голоса всех неяв.].

Мартов. Голоса всех ли неявившихся депутатов будут помещаться в остаток? Почему одни помещаются, другие нет?

Макар. Разница в том, что для первых имелось 30 голосов и лишь случайно представители не были избраны, вторые же не явились, будучи уже избранными.

Голос одного из делегатов. Может, вместо неявившихся товарищей есть кандидаты?

Бюро предлагает обсудить это отдельно, после, а пока продолжать подсчет.

Демьян читает: Окружной район—10 бойкотчиков и ни одного небойкотчика; явилось 4 человека и 2 кандидата, которые могут заместить часть неявившихся, 4 депутата не явятся. Василеостровский район—5 бойкотчиков, 4—небойкотчика, один кандидат. Петербургский район *[5]* 4 бойкотчиков, 4 небойкотчика, один лишний (Зиновьев)¹⁶. Ремесленный район 4 бойкотчика, 3 небойкотчика—все. Невский район—5 бойкотчиков, 1 небойкотчик, один бойкотчик не явился. Городской район—2 бойкотчика, 3 небойкотчика—все, один кандидат. Нарвский район—3 бойкотчика, 2 небойкотчика—все. Московский район—1 бойкотчик, 1 небойкотчик, собрано еще 30, никто не намечен—идут в остаток.

Все почти районы в полном виде, нет с Выборгского—1 бойкотчика, с Невского—1 бойкотчика. Кроме того есть лишние четыре товарища, которые не вошли в число делегатов. Как с ними поступить? Я *[допускаю]* предлагаю допустить их присутствовать в качестве гостей.

Дан. Присутствие их допустить, но не давать им права участвовать в прениях, поставить им условие быть только слушателями.

Предложение товарища Дана собранием принимается.

Наум ¹⁷. Может придется заменить ими тех, которые не придут?

Дан. Это невозможно, избиратели ведь выбирали определенное лицо, а не то, которое случайно присутствует.

Предложение товарища Наума отвергается почти единогласно (поднимается лишь одна рука).

Председатель. Перейдем к рассмотрению вопроса об остатках, но сначала товарищ Макар сделает отчет о Ремесленном районе, который провалился на районной конференции, и товарищи попали в тюрьму.

Макар. Перед нами стоит задача или совершенно отсечь участие одного района, или представить его не так правильно, хотя и пропорционально числу голосов, поданных за ту и другую тактику. Было устроено собрание, на котором *[выяснилось]* выяснили вопрос, сколько сторонников одной и сколько сторонников другой фракции. Выяснилось, не было ли представлено кандидатов—их оказалось два. Из отобранных раньше голосов часть пришлось исключить как формально неправильных. Из присутствовавших представителей—пропагандистов, организаторов и пр. избрано было 4 бойкотчика и 3 небойкотчика, на не вполне правильных основаниях, т[ак] к[ак] не было возможности произвести дискуссии. Является вопрос—имеют ли они право участвовать в данной конференции, или их нужно отсечь?

Петр. Сначала было 6 бойкотчиков и 3 небойкотчика, почему же потом стало 4 бойкотчика и 3 небойкотчика?

Макар. Было несколько голосов спорных *[чтобы не затягивать вопроса 42]*, 62 голоса бойкотчиков рассматривались как полученные формально не вполне правильно.

Николай. Не было ли отсечено части голосов из небойкотчиков?

Вера Петровна. Было отсечено 10 голосов.

Задается вопрос, что было принято по отношению к Окружной организации?

Макар. Комитет санкционировал собранные голоса за исключением 120 спорных.

Дан. Прошу внести в порядок дня вопрос об Окружной организации.

Вера Петровна. На вчерашнем собрании Петербургского комитета о них должны были сговориться Петр Порфирьевич и Назарьев, чем это кончилось, еще не известно. Но мы начали говорить о Ремесленной, а перешли к Окружной организации. Сначала нужно окончить одно, а затем перейти к другому.

[Просят выяснить.]

Присутствующие депутаты просят выяснить точнее, как было составлено представительство на конференции Ремесленного района.

Вера Петровна. Конференция Ремесленного района была арестована. Мы с Макаром вчера устроили собрание из оставшихся насколько возможно полнее. Оказалось 62 бойкотчика и 10 небойкотчиков избраны неправильно. Организация представила отчет, кто мог быть кандидатом. Из бойкотчиков двое, из небойкотчиков ни одного. Помимо их избрали из пропагандистов и организаторов. Вообще сделано все возможное.

Аким. Время идет. Предлагаю ограничить 2—1 минутами время проверки мандатов.

Николай. Предлагаю считать представительство Ремесленного района *[законченным]* законным.

Дан. Предложение товарища Николая не допустимое, товарищ предлагает изменить порядок конференции.

Председатель разъясняет, что предложение товарища Николая относится только к Ремесленному району.

Председатель. Считает ли собрание вопрос достаточно выясненным?

Вопрос голосуется и большинством утверждается состав делегатов, посланных от Ремесленного района.

Второе голосование—не ограничивать времени при проверке мандатов—отклонено.

Назарий. Я считаю голосование неправильным: мы еще не знаем, как будем проверять мандаты, а уже приняты ограничения.

Лен[ин]. Я удивляюсь, как можно не ограничивать.

Макар. Вопрос решен, теперь на очереди стоит вопрос, как мы будем проверять мандаты. Петербургский комитет предложил проверять так, как проверяли мы, т. е. формально, не вдаваясь в глубь разбора вопроса о дискуссиях и избраниях, потому что везде были районные конференции, которые просматривали и проверяли выборы, а потому Петербургский комитет и предлагает, чтобы не затягивать, не пересматривать вопроса по существу, ограничиваясь формальной проверкой.

Один из делегатов. Петербургский комитет заявил относительно окружной организации, что часть голосов там сомнительна.

Председатель. Не была выяснена формальная правильность 56 голосов: выяснить это было поручено товарищу Назарьеву и товарищу Петру Порфирьевичу.

Петр. Я настаиваю, что прежде нужно решить, как мы будем проверять мандаты—формально или по существу.

Николай. Я предлагаю проверить только с формальной стороны: мы не имеем возможности проверять мандаты по существу, это займет слишком много времени и на конференцию не останется ничего, или же она может окончиться, как окончилось собрание в Вольно-экономическом обществе, где *[собрание до того за]* проверка до тех пор тянулась, что пришла полиция и разогнала собрание.

Георг. Я знаю о злоупотреблениях в Окружном районе, по крайней мере об одном факте знаю хорошо, поэтому мы должны проверить мандаты по существу.

Ленин. Мы напрасно тратим дорогое для нас время, я предлагаю вносить подобные заявления в письменной форме, так нажаловаться каждый может сколько ему угодно.

Сергей предлагает голосовать вопрос.

Петр (смеясь). Предлагаю составить особую комиссию для расследования жалоб.

Мартов. Внесено было предложение о закрытии прений, это должно голосоваться раньше.

Дан. Я предлагаю закрыть прения. Ввиду же того, что в речах всех ораторов выдвигается только один район, то надо принять формальную проверку всех районов, сделать для Окружной организации исключение.

Макар ставит на баллотировку предложение о закрытии прений—принимается единогласно.

Аким. Я нахожу, что Выборгская организация не менее интересна.

Дан. Предлагаю в дебатах об Окружной организации время не ограничивать.

Ленин. Не целесообразно отменять раз принятое решение. Рекомендуются прямо приступить к делу.

Председатель. Есть ряд предложений: 1) проверять ли мандаты вообще по существу или формально, 2) имеется предложение проверить по существу мандаты Окружной организации, 3) предложение товарища Акима относительно Выборгской организации и 4) предложение Дана, чтобы время обсуждений об Окружной организации не ограничивать. Буду голосовать первое предложение. Голосуется и большинством против 20 принимается формальная проверка мандатов.

Дан. Предлагаю сделать исключение для Окружной организации, рассматривать ее по существу. Прошу поставить этот вопрос на голосование.

Сергей. Предлагаю не ставить на голосование этого вопроса, потому что конференция не может перерешать решения.

Дан. Я настаиваю, чтобы представители Окружной организации не голосовали в вопросе, касающемся его.

Макар. Голосуется предложение товарища Дана, чтобы Окружной район не имел голоса в этом вопросе. Предложение принимается большинством.

Председатель голосует предложение товарища Дана выделить вопрос об Окружной организации, для рассмотрения вопроса по существу. Подается 23 голоса за и 23 же против. Голосуется вновь—26 за, против 24.

Председатель. Ставлю на голосование предложение товарища Акима относительно Выборгского района.

Мартов. Почему был внесен вопрос об Окружном районе, нам известно, но мы не знаем оснований, почему нужно делать исключения для Выборгского района.

Аким. Я присутствовал на дискуссиях и нахожу, что упущения были аналогичны с Окружной организацией. Например, там производилась предварительная агитация без другой, противной стороны, велась она часа два и когда приходил оппонент другой тактики, то все уже уставали, и агитация кончалась.

Наум. Товарищ Аким внес свое предложение лишь тогда, когда стал настаивать товарищ Дан на проверке по существу Окружной организации. Я знаю, что и в Городском районе было почти то же, так мы должны все районы просматривать, я думаю, что предложение товарища Акима ироническое.

Игнатий * 18. Рассматривать по существу мандаты, как это теперь обнаружилось, значит перетряхивать старое белье, что уже делалось в П[етербургском] к[омитете], я прошу комитет внимательно отнестись к этому вопросу. Я предлагаю переголосовать вопрос об Окружной организации.

Мартов. Не надо увлекаться. Решение ведь было не двусмысленное. 26 голосов за и 24 против, постановлено, чтобы было исключение из общих районов для Окружной организации. Я думаю, что нужно подходить определеннее в каждом конкретном случае. Проверка в Выборгском районе делалась, если *[все же]* не было никаких заявлений, значит решили, что жалоба, если она и была, неосновательна. А недовольная сторона могла бы апеллировать в Комитет. Я спрашиваю товарища Акима, были ли протесты против Выборгского района? Прошу... (время его кончается).

Игнатий. Прошу голосовать мое предложение.

Ленин. Решением, принятым об Окружной организации, провалено первое решение конференции об общей проверке мандатов формально. В Окружной организации было 56 голосов сомнительных и лишь о них могла идти речь. Комитет и районная конференция производили проверку избрания, если не доверять решению Петербургского комитета относительно Окружной организации, то нужно быть последовательными и идти к тому, чтобы проверять все районы.

Макар. У нас записано уже 7 ораторов, ввиду недостатка времени я предлагаю закрыть *[запись ораторов]* прения и голосовать предложение товарища Игната.

[Один из делегатов] Георг. Я против закрытия прений, потому что невозможно, чтобы *[опрос]* относительно Окружной организации вопрос ставился только с формальной стороны. Там не было ни одного противника тактики бойкота.

Председатель. Кто против закрытия прений? Голосуется и большинством голосов прения закрываются.

Аким. Раньше было внесено предложение, нужно голосовать его.

Дан. Председатель не знает, что не принято, чтобы бюро само выносило всякого рода предложения.

* В оригинале ошибка: следует писать — *Игнат. Ред.*

Ленин. Товарищ Дан не знает о парламентской тактике. Во всех странах Западной Европы член бюро не лишен права вносить предложения.

Председатель пробует разобраться в целом ряде вопросов. Говорит, что не следует переносить вопросы на совершенно постороннюю почву, иначе конференция будет сорвана.

Дан. Товарищ Лен[ин] развил аргументацию по существу: проверять формально. Мною внесена поправка: голосуемая без членов Окруж[ной] орган[изации],—она принята. Товар[ищ] вносит предложение, Окружная организация принимает участие [в голосовании] и проваливает.

Петр. Я обращаюсь к партийному чувству товарищей. Вопрос о делегатах не так значителен, чтобы из-за него проваливать все. Предлагаю снять вопрос с очереди и перейти к обсуждению двух тактик.

Мартов. Товарищ Петр говорит очень поэтично...

Петр (прерывая). Ну хорошо, я без «партийного чувства» предлагаю снять вопрос с очереди, признавши мандаты правильными.

Председатель. Убедительно прошу собрание успокоиться и прекратить частные разговоры. У нас целый ряд вопросов на очереди. Они все перепутались, кроме того все берут слово, что еще больше затягивает конференцию. Вопрос решен только об Окружной организации. Вносятся предложение тов. Акима о Выворгск[ом] районе, предложение тов. Игната и предложение тов. Петра о перерешении вопроса об Окружной организации. При обсуждении говорилось уже и за и против. Тов. Мартов может возразить тов. Петру, но я предлагаю не брать больше слов, это будет бесконечно.

[Один из делегатов] *Мартов.* Я не понимаю, какое значение имело наше решение о двухминутном сроке. Формальная проверка, как ее понимает К*, не существует, ибо она, оказывается, уже произведена.

Ник[олай]. Я вношу предложение перейти к голосованию предложений тов. Игната и тов. Аким[а].

Од[ин] из делег[атов]. Мы не имеем права ставить это на голосование. Это может повести к ряду недоразумений.

Пред[седатель]. Вы говорите по существу.

[Один из делегатов] *Николай.* Я ставлю на голосование: прекратить все прения и поставить на голосование предложение тов. Игната.

Макар. Прошу товарищей успокоиться и сесть на свои места. Я не понимаю, почему товарищи так волнуются. Они мешают вести собрание.

Пред[седатель]. В бюро представители всех течений, как бойкотчики, так и небойкотчики, [поэтому] тем самым беспристрастие бюро обеспечено.

Март[ов]. Председ[атель] забыл наверно, что принято известное решение и закрыта запись ораторов. Вы поставили вопрос на голосование и не нужно [закрывать прения] давать слов по этому вопросу.

* Слово не разобрано. *Ред.*

Петр. Я предлагаю вновь переголосовать решение и перейти к предложению тов[арища] Игната.

Игнат. Я формулирую мое предложение: проверить все районы формально, исключений не делать ни для какого; приступить к дальнейшему рассмотрению вопросов порядка дня.

Макар. По этому вопросу я предлагаю для сокращения времени говорить двум ораторам—одному за и другому против.

Петр (говорит за). Я считаю, что трудно произвести проверку по существу: [вас] это завело бы слишком далеко, тем более, что районная конференция обследовала этот вопрос. Или собрание признает законченной проверку и представительство всех районов правильным, или признает проверку недостаточной и составляет новую конференцию на иных основаниях. Немыслимость этого очевидна.

Мартов. Т[ов.] Петр забыл, что вопрос об Окружной организации имеет свою специфическую особенность. Конференция не даром 26 головами против 24 приняла исключение для Окружной организации. Так как выясняется рядом фактом, [что] производились дискуссии совершенно без участия [одной] противной фракции и таким образом мнения одной части партии не было опротестовано. Относительно других районов, в том числе и Выборгского, подобных заявлений не делалось.

*Петр Порф[ирьевич]*¹⁹ (прерывая). У нас тоже протестов не было.

Мартов. Очевидно, что предложение Игната следует отвергнуть и подвергнуть Окр[ужную] организацию детальной проверке, тем более, что и Комитет часть голосов нашел сомнительными.

Председатель. Предлагаю формулировать тов[арищу] Игнату его предложение.

Игнат. Окружную орган[изацию] наравне с прочими проверять только формально.

Предложение тов[арища] Игната по голосованию отклонено 26 против 25.

Мартов. Прошу определить, каково общее число решающих голосов.

*Нина Львовна*²⁰. Без Окружной организации 54, с ней 64.

(Председатель говорит несколько иные цифры)*.

Ленин. Предлагаю подсчитать число присутствующих.

Нина Львовна [дает точную цифру всех присутствующих]. Точная цифра всех явившихся—65.

Переголосовывается предложение тов. Игната, чтобы не делать исключения для Окружной организации, за 25, против 26, (51—), отвергнуто.

Председатель. На очереди предложение тов. Акима о Выборгском районе.

Юрий. Просим фактических разъяснений со стороны Выборгского района.

* Между этой строчкой и предшествующей в оригинале поставлен вопросительный знак. *Ред.*

Мартов. Я желаю знать, были ли *[фактические]* в Окружном и Выборгском районе протесты относительно состава голосов, относительно правильности дискуссии и представительства.

Голоса Петра Порфир[ьевича] и других: Нет, нет.

Аким. Мне известны такие факты: на одном из заводов Выборгского района велась предварительная агитация с одной стороны, что являлось нарушением постановления Комитета.

Ленин берет слово за. Вопрос, который был предложен товарищем Мартовым, касается формальной стороны, если вы решили рассматривать здесь один район на основании заявленных протестов, то следует сделать такое же решение и о других районах, о которых вносится протест. Тов. Аким находит неправильность в Выборгском районе, и конференция, принявшая решение об Окружной организации, должна распространить это решение и на Выборгский район.

Мартов (против). Повторяю, нельзя смешивать Окружной район с Выборгским. В первом имеется особые условия. Там относительно нескольких голосов вопрос не решен и Комитетом. Неправильность голосований и дискуссий не подвергалась контролю. Распространение исключений и на Выборгский район пошло бы в разрез с постановлением конференции— проверять все районы лишь формально. Аким своевременно не вносил протестов. Их не было и на районной конференции. Значит *[там и в Петербургском комитете утверждена]* там, как и в Петербургском комитете, утверждена законность представительства.

Петр Порфирьевич (прерывая). В Окружном районе тоже не было протестов.

Мартов (продолжает). Поэтому конференция должна подтвердить первое решение, т. е. принять исключение лишь для Окружной организации.

Председатель голосует предложение Акима. Оно принимается большинством.

Макар. Предлагается тт. Назарьеву и Петру Порфирьевичу, которым было поручено сговориться о сомнительных голосах Окружной организации, сделать доклад.

Сергей. Для доклада предлагаю ограничить только двумя ораторами.

Мартов. Прошу не делать ограничений и не увлекаться в стремлении зажать рот части собрания.

Петр. Председатель должен *[следить]* наблюдать, чтобы ни один оратор не мог обвинить в стремлении зажать рот.

Петр Порфирьевич. Сомнительными явились 56 голосов Сестрорецка. Я явился к товарищу меньшевику своевременно и потребовал у них два человека для дискуссии, но они не явились, так как один пропагандист сломал себе ногу. Ввиду *[того]* настоящей масляницы и того, что рабочие заявили, что им уже говорили о Думе, я не нашел возможности собрать людей; таким образом я не мог второй раз собрать собрание. Голоса должны считаться законными. Петербургский комитет слышал мое заявле-

ние. Товарищ Назарьев говорил, что людей нужно было послать, но их не было, товарищ говорил также, что он виделся с пропагандистами; была сделана очная ставк[а]; в результате вчерашней беседы товарищ Назарьев сказал, что считает голоса законными.

[Назарьев]. Тов. Петр Порфирьевич ставит вопрос о 56 голосах на формальную почву и конечно с этой точки зрения он прав: мы были извещены о дискуссиях, но по тем или иным причинам не попали на них, а так как Петербургский комитет решил считать всякое собрание законным, если противоположная сторона оповещена, а мы оповещены были, я и признал законными 56 голосов. Но дело не в 56 голосах, а в рассмотрении по существу всех дискуссий Окружного района. Там был ряд собраний, где дискуссии состоялись без участия меньшевиков.

Игнат. Здесь обнаруживается, что бы[ло] недоразумение. Смешиваются понятия по существу и формально. Я понимаю так: разбирать формально, значит выяснить, обеспечено ли представительство обеих сторон, во-время ли заявлено о дискуссии. Петербургский комитет с этой точки зрения *[все голосования]* признал законными все голоса, как меньшевиков, так и большевиков и в Окружной организации и в других. Теперь предлагается обсуждать по существу. Рассматривать вопрос по существу, по моему, значит вновь перетряхивать грязное белье, что уже сделано в Комитете. Предлагаю выяснить вопрос лишь с той и другой точки зрения.

Дан. Товарищ Игнат понимает крайне своеобразно, что значит формально и по существу. Своею речью он напрасно занял внимание собрания. Здесь уже говорили, какие особенности имелись в Окружном районе и почему его необходимо подвергнуть проверке по существу. Я не смотрю на проверку мандатов, как на промывку грязного белья. Такой серьезный вопрос, как вопрос о тактике *[всего]* организованного пролетариата всего Петербурга, не может быть решен бегло и поверхностно; поэтому мы хотим подвергнуть более детальной проверке; еще раз повторяю, что это не может быть промывкой грязного белья. Если бы и не знали, или не слышали о тех пертурбациях, которые были в Окружной организации, то уже одно то, что она по числу голосов за и против бойкота, так резко выделяется в ряде других районов резким противоречием цифр 360 и 19,— кажется странным. Я смотрю на проверку, [как] на необходимость серьезного отношения к делу. Мы делаем серьезный практический шаг, вырабатываем тактику по отношению к Государственной думе. Если по тем или другим условиям рабочие не могли столкнуться там об обеих тактиках, не могли заслушать обстоятельно защиту их, то Окружной район не должен оказывать давление *[своими голосами]* на решение конференции.

Сергей. Доклады т. Петра Порфирьевича и тов. Назарьева сталкивались о сомнительных 56 голосах, найдя их законными. Я предлагаю признать правильной проверку Петербургского комитета, отнестись доверчиво к тов. Петру Порф[ирьевичу] и тов. Назарьеву и утвердить голоса Окружной организации. Вношу предложения закрыть прения.

Мартов. Я не знаю, кто вносит предложение забраковать 56 голосов,

состав Окружной организации совсем не считается законным. Я, например, вношу предложение исключить Окружную организацию совсем.

Председатель. Голосует закрытие прений против 23, за 27. Раздаются голоса «хотят зажать рот меньшинству» и протесты против этого.

Ленин. Протестую против упрека в зажимании рта. Теперь $4\frac{1}{2}$ ч., до закрытия конференции осталось $2\frac{1}{2}$ часа, это не зажимание рта, а просто недостаток времени.

Мартов. Я имею слово к порядку. Я предлагаю выяснить средства к пониманию Окружной организации; здесь не сообщалось, сколько голосов было подано на каждом собрании в Окруж[ой] организации за и против бойкота, а уже было голосовано закрыть прения. Для меня Окружная организация очень серьезное дело. Прошу выяснить, какое число собраний было в Окруж[ой] организации, сколько голосов было за и против бойкота? Тогда мы по крайней мере будем знать хоть что-нибудь. Прошу голосовать мое предложение. Мы имеем право голосовать только о том, что возбуждает сомнение, а нам предлагают вообще. Я протестую. Я предлагаю обсуждать только то, о чем возбужден был протест.

Демьян. Я напоминаю товарищу Мартову о порядке дня, намеченном нами. То, чего хочет т. Мартов, как раз входило в доклад тов. Петра Порфирьевича. Что же касается слова тов. Дана и вашего о неправильности Окружной организации, то ведь в смысле проверки конференция должна выполнить ту работу, которую не успел закончить Пет[ербургский] комитет, который на [нашем] одном из собраний возбудил вопрос об Окружной организации, голосуя решения не фракционно, а подавляющим большинством. За основание было принято: приняты ли все меры или нет к тому, чтобы о каждом собрании были оповещены обе стороны. Повторяю, вопрос об Окружной организации не раз подымался и рассматривался. Один раз Комитет отсек 40 голосов. Сомнение возбудили 56 голосов, для проверки которых и были назначены официальные лица от Петербургского комитета, в целях не возбуждения сомнений на конференции. Нами заслушано заявление тов. Петра Порфирьевича о том, что 56 голосов найдено им и тов. Назарьевым [вполне] законными. Что же касается заявления тов. Мартова о соотношении голосов в Окружной организации и других районах, то нужно иметь в виду, что 60 голосов, поданных за тактику небойкота, были отнесены к Выборгскому району, с ними не получалось бы такого несоответствия. Кроме того резкая противоположность цифр имеется не только в Окружном районе, а и в Невском и Выборгском районах. Я дал практическое разъяснение и думаю, что собрание может перейти к голосованию, т. е. рассмотревши вопрос по существу, принять то или иное решение.

Мартов. Предлагаю дать Окружной организации только совещательный голос.

Ленин. К порядку. Если Петербургский комитет признал Окружную организацию полноправной, то я удивляюсь предложению тов. Мартова — исключить ее из конференции.

Председатель. Это не к порядку. Вопрос об Окружной организации выяснен и предлагается считать 56 голосов законными.

Дан. Мы должны голосовать раньше мое предложение, относящееся ко всей Окружной организации.

Председатель. Вы ошибаетесь, между вами и тов. Игнатов разница только в названии, ваше предложение сводится к 56 голосам.

Ленин. Имеются два предложения: решить вопрос о 56 голосах и исключить из конференции всю Окружную организацию. Я *[предлагаю]* прошу вотировать.

Мартов. Я вносил предложение, бюро должно выслушать его и внести на голосование, а *[не]* исполнять волю сверх-председателя Ленина.

Ник[олай]. Протестую против подобных реплик, прошу занести в протокол.

Мартов. Я удалюсь немедленно, если мне не будет позволено выяснить искажение, которому подвергнуты мои слова. Я говорил о присутствии с совещательным голосом...

Председат[ель] (прерывая). Никто из товарищей не может брать слова без разрешения на то председателя. Ввиду нареканий, мы вносим заявление от двух членов бюро, что мы предлагаем в председатели Веру Петровну, как придерживающуюся тактики меньшинства.

Ленин. Прошу поставить на голосование вопрос—может ли часть Петербургск[ой] организации *[быть]* лишена здесь представительства.

Дан. Голосовать с таким дополнением: если она заранее не позаботилась об его законном составе.

Макар. Вношу предложение: ввиду того, что Петерб[ургским] комитетом не рассмотрены были только 56 голосов Окружной организации, а теперь они признаны законными, я предлагаю признать всю Окр[ужную] организацию правильной.

Николай. И представительство делегатов законным.

Дан. Здесь недоразумение, потому что вопрос не разделен на 2 части: насколько было правильно голосовано в Окружн[ой] орг[анизации] и нет ли оснований для того, чтобы разрешить Окружной организации самостоятельную выработку тактики. Если представить Окружной район самостоятельной тактике, то это не будет относиться к проверке мандатов.

Мартов. Предлагаю упростить прения: сейчас решать вопрос только о правильности 56 голосов, а мое предложение, чтобы голоса Окружной организации не принимались вовсе, предлагаю поставить после доклада Петербургского комитета.

Дан. Я вношу письменное заявление: «Прошу внести в протокол: благодаря голосованию о закрытии прений собрание было лишено возможности выполнить свое постановление о рассмотрении мандатов Окр[ужной] орг[анизации] по существу, постановление, принятое без участия представителей Окружной организации. Ф[едор] Дан».

Примечание бюро: в голосовании о закрытии прений Окр[ужная] орг[анизация] не принимала участия.

Макар. Я предлагаю признать законным всю делегацию Окружной организации. 56 голосов теперь уже не возбуждают сомнений.

Голосуются: признать всю делегацию законной (за 27, пр[отив] 16 голосов).

Юрий. Кто воздержался? (Считается количество воздержавшихся— 14 человек, ([четверо] считая 10 человек Окружной организации).

Юрий. Прошу занести в протокол. Я не мог голосовать по вопросу об Окружн[ой] организации, потому что не выяснил себе, что предпринято по отношению к Окружной организации теми, кто остался в меньшинстве в Комитете. Действительно с формальной стороны голосование было правильно, но мы начали обсуждать вопрос по существу. Вносились ли меньшинством Комитета какие-либо предложения?

Вера Петр[овна]. На вчерашнем собрании было расследовано с формальной стороны и все было правильно. Сомнения возбудили 120 голосов, относительно которых в конце концов между т. Петром Порфирьевичем и т. Назарьевым произошло соглашение. Оказалось, что дело в недоразумении. Петр Порфирьевич приглашал на дискуссии, а Назарьев забыл явиться. С формальной стороны все голоса признаны правильными.

Нина Львовна. Предлагаю прекратить прения.

Мартов. Вопрос о 56 голосах похоронен, но вопрос об Окружн[ой] орган[изации] остался.

В[ера] Петр[овна]. Макаром было внесено сначала предложение, исключающее все другие. Раз конференция признает законным представительство Окружн[ой] орган[изации], то нет смысла подвергать голосованию другие предложения. Кто предлагает расчленить вопрос.

Мартов. Если у вас были логические аргументы против, надо было выставить их раньше. Вопрос об Окружн[ом] районе, вопрос не о 56 голосах. Если решено делать лишь формальную проверку, то никаких оснований исключать 56 голосов формально [проверенных] правильных нет. Тов. Вера Петровна старается сделать формальные обобщения, но нам вовсе незачем вникать в них. Вопрос в существе дела: меньшевики не участвовали на многих дискуссиях Окружн[ой] организации. Очевидно здесь явная ненормальность. Никто не думает исключать Окр[ужную] организ[ацию] из конференции, но можно предоставить представителям ее голосовать отдельно и принять свою собственную тактику. Тем более, что так уже был решен вопрос в Москве.

Петр. Я послан полномочным на конференцию Городским районом и считаю, что мы не в праве делить Петербургскую организацию на городскую и внегородскую. Ведь по определению Сената отнесен за черту города и Невский район, может и его следует выделить? Я заявляю, что я пришел на конференцию всей Петербургской организации, но не могу остаться там, где будет отделена часть товарищей.

Ленин. Предложение товарища Мартова не может быть поставлено на голосование, затронутый им вопрос может решить только Петербургский комитет.

Сергей. Предлагаю принять предложение Мартова: Окружн[ая] орг[анизация] в голосовании [не] участвует.

Ленин. Подумайте, товарищи, о том чуде, которое вам [предстоит] [предлагают]. Обсуждался важный вопрос, в решении которого должна принять участие вся организация Петербурга, а вам вдруг предлагают отрезать громадную часть—Окружной район. Подумайте над этим. Такое голосование я считаю непозволительным по существу. Прошу голосовать: желает ли собрание голосовать предложение товарища Мартова?

*Алекс. Григорьевич*²¹. Дело не вполне так: Когда мы решаем вопрос и есть возможность такого решения, никто не может запретить конференции принять для Окр[ужной] орган[изации] [ту или другую] особую тактику, а для города другую. (Смех.) Понятно, что если бы тактика принималась для всей партии, исключения были бы невозможны, но раз мы обсуждаем вопрос, касающийся только Петербурга, то я не вижу причин, почему не разделить Окружной район, тем более, что такое решение было принято в Москве. Я нахожу, что предложение т. Мартова приемлемо и прошу его голосовать.

Петр. Предлагаю закрыть прения и голосовать предложение товарища Ленина.

Вера Петровна. В Петербургском комитете обсуждался вопрос об Окруж[ной] орг[анизации], охватывающей огромный район. Думали такие места, как Колпино и Сестрорецк, выделить в отдельные районы. Но пока никаких решений не принято и выделить Окруж[ую] организацию из общей организации не можем, да на это она и сама не согласится. Мне кажется лишним вести дебаты, я предлагаю прекратить поэтому поводу прения.

Мартов. Решения Комитета не могут оказывать никакого давления на конференцию, тем более мы знаем, что большинство Комитета бойкотистское. Конференция суверенна, хотя Вера Петровна и говорит, что так как комитет не выделил Окруж[ую] орг[анизацию], мы не можем обсуждать этого вопроса. Нас не могут касаться решения Комитета в этой области. Я предлагаю вопрос голосовать без Окр[ужной] орган[изации], ибо вопрос идет о ней.

Голосуются предложение о закрытии прений. Большинством прения закрываются.

Председатель В[ера] П[етровна]. Согласно ли собрание голосовать предложение тов. Мартова, чтобы делегацию Окр[ужного] района лишить решающего голоса.

Ленин. Прошу раньше голосовать мое предложение: согласно ли собрание голосовать предложение тов. Мартова.

Голосуются предложение Мартова и отвергается 29 против 24 голосов.

Голоса. Окружная организация не должна была голосовать... Здесь хотят зажать рот...

Николай. Я протестую.

Ленин. Прошу голосовать раньше мое предложение.

Наум кричит что-то, его стараются успокоить, шум усиливается...

Макар (нервно). Там были голоса, что здесь хотят зажать рот, а я заявляю, что здесь сознательная обструкция. Уже 6 часов, а мы еще не пришли ни к чему.

Дан. Прошу занести в протокол мой протест.

Ленин. Нужно отнестись к делу хладнокровно, вопрос в том, можем ли мы лишить Окр[ужную] орг[анизацию] прав голосования на конференции; раз представительство ее законно, то не участвовать в теперешнем голосовании есть верх незаконности; представительство ее вами признано законным, она не голосовала, когда рассматривалась законность ее представительства; во всех следующих вопросах она должна голосовать.

Мартов. Прошу занести в протокол: пока бюро не возьмет обратно слов т. Макара, я считаю невозможным для себя принимать участие в прениях. Пусть тов. Макар или уйдет из бюро или извинится.

Ленин. Я понимаю заявление т. Макара, как его личное. Здесь не раз говорили, что хотят зажать рот, другая сторона говорит, что здесь обструкция. Это объясняется тем, что собрание вообще ажитировано.

Макар. Мое заявление конечно было личное.

Мартов. Повторяю, что я уйду с собрания, если тов. Макар не возьмет обратно своих слов, или не выйдет из бюро. Собрание [должно] обязано обуздать такого председателя.

Нина Львовна предлагает считать инцидент исчерпанным.

Макар. Я, как член бюро, конечно, не имел права сказать то, что сказал. Считаю себя неправильно поступившим; как член бюро, беру свои слова назад, но как член собрания думаю именно так.

Георг. Я не понимаю деления на члена бюро и члена собрания.

Дан. [Я не понимаю деления]. Я солидарен с Мартовым и только из желания пробыть на конференции до конца я удовлетворяюсь, что Макар должен был выйти из бюро.

Инцидент большинством голосов считается исчерпанным.

Юрий. В голосовании, что Окр[ужная] орган[изация] должна решить бойкот для себя отдельно или вместе с городом, принимала участие и Окр[ужная] организация, а у нас было решено, что Окр[ужная] орган[изация] не должна принимать участия в голосовании о самой себе.

Один из делег[атов]. Собрание держит себя невозможно. Оно должно быть спокойнее. Я предлагаю при первом скандальном инциденте собранию разойтись.

Мартов. Я предлагаю перерыв.

Пред[седатель]. Собрание, кажется, успокаивается, я предлагаю продолжать собрание. (Собрание пожелало продолжать заседание).

П[етр] Порф[ирьевич]. Вопрос, имеет ли право Окр[ужная] орган[изация] голосовать—есть вопрос организационный. Имеем ли мы право решать здесь организационный вопрос? Мы являемся заинтересованной

стороной: быть нам в Петербургской организ[ации] или нет, наше право голосования в этом вопросе законно.

Демьян. Предложение тов. Мартова, чтобы мы выделили вопрос об Окр[ужной] организ[ации] вообще наталкивает нас на вопрос, имеем ли мы право решать такие вопросы. Думаю, что наше собрание не компетентно в этом. Наши избиратели могли считать нас компетентными по вопросу конференции, но организационные вопросы нам не поручали решать. [Окружная о(рганизация)] Конференция считает представительство Окр[ужной] организ[ации] законным. На конференции Окружн[ая] орг[анизация] является частью Петербургской организацией и имеет право принимать участие во всех вопросах, и я предлагаю голосовать предложение тов. Ленина и тов. Мартова с голосами Окр[ужной] организации.

Мартов. Прения по вопросу об Окр[ужной] организ[ации] были закрыты, а теперь они начинаются вновь. Здесь рассуждают на тему, можем ли мы решать организационные вопросы. В вопросе, предложенном мною, никакого вторжения в деятельность Комитета нет; здесь предлагается решать вопрос по существу, признать, что вопрос о тактике в Госуд[арственной] думе до такой степени важен, что мы не можем дать одной стороне 300 голосов, так легко заработанных (шум). Эти работники должны представить две цифры—цифру собраний, где меньшевики участвовали, и цифру собраний, где они не участвовали. Там был ряд собраний, где не было ни одного голоса из меньшинства, потому что не было представителей меньшинства. Как видите, условия очень неблагоприятные. Мы вносим предложение, просто, в интересах обеих сторон, и той, и другой, рационально, эти голоса устранить. И в этом вопросе Окр[ужная] организ[ация], конечно, не может голосовать.

Николай (к порядку). Мы пришли сюда для того, чтобы выработать общую тактику о Госуд[арственной] думе. От нас завтра потребуют отчета рабочие. Я должен констатировать, что мы здесь занимаемся малопродуктивными спорами, доходящими до перебранок чисто личного характера. Необходимо перейти к порядку, иначе мы не успеем ничего сделать и не сможем дать решение на завтра. Это можно сделать только тогда, когда само собрание настойчиво потребует этого. Решение собрания должно быть радикальным и я его предлагаю; прошу голосовать сейчас же: прекратить всякие суждения и споры, как об Окружн[ой] организации, так и о Выборгской [организации], которая займет столько же времени, сколько и Окружная, снять с очереди этот вопрос; признать законными делегации от обоих районов и перейти к докладу о тактиках т. Мартова и т. Ленина. Такое постановление подсказывается каждому из вас, кто пришел, чтобы вынести на завтра определенное решение.

Дан. Тов. Николай дал делу неправильную формулировку: всю беду он приписал прениям об Окружн[ой] организ[ации]. Наше же собрание [затянули не] затянулось не вследствие прений об Окружн[ой]

организ[ации], так как прения были закрыты, а вследствие предложений тов. Игната и тов. Ленина, который снял с очереди предложение тов. Мартова. Желание затягивать собрание могло бы заставить и меня [*спросить*] после тов. Ленина спросить собрание, желает ли оно голосовать предложение тов. Ленина и т[ак] далее. Таким образом и создались долгие прения.

Наум. Я снова лишен слова.

В[ера] Петровна. Я ставлю на голосование предложение т. Николая.

Николай (формулирует). Прекратить всякого рода прения по поводу Окр[ужной] и Выб[оргского] районов; признать голосование правильным и представительство законным и перейти к порядку дня, принятого собранием.

Мартов. Бюро ведет себя неправильно; вы не ставите мое предложение на голосование, которое я внес гораздо раньше, а хотите голосовать предложение тов. Николая. Я вношу требование голосовать мое предложение. Будет ли оно голосоваться?

Дан. Я предлагаю подвергнуть предложения голосованию по порядку: 1) предлож[ение] тов. Ленина, 2) предложение тов. Мартова, если собрание признает нужным его голосовать, и 3) предложение тов. Николая.

Ленин. Тов. Николай внес предложение, которое он совершенно правильно назвал радикальным; если же вносится предложение, устранившее все остальные, то оно вотируется сначала.

Мартов. Я вношу еще более радикальное предложение: желает ли собрание голосовать предложение тов. Николая или нет?

Дан. Я сделал предложение, которое разделяется и тов. Николаем и товарищем Лениным. В интересах сохранения времени излишне вносить новые: предлагаю голосовать в порядке; голосовать или не голосовать. Вопрос об участии Окруж[ной] организ[ации] предоставить ее собственной совести.

Председатель. Ставлю на голосование: желает ли собрание голосовать в таком порядке: сначала предложение тов. Ленина, второе—тов. Мартова и третье предложение тов. Николая. (Голосуются и большинством принимается этот порядок голосования.)

Ленин (формулирует). Собрание признает поднятый тов. Мартовым вопрос не подлежащим обсуждению и не требующим голосования (голосуются: за—35, против—22 голоса).

Николай (формулирует еще раз). Всякого рода прения об Окруж[ной] и Выборгск[ой] организ[ациях] прекратить, признать выборы вполне правильными, и представительство вполне законным и перейти к порядку дня (голосуются: за—39, против—12).

Сергей. Предлагаю для сокращения времени опустить доклад Петерб[ургского] комитета.

Макар. Констатирую, что собрание ведет себя невозможно. Конференция может быть провалена. Предлагаю приступить к докладу.

Дан. Здесь жаловались, что часть собрания хочет произвести obstruction. Собрание затягивается потому, что каждое предложение немедленно вызывает контрпредложение. Раз необходимо сегодня во что бы то ни стало вынести решение, то в видах сокращения времени и рекомендовал бы согласиться с предложением тов. Сергея—не выслушивать доклада Петерб[ургского] комитета вовсе.

Мартов. Я прошу слова к порядку... (шум и голоса: «опять встает»). Мне не дают говорить. Я в первый еще раз присутствую на собрании, где делаются такие замечания. Я знаю, что в глазах некоторой части собрания мое присутствие здесь нежелательно, но нелепые замечания меня не остановят. Прошу слова к порядку: я предлагаю считать ненужным чтение доклада Петерб[ургского] комитета, так к[ак] он ничего не даст нам.

Ленин. Тов. Мартов не прав; он говорит, что замечания в роде «опять встает» не допускаются—это неверно. Везде на собраниях допускаются всякого рода замечания. Что же касается доклада, то выслушать его необходимо. Доклад займет всего каких-нибудь 15—20 минут, а иначе же нам могут сказать, что на конференции кроме моральных неправоильностей были еще юридические (кр[оме] мор[альных] были еще юрид[ические] упущения). Доклад следует выслушать обязательно. Если вы найдете нужным его утвердить—утвердите, если не найдете нужным, то не утвердите.

Кто-то из делег[атов]. Решающий голос из остатков дан ли кому-нибудь?

В[ера] Петр[овна]. Голосует предложение тов. Мартова, чтобы доклад не читался (за—21 голос, против—большинство).

Демьян (читает доклад). Когда перед Петербургским комитетом встал вопрос, как провести ту или иную тактику о Государственной думе, то Петерб[ургский] комитет прежде всего принял за правило, что только голос всей Петербургской организации может быть компетентен. Но как ее опросить всю—произвести ли референдум или созвать конференцию. После обсуждения Петербургский комитет отверг референдум и остановился на типе конференции. От Петербургского комитета должна быть созвана конференция и решения ее должны сделаться обязательными для всей Петербургской организации. Петербургский комитет постановил опросить голосованием всех петербургских организованных рабочих, для чего и выработаны были некоторые правила. Голосования производятся после дискуссий, на которых должны быть представители обеих платформ. Считать действительными Петербургский комитет постановил лишь те собрания, где присутствуют представители той и другой тактики. Был произведен ряд дискуссий. Во всех районах было 120 собраний и принимало в них участие 2094 человека. По районам цифры распределяются так:

Выборгский район.	Участников	375	за бойкот	90,	против	285
Окружной	»	»	324	»	»	303
Васильеостровский	»	»	305	»	»	158
Петербургский	»	»	279	»	»	153
Ремесленный	»	»	216	»	»	125
Невский	»	»	204	»	»	154
Городской	»	»	191	»	»	78
Нарвский	»	»	136	»	»	72
Московский	»	»	62	»	»	32
Всего		2094	»	»	1168	» 926

Представителей: бойкота—36, небойкота—28. Остатки: за бойкот 86 голос[ов], против—146 гол[осов].

Небойкотчики получают два с лишним голоса. Небойкотчики, следовательно, имеют право предложить еще 2-х кандидатов из числа тех, которые здесь присутствуют. Состав конференции: 36 бойкотчиков, 28 небойкотчиков. Тот странный факт, на который напирает тов. Мартов, получился оттого, что около 60—70 голосов Сестрорецка были причислены к Окружн[ой] и Выборгск[ой] организациям. Повторяю еще раз; число бойкотчиков и небойкотчиков порайонно:

Выборгский район	бойкотчиков	90	небойкотчиков	235
Окружной	»	306	»	19
Васильеостровский	»	158	»	148
Петербургский	»	153	»	123
Ремесленный	»	125	»	91
Невский	»	154	»	50
Городской	»	78	»	113
Нарвский	»	72	»	64
Московский	»	32	»	30

Меньше всего бойкотчиков в процентн[ом] отнош[ении] в Нарвск[ом] р[айоне]—72. Больше небойкотчиков пропорционально в Городском рай[оне]. Вопрос о том, следует ли Окр[ужную] организ[ацию] причислять к Петербургской организ[ации] или нет, в силу того, что она живет оторванной жизнью, в Комитете не возбуждался. Окруж[ая] организ[ация] должна быть принята и должна участвовать в конференции. Никто из товарищей не хотел ее лишить этого права. Говорилось лишь о неудобстве соединения в один район [нескольких] пунктов, разбросанных на далеком расстоянии. Думали устроить 3 района: Сестрорецкий, Колпинский, Охтенский. Кронштадту рекомендовали [выделиться] в самостоятельную организацию и непосредственно сноситься с ПК. Но Кронштадтская организация пожелала оставаться в составе Петербургской организации. Я могу заявить, что у нас все время признавалось, что Окр[ужная] организ[ация] есть часть общей Петербургской организ[ации].

Назарьев. Прошу сделать несколько [объяснений] пояснений.

Аким. Я предлагаю эти вопросы не разбирать, вношу предложение одобрить доклад Комитета и перейти к делу.

Председ[атель]. Для товарищей неизвестно, сколько голосов причислено к Выборгской организации от Окружной организации.

Назарьев. В Сестрорецком подрайоне Выборгского района участвовало из Окр[ужной] организ[ации] не больше 5 человек и они действительно высказались за бойкот. 41 человек Сестрорецка входят в состав Выборгского района, ничего общего с Окр[ужной] орг[анизацией] они не имеют.

Петр Порф[ирьевич] (хочет сделать пояснение).

Дан. Вы не имеете права голоса.

Пет[р] Порф[ирьевич]. Тов. Аким давно уже просит поставить на голосование: прекратить все прения по поводу доклада.

Мартов. Я не понимаю, что у вас за собрание! Вы не выслушали, как следует доклада, не хотите слушать прения по поводу доклада и предлагаете одобрить его. [*Я против того, чтобы*] мы собирались не для того, чтобы стадным образом принимать предложения Комитета, а чтобы вынести самостоятельные решения. Я предлагал не касаться доклада вовсе, но раз он был прочитан, то следует или перейти к очередным делам, не останавливаясь на докладе вовсе, или обсуждать его. Но выносить одобрения тому, чего не знаешь сам, по меньшей мере смешно. Я прошу голосовать—или прений не прекращать, пока не выяснится, или никаких одобрений не выносить и не ставить даже этот вопрос на голосование.

Ленин. Я хочу внести предложение. Вопрос, затронутый тов. Акимом, об одобрении доклада, можно снять с очереди; я предлагаю такое решение: «Собрание, выслушав доклад П[етербургского] к[омитета] признало представительство конференции законным, конференцию установившейся и решение ее для Петерб[ургской] соц[иал]-дем[ократической] организации обязательным».

Мартсъ (хочет что-то возразить).

Один из делег[атов]. Почему не дают слова рабочим? А только интеллигенции дается слово. Я давно уже прошу слова.

Мартов. Странно, как можно голосовать, не критикуя. Мы обходим обсуждение доклада. У нас нет времени. Мы согласны были его выслушать, но выслушав, мы отходим, приступая к другим делам. Может быть, мы и видели неправильность. Приходится считаться с этим, у нас все здесь неправильно!.. Мы хотим вынести общее решение, более или менее согласоваться. У нас же творится бог знает что. Решения срывают, потому что они задевают самолюбие отдельных лиц. Доклад Комитета затрагивает много спорных вопросов; обсуждение его займет много времени, а мы пришли не для того, чтобы все время потратить на обсуждение комитетск[ого] докл[ада]. Приходится считаться с условиями и менее важное обходить.

Дан. Здесь одна сторона хочет во что бы то ни стало доказать, что все правильно, а другая кое в чем выражает сомнение. Нужно принять резолюцию, которая просто бы констатировала факт. «Выслушав доклад

П[етербургского] к[омитета] конференция принимает его к сведению и утверждает».

Ленин. Прошу голосовать 3 резолюции: 1) мою, 2) тов. Акима и 3) тов. Дана.

Георг. Нам сегодня говорили, что решения нужно голосовать в порядке смысла, а не в порядке поступления. В порядке смысла резолюцию тов. Дана нужно голосовать сначала. Прошу голосовать: Собрание, выслушав доклад, переходит к порядку дня.

Ленин. Я согласен, что нужно голосовать в порядке смысла, но я считаю мое предложение самым радикальным, другие же примирительные. Если вы отвергнете радикальное, то тогда станете голосовать примирительные. Голосуется предлож[ение] тов. Мартова: приступить к обсуждению доклада для выяснения формальной правильности представительства. (Большинством против 10 принято).

Ленин. [Вношу свою резолюцию (читает)]. Вносит свою резолюцию письменно.

Мартов. Прошу разделить резолюцию на 2 части: I часть—Собрание, выслушав доклад П[етербургского] к[омитета], признало представительство конференции законным, и II часть—Собрание признало конференцию установившейся и решение ее для Петерб[ургской] соц[иал]-демок[ратической] организации [правильным] обязательным. Прошу голосовать резолюцию по частям.

Предс[едатель]. Голосуется первая часть резолюции (читает ее)—за: 36, прот[ив]—23.

Николай. Я прошу слово к порядку. Два решающих голоса по числу оставшихся голосов еще никому не даны и это может возбудить недоразумения. (Дан и Мартов получают решающие голоса.)

Предс[едатель]. Голосуется вторая часть резолюции тов. Ленина (читает ее): за—36, против—5, воздержалось—10.

Предс[едатель]. Голосуется третья резолюция—тов. Дана.

Дан (формулирует): выслушав доклад Пет[ербургского] ком[итета] конференция без прений принимает его к сведению и утверждает правильность представительства. [Мартов снимает свою.]

Мартов. Я снимаю свою резолюцию и присоединяюсь к тов. Дану.

Голосуется [предложение] резолюция т. Дана: за—31.

Принята резолюция Ленина (приводится).

Дан. Теперь следует голосовать резолюции в целом виде. Голосуется: за резолюцию Ленина—36, Дана—28. Принята резолюция Ле-нина.

Председ[атель] В[ера] П[етровна]. Бюро вносит предложение: за недостатк[ом] времени сократить срок для докладчика до 20 м[инут].

Мартов. Я предлагаю отменить доклады вовсе и вести только обсуждения.

Николай. Я предлагаю оставить все по старому.

Председатель. Голосуются 3 предложения: 1) Сократить время

для докладчиков с $\frac{1}{2}$ ч. на 20 м., 2) вести только дискуссии, 3) оставить все по-старому. Большинством (41 голос) принимается первое предложение о сокращении времени для докладчиков с $\frac{1}{2}$ ч[аса] на 20 м[инут].

Голосуются еще предложение бюро—сократить заключительное слово до 10 м[инут].

Речь Ленина.*

Дан. Думаю, что выносить резолюции не следует вовсе.

Ленин. Большевикам будет... **, если мы определим ясно и точно в резолюции все, что я не успел высказать. Если эта резолюция не удовлетворяет собранию, то оно отклонит ее. Я прошу прочесть резолюцию, т[ак] к[ак] я выкинул часть доклада в виду недостатка времени.

Мартов. Прочесть можно, но поправок вносить не следует. Я потом тоже внесу резолюцию.

Дан. Т[ак] к[ак] у нас всего час времени, я предлагаю резолюцию, как выражение мнения товарища Ленина прочесть, но не обсуждать.

Читается резолюция тов. Ленина ***.

Мартов. Резолюцию тов. Ленина нужно отектографировать и дать возможность прочесть всем. Она требует особого рода дебатов. Здесь и партизанские действия и т. п., что к вопросу о Г[осударственной] д[уме] причислить нельзя. Я, например, не как следует запомнил все пункты—сколько их 14 или 18.

Ленин. Я жалею, если утомил собрание длиннотой резолюции, но если мы хотим спорить по существу, то нужно ясно представлять то, что критикуем. В моей резолюции [говорилось] суммировалось все, что говорилось раньше на дискуссиях и о чем не было времени говорить здесь, отсрочивать собрание больше нельзя. Если нет времени обсуждать резолюции, можно выбрать комиссию.

Петр. Резолюция тов. Ленина не так страшна, как стараются показать. В ней есть бесспорного, с чем согласится и меньшинство. Разногласия возникают только относительно некоторых частей, но об этом будет говориться во время дискуссии. Потом может быть составлена другая резолюция, но теперь заранее решать этот вопрос значит забегать вперед. Предлагаю сторонникам другой тактики выставить свою резолюцию.

Дан. Я против обсуждения резолюции тов. Ленина по следующим соображениям: мы собрались здесь с разными мнениями, чтобы выработать одно действие. Вместо этого резолюция тов. Ленина навязывает нам не только определенное действие, но и определенную мотивировку этого действия. Я думаю, что если бы даже и было время, то все же не следовало [бы] этого делать... А теперь резолюция и без того заняла уже много времени, которое у нас так ограничено.

* В оригинале речь Ленина не приведена. *Ред.*

** В оригинале пропуск. *Ред.*

*** См. ниже, стр. 187. *Ред.*

Предс[едатель] В[ера] П[етровна]. Я даю слово второму докладчику и по ходу прений будет видно, следует или нет выносить резолюции.

Дан. Когда здесь был задан вопрос, сколько здесь присутствует представителей, то было отвечено—35 бойкотчиков и 29 небойкотчиков; я понимаю это так, что тут присутствуют сторонники бойкота Думы на первой и на второй стадии, если бы понималось иначе, было бы определеннее деление на бойкотчиков и небойкотчиков. Я нахожу, что резолюция тов. Ленина неприемлема уже по своей чрезмерной длине. Это скорее передовица, полемически направленная против одной части партии. В нашей партии два сильных течения и принимать резолюцию мы должны, исходя из этого. Мы должны изыскать такой путь, который был бы приемлем для всей партии, резолюция же тов. Ленина в этом смысле не дает ничего путного, и если бы она была принята, мы стали бы знать, что это сделано вразрез с мнением одной части партии. Резолюция тов. Ленина возбудила во мне ряд недоумений, такое же недоумение должно быть и у собрания, потому что ему предлагают резолюцию, явно направленную против взглядов почти половины здесь присутствующих товарищей. Тов. Ленин предлагает рассматривать вопрос о Г[осударственной] д[уме] с более общей и принципиальной точки зрения. Любопытна эта более общая и принципиальная точка зрения. Когда я слушал реферат тов. Ленина, то если бы я не знал, кто это говорит, я сказал бы: какой превосходный социал-революционный оратор! Сказал бы я так, потому что послылки, из которых исходил т. Ленин, есть точка зрения социалиста-революционера. В речи т. Ленина я не нашел того, что составляет *[главную деятельность]* основу деятельности нашей партии, что *[составляет]* является ее отличительной характерной особенностью, составляет ее заслугу и что обеспечивает за нашей партией победу в будущем. Тов. Ленин развил условия революционной борьбы, совершенно отделив их от условий организации пролетарских масс и развития классового сознания пролетариата. В этой речи не было ответа, насколько тактика небойкота, которую мы, раз она здесь будет прочитана *, обязаны будем защищать, насколько она способна содействовать развитию классового самосознания. Все то, что говорил тов. Ленин, мог сказать любой представитель революционной буржуазии. Демократия и тов. Ленин вступили на этот путь, они вступили на опасный путь. Демократия и буржуазия может делиться на революционную и неревolutionную, и мы должны поощрять ее, поскольку она революционна. Наша революционность может совпадать с теми и иными мерами, которые ставят себе революционеры, но [да] наша революционность этим не исчерпывается и мы ставим себе еще одну цель, которую приходится напоминать тов. Ленину. Эта цель—организовать революцией рабочий класс и помочь ему понять и охранить свои классовые интересы. Этого не должны мы

* Так в оригинале. *Ред.*

забывать ни перед какой другой задачей. Тов. Ленин не сказал об этом ни одного слова — он просто опустил эту — специфическую социал-демократическую задачу. Тактика тов. Ленина просто революционна. Тов. Ленин, стоя на точке зрения социалистов-революционеров, приводил избытые аргументы социалистов-революционеров: он мирные средства борьбы противопоставлял революционным. Когда мы вели мирную работу, когда мы устраивали мирные демонстрации, мирные забастовки, мы смотрели на это не так, как смотрят конст[итуционные] демокр[аты], которые хотят видеть вместе с Кауфманом в желании мирной работы упадок революционных масс. Признавая возможной мирную деятельность, мы однако говорим, что она может быть продуктивна лишь тогда, когда могут быть обеспечены интересы пролетариата, когда это ведется на почве широкой работы развития и организации масс. Тов. Ленин говорит: «Теперь, когда мы должны готовиться к вооруженному восстанию, нам предлагают заняться устройством профессиональных союзов». Да, тов. Ленин, для нас организация пролетарских масс стоит больше, чем сотни браунингов, больше, чем 10 000 кинжалов и бомб. Главное вы не должны забывать, что можно готовиться к разным родам вооруженного восстания, бывает, что вооруженное восстание подготавливается вне организации широких масс пролетариата, каков будет политический результат такого вооруженного восстания, можно видеть на примере карлистов в Испании. Случайно подготовленное восстание нескольких тысяч дружинников [если] может даже и свергнет самодержавие, но важно ведь то, что оно принесет пролетариату, а это зависит не от того, сколько дружинников участвовало в восстании, а как будет организован рабочий класс. С точки зрения организации очень важны профессиональные союзы. Мы должны знать, что дело подготовки вооруженного восстания не больше и не важнее дела организации пролетарских масс. Исходя из своих посылок, т. Ленин задает вопрос — какой у нас теперь год Германской истории — 47 или же 49? Если первый — 47 год, то думу бойкотировать — если же 49, то надо примириться с думой²². Здесь отношение к парламентским учреждениям ставят в исключительную зависимость от обстановки. Это [то] характерно для всех оппортунистов, которые ценят [пра] парламентские учреждения, как тихую пристань, где пролетариат может обсудить свои интересы. Парламент ничего не может дать в области развития пролетарского самосознания и нам важно, как это может быть использовано в наших основных [социаль]-д[емократических] целях, не отделяя парламента одного времени от парламента другого времени. Тов. Ленин хотел доказывать, что нам не нужно идти в Думу, если мы хотим оставаться социал-демократами. Но тов. Ленин должен был сказать, как нам теперь организовать пролетарские массы. [До] Соц[иаль]-дем[ократия] не может сказать, что мы останемся в стороне и будем ждать, пока рабочая сила пройдет в Думу и разочарованная вернется к нам. Только классовое развитие сделает пролетариат социал-демократом. Мы [и] ставим себе главной задачей ускорить это классовое развитие, чем и отличаемся от

революционной демократии... Тов. Ленин забыл обо всем этом, когда сравнивал 47 и 49 годы. Теперешнее положение России [нужно] нельзя сравнивать с 47 или 49 годом Германской истории, а нужно припомнить другую революцию, которая больше похожа на нашу. О ней позабыл тов. Ленин. Это—великая французская революция. Теперь мы подходим к вопросу о Думе. Оставим вопрос, следует или не следует идти в нее. Для нас важен другой вопрос—можем ли мы использовать думский закон и что он нам даст. Только анархисты могут отвергать участие в каком бы то ни было парламенте, отвергая все, исходящее от правительства. С[оциаль]-д[емократия] не стоит на этой точке зрения, с[оциаль]-д[емократия] всех стран в парламентской деятельности везде исходит из законных рамок. Тов. Ленин и мы все также исходим из законных рамок: издание газет, собрания, митинги, везде считаются законными, считаются не выходящими из законных рамок. Спросите себя, что может дать избирательная кампания в Госуд[арственную] думу для дела пролетариата если мы не примем в ней участия. Мы не зовем сейчас в Госуд[арственную] думу, мы говорим, что в целях революции и организации пролетарских масс целесообразнее использовать избирательную кампанию. Тов. Ленин ни одного слова не говорит о том, как организовать пролетариат, он просто говорит, что в такое время, как теперь, не надо думать о таких вещах, как профессиональные союзы. Конференция может принять какую угодно тактику—бойкота Думы и выборов или небойкота, но если мы примем тактику бойкота, то нам придется собраться для решения нового тактического вопроса: очень возможно, что широкая масса не согласится с бойкотом и станет выбирать, как это было в Киеве, где хотя и поставили бойкот, но рабочие [моментально] начали производить выборы тотчас, как только пошло приказание фабричного инспектора. Это, по всей вероятности, будет повторяться везде и нам нужно решить, что делать тогда, когда масса будет производить выборы. Этот вопрос встал перед Киевской организацией, он встанет и перед Московской [организацией], встанет он и перед нашей организацией. Наше бездействие приведет к тому, что Правительство тихим манером проведет выборы в Госуд[арственную] думу. Это-то только и нужно правительству. Для [него] важно спокойное отношение пролетариата к Государственной думе. Если вы примете тактику бойкота, то это будет самое вредное для революции и самое лучшее для правительства. Когда вы, оторвавшись от массы, заявите протест, он будет слабым и явно будет, что влияние ваше пропало. Масса пойдет * свои интересы в Думу и вы тем самым превратитесь в оторванную от массы секту... Но я верю в возникновение новой соц[иаль]-демократии. Потому что социаль-демократия не умрет... Она воскреснет... На обломках нашей партии она возникнет и приведет пролетариат к победе.

Мартов. Я говорил, что резолюция, предложенная тов. Лениным, не

* Пропуск в оригинале. Ред.

годна, скажу теперь об этом несколько подробнее. В резолюции этой так много такого, что совершенно нельзя назвать соц[иаль]-демократическим, что я опасюсь, чтобы собрание не стало ее голосовать. Я укажу на некоторые места, которые вовсе не могут голосоваться. 1) Категорическое заявление товарища Ленина о принятии тактики бойкота, но мы ведь не знаем, насколько верна эта тактика. Тов. Ленин говорит, что в Думе, которая созывается правительством, недостойно участвовать социал-демократу. Плеханов говорит, надо идти в Думу, а мы скажем, что нет соц[иаль]-дем[ократа], который пойдет в Думу; кто пойдет в Думу, тот не соц[иаль]-демократ. Социал-демократ или нет Плеханов—это для меня не вопрос, но помимо его те, которые голосовали против бойкота, тоже следовательно не соц[иаль]-демократы по Ленину.

Мы соц[иаль]-демократы, для нас нет такого парламента, в котором не могли бы участвовать соц[иаль]-демократы в известное время, пусть будет это даже Булыгинская дума. Резолюция тов. Ленина вообще не применима, если мы все говорим, что в Гос[ударственную] думу идти не следует, ибо мы считаем ее подделкой под народное представительство, то принимать участие в выборах мы находим возможным [исхо], товарищ же Ленин, исходя из иных положений, цитирует Плеханова и говорит, что кто думает, что революция не идет на убыль, не кончилась—тот бойкотчик, кто же представляет себе, что период революции миновался*—тот небойкотчик. Мы не думаем, что революция пошла на убыль, когда тов. Плеханов [пишет], что декабрьское восстание было не нужно, он говорит много верного, но он нигде не говорит, что русская революция кончилась. Плеханов говорит, что нужно идти в Госуд[арственную] думу²³; нужно поддержать восстание крестьян даже; для тов. Ленина это является противоречием: как можно в одно и то же время и идти в Думу, состоящую из помещиков, и поддерживать крестьян. Он не понимает, что можно извлекать пользу из всякого орода событий, а не заниматься только фальсификацией восстания. Плеханов не ставит вопроса так: похоронена революция или нет? Он говорит—будет крупное событие—Государственная дума, чтобы использовать его с большой выгодой,—нужно пойти в Думу. С[об]ытия развиваются с поразительной быстротой. Каждый новый шаг революции потребует больше сил, чем предыдущий; чтобы руководить крестьянским движением весною, надо [в] раз в 10 больше сил, чем есть у нас. Эти силы, думает Плеханов, можно организовать на почве выборов; Плеханову понятен этот вопрос, но непонятен он тов. Ленину. Каутский доказывает, что русская революция не похоронена, но не говорит, что не надо идти в Думу²⁴. Он говорит, что думская кампания снимет правительство. Революция не пройдет мимо соц.-дем. партии тогда только, когда партия будет руководить ею активно. Для пролетариата важно использовать выборы так, чтобы использование это подняло дело организации на высшую ступень. Тов. Дан указал, как

* В оригинале ошибка: следует миновал. Ред.

можно это сделать. Тов. Дан указал, что тактика бойкота не связывает нас ничем с населением. Активный бойкот Бунда ведет к разгону собраний и борьбе с избирателями, расстреливая их из браунинга. Тов. Ленин же предлагает пропаганду бойкота, агитацию [партизанскую], партизанское выступление, конфискацию имущества и т. п. Активность подобного рода делает из партии ребяческую секту.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ От имени Петербургского Комитета собрание открыла М. М. Эссен.

М. М. Эссен (р. 1872)—в 1905—1906 гг. член Петербургского Комитета; сначала заведывала работой по связи с студенчеством для организации агитационно-пропагандистской работы, а затем организацией боевых дружин. В настоящее время заведующая основным сектором Коммунистического института журналистики (подробную биографическую справку см. в Сочинениях Ленина, т. X, стр. 483).

² Б. С. Перес—в революционном движении с 1897 г. С августа 1905 г. работал в петербургской организации—как член ПК, организатор и ответственный агитатор, под кличкой «Макар» и участвовал в работе Совета раб. деп. обоих созывов. В июле 1906 года был арестован на ст. «Удельная», с другими членами ПК (подробную биограф. справку см. в «Прол. рев.», № 7 за 1925, стр. 5).

³ И. А. Теодорович (р. 1875)—старый большевик, профессиональный революционер. В партии с 1895 г. С октября 1905—1907 г. работал как член Петербургского комитета (подробную биографию см. соч. Ленина, т. IX, стр. 653).

⁴ Л. Н. Радченко—в 1893—1895 г. работала в Петербургском союзе борьбы совместно с Лениным и Мартовым; с конца 1900 г. стояла во главе полтавского бюро «Искры»; летом 1901 г. перешла на нелегальное положение и активно работала в качестве агента «Искры»; 13 февраля 1902 г. была арестована и привлечена по делу «Искры», но осенью же этого года эмигрировала за границу; после раскола на II съезде партии примкнула к меньшевикам; на Стокгольмском съезде партии в 1906 г. была выбрана в члены ЦК от меньшевиков.

⁵ В. О. Левицкий (псевдоним Цедербаума, В. О.) (р. 1883 г.); социал-демократ, меньшевик. В 1905 г. вел пропагандистскую работу в Петербурге. В начале 1906 г. член объединенного ПК РСДРП, организатор Выборгского района, участник ряда петербургских общегородских конференций РСДРП, делегат VI Объединительного съезда в Стокгольме, на котором выступал против Ленина по текущему моменту. После октября 1917 г. противник советской власти. Выслан за границу за участие в контрреволюционной работе тактического центра.

⁶ Назаров—кличка не раскрыта.

⁷ Юрий—кличка не раскрыта.

⁸ Юлий Петрович—не установлен.

⁹ Александр Иванович—не установлен.

¹⁰ Г. А. Алексинский (р. 1879 г.)—в молодости участвовал в революционном студенческом движении. В 1907 г. был проведен во 2-ю Государственную думу (подробную биографическую справку см. в соч. Ленина, т. XXV, стр. 646).

¹¹ В. С. Войтинский (р. 1885 г.)—вступил в соц.-демократическую организацию (большевиков) в Петербурге в начале 1905 г. и вскоре выдвинулся как выдающийся оратор. В том же году принимал активное участие в основании «союза безработных», пытавшегося путем демонстраций оказать давление на совет рабочих депутатов и на правительство. После Октябрьской революции принимал участие в организации военного движения на Петроград и Гатчину для подавления октябрьского восстания. Позже эмигрировал за границу и поселился в Берлине. Выпустил свои мемуары: «Годы побед и поражений» (см. Ленин, Сочинения, т. X, стр. 521).

¹² Мартов, Л. (Цедербаум, Ю. О) (1873—1923)—политический лидер меньшевизма. Во время выборной кампании в 1-ю думу отстаивал вместе с Ф. Даном половинчатую тактику «участвовать в выборной кампании, чтобы не выбирать в Думу».

¹³ И. А. Коновалов—сын полицейского. В 1900 г. вошел в кружок революционной молодежи. В 1902 г. был арестован. По выходе, через два года, из тюрьмы вступил в ряды социал-демократической партии. В 1904 г. энергично работал в самарской, саратовской организациях, затем по поручению ЦК партии работал в Казани, Уфе и в Нижнем, будучи руководителем партийной работы. С конца 1905 г. и затем в течение ряда лет работал в Петербургской организации, состоя членом Петербургского комитета большевиков и играя выдающуюся роль как агитатор. В 1911 г. К. покончил самоубийством. После февральской революции стало известно, что К. последние годы своей жизни был провокатором.

¹⁴ Л. И. Гольдман (р. 1877 г.)—с.-д., искровец. После II съезда примкнул к меньшевикам, осенью 1905 г. работал в секретариате меньшевистской «Искры», на Стокгольмском съезде партии 1906 г. был избран от меньшевиков в члены ЦК.

¹⁵ Ф. И. Дан (р. 1871 г.)—один из видных лидеров меньшевизма. В выборную кампанию в 1-ю Государственную думу был против большевистской тактики бойкота Думы и вначале отстаивал половинчатую тактику: участие в выборах упомощенных и отказ от выборов депутатов в Думу.

¹⁶ Не установлен.

¹⁷ Рабочий, кличка не раскрыта.

¹⁸ П. А. Красиков (р. 1870 г.)—видный большевик. В революционном движении с 1892 года. Член президиума II съезда партии. После 9 января работал в московской организации, позже был членом Петербургского комитета. В октябрьские дни 1905 г. поддерживал в комитете линию участия в Советах. Участвовал в первых заседаниях Совета рабочих депутатов и состоял членом Исполнительного комитета совета депутатов. В настоящее время состоит прокурором Верховного суда СССР.

¹⁹ Руководитель окружного района, бойкотчик. Фамилия не установлена.

²⁰ М. М. Эссен—см. примечание 1-е.

²¹ Не установлен.

²² Имеется в виду положение, часто выдвигавшееся в то время Лениным в речах и статьях и сформулированное им следующим образом: «...коренные вопросы о положении русской революции можно формулировать, применительно к аналогии с Германией (разумеется в том условном и органическом смысле, в каком только и допустима вообще историческая аналогия), такими словами: 1847 или 1849 год? Переживаем ли мы (как Германия в 1847 году, когда созывалась и была созвана немецкая Госуд. дума, так назыв. соединенный ландтаг) концы высшего подъема революции, или мы переживаем (как Германия в 1849 году) концы окончательного истощения революции и начало серых будней куцой конституции?» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 29.)

²³ После поражения декабрьского восстания 1905 г. Г. В. Плеханов выступил с пресловутым заявлением «Не надо было браться за оружие» («Дневник социал-демократа» № 1). В вопросе о Государственной думе он стоял на крайне правой позиции, переоценивая значение Думы для дальнейшего развития революции (см. Соч. Г. В. Плеханова, под ред. Д. Рязанова, т. XV, стр. 3—15).

²⁴ Мартов, видимо, имеет в виду речь Ленина в той части, где он ссылается на взгляд К. Каутского на перспективы русской революции, изложенный им в статье, которая была напечатана в «Vorwärts» («Вперед» № 23), от 28 января 1906 г.

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ В. И. ЛЕНИНА ПО ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ БОЙКОТА ¹

Российская соц.-дем. рабочая партия
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕЗОЛЮЦИЯ

Петербургской организации РСДРП о тактике бойкота.

Принимая во внимание, что:

1) государственная дума, созываемая на основании законов 6 августа—11 декабря, является самой грубой подделкой народного представительства, ибо огромное большинство пролетариата и крестьянства фактически устранено от участия в думе, благодаря не всеобщему избирательному праву и просеванию выборщиков от рабочих и крестьян через три и четыре сита;

2) путем искусственного подбора состава выборщиков и создания ряда привилегий в пользу богатых помещиков и крупных капиталистов правительство старается обеспечить полное преобладание в думе представителей не только эксплуататорских классов, а именно черносотенных элементов этих классов;

3) правительство самым бесстыдным образом подтасовывает даже такие узкие сословно-ограниченные выборы, не допуская никакой свободы агитации, вводя всюду военное положение и полный произвол полиции, преследуя вопреки всяким законам и без всякого суда не только представителей революционных и социалистических партий, но даже партии монархической либеральной буржуазии (к-д. и др.);

4) правительство отменяет теперь даже свой закон о единовременности выборов, чтобы искусственно назначить в разных местностях самые удобные для него моменты и прогнать самые выборы с такой быстротой, при которой невозможно бы было никакое общение выбранных с населением;

5) самодержавное правительство рассчитывает посредством созыва думы повлиять на русское и, особенно, заграничное общественное мнение в целях отсрочки своей неминуемой гибели и получения новых мил-

¹ См. выше стр. 180.

лионных займов для подавления революции и дальнейшего угнетения народа;

6) закон 20 февраля, превращающий государственный совет в верхнюю палату, еще более ухудшает положение о думе, стараясь окончательно свести ее на роль бессильного совещательного придатка к самодержавной бюрократии;

7) участие в подобной думе при таких политических условиях признается невозможным подавляющим большинством социал-демократических партий и организаций всех наций в стране;

8) участие с.-д. в выборах в гос. думу на той или иной стадии способно поддержать в народе неправильное представление насчет возможности сколько-нибудь правильных выборов для партий, отстаивающих интересы широких масс народа;

9) участие в выборах способно перенести центр тяжести внимания пролетариата от идущих помимо думы революционных движений рабочих, крестьян, солдат и т. д. на частичку псевдо-легальной, лже-конституционной выборной кампании и еще более понизить пониженное временно настроение рабочего класса, создавая впечатление, будто революционный период борьбы закончен, вопрос о восстании снят с очереди, и партия становится на конституционный путь;

10) выборы в г. д. предполагают такие условия, которые требуют от партии сохранения легальности и спокойствия, и наше участие в этих выборах, таким образом, вредно отзовется на насущной революционной задаче—усилении активных действий против правительства именно во время выборов и созыва думы;

11) партия с.-д. не может, в целях практического воспитания наименее развитых масс, идти с ними на выборы, ибо такие мало развитые массы хотят идти до самой думы и идти путем законным, а партия, не подчиняясь законам, вызвала бы лишь естественное недоверие таких масс и помешала бы им искренно и последовательно воспринять уроки думской кампании;

12) уполномоченные и выборщики от рабочих, в виду искусственно подобранного полицейским путем состава их избирателей, в виду краткосрочности и узкого характера их полномочий, в виду указанной выше обстановки выборов, не могут ничего дать для действительно революционной организации широких слоев рабочего класса;

13) путем ухода с губернских избирательных собраний той части выборщиков, которую, в лучшем случае, могла бы увлечь за собою социал-демократия, сорвать думы нельзя;

14) сознательные представители пролетариата наиболее угнетенных национальностей России (соц.-демократия польская, еврейская, латышская, литовская) решительно отвергают всякое участие в комедиантских выборах и со всей энергией борются против их устроителей;

15) общественное мнение всех боевых элементов буржуазной демократии и крестьянства (крестьянский союз, учительский союз, союз сою-

зов, партия соц.-революционеров, польская партия социалистическая, польская прогрессивная партия и т. д.) отвергает и думу и выборы в нее.

Принимая все это во внимание, мы, собрание представителей петербургских рабочих, принадлежащих к РСДРП, признаем необходимым:

- 1) отказаться безусловно от всякого участия в государственной думе;
- 2) отказаться безусловно от всяких выборов в госуд. думу на какой бы то ни было стадии;

- 3) развить возможно более широкую агитацию в народе, разъясняя подлинный характер думы, рассеивая обман, в который вводят общественное мнение России и Европы, и показывая неизбежность разочарования той части крестьян, которая ждет добра от думы;

- 4) использовать всячески, легально и нелегально, всякие связанные с выборами собрания, для изложения взглядов с.-д. вообще, для критики думы в частности, для призыва к борьбе за революционный созыв все-народного учредительного собрания в особенности;

- 5) противопоставляя борьбе посредством думы революционные методы борьбы за свободу, обратить усиленное внимание при этой агитации на ознакомление рабочих и всякого народа с опытом декабрьского восстания, знаменующего начало высшей стадии революционной борьбы за действительную народную свободу;

- 6) обратить усиленное внимание при этой агитации по поводу думы на глубокий экономический и финансовый кризис, на крайнее усиление эксплуатации рабочих реакционными капиталистами, на обострение безработицы в городах и голода в деревне, на предстоящее весной крестьянское движение, на факты брожения в войсках, как на обстоятельства, делающие чрезвычайно вероятным в недалеком будущем новый народный взрыв, который сметет государственную думу либо до ее созыва, либо после него, когда население окончательно разочаруется в ней;

- 7) использовать эту агитацию, между прочим, и для того, чтобы клеймить тех трусливых представителей либерально-монархической буржуазии (в роде к.-д.), которые развращают гражданское самосознание населения, проповедуя конституционные иллюзии в момент обострения гражданской войны, рекомендуя думу и участие в ней, отрицая применение насилия в защиту свободы и прав громадного большинства народа в такое время, когда лишь диким насилием держатся вооруженные шайки, называющие себя правительством.

Издание Объед. Петерб. Ком. РСДРП.

ОБЗОРЫ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1905 ГОДУ

«Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо».

(Н. Ленин, «Маркс: Письма к Кугельману». Предисловие. Сочинения, т. X, стр. 367).

Перед изучающим историю первой революции в России в центре внимания должна стоять задача не столько (вернее не только) подбора новых фактов, сколько на основе имеющегося богатого фактического материала наметить методологию изучения этого вопроса. Только правильный методологический подход может дать нашему поколению представление о том, что было, для того чтобы в новых условиях, в новой обстановке, при другом сочетании сил, это поколение могло применить свои силы для изменения мира. «История больше говорит о мертвых людях, чем о живых, но это не мешает ей быть самой живой, наиболее политической наукой из всех, какие существуют» (разрядка автора.—А. М.). Это правильное замечание М. Н. Покровского приобретает в наши дни особо важное значение: мы изучаем историю не ради прошлого, а для извлечения из этого прошлого уроков о классовых боях сегодняшнего дня. К изучению истории рабочего движения в 1905 году это относится в первую очередь.

Огромное значение «предметного урока», полученного рабочим классом в боях с самодержавием двадцать пять лет

тому назад,—бесспорно. Бесспорно также, что в этих боях рабочий класс был в авангарде движения, являлся классом-гегемоном. Отсюда и значение всего того, что охватывается понятием истории рабочего движения¹.

К изучению массового рабочего движения подходили задолго до Октябрьской революции, но это движение стало предметом научного изучения только после того, как рабочий класс на основе опыта революции 1905 года совершил пролетарскую революцию. «Для истории первой русской революции,—говорит М. Н. Покровский,—имелось только меньшевистское руководство, где так блестяще оправдавшая себя в 1917 году формула «диктатура пролетариата и крестьянства» объявлялась совершенно не марксистской глупостью. Разборчивость цензуры доходила до того, что кадет мог беспрепятственно цитировать документы, за выдержки из которых сажали на скамью подсудимых и автора и издателя, если то был со-

¹ Настоящий обзор охватывает литературу, вышедшую до юбилейных дней 1930 г. Что касается литературы, вышедшей к самому юбилею, то о ней будет дан особый обзор.
Ред.

циал-демократ: большевику же даже наименование (в цитате) Желябова «Андреем Ивановичем» являлось как доказательство явного сочувствия террору»¹.

К сожалению, меньшевистская литература долгое время оставалась единственным литературным источником при изучении 1905 года. Лозунг «не надо было братья за оружие» находился в центре этих исследований. Известно, что пятитомник меньшевиков стремился прежде всего доказать, что авторы никого не обличают и дают объективное исследование исторического процесса. Но эта пресловутая объективность приводила к доказательству, что рабочий класс не дорос до революции, что разговоры о вооруженном восстании это фантазия, что «речи о пролетариате как авангарде общедемократического движения все более и более начинают резать ухо как политическая фальшь»². Пролетариат, по меньшевистской концепции, не должен был в революции пятого года идти дальше того, что приемлемо для буржуазии, он должен был вести политику соглашения с ней.

Меньшевистский пятитомник³ ушел давно в историю, так же как большинство авторов этого труда стали достоянием контрреволюционного движения. С

того времени, как они написали свой труд, утекло много воды; Октябрьская революция открыла архивы; многое, о чем прежде приходилось догадываться, стало очевидностью; читающая публика стала получать не фальсифицированную, а действительно объективную историю массового движения 1905 года. Но научное понимание и изучение революции 1905 года подвинулось вперед особенно с того момента, когда мы получили ленинский материал, компактно, с большой научной тщательностью опубликованный в 7 и 8 томе сочинений Ленина и в «Ленинском сборнике» V 1-го и 2-го издания¹.

Из каждой частицы этого материала, из небольшой записки, конспекта, письма выступает грандиозная фигура тактика и стратега, вождя революционного пролетариата. Этот ленинский материал особенно значителен в свете сегодняшних боев за мировое торжество пролетариата. Ленин и его учение — интернациональны. А раз это так — то изучение ленинского материала о рабочем движении пятого года ставит перед нами задачу понять то общезначимое, что необходимо знать пролетарскому движению во всем мире.

Высказывания Ленина имеют решающее значение не только с точки зрения методологического вопроса, но и с точки зрения того громадного конкретного материала, которым насыщены его работы. Материал Ленинского сборника, в данном случае пятого, еще раз показывает нам правильность известного положения о том, что Ленин никогда не занимался тем, что давал общие пустые, бессодержательные схемы для со-

¹ М. Н. Покровский. Ж. «Историк-марксист», т. 1 «Задачи об-ва историков».

² Троцкий. «Наши политические задачи», с. р. 27.

³ Между прочим М. Н. Покровский сообщает, что в 1908 году фракция большевиков поставила вопрос об издании двухтомника истории революции пятого года в популярном изложении. Проект этот не получил осуществления. См. по этому поводу содержательный доклад М. Н. Покровского в отделе печати ЦК ВКП (б) 7/X — 1925 г.: «К вопросу о значении революции 5 года». «Печать и революция», кн. 8.

¹ За время работы по выпуску настоящего номера журнала вышел из печати «Ленинский сборник» XVI, в который включен новый материал В. И. Ленина о пятом годе.

циальной революции. Четко намечая этапы, по которым должна развиваться революция, он умел находить то особое звено цепи, за которое надо крепко, крепко ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь¹.

Величие Ленина в том и состоит, что «он не отдавал себя в плен букве, что он умел охватывать сущность марксизма и, исходя из него, развивать дальше положения Маркса—Энгельса»². Мы на этом останавливаемся потому, что находятся люди, которые любят вытянуть цитатку у Ленина, изолировать эту цитату от той конкретной обстановки, в которой та или иная мысль была высказана, и на этом построить свою «теорию».

Сжатая, но яркая характеристика пятого года дана Лениным в «Детской болезни «левизны» в коммунизме». «Годы революции (1905—1907 г.). Все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды проверяются действием масс. Невиданная в мире широта и острота стачечной борьбы. Перерастание экономической стачки в политическую и политическую в восстание. Практическая проверка соотношений между руководящим пролетариатом и руководимым, колеблющимся, шатким крестьянством. Рождение, в стихийном развитии борьбы, советской формы организации. Тогдашние споры о значении советов предвосхищают великую борьбу 1917—1920 годов. Смелые парламентские формы борьбы и непарламентские, тактики бойкота парламентаризма с тактикой участия в парламентаризме, легальных форм борьбы и нелегальных, а равно их взаимоотношений и связи,—все это отличается удивительным богатством содержания.

Каждый месяц этого периода равнялся в смысле обучения основам политической науки—и масс, и вождей, и классов, и партий,—году «мирного», «конституционного развития». Без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»¹.

В другом месте, в иной связи, имея перед собой статистический материал о стачках рабочих на фабриках и заводах, Ленин говорит: «Стачки в России в 1905—1907 гг. представляют из себя явление, невиданное в мире... Минимум числа стачечников в России за это трехлетие превышает максимум, когда бы то ни было достигавшийся в капиталистических органах мира. Это не значит, конечно, что русские рабочие развитее или сильнее, чем на Западе. Но это значит, что человечество до сих пор не знало, какую энергию способен развить в данной области промышленный пролетариат. Свообразие исторического хода событий выразилось в том, что приблизительные размеры этой способности впервые обнаружили в одной отсталой стране, переживающей еще буржуазную революцию»...

«Мы имеем теперь статистическое право сказать, что в трехлетие 1905—1907 гг. каждый месяц шел за год. Рабочее движение за эти три года прожило 30 лет»².

Имея перед собою ясную ленинскую установку в области разработки вопросов революции 1905 года, мы можем проследить, насколько наша научно-популярная продукция отвечает ленинской методологии.

* * *

Значительным этапом на пути научно-го освещения очерченной выше ленин-

¹ Ленин, Соч. т. V, стр. 253.

² Сталин, «Об оппозиции», стр. 340.

¹ Ленин, Соч. т. XXV, стр. 176.

² Ленин, Соч. т. XV, стр. 29.

ской схемы явилось издание Комиссией ВЦИК СССР коллективной истории 1905 года под общей редакцией М. Н. Покровского.

С момента выхода этого коллективного труда было издано много популярных брошюр, воспоминаний, но работ монографического порядка были единицы. Мы вынуждены поэтому прежде всего остановиться на коллективной истории 1905 г.

А. Панкратова в своем очерке «Рабочий класс и рабочее движение накануне революции 1905 года» (1 том) ставит следующую группу вопросов: «Каким был рабочий класс, вступая в революцию 1905 года, каковы были условия, в которых он рос, какими чертами характеризовался его внутренний и внешний социальный облик». Для ответа на эти вопросы автор прослеживает процесс конституирования, этапы вызревания рабочего класса из «класса в себе» в «класс для себя», затем останавливается на характеристике отдельных отрядов рабочих, вошедших в революцию металлистов, текстильщиков, горнорабочих и железнодорожников. Наконец, автор показывает, каким образом оформилась идеология этих отрядов.

Весь очерк написан по печатным материалам, мало доступным широкой читательской аудитории, и отчасти по архивам. Особо интересен 2-й раздел данного очерка, характеризующий кадры пролетариата. Правильный ответ на вопрос о том, какие силы рабочего класса делали революцию, важен именно тем, что разбивает меньшевистскую легенду, по которой революцию пятого года делал пролетариат необученный, малоквалифицированный.

О том, что такая легенда существует и имеет хождение в литературе, издан-

ной в наши дни, показывает двенадцатитомник русской истории Н. А. Рожкова. По мнению последнего, основными кадрами в революции 1905 года был слой неорганизованного пролетариата, которому «нечего было терять, и это его революционизировало». «Восстание на Пресне,—говорит Рожков,—показало, что к повстанческому настроению и тактике наиболее способными оказываются именно отстающие рабочие, как только в них пробуждается политическое сознание. Это, конечно, и понятно: им поистине нечего терять, кроме цепей»¹. Тов. А. Панкратова стоит на правильном пути: на основе фактического материала она устанавливает, что в революцию пятого года пролетариат пришел сложившимся и идеологически принявшим руководство революционной социал-демократии.

Автор сопоставляет текстильный пролетариат и металлистов и приходит к выводу, что первые сформировались раньше других. «Текстильщики,—говорит автор,—были первыми, вышедшими массой на улицу, а металлисты явились более поздним, но зато гораздо более сплоченным и сознательно революционным отрядом рабочего движения.

Этим объясняется и тот факт, что до 1899 года в забастовочном движении преобладали текстильщики, а в 1899 г. усиливается участие металлистов; в 1899—1902 году текстильщики составляют 28% всех забастовщиков, тогда как металлисты—54%»².

Конечно, неправ автор, когда, харак-

¹ Рожков, Русская история, т. XII, стр. 96, 150, 287, 382, см. разоблачение этой легенды у М. Н. Покровского «Сжатый очерк», ч. 3, в 1 изд., гл. VI «Рабочая революция».

² Том I, указанная статья А. Панкратовой, стр. 430.

теризуя революционность рабочих нефтеносного Кавказа, полагает, что особую роль сыграл их «восточный, легко воспламеняющийся темперамент». Неправильность этого утверждения сам автор замечает, так как несколько ниже подробно останавливается на значении двойного гнета: экономического и национально-политического, «который революционизировал рабочий класс».

К очерку т. Панкратовой близко примыкает сборник документов о стачечном движении, составленный ею же¹. В сборнике даны не только документы, но и статьи. Сборник начинается с освещения бакинской стачки накануне 1905 года. Приводится много документов о стачках металлистов и текстильщиков после 9 января 1905 года. Отдельно представлен отдел документов, освещающих Всероссийскую почтово-телеграфную забастовку. К сожалению, сборник снабжен небольшим количеством документов, характеризующих провинцию. Ценность таких публикаций является бесспорной, так как это облегчает исследователя в его кропотливой работе. Было бы очень полезным такой сборник материалов снабдить указателями—именным и топографическим.

Тов. А. Шестаков в большой статье «Всеобщая октябрьская стачка 1905 года»² освещает один из наиболее ярких и ценных моментов массового рабочего движения 1905 г. В свете сегодняшних боев международного пролетариата против контрреволюционной буржуазии роль и уроки всеобщей октябрьской стачки становятся особенно актуальными.

Была ли октябрьская стачка стихий-

ною?—задается автор вопросом. И да, и нет. Для такой группы рабочих, как железнодорожники,—нет. Для предприятий, где пролетариат находился под идейным влиянием «левых» партий, идея всеобщей стачки также была не новой. «Но более мелкие предприятия, фабрики и заводы в глухих местностях, при слабом уровне политического развития пролетариата, конечно, были вовлечены в стачку стихийно»¹. Таков первый вопрос.

Второй вопрос, который задает автор, это—«был ли до октября 1905 года у пролетариата стачечный опыт, опыт ведения стачек в масштабе города, области, всей страны и какой?» «Опыт был,—отвечает автор,—но не учтенный, не организованный».

Третий вопрос, поставленный автором, это—«представлял ли борющийся пролетариат цели движения?»

Вся группа вопросов, поставленных автором, имеет большое методологическое значение. К сожалению, он на них не отвечает, предлагая читателю «поискать самому ответ в фактическом материале об октябрьской стачке». Такой совет, конечно, приемлем. Но то, что автор не дал в концентрированном виде ответы на поставленные вопросы, это—недостаток работы т. Шестакова. Характерно, что автор совершенно не остановился на конкретной стороне стачечного движения Урала и Сибири.

При оценке того большого этапа первой революции, который представляет всеобщая октябрьская стачка, автор не заострил внимания читателей на вопросе: в чем же расхождение большевиков и меньшевиков в оценке октябрь-

¹ Сб. «Стачечное движение», сост. А. Панкратова. Ред. М. Н. Покровского.

² Указанное издание, т. 2.

¹ Указанное издание, т. 2, стр. 265.

ской всеобщей стачки. А между тем выяснение этого вопроса представляет большое значение хотя бы потому, что в литературе по рабочему движению до сих пор гуляют утверждения, что кульминационный пункт движения пятого года был в октябре 1905 г., после которого начался спад революции¹. Меншевики не понимали процесса перерастания стачки в вооруженное восстание.

В статье «Первые уроки», написанной Лениным в начале февраля 1905 г., появившейся в печати в 1906 г., мы имеем ясные указания на вопрос о перерастании: «количество переходит в качество» — начало восстания. Вооружение народа, свержение правительства². Ленин никогда не рассматривал стачки, как законченный процесс, как изолированный акт. Стачка предшествует восстанию, стачка — трамплин для лучшего разбега, для лучшей организации сил в вооруженном восстании. В статье «Начало революции в России» Ленин писал: «немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та прекрасная

основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всяческие революционеры. Пролетариат всегда должен идти своим самостоятельным путем, не ослабляя связи с с.-д. партией, памятуя о своих великих конечных целях избавления всего человечества от всякой эксплуатации»¹. В письме к М. М. Эссен 26/X 1905 года В. И. пишет: «В подготовке восстания я бы советовал проповедывать тотчас везде, самым широким образом, образование *массы*, сотен и тысяч *автономных* боевых отрядов, очень маленьких (от *трех* человек), которые бы сами вооружились, кто чем может, и готовились всячески»². Все это показывает, что всеобщую стачку 1905 года можно понять только в связи с декабрьским вооруженным восстанием!

Это показывает и работа т. Е. Ярославского «Вооруженное восстание»³. В качестве эпиграфа к своей работе т. Ярославский берет две оценки восстания: пессимистическое заявление Плеханова в «Дневнике с.-д.» о том, что «не нужно было браться за оружие», и глубоко оптимистическое, полное революционного энтузиазма заявление В. И. Ленина в «Уроках московского восстания»: «Напирать нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснить массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной борьбы». Эти две оценки связаны с двумя тактиками с.-д. в революции. Автор берет восстание в общей связи со всем

¹ См., напр., либерально-буржуазную схему в работе Пажитнова «Положение рабочего класса в России», т. 2, изд. 1925 г. См. также Балабанов «От 1905 г. к 1917 г. — массовое рабочее движение», Гиз, 1927 г., где смазана роль большевизма по вопросу о стачке. См. также Рожков, «Рус. ист.», т. XII, стр. 72: «Октябрьская политическая забастовка была несомненно высшей точкой, которой достигла революция в своем подъеме». Мы должны подчеркнуть, что т. Шестаков в оценке стачки стоит на *ленинских* позициях. Речь идет только о том, что в работе нет в суммарном виде выводов данного этапа.

² См. «Лен. сб.» V, изд. 1, стр. 74, также Соч., т. VII, стр. 104.

¹ Соч., т. VII, стр. 81.

² «Лен. сб.» V, изд. 1, Письмо к М. М. Эссен, стр. 523; Соч., т. VIII, стр. 320.

³ Указанное издание, т. 3, вып. 2, «Декабрьское восстание».

революционным движением, наивысшим выражением которого оно и являлось.

Автор правильно делает, что останавливается на критике организационных и политических ошибок, сделанных нашей партией в эти дни. «Только филистер может думать, что революция делается без ошибок. Автор указывает, что так же, «как мы учились на опыте западно-европейских революций, как мы изучали тактику уличной борьбы французских и германских революций, опыт восстания парижского пролетариата, в особенности опыт Парижской коммуны,—так и пролетариату других стран есть чему поучиться у нашей партии, у рабочего класса нашей страны даже на его ошибках 1905 г.»¹

Написанная активным участником революционного движения, непосредственно принимавшим участие в перипетиях борьбы, которую он описывает, работа т. Ярославского читается легко благодаря живому популярному изложению.

Особенно интересна глава V—«Боевая техника у большевиков в конце 1905 года». Тов. Ярославский приводит здесь документы, правдиво рисующие «наши военные силы в декабре 1905 года и нашу слабость в этом отношении»². В этой главе привлечены неопубликованные ленинские документы из архива Института Ленина и дан совершенно свежий материал об одном важном, но не освещенном моменте истории нашей партии, а именно о том, как партия готовила революцию³. Не имея возможности остановиться подробнее на этой интересной книге, укажем только

на один недостаток. В книге имеется глава «Восстания в провинции в декабре». К сожалению, автор не дал картины этого восстания, ограничившись несколькими правильными, но общими местами¹.

Чтобы закончить с освещением истории рабочего движения 1905 г. издания Комакадемии, мы вынуждены остановиться на сборнике «1905 год», «Еврейское рабочее движение», составленном А. Д. Киржниц, со вступительной статьей М. Рафеса. Работа А. Д. Киржница изобилует большим количеством ошибок методологического характера. На некоторых из них мы и остановимся. Конечно, в подготовке революции 1905 года еврейский рабочий сыграл большую роль. Этого никто не будет отрицать. Но разве можно отрицать, что внутри еврейского рабочего движения были пущены глубокие корни оппортунизмом Бунда и других националистических организаций.

Автор говорит: «Еврейское рабочее движение с самого начала объявило беспощадную борьбу сионизму». В этой агитационной деятельности,—говорит автор,—видное место занимал Бунд и группы РСДРП². Конечно, Бунд зани-

¹ Необходимо оговориться, что восстание в отдельных районах освещено в 3-м томе, в. 1-й, в статьях И. Волковичер «Кронштадское восстание»; его же «Восстание в Севастополе». Остается все же совершенно не освещенным вооруженное восстание на окраинах царской России.

² Вопросам еврейского рабочего движения уделяет внимание большим очерком С. Диманштейн. Мы не останавливаемся на его статье, потому что она не вызывает особых возражений (см. «1905 г.» 3 том, в. 1-й). Работа А. Киржница представляет собою объемистый сборник, в котором автор привлек богатейший документальный материал, прирав сборнику вид комментаторской ра-

¹ Указанное сочинение, стр. 4.

² Указанная работа, стр. 75.

³ Там же, стр. 74—94. См. также близко относящийся сюда раздел V: «Боевые организации и техника вооруженного восстания».

мал видное место в еврейском рабочем движении. Но автору надо было показать, что даже в своей агитационной деятельности против сионизма Бунд остался глубоко оппортунистичным.

Очень странным является такое замечание: «Во время первой Думы Бунд вместе с большевиками стоит на позиции «левого блока»¹. Это замечание автор приводит после того, как дает правильное заключение, что Бунд накануне революции занимал архименьшевистскую позицию по вопросу о необходимости соглашения с буржуазией. Но если Бунд вместе с большевиками—как устанавливает А. Киржниц—шел на бойкот, так может быть, в чем-либо другом расходились эти партии? Этого мы не узнаем из данного сборника. Наоборот, перед нами выступает Бунд, близкий к большевикам. «Позицию, весьма близкую к большевикам», Бунд занимал и в оценке московского вооруженного восстания и в отношении к I Государственной думе после ее созыва и в ряде других вопросов, которые текущая политическая жизнь ставила перед пролетариатом»². Автор допускает отход Бунда во время первой революции в сторону меньшевизма только по одному тактическому лозунгу: по вопросу об участии во временном революционном правительстве. Но и этот момент автор берет под сомнение.

А. Д. Киржниц глубоко неправ в своей оценке роли Бунда в еврейском рабочем движении эпохи первой революции. *Желание представить Бунд*

боты. В сборнике, к сожалению, преобладает бундовский материал и работа эта не принесет пользы читателю. См. выше в тексте.

¹ Указанное соч., стр. 142.

² Указанное соч., стр. 144 (подч. мною.—А. М.).

*обольшевизированным, снять с него пятно националистического оппортунизма, игнорирование того, что путь Бунда—это путь к контрреволюционной работе эмиграции после октября 1917 года,—все это неверно и политически вредно*¹.

* * *

По истории профессионального движения в 1905 г. мы до сих пор не имеем продуманных марксистских работ монографического порядка. До сих пор имеют хождение меньшевистские вступительные статьи к сборникам документов, изданным в свое время ВЦСПС².

Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», обращаясь к западноевропейским товарищам, указывал: «иначе, как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло»³. Этот путь, это взаимодействие пока слабо отражено в нашей литературе, пока еще слабо показана контрреволюционная сущность меньшевизма в профдвижении.

В издании юбилейной комиссии вышел сборник документов по профессиональному движению «1905 год». Профдвижение. Составили А. Кац и Ю. Милонов. Несомненно, что по сравнению с ранее

¹ В связи с этим обращаем внимание читателя на интересную статью С. Агурского «Борьба против уклонов на историческом фронте» (Пролет. рев. № 11, 1929 г.). Мы согласны с автором статьи, что необходимо объявить беспощадную борьбу против протаскивания «ложных, антимарксистских, антиленинских оценок» (слова автора) в историческую литературу.

² «1905 год в профессиональном движении». Составили Колокольников и Раппопорт.

³ Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 141—142.

изданными сборниками упомянутая книга — шаг вперед. Составителям по известной системе удалось дать архивные материалы, документы, опубликованные в свое время в периодической печати, а также переизданные материалы. Эти документы принесут большую пользу при разработке вопросов истории профессионального движения.

Книге предпослано введение, автор которого полемизирует с утверждениями ряда авторов о путях развития профессионального движения в России. Автор в частности полемизирует с Святловским, меньшевиком, который пользуясь любезностью наших издательств, протаскивает явные, незамаскированные меньшевистские тенденции. Но введение нас не может удовлетворить, так как о таких вещах, как о меньшевизме, речь идет в тонах слишком академических. Ошибки и извращения Святловского, по мнению автора предисловия, носят характер «образчика большой небрежности». Но разве речь здесь идет о небрежности? Речь идет о явно меньшевистских утверждениях, что «у большевиков общепартийной директивы по вопросу о профессиональных союзах в 1905 году не было» и о других подобного рода перлах. Большевистское предисловие должно было со всей прямотой показать истинное лицо Святловских, Колскольниковых и ниже с ними.

Из популярных работ по истории профессионального движения в 1905 г. можно отметить книжку тов. Милонова «Как возникли профсоюзы в России», изд. ВЦСПС, 1929 г. Книжка хорошо заостряет вопрос об оппортунистических легендах, приносимых меньшевистскими историками в литературу по истории профдвижения. Мы не имеем возможности остановиться на всей литературе по истории профдвижения в 1905 г.

Следует только подчеркнуть, что монографических работ, посвященных этому периоду — единицы, но и эти единицы явно неудовлетворительны.

Можно приветствовать также издание работ, выявляющих участие отдельных отраслей труда в 1905 г. В этом отношении больше всего освещено участие железнодорожников и горняков¹.

Ценные материалы опубликованы Сибирским истпартотделом². Правда, публикация его пока еще сырая и дальше воспоминаний и беглых очерков не идет. Между тем сибирский рабочий в 1905 г. выступал, как зрелый отряд рабочего класса. Стачное движение в Красноярске, Чите за этот период показывает, что мы здесь имеем хорошее ядро железнодорожников и горнорабочих, полностью идущих за большевистской программой. Рабочий Сибири несомненно заслуживает в себе пристального внимания со стороны наших

¹ См. Н. Ростов. «Железнодорожники в революционном движении 1905 года». Кр. ист. очерк, изд. 1926 г. Популярная брошюра с приложением архивных и мало известных документов. С. Анисимов, «Горловское дело». Очерк восстания на линии Екатерин. ж. д. в 1905 г. «Укр. рабочий», 1926 г. Автор — один из судебных работников того времени. Его же, «Дело о восстании на Екатеринбургской ж. д., изд. ЦУ ЖД, 1926 г. Книга написана на основании личных воспоминаний и сохранившихся материалов с привлечением незначительного количества архивных документов за 1906 г.

² См. «1905 год в Сибири» Сб. статей и воспоминаний. Истпартотдел Сибкрайкома ВКП(б). Новониколаевск, 1905 г. «Революционное движение на ДВ». Владивосток. Журнал «Сибирские огни» № 4—5, 1925 г., статьи: А. Мельников, «Красноярская республика» 1905 г.; Александровский, «Октябрьские дни 1905 г. в Томске»; Орлов, «1905 г. в Томске»; Вегман, «1905 г. в Николаевске»; Шемелев, «Бирнаул в 1905—1906 гг.»

историков. Также обстоит вопрос с изучением быта рабочего движения на других окраинах.

* * *

Подведем итоги: со времени издания Истпартом ЦК ВКП(б) коллективной истории 1905 г. мы не имеем новой публикации «толстых» работ, за исключением единичных случаев, причем мало имеющих отношения к нашей теме. А между тем история рабочего движения имеет массу материалов, разбросанных в периодической прессе. Архивы открывают широкие возможности по монографическому изучению рабочего движения в пятом году.

Не последнее место в этом изучении должно занять освещение роли старых рабочих, участников революционного движения. В. И. Ленин в некролог Бабушкину писал: «Прошла уже пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих-передовиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам дополнительные сведения о Бабушкине, воспоминания о тогданней борьбе, а также о других с.-д. рабочих, павших в восстании 1905 года. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием та-

ких рабочих. Такая брошюра будет лучшим ответом всяким маловеерам и умалителям Российской социал-демократической рабочей партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему»¹. Эти слова, высказанные Лениным 20 лет тому назад, не потеряли своего политического значения и сейчас. Именно сейчас, когда «около половины современного состава пролетариата не знает капиталистической фабрики, когда возраст состав рабочих сравнительно молод»², когда значительная часть рабочих, следовательно, не знает капиталистической фабрики, капиталистического гнета, важно показать лицо старых кадров *революционеров*.

В заключение пожелаем, чтобы вновь выпускаемая в связи с 25-летним юбилеем революции 1905 года литература окончательно разбила меньшевистские легенды, чтобы эта литература дала нашим товарищам из братских коммунистических партий ленинское оружие в борьбе против международного капитала. Пожелаем, чтобы эта новая литература дала нашим практическим работникам «силу ориентировки, ясность перспектив» (Сталин).

А. Мильштейн

РЕЦЕНЗИИ

М. И. АХУН и В. А. ПЕТРОВ. Петербург в 1905—1907 гг. Хроника событий. 197 стр. Тираж 10 000 экз., цена 80 к.

В кратком предисловии составители хроники пишут, что «цель составления настоящей работы—дать сжатую канву событий эпохи 1905—1907 гг. в Петербурге». Далее авторы утверждают, что ими были использованы различного рода

архивные материалы, газеты, опубликованные документы и монографии. Но боюсь, что самый главный фонд, нужный для составления революционной хроники, а именно архив партии не по-

¹ Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 133.

² См. интересную статью т. Евреинова, «Правда» № 291 от 14/XII 1929 г.

пал в поле зрения составителей данной хроники.

В хронике не только нет самостоятельного раздела по истории нашей партии, но и в общем разделе о деятельности революционных организаций работа партии показана в каких-то отрывках. Так, например, о работе Петербургского комитета мы узнаем только по нескольким разбросанным заметкам, вроде следующей: «В квартире Голубевой 18 октября состоялось собрание ПК, где было решено организовать общую демонстрацию и идти к тюрьме требовать освобождения» (стр. 90). Если бросить беглый взгляд на историю 1905 г., особенно за период сентябрь—декабрь, насыщенный революционными событиями, развернутой работой партии, массой актуально поставленных вопросов, и т. д., и посмотреть, какую же сжатую канву этих событий дала нам изданная хроника, мы будем поражены скудостью и убожеством переданных фактов. В этой хронике партия занимает случайное, мало заметное место.

Правда, в хронике есть много сообщений о митингах, где принимались большевистские резолюции, о выпущенных большевиками листовках, но нет о работе партийного комитета, о его решениях, о роли и деятельности большевистского ЦК, работавшего в то время также в Петербурге. Казалось бы, пребывание Ленина в Петербурге должно бы быть уделено соответствующее внимание, но и о Ленине имеется в хронике несколько скупых заметок. Конечно, хроника не история, и мы не в праве предъявлять к ней невыполнимых требований, но мы считаем, что она не должна превращаться только в календарный перечень событий. В свое время истпарт ЦК ВКП(б) издал небольшую инструкцию по составлению хроники, в которой давалась общая установка в этой работе. Нельзя не пожалеть, что эта инструкция не дошла до составителей данной хроники.

В хронике имеется огромный материал по истории массового движения. Этого материала, пожалуй, больше чем достаточно, и он производит зачастую впечатление ненужных нагромождений. Это

происходит потому, что нет стержневой установки, авторы хроники добросовестно записывали события день за днем, но мало работали над материалом, не систематизировали его. Наряду с крупными событиями записан ряд мелких незначительных, засоряющих хронику, делающих ее громоздкой и единообразной. И в то же время в хронике имеются, как было указано выше, огромные пробелы (о работе большевиков и пр.), которые можно было бы заполнить, если бы действительно были использованы полностью, имеющиеся и в печати и в архивах материалы этого периода и у авторов был бы четкий план в духе инструкции истпарта ЦК ВКП(б).

Все же, несмотря на ряд существенных пробелов и огромных недостатков, хроника читается с интересом и оживает в памяти события 1905 года. За скучным, сухим, зачастую сумбурным изложением и нагромождением фактов виднеются контуры первой революции. Память бывших участников событий воскрешает и дополняет их. Но историку, которому хроника нужна как основная канва для составления монографии, придется много поработать, для того чтобы извлечь из массы нагроможденных фактов нужный ему материал. Историку же партии эта хроника даст очень немного и ему придется искать нужный ему материал в другом месте.

М. Эссен

1905—1906. В. М. МИТРОФАНОВ. В память жизни. Воспоминания минера—участника кронштадтского восстания 1906 года. Ленинградский областной истпарт. Изд. «Красная газета». Тираж 10 000, 132 стр., цена 80 коп.

Воспоминания товарища Митрофанова, как правильно говорится в предисловии, являются подлинным человеческим документом. Тов. Митрофанов—рядовой солдат революции, примкнувший к ней не на основании книжных теорий, абстрактных исканий. Тов. Митрофанов приведен к революции логикой самой жизни. Немного надо было ломать голову рядовому минеру, чтобы понять и осудить старый мир с его жестокой эксплуатацией, нищетой и беспорядком масс

и решительно встать в ряды борющихся за лучшую жизнь. Жизнь т. Митрофанова это жизнь миллионов, жизнь масс. Его биография не сложна. Тяжелая работа с ранних лет в качестве рабочего, военная служба, участие в вооруженном восстании, 10 лет каторги, а ныне—рабочий плиточник в Ленинграде. Революция, как мы видим, не изменила социального лица тов. Митрофанова. Он остался тем же рабочим и даже по той же профессии (плиточник).

Его воспоминания написаны простым языком, без всякой вычурности и—что особенно ценно—без всякого яканья. Он рассказывает и о себе и о событиях, о том, что он испытал и чему свидетелем в жизни был с лаконической простотой. Изумительно ярко выявлено в его воспоминаниях, как нарастало недовольство в массах, как быстро научились эти массы делать политические выводы, и как от этих выводов они перешли к практическим действиям, к организации вооруженных восстаний. Ценность воспоминаний т. Митрофанова заключается еще в том, что он не пытается теоретизировать, обобщать событий, а говорит только о том, что непосредственно помнит. Может быть, благодаря этому воспоминания носят отрывочный, неполный характер, и вполне правильно поступил Ленинградский облистпарт, предпославший этим воспоминаниям предисловие, в котором дан обстоятельный обзор революционных событий 1905—1906 гг.

Это предисловие является как бы вводной главой к воспоминаниям, так сказать, историческим фоном к ним. Без этого предисловия воспоминания т. Митрофанова, оставаясь сами по себе интересным человеческим документом революционной эпохи, утратили бы в значительной степени историческую ценность. Отрывочные, почти эпизодические порой, воспоминания изумительно интересны. Небольшая сценка, например, описывающая подготовку к царскому смотру, показывает, как мало величия в глазах солдат имел уже тогда царь. «Минеры между собой переговариваются, что, наверное, пригнали нас смотреть царя»... «Музыка заиграла, на-

чали проходить мимо царя, царь здоровался с проходящими войсками. Проходит минная рота за саперным батальоном. Царь стоял направо невзрачный в плохонькой одежде, по сторонам придворные дамы. «Здорово, саперы», а мы называемся минеры, но все равно инженерная часть. Раз три прошли, раздалась команда обратно в Кронштадт. Минеров повели в Кронштадт, а все офицеры пошли на обед к царю. Зашла большая туча, темно стало, приступил дождь, как из ведра, морской ветер. Минеры голодные и холодные приехали в казармы мокрые и передрогшие. Переодевшись, поужинали, проклинают поездку к царю, все недовольны» (стр. 61).

Из этого коротенького образного отрывка ярко вырисовывается не только портрет последнего царя—«невзрачного, в плохонькой одежде», не умеющего отличить минера от сапера, но и отрицательное отношение к этому жалкому царю.

О восстании матросов в октябре 1905—1906 гг. и июльском восстании 1906 г. т. Митрофанов дал несколько небольших глав, которые не могут дать ясного представления ни о характере, ни о размерах, ни даже о цели восстания. Об октябрьском восстании рассказано особенно скупое. Об июльском восстании т. Митрофанов пытается рассказать более подробно, но очевидно в памяти удержались кое-какие обрывки, из которых связного рассказа не получилось, и имеются налицо лишь отдельные эпизоды, довольно, правда, характерные. Но все же не только из отрывочных воспоминаний т. Митрофанова, но даже и из предисловия т. Быстровой видно, что подготовка к восстанию велась примитивно, что в этом восстании скорее вылилось недовольство масс, чем была ясно осознанная цель, что подготовка к нему велась более чем упрощенно и что поражение при таких условиях было почти неизбежно. Тов. Быстрова июльское поражение склонна объяснить тем, что во главе его очутились эсеры. До известной степени это, конечно, так, но не совсем, ибо поражение таких восстаний имеет более глубокие и общие корни.

Глава «Расправа» (стр. 75) написана изумительно. «Идут минеры, переговариваются друг с другом. «Ну, что-то будет? А что будет? Известно что— расстреляют. Не страшно, пусть стреляют» (стр. 75). Картина расстрела описана потрясающе, и, очевидно, она хорошо осела в памяти т. Митрофанова, равно как и военный суд, тюрьма, приговор, прощание с приговоренными к смерти товарищами и, наконец, каторга.

В 1917 году узнали по слухам, что на сибирской дороге бьют жандармов, а затем из газет узнали о революции.

Коротенькая глава о возвращении домой потрясает. Вернулся в семью брата, в квартиру, уставленную иконами, чуждую по духу. Встретили неласково, равнодушно. «Был бы отец с матерью живы, то всю ночь бы не заснули, натащали бы мне кушанья, разговору было бы, а брат даже не спросил, как я отбывал каторгу, и за что мы боролись».

Книга заканчивается прекрасным, идущим из души радостным приветом новой жизни. «Отрадно мне думать, что борьба минеров и матросов в Кронштадте не пропала бесследно, что недаром погибли расстрелянные и повешенные за восстание в 1905/06 году, недаром столько пришлось нам потом страдать под произволом на каторге. Счастлив тот из нас, «кто смог перенести все это и дожить до новой жизни» (132 стр.). К этому прекрасному концу добавлять нечего. Книга прочтется с большим интересом, и сейчас, в год 25-летия революции 1905 года она свяжет прошлое с настоящим еще теснее и покажет современному рабочему, как тяжел и труден был путь к Октябрю и как счастлив тот, кто этот путь преодолел и увидел воочию осуществление своих идеалов.

М. Эссен

М. БАГАЕВ. За десять лет. Социал-демократическая организация в Иваново-вознесенском районе в 1892—1902 гг. Под редакцией О. А. Варенцовой, Н. Н. Кудряшова, С. П. Шестернина. Гиз, Ив.-Возн. отделение 1930 г., цена 1 р. 50 к.

В книге М. Багаева дается очерк истории возникновения и развития Иваново-вознесенской партийной организации с момента ее зарождения (в 1892) до 1902 года, а также развития организации соседних с Иваново-вознесенском промышленных пунктов (Шуя, Кохма, Лежнево).

В начале книги приводятся интересные сведения о рабочем движении в Ив.-вознесенске, начавшемся еще задолго до появления марксистских кружков в виде первой большой стачки в 1879 году. Движение это было стихийным и протекало в острых неорганизованных формах. Рассказывается также много интересного об имевших место до появления марксистских кружков попытках народных создать свою организацию среди ив.-вознесенских рабочих и о том, как плохо воспринимали ив.-вознесенские рабочие народническую проповедь и как эти попытки кончились полной неудачей.

Очень интересна история первого марксистского кружка, организованного Коидратьевым в 1892 г., и история первых арестов.

Из книги видно, что начинать работу пионерам Иваново-вознесенской организации приходилось в особо тяжелых условиях. Иваново-вознесенские рабочие жили тогда на положении полуголодных, бесправных рабов. Особая тяжесть обстановки, в которой пришлось работать основоположникам Иваново-вознесенской парторганизации, заключалась в чрезвычайно низком культурном уровне рабочей массы. Подавляющее большинство рабочих было совершенно безграмотно и находилось почти всецело во власти враждебной интересам рабочего класса идеологии дворянства и буржуазии, вколовивших через своих агентов в головы рабочих убеждения, что их рабское полунищенское положение установлено самим богом и что с ним необходимо мириться.

Наряду с этим в книге говорится и о наличии благоприятных условий партийной работы в первые три года существования партийной организации. Это почти полное отсутствие репрессий со стороны полиции и жандармов, вследствие чего парторганизация в это время провела

большую работу по привлечению в свои ряды рабочих и пустила крепкие корни в рабочей массе. Причины такого «халатного отношения к своим обязанностям» со стороны полиции и жандармов, кроются, видимо, в их тогдашней неопытности и недостаточности штата, иначе этого факта объяснить нельзя.

Но с 1895 г. это положение резко изменилось. Поняв, наконец, какую опасность представляет собой подпольная парт-организация, власти начали с ней решительную борьбу. Был сильно увеличен штат жандармов, и для Ив.-вознесенской организации наступил период почти непрерывных репрессий. Начались обыски, аресты, высылки под надзор полиции и т. п. Но выросшую за три предыдущих года организацию, имевшую глубокие корни в рабочей массе, разгромить уже невозможно было. Арестовывавшиеся и привлекавшиеся к суду члены организации подвергались «по высочайшему повелению» длительному тюремному заключению, рассылались по всем городам и весям тогдашней царской России, отдавались под надзор полиции, а парторганизация не только росла, но продолжала крепнуть. Об этих непрерывно сыпавшихся на организацию репрессиях в книге (на основании главным образом жандармских архивов) приводятся очень интересные и подробные данные с указанием имен и количества привлекавшихся и перечислением отобранных при обысках документов; приводятся также подробные описания конспиративных партсобраний и факты так называемых «откровенных показаний» отдельных арестованных членов организации, указан ряд случаев прямой провокации, которые давали жандармам большие козыри.

По доносам прямых провокаторов производились аресты, а благодаря «откровенным показаниям» всегда имели место новые дополнительные аресты, которые особенно сильно обескровливали организацию. Но вступали новые члены и организация продолжала существовать, поддерживая связи с выслаанными и заключенными в тюрьмы ее членами. В книге приводятся случаи руководства организацией арестованных

ми партработниками из тюрьмы. Освобождавшиеся из-под ареста до суда поднадзорные тотчас же принимались за партийную работу и партработа шла непрерывно. Привлекались часто по несколько десятков человек (до 60 чел.), но ничто не прерывало работы организации. Не помогло жандармам и усиление кар (с весны 1896 г. стали давать до 5 лет ссылки в Сибирь).

Несмотря на строгое соблюдение конспирации (которой научили непрерывные обыски и аресты), сама связь организации с широкой массой рабочих также сильно выдавала ее жандармам. Поэтому она долго однородной по своему составу не бывала. Но несмотря на то, что разгром следовал за разгромом, организация все-таки жила. В книге отмечаются две черты Иваново-вознесенской организации, сильно отличавшие ее от парторганизаций других мест. Первая ее особенность—это то, что несмотря ни на какие репрессии, она была крепка, живуча и не прекращала своего существования; второй ее особенностью является чисто рабочий состав (интеллигенции в ней почти не было, за исключением приезжих одиночек) и особая преданность ей рабочих членов.

Из книги мы узнаем, что идеологически Ив.-возн. организация, за исключением отдельного небольшого периода (1899—1901 гг.), была все время на революционно-марксистских позициях. И только в указанные годы наблюдались идеологические шатания среди некоторых видных членов организации (Грачев, Дунаев и некоторые другие). Благодаря поступавшей тогда в Ив.-возн. организацию в большом количестве оппортунистической нелегальной литературе («Раб. мысль» и «Рабочее дело») указанные члены организации проповедывали экономизм и были против перехода от кружковщины к широкой агитмассовой работе. Некоторое время они, по-видимому, имели кое-какое влияние и на часть членов организации; это между прочим видно из того, что в 1899 году, как отмечает Багаев, одно время распространялись чисто экономические со-держания листовки. Но с появлением «Искры» все оппортунистические изда-

ния были ею очень быстро вытеснены. «Экономисты» потеряли почву под ногами, и постепенно сами начали изживать свои заблуждения. Особой внутренней борьбы Иваново-вознесенская организация, таким образом, не переживала.

В книге сообщается, что в истории Ив.-возн. организации был момент раздробленности. Одно время существовало два руководящих центра; это было очень короткое время и, главным образом по причине особо строгой конспирации. Центры эти просто не знали о существовании друг друга и слились, как только это недоразумение было выяснено. В дальнейшем имелся единый центр, который, руководя Иваново-вознесенской организацией, фактически руководил также и организациями в Шуе, Кохме и других местах, установив в то же время связь с Мо-

сквой, Костромой и некоторыми другими местами.

Отмечается в книге еще одна особенность в жизни Иваново-вознесенской организации: отсутствие организаций других партий. Это освобождало нашу организацию от необходимости борьбы с ними за влияние на рабочую массу.

Подводя итоги, автор устанавливает, что за указанный период Иваново-вознесенская организация подвергалась 16 разгромам (жандармами было произведено шестнадцать дознаний), в результате чего подверглось разным репрессиям 223 человека, а несколько человек заплатились даже жизнью.

Таковы основные моменты в истории Иваново-вознесенской организации за указанный период времени, изложенные в книге М. Багаева. Книга написана простым доступным для широкого круга читателей языком. Ф. Самойлов.

НОВЫЕ КНИГИ

История ВКП(б) и ленинизм

Ленин, В. И.—Сочинения. Том XXVII. 1921—1923. Издание второе, исправленное и дополненное. Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовлен к печати И. П. Товстухой. Институт Ленина при ЦК ВКП(б), Гиз, М.—Л., стр. VIII+620, 21 илл.

Ленин.—Избранные произведения. Под общей редакцией В. В. Адоратского, А. И. Криницкого, М. Н. Покровского, К. А. Попова, Н. Н. Попова, М. А. Савельева и Е. Ярославского. Том. III, 1914—1917. Институт Ленина при ЦК ВКП(б), Гиз, М.—Л., стр. VIII+759.

Ленин, В. И.—Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. Издание 3-е. Дешевая библиотека Госиздата. М.—Л. Тираж 100 000, стр. 127, ц. 20 коп., переплет 10 коп.

Ленин, В. И.—Шаг вперед, два шага назад. Дешевая библиотека Госиздата, М.—Л. Тираж 10 000, стр. 239, ц. 40 к., переплет 15 коп.

Великовский, М. и Левин И.—Национальный вопрос. Хрестоматия. Том первый. Национальный вопрос в буржуазно-демократической революции и в эпо-

ху империализма. Изд. Комакадемии. Тираж 15 000, стр. 420, ц. 2 руб. 50 коп.

Всесоюзная конференция аграрников-марксистов.—Труды конференции аграрников-марксистов, т. II, ч. II. Изд. Комакадемии. Тираж 15 000, стр. 288, ц. 1 руб. 25 коп.

Гандурин, К.—О Лондонском съезде РСДРП 1907 года. Предисловие Н. А. Семашко. Под редакцией А. И. Елизаровой и Ф. Кона. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10 100, стр. 60, ц. 20 коп.

Залеский, В.—Ликвидаторы. История борьбы ВКП(б) с уклонами. Под редакцией П. Лепешинского. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10 100, стр. 47, ц. 25 коп.

Керженцев, П. и Леонтьев А.—Азбука ленинизма. Пособие для городских совпартшкол и самообразования. 11 стереотипное издание. Гиз. Тираж 250 000, стр. 235, ц. 60 коп., переплет 20 коп.

Лепешинский, П.—Меньшевики. История борьбы ВКП(б) с уклонами. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 7 100, стр. 72, ц. 30 коп.

Москалев, М.—Борьба партии с «лево-большевиками» в годы империалисти-

ческой войны. История борьбы с уклоняемыми. Под редакцией В. Г. Юдовского. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 5 100, стр. 77, ц. 40 коп.

Попов, Н. Н.—Очерк истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Выпуск первый, издание 12-е. Огиз. «Московский рабочий». Тираж 200.000, стр. 240, ц. 60 коп., переплет 25 коп.

Скворцов-Степанов, И. И.—Избранные произведения. Том 1. Под редакцией П. А. Красикова, Н. Л. Мещерякова, М. А. Савельева, В. Г. Сорокина, П. Г. Сенниковского. Подготовил к печати Б. Н. Тихомиров. Институт Ленина при ЦК ВКП(б), Гиз. Тираж 15.000, стр. XXXV+368, 1 илл., ц. 1 руб. 50 коп., переплет 50 коп.

Революционное движение и классовая борьба в России

Агурский, С.—Московский пролетариат на баррикадах (1905 г.). Истпарт МОК ВКП(б). Огиз. «Московский рабочий». Тираж 10 000, стр. 64, цена 35 к.

Антошкин, Д. В.—Фабрика на баррикадах. Трехгорная мануфактура в 1905 г. Изд. Комакадемии. Тираж 5 000, стр. 84, ц. 70 коп.

Бочагов, А. К.—Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Очерк. Истпарт Крымского областного комитета ВКП(б). Изд. Крымгиз. Тираж 3 000, стр. 117, ц. 1 руб.

Бузанский, М.—Человеческий документ. Мой побег из ангарской тюрьмы. Изд. политкаторжан. Тираж 5 000, стр. 140, ц. 1 руб. 30 коп.

Васильев-Южин, М. И.—В огне первой революции. Гиз. Тираж 3 000, стр. 216, ц. 1 руб. 50 коп.

Гехтман, И.—Перша масова робітничча організація на Україні («Южно-русский рабочий союз рабочих»). Институт Истории партии (Истпарт) при ЦК КП(б)У. Гиз. Украины. Тираж 7 000, стр. 79, ц. 50 коп.

Гонимаров, В. Первые зарницы. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 51, ц. 20 коп.

Декабрь 1905 г. на Пресне.—К 25-

летнему юбилею. Красная Пресня в 1905—1917 гг. Сборник воспоминаний дружинников Красной Пресни 1905 г. и красногвардейцев 1917 г. Издание юбилейного комитета и Истпарта Краснопресненского района. Тираж 5 000, стр. 496, ц. 2 руб. 50 коп.

Десять лет Советского Крыма.—Сборник, посвященный десятилетию советизации Крыма. 1920—1930. Под редакцией тт. И. Козлова, Антопока, В. Кудрявцева, Карга, Байбулатова, Я. Мусанифа, Граубарт и Тархана. Крымгиз. Тираж 5 000, стр. 559, ц. 2 руб.

Дробот, В.—Повесть о героях крейсера «Очаков». К двадцатипятилетней годовщине восстания в Черноморском флоте. Изд. «Московский рабочий», стр. 80, ц. 30 коп.

Еремеев, К. С.—Пламя. Изд. ЗИФ. Тираж 6 000, стр. 293, ц. 2 руб., переплет 25 коп.

Из истории революции 1905 года в Московской губернии.—Материалы и документы. Составили: В. Симоненко и Г. Костомаров. Истпарт МОК ВКП(б) Огиз. «Московский рабочий». Тираж 5 000, стр. 304, ц. 1 руб. 75 коп.

Из истории московского вооруженного восстания.—Материалы и документы. Составили: Г. Костомаров, В. Симоненко и А. Дрезин. Истпарт МОК ВКП(б). Огиз «Московский рабочий». Тираж 3 000, стр. 323, ц. 1 руб. 25 коп.

Иоффе, Я.—Организация интервенции и блокады Советской республики 1918—1920 гг. Гиз Отдел военной литературы. Тираж 3 000, стр. 166, ц. 1 руб. 40 коп.

«История пролетариата СССР». Сборник II. Под редакцией П. О. Горина, В. И. Невского, А. М. Панкратовой, С. А. Пионтковского, М. Н. Покровского, К. Ф. Сидорова, О. Н. Чаадаевой. Изд. Комакадемии. Тираж 4 000, стр. 287, ц. 3 руб.

Кальвари, М.—Интервенция в Крыму. Истпарт Крымского областного комитета ВКП(б). Отдел по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). Изд. Крымгиз. Тираж 2 500, стр. 180.

Костомаров, Г. Д.—Черная сотня под флагом религии в 1905 г. Изд. «Безбожник». Тираж 3 000, стр. 45, ц. 20 коп.

Малаховский, Вл.—На два фронта (к оценке народовольчества). Изд. Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. Тираж 4 000, стр. 139, ц. 1 руб. 40 коп.

Памяти Л. Я. Штернберга.—1861—1927. Изд. Академии наук. Ленинград. Тираж 1 000, стр. 176, ц. 1 руб. 75 коп.

Покровский, М.—1905 год. Культпроп ЦК ВКП(б) и Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Огиз. «Московский рабочий». Тираж 1 500, стр. 112, ц. 30 коп.

Покровский, М. Н.—Империалистическая война. Сборник статей 1915—1930. Издание второе, дополненное. Изд. Коммунистической Академии. Тираж 10 000, стр. 340, ц. 1 руб. 60 коп.

Прибылев, А. Ф.—Записки народовольца. Изд. политкаторжан. Тираж 5 100, стр. 307, ц. 2 руб. 60 коп.

Пролетариат в революции 1905—1907 гг.—К 25-летию революции 1905 г. Сборник статей. Коммунистическая Академия, Институт истории. Гиз. Стр. VIII+490, ц. 2 руб. 50 коп.

Пыжев, Н.—Без угла и без имени. Воспоминания подпольщика. Изд. политкаторжан. Тираж 5 000, стр. 173, ц. 1 руб. 65 коп.

Разгром Врангеля 1920 г. Сборник статей под редакцией А. Гуковского, В. Малаховского, В. Меликова. Коммунистическая Академия. Секция по изучению проблем войны. Гиз. Военное изд. Тираж 10 000, стр. 279, ц. 1 руб. 75 коп.

Революционное движение среди евреев. Сборник первый. Предисловие С. Диманштейна. Изд. политкаторжан. Тираж 4 000, стр. 299, ц. 2 руб. 70 коп.

Розенблюм, К. И.—О первой российской революции 1905 г. Ленинградский областной испарт. Изд. «Красная газета». Тираж 10 000, стр. 140, ц. 80 коп.

Русский рабочий в революционном движении.—Сборник второй. Рабочие «Серп и молот» (б. Гужон) в 1905 г. Изд. Коммунистической Академии. Тираж 3 000, стр. 238, ц. 2 руб.

Семашко, Н.—Ключки воспоминаний. От зари революции до ее рассвета. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10 000, стр. 111, ц. 45 коп.

1920—1930 Девятая Донская. 9-я стрелковая дивизия.—Исторический очерк к десятилетию существования. Под редакцией Г. А. Зиновьева и Л. А. Менджерицкого. Изд. книгоиздательства «Северный Кавказ». Ростов н/Д. Тираж 3 000, стр. 158, ц. 2 руб. 40 коп.

Шестаков, А.—Борьба сельских рабочих в революции 1905—1907 гг. К 25-летию революции 1905—1907 гг. Гиз. Тираж 10 000, стр. 87, ц. 40 коп.

Шестаков, А.—Крестьянство в революции 1905 года (Культпроп ЦК ВКП(б). Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. Тираж 10 000, стр. 95, ц. 20 коп.

Шумяцкий, Я.—Генеральная репетиция. К 25-летию революции 1905 г. Стенограмма речи, произнесенной на общем собрании политкаторжан 30 октября 1930 г. Изд. политкаторжан. Тираж 8 000, стр. 143, ц. 65 коп.

Шумяцкий, Б.—1905 год и Восток. Культпроп ЦК ВКП(б) и Институт Ленина при ЦК ВКП(б), Гиз. Тираж 10 000, стр. 80, ц. 20 коп.

Яковенко, Е. И.—Василий Степанович Осипанов. Изд. политкаторжан. Тираж 15 000, стр. 23, ц. 12 коп.

Яковенко, Е. И.—Александр Ильич Ульянов. Изд. политкаторжан. Тираж 15 000, стр. 34, ц. 15 коп.

Международное революционное движение и Коминтерн

Изаков, Б.—Современное рабство в колониях и полуколониях. Изд. Международного аграрного института. Тираж 15 000, стр. 94, ц. 35 коп.

Красный интернационал профсоюзов.—Мировой кризис, положение и стачечная борьба международного пролетариата. Материалы к отчету V конгресса Профинтерна, II выпуск. Изд. ВЦСПС. Тираж 5 000, стр. 300, ц. 2 руб. 50 коп.

Хаяма, У.—Рабочее движение в колониях Востока, Гиз, М.—Л. Тираж 15 000, стр. 112, ц. 25 коп.

ПОПРАВКИ

Нас просят исправить следующие неточности и опечатки, вкравшиеся в статьи, напечатанные в № 5 (100) «Пролетарской революции».

1. В статье т. Лепешинского напечатано: «В 1905 г. Ленин еще летом уехал из Женевы в Россию. Уехал также т. Воровский. В редакции остался на своем посту один лишь М. С. Ольминский» (стр. 170). Время отъезда Ленина из Женевы указано здесь неверно. Ленин уехал из Женевы не летом, а в конце октября 1905 г. В редакции остался не М. С. Ольминский (после 17 октября, также уехавший в Россию), а В. Воровский.

На стр. 176 указано, что т. Ольминский по приезде в Питер «сотрудничает в большевистских газетах: «Волна», «Эхо» и др. На самом же деле «Волна» и «Эхо» существовали весной 1906 г. В «Эхо» М. С. Ольминский не работал. В 1905 г. т. Ольминский сотрудничал в «Новой жизни».

2. Тов. Крамольников, перечисляя в своей статье «III съезд РСДРП» делегатов съезда, которых сейчас уже нет в живых, ошибочно упоминает и т. Шевел-

кина. На самом деле т. Шевелкин жив. (В партии он сейчас не состоит.)

При напечатании статьи т. Крамольникова допущен ряд опечаток:

Стр. 28, строка 5 снизу, напечатано: коммунистов, следует: комитетчиков.

Стр. 30, строка 2 снизу, напечатано: обязательными терминами, следует: «сбавительными терминами».

Стр. 42, строка 14 снизу, напечатано: от с.-д., с.-р., следует: от с.-д. к с.-р.

Стр. 50, строка 3 сверху, напечатано: рабочая боязнь—«рабоче-боязнь».

Стр. 50, строка 7 сверху, напечатано: Посоловский, следует: Постоловский.

Стр. 50, строка 13 снизу, напечатано: жаргоне украинском, следует: жарголе, украинском.

III. В статье т. Горина «Из истории борьбы Ленина за III съезд» на стр. 17 указано, что «необходимость созыва III съезда осозналась Лениным вскоре же после конференции *Лиги заграничных с.-д. организаций*». Подчеркнутое название не точно. Точное название Лиги: «Заграничная Лига революционной с.-д.».

Редакция

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
Р. Амбурский. Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в революции 1905—1907 гг.	3
Ф. Савинский. Парламентская тактика с.-д. в эпоху первой русской революции (окончание)	39
М. Кроц. Революция 1905 года и Каутский	78

ВОСПОМИНАНИЯ

З. Литвин-Седой. К истории Московского вооруженного восстания . .	100
Ф. Самойлов. О первом совете рабочих депутатов	104
К. Ландер. Из истории революции 1905 г. в Латвии	110

МАТЕРИАЛЫ

Протоколы Петербургской общегородской конференции РСДРП (24) 11 февраля 1906 г. Подготовлены к печати Б. Лавлер	157
Неопубликованная резолюция В. И. Ленина по вопросу о тактике бойкота (1906 г.)	187

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры: А. Мильштейн. Рабочее движение в 1905 году	190
Рецензии: М. Эссен, М. Ахун и В. Петров. Петербург в 1905—1907 гг. Хроника событий.— Ее же. А. Митрофанов. 1905—1906 гг. В память жизни.— Ф. Самойлов.—М. Багаев. За 10 лет. Социал-демократическая организация в Иваново-вознесенском районе в 1892-1902 гг.	199
Новые книги	204
ПОПРАВКИ	207

Приложение к № 12 (107)
журнала «Пролетарская
революция».

**СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ И
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ**

К ЖУРНАЛУ

„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

ЗА 1930 г.

Настоящий указатель составлен по типу Систематического и алфавитного указателя к журналу «Пролетарская революция» за 1921—1929 гг.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ

1. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛЕНИНА

Переписка, сообщения, заметки и пр.

Из переписки заграничного большевистского центра с М. М. Литвиновым (1914—1905 годы). [Подгот. к печати М. Левиной]. 1930, 9 (104), стр. 128—143.

О свободной торговле хлебом. 1930, 5 (100), стр. 224—226.

Неопубликованный документ, являющийся повидимому началом задуманной статьи. Написано в августе 1919 г.

Письма В. И. Ленина к родным. (1910—1916 гг.). [С предисл. и прим. А. И. Елизаровой]. 1930, 4 (99), стр. 127—148.

Письма к матери и сестре А. И. Елизаровой 1908—1909 гг. [Предисл. А. И. Елизаровой, прим. Г. Тихомирнова]. 1930, 1 (96), стр. 108—137.

К истории появления в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Поправки см. Елизарова, А. Письмо в редакцию. 1930, 2—3 (97—98), стр. 234.

Приветствие беспартийному совещанию. 1930, 1 (100), стр. 227.

Неопубликованная телефонограмма от 14 апреля 1921 г. Ответ на приветствия и приглашение приехать, посланные общегородской беспартийной конференцией рабочих и губернской крестьянской конференцией, состоявшимися в Петрограде.

Резолюция В. И. Ленина по вопросу о тактике бойкота. 1930, 12 (107), стр. 187—189.

Резолюция, предложенная Лениным на общегородской конференции петербургской организации РСДРП в 1906 г. Печатается впервые.

Товарищу Сталину для пленума ЦК. 1930, 2—3 (97—98), стр. 104—107.

Датировано: 13/XII—22 г.

О монополии внешней торговли. Сохранилось в виде копии с записи Л. А. Фотиевой, сделанной под диктовку Владимира Ильича.

Опубликовано с некоторыми сокращениями в статье Л. Б. Красина «Владимир Ильич и внешняя торговля» в «Экономической жизни» и «Известиях ЦИК СССР» от 26 января 1924 г. Впервые полностью напечатано в «Пр. рев.» под загл.: Письмо В. И. Ленина о монополии внешней торговли.

Рецензии и обзоры

Новые статьи и письма, не вошедшие во 2-е изд. Сочинений. Вып. 1. 1930, 4(93), стр. 182—187. (Д. Баевский).

Сочинения. Т. VI, 2-е испр. и доп. изд. 1930, 1(96), стр. 146—152 (П. Сениковский).

В дополнение см. М. Ольминский. К вопросу об истории частного совещания 22 большевиков. 1930, 2—3 (97—98), стр. 196—200.

Ленинский сборник XI. 1930, 1(96), стр. 133—146 (Н. Войтинский).

Ленинский сборник XIII. 1930, 4(99), стр. 176—182 (Н. Войтинский).

Ленинский сборник XIV. 1930, 9(104), стр. 148—157 (А. Ангаров).

2. РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ ЛЕНИНА. ПРОБЛЕМЫ ЛЕНИНИЗМА

Статьи

Адоратский В. О значении работ Ленина для философии. 1930, 10 (105), стр. 3—18.

Амбурский Р. Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в революции 1905—1907 гг. 1930, 12(107), стр. 3—38.

Баевский Д. Борьба Ленина против бухаринских «шатаний мысли». 1930, 1(96), стр. 18—46.

Прил.: 1. Тезисы Бухарина, предложенные им на Берской конференции заграничных секций РСДРП 27 февраля 1915 г. 2. Проект программы революционно-социалистического объединения и с.-д. партии Голландии. 3. Тезисы Стокгольмской группы большевиков о лозунге права наций на самоопределение.

Бронин Я. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний. 1930, 2—3 (97—98), стр. 62—81; 5 (100), стр. 95—135; 6 (101), стр. 3—37; 7—8 (102—103), стр. 3—52.

Генкина Э. Ленин о революционном народничестве и народовольчестве. 1930, 2—3 (97—98), стр. 29—61.

Кардашев Д. Ленин в борьбе с примиренчеством в эпоху внутрипартийного раскола 1903—1905 гг. (К истории борьбы за III съезд РСДРП). 1930, 4(99), стр. 3—42.

Общество историков-марксистов. Москва. Совещание преподавателей лени-

низма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 1-е. 1930. Ленинизм как научная дисциплина и предмет преподавания (Тезисы, принятые по докладу тов. К. А. Попова). 1930, 4(99), стр. 160—168.

Доклад см. 1930, 2—3(97—98), стр. 172—176; резолюция см. 1930, 2—3(97—98), стр. 182—184.

Общество историков-марксистов. Москва. Свещание преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 1-е. 1930. Резолюция, принятая первым всесоюзным совещанием по вопросам преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 1930, 2—3(97—98), стр. 182—184.

Попов К. А. Доклад К. А. Попова. — Ленинизм, как научная дисциплина и предмет преподавания. 1930, 2—3(97—98), стр. 172—176.

На совещании преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна 9—13 февраля 1930 г.

Тезисы см. 1930, 4(99), стр. 160—168; резолюция см. 1930, 2—3(97—98), стр. 182—184.

Прагер П. К постановке вопроса о некапиталистическом пути развития отсталых стран. 1930, 5(100), стр. 55—94; 6(101), стр. 73—102.

Рецензии и обзоры

Диктатура пролетариата и современный ревизионизм. Хрестоматия. Сост. М. Резуновым и А. Стальбгвичем. Под ред. и с вводной статьей Е. Пашуканиса 1930, 6(101), стр. 157—179 (Д. П.).

Зиновьев Г. Учение Маркса и Ленина о войне. 1930, 7—8(102—103), стр. 196—205 (Д. Баевский). О роли войн и революций в эпоху империализма).

Коммунистическая академия. Секция по изучению проблем войны. Записки. Т. I. 1930, 10(105), стр. 162—166 (Г. П.).

То же. Т. II. 1930, 11(106), стр. 171—174 (Г. П.).

Новые книги. [История ВКП(б) и ленинизм]. 1930, 1(96) стр. 171—172, 2—3(97—98), стр. 221; 4(99), стр. 195; 5(100), стр. 285; 6(101), стр. 169; 7—8(102—103), стр. 215—216; 9(104), стр. 179; 10(105), стр. 167—168; 11(106); стр. 177—179; 12(107) стр. 204—206.

Пашуканис Е. Из ленинского наследия. К ленинской теории государства и пролетарской революции. Сб. статей. 1930, 4(99), стр. 189—191 (Д. П.).

Попов К. и Резвушкин Я. О перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Учение Ленина и его критики. 1930, 5(100), стр. 259—274 (М. Степанов).

Турок Л. Учение о партии. 1930, 1(96), стр. 163—165 (И. Рудерман).

Тюшевский Н. Национально-колониальный вопрос. 1930, 1(96), стр. 161—163 (П. Галузо).

Шмидт К. Марксизм-ленинизм и военный вопрос. Пер. с нем. по рукописи Х. И. Сегаль. 1930, 1(96), стр. 159—161 (Вл. Малаховский).

3. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Статьи и воспоминания

Адоратский В. К вопросу о научной биографии Ленина. 1930, 1(96), стр. 3—17; 2—3(97—98), стр. 2—28.

Берзин Я. По поводу одной потрепанной книги. (Из воспоминаний о Ленине). 1930, 1(96), стр. 68—72.

Воспоминания от 1919—20 гг.

Быкин Я. Ленин в Шо-де-Фоне 18 марта 1917 г. 1930, 1(96), стр. 72—77.

О реферате Ленина на собрании, устроенном Шоллефонским интернациональным рабочим союзом (J. A. V.).

Елизарова А. Предисловие [к: Ленин В. И. Письма В. И. Ленина к родным (1910—1916 гг.) 1930, 4(99), стр. 127—131.

Елизарова А. Предисловие [к: Ленин В. И. Письма к матери и сестре А. И. Елизаровой 1908—1909 гг.] 1930, 1(96) стр. 108—113.

Лалаянц И. О расколе в РСДРП и моих заграничных встречах с В. И. Лениным. 1902—1904 гг. (Отрывки из воспоминаний). 1930, 4(99), стр. 84—126.

В тексте: 3 заявления в бюро II съезда Заграничной лиги русской революц. соц. демократии от большевиков — членов Лиги и резолюция Одесского комитета РСДРП.

Продолжение статей, напечатанных в журн. «Пр. рев.» 1929, 1(84), стр. 38—70; 8—9(91—92), стр. 107—130.

Луначарский А. Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. 1930, 2—3(97—98), стр. 82—90.

Отклики см. М. Ольминский. По поводу воспоминаний о Ленине Н. К. Крупской и А. Луначарского. 1930, 2—3(97—98), стр. 194—196.

Невзорова-Шестернина С. Страницка воспоминаний. 1930, 1(96), стр. 85—89.

О встречах с Лениным в 90-х гг. в Петербурге.

Ольминский М. По поводу воспоминаний о Ленине Н. К. Крупской и А. Луначарского. 1930, 2—3(97—98), стр. 194—196.

По поводу книги Н. К. Крупской. «Воспоминания о Ленине. Вып. I» и статьи А. Луначарского. «Из воспоминаний о Ленине в 1905 г.», напеч. в «Пр. рев.». 1930, 2—3(97—98), стр. 89—90.

Сирола Ю. Воспоминания о Ленине. 1930, 1(96), стр. 78—84.

Тихомиров Г. К вопросу о методах работы над источниками по научной биографии Ленина. 1930, 4(99), стр. 43—51.

Рецензии и обзоры

Дрейден С. Д. Ленин и искусство. Литература, музыка, театр, кино, изо. Сост. С. Д. Дрейден. 2-е перераб. и доп. изд. 1930, 4(99), стр. 191—193 (А. Зонин).

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Вып. 1. 1930, 2—3 (97—98), стр. 184—189 (М. Эссен).

См. также: М. Ольминский. По поводу воспоминаний о Ленине Н. К. Крупской и А. Луначарского. 1930, 2—3 (97—98), стр. 194—196.

Мюнценберг В. С. Либкнехтом и Лениным. Пятнадцать лет в пролетарском юношеском движении. Пер. с нем рукоп. В. Гимельфарба. 1930, 10(105), стр. 166—167 (А. Манфред).

Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. 2-е доп. изд. 1930, 2—3(97—98), стр. 206—207 (М. Эссен).

Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. 4-е испр. и доп. изд. 1930, 2—3(97—98), стр. 205—206 (М. Эссен).

Эйхенгольц А. Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина. 1930, 1(96), стр. 152—159.

4. ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портреты

Ленин в 1920 г. 1930, 1(96), между 2—3 стр.

Факсимиле

Факсимиле письма к А. И. Елизаровой от 12/II 1909 г. 1930, 1(96), между стр. 123—129.

Факсимиле письма-открытки А. И. Елизаровой от 14/XI 1914 г. 1930, 4(99), между стр. 144—145.

II ИСТОРИЯ ВКП (б)

1. ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ОБЩИЕ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ВКП (б)

Статьи

Бронин Я. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний. 1930, 2—3 (97—98), стр. 62—81; 5(100), стр. 95—13 ; 6(101), стр. 3—37; 7—8(102—103), стр. 3—52.

Кин Д. Доклад т. Кина. — История партии как наука. 1930, 2—3 (97—98), стр. 176—179.

На совещании преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна 9—13 февраля 1930 г.

Тезисы см. 1930, 4(99), стр. 168—173; резолюция см. 1930, 2—3(97—98), стр. 182—184.

Об изучении истории ВКП(б). (Тезисы, утвержденные дирекцией Института Ленина). 1930, 5(100), стр. 250—258.

Общество историков-марксистов. Москва. Совещание преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 1-е. 1. 30. История партии как наука (Тезисы, принятые по докладу тов. Д. Кина). 1930, 4(99), стр. 163—173.

Доклад см. 1930, 2—3(97—98), стр. 176—179; резолюция см. 1930, 2—3(97—98), стр. 182—184.

Общество историков-марксистов. Москва. Совещание преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 1-е 1930. Резолюция, принятая первым всесоюзным совещанием по вопросам преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 1930, 2—3(97—98), стр. 182—184.

Павлова М. Работы «Искры», «Вперед» и «Пролетария». 1930, 5(100), стр. 135—138.

Савельев М. Об изучении истории партии (К выпуску сего номера «Пролетарской революции»). 1930, 5(100), стр. 5—9.

Ярославский Е. К вопросу об изучении истории партии. 1930, 2—3(97—98), стр. 146—171.

Доклад на совещании преподавателей

ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна 9 февр. 1930.

В огл. загл.: Задачи изучения истории партии.

Рецензии и обзоры

Батурин Н. Н. Сочинения. 1930, 5(100), стр. 281—282 (А. Бур).

Красная летопись. 1929, №№ 3(30), 4(31) и 5(32). 1930, 2—3(97—98), стр. 202—204 (А. Бур).

Летопись революции. 1929, №№ 1, 2, 3, 4, 5—6. 1930, 10(105), стр. 152—156 (М. Иванов).

Новые книги. [История ВКП(б) и ленинизм] 1930, 1(96), стр. 171—172; 2—3(97—98), стр. 221; 4(99), стр. 19; 5(100), стр. 235; 6(101), стр. 169; 7—8(102—103), стр. 215—216; 9(104), стр. 179; 10(105), стр. 167—168; 11(106), стр. 177—179; 12(107), стр. 204—206.

Фрунзе М. В. Собрание сочинений. Под общей ред. А. С. Бубнова. Т. I—III. 1930, 7—8(102—103), стр. 205—210 (С. Белицкий)

2. ДО РАСКОЛА РСДРП

Статьи и воспоминания

Алексеева А. Социально-экономические предпосылки «экономизма». 1930, 10(105), стр. 46—63.

Валк С. Предисловие [К истории Белостокской конференции 1902 г.]. 1930, 6(101), стр. 132—138.

***Дан Ф. И.** Письмо Ф. И. Дана «Искре». (В статье: К истории Белостокской конференции 1902 г. 1930, 6(101), стр. 139—142). Напечатано по автографу.

***К истории Белостокской конференции 1902 г.** (Подгот. к печати С. Валком). 1930, 6(101), стр. 132—148.

Содержание: С. Валк. Предисловие. — Письмо Ф. И. Дана «Искре». — Первомайская прокламация «Искры». — Проект майского

листка, предложенный представителем Южного союза.

***Ко всем русским рабочим.** (В статье: К истории Белостокской конференции 1902 г. 1930, 6(101), стр. 142—145).

Первомайская прокламация «Искры» 1902 г. С рукописными поправками, принятыми на конференции и вошедшими впоследствии в русское издание этой листовки.

Прагер П. Легальный марксизм. 1930, 7—8(102—103), стр. 53—88; 9(104), стр. 35—74.

***Проект майского листа, предложенный представителем Южного союза.** (В статье: К истории Белостокской конференции 1902 г. 1930, 6(101), стр. 145—148).

Напечатано по копии, написанной частью рукой Ф. И. Дана. Проект был представлен на Белостокской конференции.

Рецензии и обзоры

Багаев М. За десять лет. Социал-демократическая организация в Иваново-Вознесенском районе в 1892—1902 гг. Под ред. О. А. Варенцовой, Н. Н. Кудряшева, С. П. Шестернина. 1930, 12(107), стр. 199—201 (Ф. Самойлов).

3. ПАРТИЯ В ГОДЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статьи и воспоминания

***В бюро съезда Лиги РСДРП** (В статье: Лалаянц И. О расколе в РСДРП и моих зарубежных встречах с В. И. Лениным 1902—1904 гг. 1930, 4(99), стр. 104—107).

Протест, поданный в бюро II съезда Заграничной лиги русской революц. соц-демократии, за подписью 12 большевиков — членов Лиги — против поведения большинства Лиги, сорвавших принципиальные споры по докладу Ленина о II съезде партии.

Горин П. Из истории борьбы Ленина за III съезд. 1930, 5(100), стр. 10—24.

***[Заявление в бюро II съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии]** (В статье: Лалаянц И. О расколе в РСДРП и моих зарубежных встречах с В. И. Лениным 1902—1904 гг. 1930, 4(99), стр. 103).

Протест за подписью 12 большевиков — членов Лиги — против поведения Мартова во время его содоклада на заседании Лиги.

***Из переписки заграничного большевистского центра с М. М. Литвиным (1904—1905 годы).** [Подгот. к печати М. Левиной]. 1930, 9(104), стр. 128—143.

Кардашев Д. К истории зарождения «Бюро комитетов большинства» (Статья вторая). 1930, 1(96), стр. 47—67.

Статья первая была напечатана в журн. «Пр. рев.» 1929, 10(93), стр. 80—95. Поправки к этой статье см. Владимирский М. [Письмо в редакцию]. 1930, 5(100), стр. 300.

Кардашев Д. Ленин в борьбе с прими-

ренчеством в эпоху внутрипартийного раскола 1903—1905 гг. (К истории борьбы за III съезд РСДРП). 1930, 4(99), стр. 3—42.

***Лалаянц И.** О расколе в РСДРП и моих зарубежных встречах с В. И. Лениным 1902—1904 гг. 1930, 4(99), стр. 84—126.

В тексте: 3 заявления в бюро II съезда Заграничной лиги русской революц. соц-демократии от большевиков — членов лиги и резолюция Одесского комитета РСДРП.

Продолжение статей, напечатанных в журн. «Пр. рев.» 1923, 1(84), стр. 38—70; 8—9(91—92), стр. 107—130.

Ольминский М. К вопросу об истории частного совещания 22 большевиков. 1930, 2—3(97—98), стр. 196—200.

Поправки к VI т. Сочинений В. И. Ленина на основании воспоминаний М. Ольминского, Е. Первухина, П. Н. Лепешинского и Л. Фотевой.

***РСДРП. Одесский комитет.** Резолюция Одесского комитета. (В статье: Лалаянц И. О расколе в РСДРП и моих зарубежных встречах с В. И. Лениным 1902—1904 гг. 1930, 4(99), стр. 120—124).

Датировано: Март, 1904 г.

О необходимости созыва III съезда.

***РСДРП. Центральный комитет.** Заявление ЦК РСДРП. (В статье: Лалаянц И. О расколе в РСДРП и моих зарубежных встречах с В. И. Лениным 1902—1904 гг. 1930, 4(99), стр. 105—106).

Подписано: Представитель ЦК Х. [Ф. Леоник].

Протест против принятого Лигой устава без утверждения ЦК.

Хабас Р. РСДРП и «земская кампания» 1904 года. 1930, 7—8(102—103), стр. 84—102.

***Яхновский И.** Из истории революционной работы в Черноморском флоте. 1930, 11(106), стр. 90—97.

Рецензии и обзоры

Доклады соц-демократических комитетов второму съезду РСДРП. 1930, 7—8(102—103), стр. 210—212 (Н. В-ский).

Ленинский сборник XI. 1930, 1(96), стр. 138—146 (Н. Войтинский).

4. ПАРТИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(1935—1907 гг.)

Статьи и воспоминания

Амбурский Р. Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в революции 1905—1907 гг. 1930, 12(107), стр. 3—38.

Горин П. Из истории борьбы Ленина за III съезд 1930, 5(100), стр. 10—24.

***Из переписки заграничного большевистского центра с М. М. Литвиновым. (1904—1905 годы).** [Подгот. к печати М. Левиной]. 1930, 9(104), стр. 128—143.

Кардашев Д. К истории зарождения «Бюро комитетов большинства». (Статья вторая). 1930, 1(96), стр. 47—67.

Статья первая была напечатана в журн. «Пр. рев.» 1929, 10(93), стр. 80—95. Поправки к этой статье см. Владимирский М. [Письмо в редакцию]. 1930, 5(100), стр. 300.

Кардашев Д. Ленин в борьбе с примиренчеством в эпоху внутривластного раскола 1903—1905 гг. (К истории борьбы за III съезд РСДРП). 1930, 4(99), стр. 3—42.

***Катехизис солдатский** (Из материалов по истории военно-боевой работы в эпоху первой революции). С предисл. Е. Ярославского. 1930, 5(100), стр. 228—249.

Перепечатка брошюры, написанной в 1907 г. тов. Е. Ярославским по поручению Временного бюро военных и боевых организаций РСДРП.

****Каюров В.** 1905 год в Сормове. 1930, 7—8(102—103), стр. 140—170.

Крамольников Г. Третий съезд РСДРП. (К 25-летию съезда партии). 1930, 5(100), стр. 25—54.

Статья вышла отдельным изданием. М.—Л. Гиз. 1930.

Кроц М. Революция 1905 г. и Каутский. 1930, 12(107), стр. 78—99.

****Луначарский А.** Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. 1930, 2—3(97—98), стр. 82—90.

Отклики см. М. Ольминский. По поводу воспоминаний о Ленине Н. К. Крупской и А. Луначарского. 1930, 2—3(97—98), стр. 82—90.

***РСДРП. Петербургская общегородская конференция. 1906.** Протоколы Петербургской общегородской конференции РСДРП 24(11) февраля 1906 г. [Подгот. к печати Б. Лавлер]. 1930, 12(107), стр. 157—187.

Савинский Ф. Парламентская тактика с.д. в эпоху первой русской революции. 1930, 11(106), стр. 3—20; 12(107), стр. 39—77.

****Самойлов Ф.** О первом совете рабочих депутатов. 1930, 12(107), стр. 104—109.

Хабас Р. РСДРП и «земская кампания» 1904 года. 1930, 7—8(102—103), стр. 84—102.

Ярославский Е. Предисловие [к: Катехизис солдатский]. 1930, 5(100), стр. 228—230.

Рецензии и обзоры

История ВКП (б). Т. II. Сост.: Г. Крамольников, И. Минц, Н. Никитин, О. Римский, А. Росс, Н. Эльвов. Под общ. ред. Ем. Ярославского. 1930, 11(106), стр. 16J—168 (К. Сидоров).

5. ПАРТИЯ В ГОДЫ РЕАКЦИИ И ПОДЪЕМА

(1907—1914 гг.)

Статьи и воспоминания

Бешкин Г. Борьба с ликвидаторством на международной арене в довоенные годы. 1930, 9(104), стр. 3—34.

****Данский Б.** «Правда» и рабочая страховая кампания. (Страничка из истории рабочей печати 1911—1914 гг.). 1930, 7—8(102—103), стр. 171—176.

С. И. Рабкоры «Звезды» и «Правды». 1930, 5(100), стр. 139—153.

Рецензии и обзоры

Нелегальные организации РСДРП в Киеве (1910—1914). Сб. статей, воспоминаний и материалов из истории Киевской организации РСДРП. Под ред. С. Кокошко. [На украинск. яз.] 1930, 6(101), стр. 159—165 (Л. Б.).

6. ПАРТИЯ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(1914—1917 гг.)

Статьи и воспоминания

Баевский Д. Борьба Ленина против бухаринских «штатаний мысли». 1930, 1(96), стр. 18—46.

Прил.: 1. Тезисы Бухарина, предложенные им на Бернской конференции заграничных секций РСДРП 27 февраля 1915 г. 2. Проект программы революционно-социалистического объединения и с.д. партии Голландии. 3. Тезисы Стокгольмской группы большевиков о лозунге права наций на самоопределение.

***Бухарин Н. И.** Тезисы Бухарина, предложенные им на Бернской конференции заграничных секций РСДРП 27 февраля 1915 г. 1930, 1(96), стр. 44.

***Из перелиски русского бюро ЦК с заграницей в годы войны (1915—1916 гг.).** С предисл. А. И. Елизаровой. 1930, 7—8(102—103), стр. 177—195.

***Тезисы Стокгольмской группы большевиков о лозунге права наций на самоопределение.** 1930, 1(96), стр. 45—46.

Подписано: Юрий (Пятаков), Ев. Богд. (Бош), Н. Бухарин.

Датировано: Получ. 19/XI—1915 г.

Рецензии и обзоры

Ленинский сборник XIV. 1930, 9(104), стр. 148—157 (А. Ангаров).

7. ПАРТИЯ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ

(1917—1918 гг.)

Статьи и воспоминания

Кин Д. Тактика большевиков в рабочих организациях в 1917 г. 1930, 11(106), стр. 52—66.

***РСДРП (б). Московская областная конференция. 2-я. 1917.** Протоколы второй Московской областной конференции РСДРП(б) 1917 года. (Окончание). [Подгот. к печати К. И. Касаткиным]. 1930, 2—3(97—93), стр. 103—145.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Начало протоколов было напечатано в журн. «Пр. рев.» 1929, 12(95), стр. 138—175.

Прил.: № 1 Резолюция Московской областной конференции РСДРП. № 2. Резолюция, принятая на соединенном совещании представителей ЦК РСДРП, Петерб. к-та, Моск. к-та и Моск. обл. бюро РСДРП. № 3. Резолюция Московской областной конференции [РСДРП] [(3—6 августа) 21—24 июля] о текущем моменте. № 4. Доклад [т.] Овсяникова. Земская [избирательная] кампания. № 5. Доклад о деятельности Московского областного бюро РСДРП за период времени между апрельской и июльской областными конференциями. № 6. О подготовке к выборам в Учредительное собрание (Резолюция, принятая на [Московской] областной конференции РСДРП [(6 августа) 24 июля]. № 7. Проект устава РСДРП с ут[вержденными Московской областной конференцией] поправками. № 8. Резолюция [Московской] областной конференции по организационному вопросу.

*РСДРП(б). Московская областная конференция. 3-я. 1917. Протоколы третьей Московской областной конференции РСДРП(б) 1917 года. [Подгот. к печати К. Касаткиным]. 1933, 10(105), стр. 94—134; 11(106), стр. 115—159.

Прил.: № 1. Доклад о деятельности Московского областного бюро за период времени между июльской и декабрьской областными конференциями. № 2. Резолюция, принятая 10 октября (27 сентября) 1917 г. пленумом Московского областного бюро РСДРП(б). № 3. Резолюция Владимирского съезда Советов. № 4. Резолюция областной конференции Центрального промышленного района РСДРП. № 5. Протокол [от] 9/XII 1917 г. № 6. Резолюция конференции (областной)

Центрального промышленного района РСДРП. № 7. Резолюция областной конференции Центрального промышленного района РСДРП. № 8. Резолюция Московской областной конференции РСДРП 7—9 дек. 1917 г. об организации народного хозяйства. № 9. [Резолюция Московской областной конференции РСДРП].

Сеф С. Бакинский октябрь. 1930, 11(106), стр. 67—89.

**Смирнов В. К истории большевистской печати в Финляндии (1917—1918 гг.). 1930, 10(105), стр. 64—85.

Об издании в Гельсингфорсе большевистской газеты «Волна» (позднее «Прибой»).

8. ПАРТИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статьи и воспоминания

**Авдеев А. Из истории борьбы за совет. Октябрьские дни и организация отряда Красной армии. 1930, 9(104), стр. 94—127.

Дубнер А. Бакинский пролетариат в борьбе за власть (1918—1920 гг.). 1930, 10(105), стр. 19—45.

Смирнов В. К истории большевистской печати в Финляндии (1917—1918 гг.). 1930, 10(105), стр. 64—85.

Об издании в Гельсингфорсе большевистской газеты «Волна» (позднее «Прибой»).

Рецензии и обзоры

Ленинский сборник XI. 1930, 1(95) стр. 138—146 (Н. Войтинский).

Саркис. Борьба за власть. 1930, 6(101), стр. 165—167 (М. Эссен).

III. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ

1. ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ОБЩИЕ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ

Статьи

Агурский С. Национал-демократические тенденции на историческом фронте в Белоруссии. 1930, 7—8(102—103), стр. 103—137.

По поводу книги В. Игнатовского «История Белоруссии».

Рецензии и обзоры

Балабанов М. Очерки истории революционного движения в России. 1930, 4(99), стр. 193—195 (А. Мильштейн).

Батурин Н. Н. Сочинения. 1930, 5(100), стр. 281—282 (А. Бур).

Всесоюзная конференция историков-марксистов. 1-я. Москва. 1928—29. Труды первой Всесоюзной конференции историков-

марксистов. 28/XII — 1928 — 4/I—1929. Т. I. (Комм. академия. О-во историков-марксистов), 1930, 2—3(97—98), стр. 185—194 (М. Борева).

Каторга и ссылка. 1929, №№ 8—9, 10, 11 и 12. 1930, №№ 1, 2, 3, 4 и 5. 1933, 4(104), стр. 168—173 (А. Бур).

По поводу рецензии см. статьи: Ем. Ярославский. Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка». 1930, 11(106), стр. 183—187. М. Ольминский. Ответ т. Ярославскому. 1933, 11(106), стр. 188. От редакции. 1933, 11(106), стр. 188—189.

Коммунистическая академия. Секция по изучению проблем войны. Записки. Т. I. 1933, 10(105), стр. 162—166 (Г. П.).

То же. Т. II. 1933, 11(106), стр. 171—174 (Г. П.).

Красная летопись. 1929, №№ 3(33), 4(31) и 5(32). 1930, 2—3(97—98), стр. 202—204 (А. Бур).

Летопись революции. 1929, №№ 1, 2, 3, 4, 5—6. 1930, 10(105), стр. 152—156 (М. Иванов).

Мещеряков Н. Л. Как мы жили в ссылке. 1930, 2—3 (97—98), стр. 219—220 (Ф. Самойлов).

Новые книги. [Революционное движение и классовая борьба в России]. 1930, 1 (96), стр. 172; 2—3 (97—98), стр. 221—222; 4 (99), стр. 195—196; 5 (100), стр. 285—286; 6 (101), стр. 169; 7—8 (102—103), стр. 216; 9 (104), стр. 179—180; 10 (105), стр. 168—169; 11 (106), стр. 177—179; 12 (107), стр. 205—206.

Попов Н. Н. Национальная политика советской власти. 1930, 9 (104), стр. 173—174 (Симон Такоев).

Советский союз в борьбе за мир. Собрание документов и вступительная статья. 1930, 2—3 (97—98), стр. 212—214 (Н. В.).

Фрунзе М. В. Собрание сочинений. Под общей ред. А. С. Бубнова. Т. I—III. 1930, 7—8 (102—103), стр. 205—210 (С. Белицкий).

2. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ДО НАЧАЛА ПОДГОТОВКИ РЕВОЛЮЦИИ

(до 1902 г.)

Статьи и воспоминания

Алексеева А. Социально-экономические предпосылки «экономизма». 1930, 10 (105), стр. 46—63.

Генкина Э. Ленин о революционном народничестве и народолюбстве. 1930, 2—3 (97—98), стр. 29—61.

Поташ М. Как не следует писать о революционном народничестве и народолюбстве. (Ответ т. Рындичу). 1930, 5 (100), стр. 208—223.

По поводу статьи А. Рындича «К вопросу о классовой природе революционного народничества 70-х годов».

Рындич А. К. вопросу о классовой природе революционного народничества 70-х годов. 1930, 5 (100), стр. 176—207.

Критику статьи см. Поташ М. «Как не следует писать о революционном народничестве и народолюбстве».

Рецензии и обзоры

Канатчиков С. Из истории моего бытия. 1930, 2—3 (97—98), стр. 217—219 (Ф. Самойлов).

Поташ М. Народнический социализм. 1930, 5 (100), стр. 233—285 (Э. Генкина).

Теодорович И. А. Историческое значение партии «Народной Воли». 1930, 9 (104), стр. 157—168 (Э. Генкина).

Худяков И. А. Записки каракозовца. С предисл. М. Клевенского. 1930, 9 (104), стр. 176—179 (М. Острогорский).

3. ГОДЫ ПОДГОТОВКИ РЕВОЛЮЦИИ (1902—1905 гг.)

Статьи и воспоминания

***Яхновский И.** Из истории революционной работы в Черноморском флоте. 1930, 11 (106), стр. 90—97.

4. ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907 гг.)

Статьи и воспоминания

****Васильев-Южин М.** Октябрьская забастовка и студенчество. 1930, 10 (105), стр. 86—93.

****Каюров В.** 1905 г. в Сормове. 1930, 7—8 (102—103), стр. 140—170.

Кроц М. Революция 1905 г. и Каутский. 1930, 12 (107), стр. 78—99.

****Ландер К.** Из истории революции 1905 г. в Латвии. 1930, 12 (107), стр. 110—156.

****Литвин-Седой З.** К истории московского вооруженного восстания. 1930, 12 (107), стр. 100—103.

Пальвадре Я. Характер революции 1905 г. в Прибалтике. 1930, 6 (101), стр. 103—123.

****Самойлов Ф.** О первом совете рабочих депутатов. 1930, 12 (107), стр. 104—109.

Рецензии и обзоры

Ахун М. И. и Петров В. А. Петербург в 1905—1907 гг. (Хроника событий). 1930, 12 (107), стр. 201—202 (М. Эссен).

За Невской заставой. Записки рабочего Алексея Бузинова. С предисл. Б. Горева. 1930, 7—8 (102—103), стр. 212—215 (М. Острогорский).

Мильтштейн А. Рабочее движение в 1905 году. (Библиографический обзор). 1930, 12 (107), стр. 190—199.

Митрофанов В. М. В память жизни. Воспоминания минера—участника Кроштадтского восстания в июле 1906 г. 1930, 12 (107), стр. 202—204 (М. Эссен).

5. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

(1914—1917 гг.)

Рецензии и обзоры

Ахун М. И. и Петров В. А. Царская армия в годы империалистической войны. 1930, 11 (106), стр. 174—176 (В).

6. ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ

(1917—1918 гг.)

Статьи и воспоминания

****Авдеев А.** Из истории борьбы за советы. Октябрьские дни и организация отряда Красной армии. 1930, 9 (104), стр. 94—127.

****Пестковский С.** Воспоминания о работе в Наркомате (1917—1919 гг.). 1930, 6 (101), стр. 124—131.

Сеф С. Бакинский октябрь. 1930, 11 (106), стр. 67—89.

Чучин Ф. Империалистическая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири (1917—1919 гг.). 1930, 11 (106), стр. 21—51.

Рецензии и обзоры

Из истории Московской рабочей Красной гвардии. Материалы и документы собраны и подгот. к печати Г. Д. Костомаровым и Вл. Малаховским. 1930, 10 (105), стр. 157—162 (С. Рабинович).

Каюров В. Популярные брошюры Таганрогского (ныне Донского) Истпарта [обзор]. 1930, 2—3 (97—98), стр. 210—212.

В огл. загл.: Обзор литературы, изданной Таганрогским Истпартом.

Пинежский Е. Красная гвардия. Очерки истории Питерской Красной гвардии 1917 г. 1930, 6 (101), стр. 149—156 (С. Рабинович).

7. ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статьи и воспоминания

****Авдеев А.** Из истории борьбы за совет. Октябрьские дни и организация отряда Красной армии. 1930, 9 (104), стр. 94—127.

Дубнер А. Бакинский пролетариат в борьбе за власть (1918—1920 гг.). 1930, 9 (104), стр. 75—93; 10 (105), стр. 19—45.

****Жигалин Я.** Партизанское движение в Западной Сибири. 1930, 11 (106), стр. 98—114.

Прил.: Краткие сведения о положении частей повстанческой крестьянской Красной

армии Западной Сибири, их численности, вооружении и боевых запасах к 13 декабря 1919 года.

****Пестковский С.** Воспоминания о работе в Наркомнаде (1917—1919 гг.). 1930, 6 (101), стр. 124—131.

Чучин Ф. Империалистическая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири (1917—1919 гг.). 1930, 11 (106), стр. 21—51.

Рецензии и обзо, ы

Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г. 1930, 6 (101), стр. 167—168 (А. Гиндин).

Из истории Московской рабочей Красной гвардии. Материалы и документы собраны и подгот. к печати Г. Д. Костомаровым и Вл. Малаховским. 1930, 10 (105), стр. 157—162 (С. Рабинович).

К десятилетию интервенции. Сборник статей. 1930, 2—3 (97—98), стр. 214—217 (Ал. Гукровский).

Корнаровский Н. А. Борьба за Красный Петроград (1919). 1930, 1 (96), стр. 165—170 (М. Эссен).

Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии. (Хроника событий). Т. П. Троцкий В. 1918 г. 1930, 1 (96), стр. 170—171 (Гер. Шпилев).

V. МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ИСТОРИЯ КОМИНТЕРНА

Статьи и воспоминания

Бешкин Г. Борьба с ликвидаторством на международной арене в довоенные годы. 1930, 9 (104), стр. 3—34.

Бирман Б. К вопросу об изучении истории Коминтерна. 1930, 4 (99), стр. 149—159.

Бронин Я. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний. 1930, 2—3 (97—98), стр. 62—81; 5 (103), стр. 95—134; 6 (101), стр. 3—37; 7—8 (102—103), стр. 3—52.

****Коричонер Ф.** К истории интернационалистского движения в Австрии (пер. с нем. яз.). 1930, 2—3 (97—98), стр. 91—103.

В тексте: Предложение Циммервальдских левых в союзе «Карл Маркс»; листовка, выпущенная лево-радикальной молодежью Австрии по поводу осуждения Фр. Адлера и их письмо т. Мюнценбергу от декабря 1916 г., опубликованное в журн. «Интернационал молодежи».

Кроп М. Революция 1905 г. и Каутский. 1930, 12 (107), стр. 78—99.

Кун Бела. Доклад т. Бела Кун. — Задачи изучения истории Коминтерна. 1930, 2—3 (97—98), стр. 179—182.

На совещании преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 9—13 февраля 1930 г.

Резолюция см. 1930, 4 (99), стр. 174—175.

****Ландер К.** Из истории революции 1905 г. в Латвии. 1930, 12 (107), стр. 110—156.

Мирошевский Вл. К характеристике социальной природы Венгерской Советской республики. 1930, 4 (99), стр. 62—83.

Общество историков-марксистов. Москва. Совещание преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 1-е. 1930. Резолюция по докладу тов. Куна. 1930, 4 (99), стр. 174—175.

Доклад см. 1930, 2—3 (97—98), стр. 179—182.

Общество историков-марксистов. Москва. Совещание преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 1-е. 1930. Резолюция, принятая первым всесоюзным совещанием по вопросам преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 1930, 2—3 (97—98), стр. 182—184.

Пальвадре Я. Характер революции 1905 г. в Прибалтике. 1930, 6 (101), стр. 103—123.

***Письмо из Австрии.** (В статье: Коричонер Ф. К истории интернационалистского движения в Австрии. 1930, 2—3 (97—98), стр. 102—103).

Письмо от лево-радикальной молодежи Австрии т. Мюнценбергу. Было опубликовано в журн. «Интернационал молодежи» в декабре 1916 г.

Прагер П. К постановке вопроса о некапиталистическом пути развития отсталых стран. 1930, 5 (100), стр. 55—94; 6 (101), стр. 73—102.

*[Предложение циммервальдских левых в союзе «Карл Маркс»]. (В статье: Коричонер Ф. К истории интернационалистского движения в Австрии. 1930, 2—3 (97—98), стр. 92—93).

Об объединении всех оппозиционных социалистических сил и необходимости ведения подпольной работы.

*Проект программы революционно-социалистического объединения и с.-д. партии Голландии. 1930, 1 (96), стр. 44—45.

Подписано: От имени Рев.-соц. объединения: Г. Ролан-Гольст, пред. Вишер, секретарь. От имени с.-д. партии: Д. Вайнкоп, пред. Сетон — секретарь.

Представлена расширенному совещанию ИСК в Берне в феврале 1916 г.

*«Рабочие и работницы! Наши братья — на поле сражения...» (В статье: Коричонер Ф. К истории интернационалистского движения в Австрии. 1930, 2—3 97—98, стр. 102).

Воззвание лево-радикальной молодежи Австрии по поводу осуждения Фр. Адлера.

Слуцкий А. Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса. 1930, 6 (101), стр. 38—72.

Статья печатается в порядке обсуждения.

***Смирнов Ф. К истории большевистской печати в Финляндии (1917—1918 гг.). 1930, 10 (105), стр. 64—85.

Об издании в Гельсингфорсе большевистской газеты «Волна» (позднее «Прибой»)

Рецензии и обзоры

Абузиам М. Восстание в Палестине. 1930, 5 (100), стр. 277—281 (Авигдор).

Бакулин А. В. Записки об Уханьском периоде Китайской революции. 1930, 5 (100), стр. 275—277 (П. Миф.).

Гельц Макс. От белого креста к красному знамени. 1930, 9 (104), стр. 174—176 (Н. Нелидов).

V. БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Статьи и воспоминания

Лепешинский П. Четверть века на большевистском литературном посту. 1930, 5 (100), стр. 166—175.

О тов. Ольминском.

***Пестковский С. Воспоминания о работе в Наркомназе (1917—1919 гг.). 1930, 6 (101), стр. 124—131.

Воспоминания о совместной работе с тов. Сталиным.

Эссен Мария. Памяти тов. А. М. Эссена (Бура). 1930, 9 (104), стр. 144—147.

***Яковлева В. Памяти профессора-боевика. К десятилетию со дня смерти т. П. К. Штерн-

Диктатура пролетариата и современный ревизионизм. Хрестоматия. Сост. М. Резуновым и А. Стальевичем. Под ред. и с ввводной статьей Е. Пашуканиса. 1930, 6 (101), стр. 157—159 (Д. П.).

История КИМ'а в конгрессах. Под ред. АПЮ КИМ'а. [6 выпусков].

В. Мюнценберг «Штутгартская и Бернская конференция социалистического интернационала молодежи». — А. Курелла. «I конгресс КИМ'а». — А. Ацаркин. «II конгресс КИМ'а». — М. Горкич. «III конгресс КИМ'а». — Р. Меринг. «IV конгресс КИМ'а». — Ф. Геминдер. «V конгресс КИМ'а». 1930, 11 (105), стр. 169—171. (М. Артуров).

Ленинский сборник XIV. 1930, 9 (104), стр. 148—157. (А. Ангаров).

Мюнценберг В. С Либкнехтом и Лениным. Пятнадцать лет в пролетарском юношеском движении. Пер. с нем. рукоп. В. Гимельфарба. 1930, 10 (105), стр. 166—167 (А. Манфред).

Новые книги. [Международное революционное движение и Коминтерн]. 1930, 1 (96), стр. 172; 2—3 (97—98), стр. 222; 4 (99), стр. 196; 5 (100), стр. 286; 6 (101), стр. 169; 7—8 (102—103), стр. 216; 9 (104), стр. 180; 10 (105), стр. 169; 11 (106), стр. 177—179; 12 (107), стр. 206.

Рафаил М. Проблемы индийской революции. 1930, 2—3 (97—98), стр. 210—212 (М. Мадьяр).

Ответ на рецензию см. Рафаил М. [Письмо в редакцию]. 1930, 6 (101), стр. 176—178.

Тивель А. и Хеймо М. 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. Справочник по истории Коминтерна. 1930, 2—3 (97—98), стр. 209—210 (Я. Цитович).

Фроссар Л. С. От Жореса к Ленину. [На франц. яз.]. 1930, 10 (105), стр. 142—152 (С. Рубан).

Шмидт К. Марксизм-ленинизм и военный вопрос. Пер. с нем. по рукописи Х. И. Сегаль. 1930, 1 (96), стр. 159—161 (Вл. Малаховский).

берга (22/III 1865—31/I 1920 г.). 1930, 1 (96), стр. 90—107.

Рецензии и обзоры

Гельц Макс. От белого креста к красному знамени. 1930, 9 (104), стр. 174—176 (Н. Нелидов).

Мюнценберг В. С Либкнехтом и Лениным. Пятнадцать лет в пролетарском юношеском движении. Пер. с нем. рукоп. В. Гимельфарба. 1930, 10 (105), стр. 166—167 (А. Манфред).

Шаханов Н. Николай Евграфович Федосеев. Пионер революционного марксизма в России. 1930, 2—3 (97—98), стр. 208—209 (А. Елизарова).

VI. ИНСТИТУТ ЛЕНИНА И ИСПАРТЫ

1. ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА

Адоратский В. О задачах Историко-партийного института красной профессуры при Институте Ленина. 1930, 10(105), стр. 135—141.

Афонин. О работе секции юндвижения. 1930, 10(105), стр. 170—172.

Бобрикова М. О ходе работ по научной обработке ленинских документов. 1930, 11(106), стр. 180—181.

Касаткин К. Отдел научной обработки историко-партийных документов. 1930, 2—3(97—98), стр. 224.

Кучкин А. Кабинет научной биографии Ленина. 1930, 6(101), стр. 170—172.

Лашин А. В Архиве Института Ленина. 1930, 1(96), стр. 176—179.

Плюснина. Посещаемость Музея Института Ленина за январь 1930 г. 1930, 2—3(97—98), стр. 225.

Плюснина Н. Работа Музея Института Ленина. 1930, 1(96), стр. 173—174.

Подвойская Н. Отдел научной обработки ленинских документов. 1930, 2—3(97—98), стр. 223—224.

Штейн В. Библиотека Института. 1930, 1(96), стр. 174—176.

Эссен М. Обзор деятельности отдела местных Истпартов Института Ленина и истпартработы на местах за 1928/29 г. 1930, 1(96), стр. 179—185.

2. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПАРТ

***Адоратский В.** Воспоминания о возникновении Истпарта. 1930, 5(100), стр. 163—165.

Прил.: Постановление Совета народных комиссаров об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии.

***Елизарова А.** Ретроспективный взгляд на Истпарт и на журнал «Пролетарская революция». 1930, 5(100), стр. 156—162.

Ольминский М. Возникновение Истпарта и журнала «Пролетарская революция». 1930, 5(100), стр. 154—155.

***Покровский М.** О возникновении Истпарта. 1930, 7—8(102—103), стр. 138—139.

Поправки к воспоминаниям М. С. Ольминского и А. И. Елизаровой о возникновении Истпарта.

3. МЕСТНЫЕ ИСПАРТЫ И ОТДЕЛЕНИЯ ЕДИНОГО ПАРТАРХИВА

Аверкин. О работе Крымского Истпарта. 1930, 7—8(102—103), стр. 219—221.

Гафуров. Работа Истпартотдела Татобкома ВКП(б) с ноября 1929 по апрель 1930 г. 1930, 5(100), стр. 291—292.

Гиясов К. О работе Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б) за октябрь—март 1929/30 г. 1930, 5(100), стр. 292—294.

Е. П. В Нижне-Волжском краевом отделении единого партархива. 1930, 10(105), стр. 173.

Е. П. Партархив ЦЧО. 1930, 7—8(102—103), стр. 223.

Жгенти Т. Работа Истпарта ЦК КП(б) Грузии. 1930, 6(101), стр. 173—175.

Каюров В. Популярная брошюра Таганрогского (ныне Донского) Истпарта [Обзор]. 1930, 2—3(97—98), стр. 200—202.

В огл. загл.: Обзор литературы, изданной Таганрогским Истпартом.

Ольховская К. Отчет Истпартотдела Пермского ОК ВКП(б) за 1928/29 г. 1930, 2—3(97—98), стр. 230—232.

Попова Е. В Нижегородском краевом отделении единого партархива. 1930, 11(106), стр. 182.

Попова Е. О работе отделений единого партархива в 1929/30 г. 1930, 10(105), стр. 172—173.

Попова Е. Отделение единого партархива Иваново-Вознесенской области. 1930, 5(100), стр. 290—291.

Попова Е. Партархив Нижневолжского края. 1930, 7—8(102—103), стр. 221—223.

Преображенский А. Работа Нижегородского краевого Истпарта. 1930, 9(104), стр. 181.

Рахметов В. Работа Института им. Степана Шаумяна. 1930, 7—8(102—103), стр. 217—219.

Резолюция совещания работников отдела местных Истпартов Института Ленина о работе Истпартов Средазбюро ЦК ВКП(б) и Дальне-Восточного крайкома. 1930, 5(100), стр. 294—296.

По докладу т. Гиясова о работе Среднеазиатского Истпарта и по докладу т. Станкевича о работе Дальне-Восточного Истпарта.

Сербента Вит. Белорусский научно-исследовательский институт истории партии. 1930, 2—3(97—98), стр. 225—230.

Сеф С. Работа Истпарта Закавказского краевого комитета ВКП(б). 1930, 6(101), стр. 172—173.

Список выпущенной местными Истпартами литературы в 1928/29 г. 1930, 1(96), стр. 186—189.

Троцкий В. О работе Истпарта Средне-волжского крайкома ВКП(б). 1930, 9(104), стр. 182—183.

Эссен М. Об институтах по истории партии. 1930, 5(100), стр. 287—290.

Эссен М. Обзор деятельности отдела местных Истпартов Института Ленина и истпартработы на местах за 1928/29 г. 1930, 1(96), стр. 179—185.

4. ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

В-ский Н. В секция истории ВКП(б), ленинизма и истории Коминтерна Общества историков-марксистов. 1930, 4(99), стр. 197—199.

VII. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Владимирский М. [Письмо в редакцию]. 1930, 5(100), стр. 300.

Поправка к статье Д. Кардашева «К истории зарождения Бюро комитетов большинства».

Елизарова А. Письмо в редакцию. 1930, 2—3(97—98), стр. 234.

Поправки к статье «Ленин В. И. Письма к матери и сестре А. И. Елизаровой».

Ледер В. [Письмо в редакцию]. 1930, 6(101), стр. 179—181.

По поводу оценки позиции т. Ледера в годы мировой войны, данной в словаре-указателе имен к XVIII т. 2 изд. Соч. Ленина.

Ответ редакции Соч. Ленина см. 1930, 6(101), стр. 181—182.

Ольминский М. О торгсекторе Госиздата. 1930, 4(99), стр. 200—202.

О сдаче в макулатуру ценных изданий.

Ольминский М. Ответ тов. Чужаку. 1930, 6(101), стр. 179.

В дополнение см. М. Ольминский Письмо в редакцию. 1930, 1(96), стр. 190—191. Чужак-Насимович Н. [Письмо в редакцию]. 1930, 6(101), стр. 178—179.

Ольминский М. Ответ т. Ярославскому 1930, 11(106), стр. 188.

Ответ на статью Ем. Ярославского «Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка».

Ольминский М. Письмо в редакцию. 1930, 1(96), стр. 190—191.

О замеченных ошибках в т. т. VII, VIII, X, XI, XVII и XX 2-го изд. Сочинений Ленина.

В дополнение см. Поправка. 1930, 5(100), стр. 300. Чужак-Насимович Н. [Письмо в редакцию]. 1930, 6(101), стр. 178—179 и Ольминский М. Ответ тов. Чужаку. 1930, 6(101), стр. 179.

Ответ т. Ледеру. 1930, 6(101), стр. 181—182. Подписано: Редакция Сочинений Ленина.

Ответ на письмо в редакцию.

Попоз К. [Письмо в редакцию]. 1930, (100), стр. 297—300.

По поводу рецензии П. К-цева в «Правде» № 90 за 1930 г. на «Предметный указатель к 1-му изд. Соч. Ленина».

Рафаил М. [Письмо в редакцию]. 1930, 6(101), стр. 176—178.

По поводу рецензии Л. Мадьяра на книжку М. Рафаила «Проблемы индийской революции».

Чужак-Насимович Н. [Письмо в редакцию]. 1930, 6(101), стр. 178—179.

По поводу поправок тов. М. Ольминского к прим. в X т. Соч. Ленина. Ответ М. Ольминского см. 1930, 6(101), стр. 179.

Ярославский Ем. Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка». 1930, 11(106), стр. 183—187.

Письмо в редакцию по поводу рецензии А. Бура на журн. «Каторга и ссылка». Ответ см. М. Ольминский. Ответ т. Ярославскому. 1930, 11(106), стр. 188. От редакции. 1930, 11(106), стр. 188—189.

VIII. РАЗНОЕ

Статьи

Поправка. 1930, 5(100), стр. 300.

К письму в редакцию т. М. Ольминского. **Поправки.** 1930, 2—3(97—98), стр. 235.

1. Поправка редакции Сочинений В. И. Ленина к XIV т. Соч. 2-е изд. и 2. Поправка ред. «Пр. рев.» к критич. статье А. Карлик о книжке Анулова «Вооруженное восстание», напечатанной в «Пр. рев.» 1929, 12(95), стр. 188—197.

Поправки. 1930, 6(101), стр. 183; 12(107), стр. 206—207.

Поправки к нескольким статьям, помещенным в журн. «Пр. рев.».

Систематический и алфавитный указатель к журналу «Пролетарская революция» за 1930 г. 1930, 12(107), приложение.

Снижение цен на издания Истпарта ЦК ВКП (б). 1930, 2—3(97—98), стр. 233.

Содержание №№ «Пролетарской революции», вышедших в 1929 году. 1930, 1(96), стр. 192—194.

Шестнадцатому съезду ВКП (б). 1930, 5(100), стр. 3.

Привет редакции журнала «Пролетарская революция» XVI съезду.

Иллюстрации

Группа сотрудников Истпарта ЦК ВКП (б) и «Пролетарской революции» в 1922 г. 1930, 5(100), между стр. 160—161.

Штернберг П. К. 1930, 1(96), между стр. 90—91.

Эссен А. М. 1930, 9(104), стр. 144.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОРЕЦЕНЗИРОВАННЫХ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

Абузиам М. Восстание в Палестине. М. «Московский рабочий». [1930].—5 (100), 1930, стр. 277—281 (Азигдор).

Ахун М. И. и Петров В. А. Петербург в 1905—1907 гг. (Хроника событий). Л. «Красная газета». 1933. (Ленинградский Истпарт).— 12 (107), 1933, стр. 201—202 (М. Эссен).

Ахун М. И. и Петров В. А. Царская армия в годы империалистической войны. М. Всесоюзное об-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 1929. (Научн. попул. 6-ка по истории рев. движения в очерках, воспоминаниях и биографиях). — 11 (196), 1931, стр. 174—176 (В).

Багаев М. За десять лет. Социал-демократическая организация в Иваново-Вознесенском районе в 1892 — 1902 гг. Под ред. О. А. Вареницовой, Н. Н. Кудряшева, С. П. Шестернина. Иваново-Вознесенск. Гиз. 1930 — 12 (107). 193 г., стр. 199 — 201 (Ф. Самойлов).

Бакулин А. В. Записки об Уханьском периоде Китайской революции. М.—Л. Гиз. 1930. (Научно-исследовательский институт по Китаю при Комм. ун-те трудящихся Китая).— 5 (100, 193.), стр. 275—277 (П. Миф.).

Балабанов М. Очерк истории революционного движения в России. Л. «Прибой». 1929.—4 (99), 1930, стр. 193—195 (А. Мильштейн).

Батурич Н. Н. Сочинения [Под ред. А. И. Елизаровой, М. С. Ольминского и М. А. Савельева. Подгот. к печати М. Мальт.]. [М.—Л]. Гиз. 1930. (Институт Ленина). — 5(100), 193, стр. 281—282 (А. Бур).

Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов н/Д. «Северный Кавказ». 1930. — 6(101), 1933, стр. 167—168 (А. Гиндин).

Всесоюзная конференция историков-марксистов. 1-я. Москва. 1928—29. Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/XII—1928—4/I—1929. Т. I. М. Комм. академия. 1930. (Комм. академия. О-во историков-марксистов). — 2—3 (97—98), 193), стр. 185—194 (М. Борева).

Гельц Макс. От белого креста к красному знамени. Авториз. пер. с нем. А. Г. Ромм. М.—Л. «Земля и фабрика». 1930.—9 (104), 1930, стр. 174—176 (Н. Нелидов).

Диктатура пролетариата и современный ревизионизм. Хрестоматия. Сост. М. Резуновым и А. Стальгевичем. Под ред. и с ввводной статьей Е. Пашуканиса. [М.]. Комм. академия. 1930 — 6 (101), 1930, стр. 157—159 (Д. П.).

Доклады соц.-демократических комитетов второму съезду РСДРП. Предисл. и общая ред. Н. Ангарского. М.—Л. Гиз. 1930. — 7—8 (102—103), 1930, стр. 210—212 (Н. В.—ский).

Дрейден С. Д. Ленин и искусство. Литература, музыка, театр, кино и изо. Сост. С. Д. Дрейден. Под общей ред. В. А. Быстринского. Предисл. А. В. Луначарского. 2-е перераб. и доп. изд. Л.—М. Теа-кино-печат. 1929.—4 (99), 193, стр 191—193 (А. Зонин).

За Невской заставой. Записки рабочего Алексея Бузинова. С предисл. Б. Горева. М.—Л. Гиз. 1930.—7—8 (102—103), 1930, стр. 212—215 (М. Острогорский).

Из истории Московской рабочей Красной гвардии. Материалы и документы собраны и подгот. к печати Г. Д. Костомаровым и Вл. Малаховским. М. «Московский рабочий». 1933. (Московский Истпарт) — 10(105), 1930, стр. 157—162 (С. Рабинович).

История ВКП(б). Т. II. Сост.: Г. Крамольников, П. Миш, Н. Никитин, О. Римский, А. Росс, П. Эльвов. Под общ. ред. Ем. Ярославского. М.—Л. Гиз. 1933.—11 (106), 1933, стр. 163.—168 (К. Сидоров).

История КИМ'а в конгрессах. Под ред. АППО КИМ. [Харьков]. «Пролетарий» 1929. [6 выпусков].

В. Мюнценберг «Штутгартская и Бернская конференции социалистического Интернационала молодежи». — А. Курелла «I конгресс КИМ'а». — А. Азаркин «II конгресс КИМ'а» — М. Горкич «III конгресс КИМ'а». — Р. Меринг «IV конгресс КИМ'а». — Ф. Геминдер «V конгресс КИМ'а». — 11(106), 1933, стр. 169 — 171. (М. Артуров).

К десятилетию интервенции. Сборник статей. М.—Л. Гиз. 1929. (Общество содействия жертвам интервенции).—2-3 (97-93), 1930, стр. 214-217 (Ал. Гуковский).

Канатчиков С. Из истории моего бытия. М.—Л. «Земля и фабрика». 1929.—2—3 (97—98), 1931, стр. 217—219 (Ф. Самойлов).

Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М. Всесоюзное об-во политкаторжан и сс.-поселенцев. №№ 8—9, 10, 11 и 12. 1929; №№ 1, 2, 3, 4 и 5. 1930.—9 (104), 1930, стр. 168—173 (А. Бур).

По поводу рецензии см. статьи: Ем. Ярославский. Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка». 1930, 11(106), стр. 183—187. М. Ольминский. Ответ т. Ярославскому. 1930, 11(106), стр. 183. От редакции. 1930, 11(106), стр. 188—189.

Коммунистическая академия. Секция по изучению проблем войны. Записки. Т. I. [М]. Комм. академия. 1933.—10 (105), 1930, стр. 162—166 (Г. П.).

То же. Т. II — 11 (106), 1930, стр. 171—174 (Г. П.).

Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград (1919). Л. «Красная газета» 1929.—1 (96), 1933, стр. 165—170 (М. Эссен).

Красная летопись [Орган Ленинградского областного Истпарта]. Л. №№ 3(30), 4(31), 5(32). 1929.—2—3 (97—98), 1933, стр. 232—234 (А. Бур).

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Вып. I. М.—Л. Гиз. 1933. (Институт Ленина).—4 (99), 1930, стр. 187—189 (М. Эссен).

См. также. М. Ольминский. По поводу воспоминаний о Ленине Н. К. Крупской и А. Луначарского. 1933, 2—3 (97—98), стр. 194—196.

Ленин В. И. Новые статьи и письма, не вошедшие во 2-е изд. Сочинений. Вып. I. [М]. Гиз. 1933. (Институт Ленина).—4(99), 1930, стр. 182—187 (Д. Баевский).

Ленин В. И. Сочинения. т. VI. 2-е испр. и доп. изд. (Институт Ленина).—1(96), 1930, стр. 146—152 (П. Сенниковский).

Ленинский сборник XI. 1929. (Институт Ленина).—1 (96), 1933, стр. 138—146 (Н. Войтинский).

Ленинский сборник XIII. 1930. (Институт Ленина).—4 (99), 1933, стр. 176—182 (Н. Войтинский).

Ленинский сборник XIV. 1930. (Институт Ленина).—9 (104), 1933, стр. 148—157 (А. Ангоров).

Літопис революції. Журнал історії КП(б)У та жовтневої революції на Україні. [Харків]. Держ. вид. Україні. №№ 1, 2, 3, 4, 5—6. 1929—10 (105), 1930, стр. 152—156 (М. Иванов).

Мещеряков Н. Л. Как мы жили в ссылке. Предисл. П. Н. Лепешинского. М.—Л. «Молодая гвардия». 1923.—2—3 (97—98), 1933, стр. 219—220 (Ф. Самойлов).

Митрофанов В. М. В память жизни. Воспоминания минера—участника Кронштадтского восстания в июле 1906 г. [Под ред. и с предисл. А. М. Быстровой. Л. «Красная газета». 1930].—12(107), 1933, стр. 232—204 (М. Эссен).

Мюценберг В. С Либкнехтом и Лениным. Пятнадцать лет в пролетарском юношеском движении. Пер. с нем. рукописи В. Гимельфарба. С илл. М.—Л. «Молодая гвардия». 1933.—10(105), 1933, стр. 166—167 (А. Манфред).

Нелегальные организации РСДРП в Киеве (1910—1914). Сб. статей, воспоминаний и материалов из истории Киевской организации РСДРП. Под ред. С. Кокошко. Харьков—Киев. Гиз. Украины. 1933. (Киевский Истпарт). [На украинск. яз.].—6(101), 1933, стр. 156—165 (Л. Б.).

Пашуканис Е. Из ленинского наследства. К ленинской теории государства и пролетарской революции. Сб. статей. М. Гиз. «Москов-

ский рабочий». 1930.—4(99), 1930, стр. 189—191. (Д. П.).

Пинежский Е. Красная гвардия. Очерки истории Питерской Красной гвардии 1917 года. М. Гиз. 1929.—6(101), 1930, стр. 149—156 (С. Рабинович).

Попов К. и Резвушкин Я. О перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Учение Ленина и его критики. М.—Л. Гиз. 1929.—5 (100), 1933, стр. 259—274 (М. Степанов. Несколько спорных вопросов. По поводу работы Я. Резвушкина «Учение Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую»).

Попов Н. Н. Национальная политика советской власти. [Харьков] «Пролетарий». 1930.—9 (104), 1933, стр. 173—174 (Симон Таков).

Поташ А. Народнический социализм. М. Гиз. 1930—5(100), 1933, стр. 283—285 (Э. Генкина).

Рафаил М. Проблемы индийской революции. Л. «Прибой». 1928.—2—3 (97—98), 1930, стр. 210—212 (Л. Мадьяр).

Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии. (Хроника событий). Т. II. Троцкий В. 1918 г. Самара. Гиз. 1929. (Средневожский Истпарт).—1 (96), 1930, стр. 170—171 (Гер. Шпилев).

Саркис. Борьба за власть. [Опыт истории Бакинской организации АКП(б) за 1918—1920 годы. 2-е доп. и испр. изд. Баку. 1930]. (Ин-т им. Шаумяна при ЦК АКП(б)).—6 (101), 1930, стр. 165—167 (М. Эссен).

Советский союз в борьбе за мир. Собрание документов и вступ. статья. М.—Л. Гиз. 1929.—2—3 (97—98), 1930, стр. 212—214 (Н. В.).

Теодорович И. А. Историческое значение партии «Народной Воли». Сб. I. М. Изд-во политкаторжан. 1930.—9 (104), 1933, стр. 157—168. (Э. Генкина).

Тивель А. и Хеймо М. 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. Справочник по истории Коминтерна. М.—Л. Гиз. 1929.—2—3 (97—98), 1930, стр. 203—210 (Я. Цитович).

Турок Л. Учение о партии. Л. «Прибой». 1933. (Учеб. пособия по ленинизму).—1(96), 1930, стр. 163—165 (И. Рудерман).

Тюшевский Н. Национально-колониальный вопрос. Л. «Прибой». 1933. (Учеб. пособия по ленинизму).—1(96), 1930, стр. 161—163 (П. Галузо).

Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. 2-е доп. изд. М.—Л. «Молодая гвардия». 1930.—2—3 (97—98), 1930, стр. 206—207 (М. Эссен).

Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. 4-е испр. и доп. изд. М.—Л. «Молодая гвардия». 1930.—2—3 (97—98), 1930, стр. 205—206 (М. Эссен).

Фроссар Л. О. От Жореса к Ленину [На франц. яз.].—10(105), 1930, стр. 142—152. (С. Рубан).

Фрунзе М. В. Собрание сочинений. Под общей ред. А. С. Бубнова. Тт. I—III. М. Гиз. 1925—1929.—7—8 (102—103), 1930, стр. 235—210 (С. Белицкий).

Худяков И. А. Записки каракозовца. С предисл. М. Клевенского. М.—Л. «Молодая гвардия». 1930.—9 (104), 1930, стр. 176—179 (М. Острогорский).

Шаханов Н. Николай Евграфович Федо-

сеев. Пионер революционного марксизма в России. М. Всесоюзное об-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 1929. (Научно-популярная библиотека).—2—3 (97—98), 1930, стр. 208—209 (А. Елизарова).

Шмидт К. Марксизм-ленинизм и военный вопрос. Пер. с нем. по рукописи Х. И. Сегаль. М.—Л. Гиз. 1929.—1(96), 1930, стр. 159—161 (Вл. Малаховский).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ СТАТЕЙ, ВОСПОМИНАНИЙ, ОБЗОРОВ И РЕЦЕНЗИЙ

А

****Авдеев А.** Из истории борьбы за советы. Октябрьские дни и организация отряда Красной гвардии. 1930, 9 (104), стр. 94—127.

Аверкин. О работе Крымского Истпарта. 1930, 7—8 (102—103), стр. 219—221.

Авигдор (рец.) М. Абузиам. Восстание в Палестине. 1930, 5 (100), стр. 277—281.

Агурский С. Национал-демократические тенденции на историческом фронте в Белоруссии. 1930, 7—8 (102—103), стр. 103—137.

****Адоратский В.** Воспоминания о возникновении Истпарта. 1930, 5 (100), стр. 163—165.

Адоратский В. К вопросу о научной биографии Ленина. 1930, 1 (96), стр. 3—17; 2—3 (97—98), стр. 3—28.

Адоратский В. О задачах Историко-партийного института красной профессуры при Институте Ленина. 1930, 10 (105), стр. 135—141.

Адоратский В. О значении работ Ленина для философии. 1930, 10 (105), стр. 3—18.

Алексеева А. Социально-экономические предпосылки «экономизма». 1930, 10 (105), стр. 46—63.

Амбургский Р. Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в революции 1905—1907 гг. 1930, 12 (107), стр. 3—38.

Ангаров А. (рец.) Ленинский сборник XIV. 1930, 9 (104), стр. 148—157.

Артуров М. (рец.) История КИМ'а в конгрессах. Под ред. АППО КИМ. 1930, 11 (106), стр. 169—171.

Афонин. О работе секции юндвижения. 1930, 10 (105), стр. 170—172.

Б

Баевский Д. Борьба Ленина против бухаринских «шатаний мысли». 1930, 1 (96), стр. 18—46.

Баевский Д. (рец.) В. И. Ленин. Новые статьи и письма, не вошедшие во 2-е изд. Сочинений. Вып. 1. 1930, 4 (99), стр. 182—187.

Баевский Д. (рец.) О роли войн и революций в эпоху империализма (По поводу книги Г. Зиновьева «Учение Маркса и Ленина о войне»). 1930, 7—8 (102—103), стр. 196—205.

Белицкий С. (рец.) М. В. Фрунзе. Собрание сочинений. Под общей ред. А. С. Бубнова. Тт. I—III. 1930, 7—8 (102—103), стр. 205—210.

****Берзин Я.** По поводу одной потрепанной книги. 1930, 1 (96), стр. 68—71.

Бешкин Г. Борьба с ликвидаторством на международной арене в довоенные годы. 1930, 9 (104), стр. 3—34.

Бирман Б. К вопросу об изучении истории Коминтерна. 1930, 4 (99), стр. 149—159.

Бобрикова М. О ходе работ по научной обработке ленинских документов. 1930, 11 (106), стр. 180—181.

Борева М. (рец.) Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов 28/XII—1928—4/I—1929. Т. I. 1930, 2—3 (97—98), стр. 185—194.

Бронин Я. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелко-буржуазных шатаний. 1930, 2—3 (97—98), стр. 62—81; 5 (100), стр. 95—134; 6 (101), стр. 3—37; 7—8 (102—103), стр. 3—52.

Бур А. (рец.) Н. Н. Батурина. Сочинения. 1930, 5 (100), стр. 281—282.

Бур А. (рец.) Каторга и ссылка. №№ 8—9, 10, 11, 12. 1929; №№ 1, 2, 3, 4 и 5. 1930. 1930, 9 (104), стр. 168—173.

Бур А. (рец.) Красная летопись №№ 3 (30), 4 (31), 5 (32). 1930. 1929, 2—3 (97—98), стр. 202—204.

***Бухарин Н. И.** Тезисы Бухарина, предложенные им на Бернской конференции заграничных секций РСДРП 27 февраля 1915 г. 1930, 1 (96), стр. 44.

****Быкин Я.** Ленин в Шо-де-Фоне 18 марта 1917 г. 1930, 1 (96), стр. 72—77.

В

В. (рец.) М. И. Ахун и В. А. Петров. Царская армия в годы империалистической войны. 1930, 11 (106), стр. 174—176.

***В бюро съезда Лиги Р. С.-Д. Р. П.** (В статье: Лалаянц И. О расколе в РСДРП и моих заграничных встречах с В. И. Лениным 1902—1904 гг. 1930, 4 (99), стр. 104—105.)

Валк С. Предисловие [К истории Белостокской конференции 1902 г.]. 1930, 6 (101), стр. 132—138.

****Васильев-Южнин М.** Октябрьская забастовка и студенчество. 1930, 10 (105), стр. 86—93.

Владимирский М. [Письмо в редакцию]. 1930, 5 (100), стр. 300.

Войтинский Н. (рец.) Ленинский сборник XI. 1930, 1 (96), стр. 138—146.

Войтинский Н. (рец.) Ленинский сборник XIII. 1930, 4 (99), стр. 176—182.

В-ский Н. В секции истории ВКП(б), ленинизма и истории Коминтерна Общества историков-марксистов. 1930, 4 (99), стр. 197—199.

В-ский Н. (рец.) Доклады соц.-демократических комитетов второму съезду РСДРП. Предисл. и общая ред. Н. Ангарского. 1930. 7—8(102—103), стр. 210—212.

Г

Г. П. (рец.) Коммунистическая академия, Секция по изучению проблем войны. Записки, Т. I. 1930, 10(105), стр. 162—166; т. II. 1930. 11(106), стр. 171—174.

Галузо П. (рец.) Н. Тюшевский. Национально-колонизальный вопрос. 1930, 1(96), стр. 161—163.

Гафуров. Работа Истпаротдела Татобкома ВКП(б) с ноября 1929 по апрель 1930. 1930, 5(100), стр. 291—292.

Генкина Э. Ленин о революционном народничестве и народолюбстве. 1930, 2—3(97—98), стр. 29—61.

Генкина Э. (рец.) М. Потап. Народнический социализм. 1930, 5(100), стр. 283—285.

Генкина Э. (рец.) Товарищ Теодорович в плену у народнической методологии. (По поводу книги т. Теодоровича «Историческое значение партии «Народной воли»). 1930, 9(104), стр. 157—168.

Гиндин А. (рец.) И. Борисенко. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. 1930, 6(101), стр. 167—168.

Гиясов К. О работе Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б) за октябрь—март 1929/30 г. 1930, 5(100), стр. 292—294.

Горин П. Из истории борьбы Ленина за III съезд. 1930, 5(100), стр. 10—24.

Гуковский Ал. (рец.) К десятилетию интервенции. Сб. статей. 1930, 2—3(97—98), стр. 214—217.

Д

Д. П. (рец.) Диктатура пролетариата и современный ревизионизм. Хрестоматия. Сост. М. Резуновым и А. Стальевичем. Под ред. и с вводной статьей Е. Пашуканиса. 1930, 6(101), стр. 157—159.

Д. П. (рец.) Е. Пашуканис. Из ленинского наследия. К ленинской теории государства и пролетарской революции (Сборник статей). 1930, 4(99), стр. 189—191.

***Дан Ф. И.** Письмо Ф. И. Дана «Искре». (В статье: К истории Белостокской конференции 1902 г. 1930, 6(101), стр. 139—142).

****Данский Б.** «Правда» и рабочая страховая кампания. 1930, 7—8(102—103), стр. 171—176.

Дубнер А. Бакский пролетариат в борьбе за власть (1918—1920 гг.). 1930, 9(104), стр. 75—93; 10(105), стр. 19—45.

Е

Е. П. В Нижне-волжском краевом отделе единого партархива. 1930, 10(105), стр. 173.

Е. П. Партархив ЦЧО. 1930, 7—8(102—103), стр. 223.

Елизарова А. Письмо в редакцию. 1930, 2—3(97—98), стр. 234.

Елизарова А. Предисловие [к: Из переписки русского бюро ЦК с заграницей в годы войны (1915—1916 гг.)]. 1930, 7—8(102—103), стр. 177—182.

Елизарова А. Предисловие [к: Ленин В. И. Письма В. И. Ленина к родным (1910—1916 гг. 1930, 4(99), стр. 127—131.

Елизарова А. Предисловие [к: Ленин В. И. Письма к матери и сестре А. И. Елизаровой 1908—1909 гг.]. 1930, 1(96), стр. 108—113.

***Елизарова А.** Ретроспективный взгляд на Истпарт и на журнал «Пролетарская революция». 1930, 5(100), стр. 156—162.

Елизарова А. (рец.) Н. Шаханов. Николай Евграфович Федосеев. Пионер революционного марксизма в России. 1930, 2—3(97—98), стр. 208—209.

Ж

Жгенти Т. Работа Истпарта ЦК КП(б) Грузии. 1930, 6(101), стр. 173—175.

****Жигалин Я.** Партизанское движение в Западной Сибири. 1930, 11(106), стр. 98—114.

З

***[Заявление в бюро II съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии].** (В статье: Лалаянц И. О расколе в РСДРП и моих заграничных встречах с В. И. Лениным 1902—1904 гг. 1930, 4(99), стр. 103).

Зонин А. (рец.) Дрейден С. Д. Ленин и искусство. Сост. С. Д. Дрейден. 2-е перераб. и доп. изд. 1930, 4(99), стр. 191—193.

И

Иванов М. (рец.) Літопис революції. [Харків] №№ 1, 2, 3, 4, 5—6. 1929. 1930, 10(105), стр. 152—156.

***Из переписки заграничного большевистского центра с М. М. Литвиновым (1904—1905 годы).** [Подгот. к печати М. Левиной]. 1930, 9(104), стр. 128—143.

***Из переписки русского бюро ЦК с заграницей в годы войны (1915—1916 гг.).** 1930, 7—8(102—103), стр. 177—195.

К

***К истории Белостокской конференции 1902 г.** 1930, 6(101), стр. 132—148.

Кардашев Д. К истории зарождения «Бюро комитетов большинства». 1930, 1(96), стр. 47—67.

Кардашев Д. Ленин в борьбе с примиренчеством в эпоху внутрипартийного раскола 1903—1905 гг. 1930, 4(99), стр. 3—42.

Касаткин К. Отдел научной обработки историко-партийных документов. 1930, 2—3(97—98), стр. 224.

Касаткин К. И. (подгот. к печати) РСДРП(б). Московская областная конференция 2-я. 1917. Протоколы второй Московской областной конференции РСДРП(б) 1917 года (окончание) 1930, 2—3(97—98), стр. 108—145.

Касаткин К. (подгот. к печати) РСДРП(б). Московская областная конференция 3-я. 1917. Протоколы третьей Московской областной конференции РСДРП(б) 1917 года. 1930, 10(105), стр. 94—134.

***Катехизис солдатский.** (Из материалов по истории военной работы в эпоху первой революции). 1930, 5(100), стр. 228—249.

Каюров В. Популярные брошюры Таганрогского (ныне Донского) Истпарта. 1930, 2—3 (97—98), стр. 200—202.

Каюров В. 1905 год в Сормове. 1930, 7—8(102—103), стр. 140—170.

Кин Д. Доклад т. Кина — История партии как наука. 1930, 2—3(97—98), стр. 176—179.

Кин Д. Тактика большевиков в рабочих организациях в 1917 г. 1930, 11(106), стр. 52—66.

***Ко всем русским рабочим.** (В статье: К истории Белостокской конференции 1902 г. 1930, 6(101), стр. 142—145.)

****Коричонер Ф.** К истории интернационалистского движения в Австрии. 1930, 2—3(97—98), стр. 91—103.

Крамольников Г. Третий съезд РСДРП. 1930, 5(100), стр. 25—54.

Кроц М. Революция 1905 г. и Каутский, 1930, 12(107), стр. 78—99.

Кун Бела. Доклад т. Бела Кун — Задачи изучения истории Коминтерна. 1930, 2—3(97—98), стр. 179—182.

Кучкин А. Кабинет научной биографии Ленина. 1930, 6(101), стр. 170—172.

Л

Л. Б. (рец.) Нелегальные организации РСДРП в Киеве. (1910—1914). Сб. статей, воспоминаний и материалов из истории Киевской организации РСДРП. Под ред. С. Кокошко. [На украинск. яз.] 1930, 6(101), стр. 156—165.

Лавлер Б. (подгот. к печати) РСДРП. Петербургская общегородская конференция. 1906. Протоколы Петербургской общегородской конференции РСДРП 24(11) февраля 1906 г. 1930, 12(107), стр. 157—187.

****Лалаянц И.** О расколе в РСДРП и моих заграничных встречах с В. И. Лениным 1902—1904 гг. 1930, 4(99), стр. 84—126.

****Ландер К.** Из истории революции 1905 г. в Латвии. 1930, 12(107), стр. 110—156.

Лашин А. В. В Архиве Института Ленина. 1930, 1(96), стр. 176—179.

Левина М. (подгот. к печати) Из переписки заграничного большевистского центра с М. М. Литвиновым. 1930, 9(104), стр. 128—143.

Ледер В. [Письмо в редакцию]. 1930, 6(101), стр. 179—181.

Ленин В. И. См. Систематический указатель, стр. 3.

Лепешинский П. Четверть века на большевистском литературном посту. 1930, 5(100), стр. 166—175.

****Литвин-Седой З.** К истории Московского вооруженного восстания. 1930, 12(107), стр. 100—103.

****Луначарский А.** Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. 1930, 2—3(97—98), стр. 82—90.

М

Мадьяр Л. (рец.) М. Рафанл. Проблемы индийской революции. 1930, 2—3(97—98), стр. 210—212.

Малаховский Вл. (рец.) К. Шмидт. Марксизм — ленинизм и военный вопрос. 1930, 1(96), стр. 159—161.

Манфред А. (рец.) В. Мюнценберг. С Либкнехтом и Лениным. Пятнадцать лет в пролетарском юношеском движении. 1930, 10(105), стр. 166—167.

Мильштейн А. (рец.) М. Балабанов. Очерк истории революционного движения в России 1930, 4(99), стр. 193—195.

Мильштейн А. Рабочее движение в 1905 году [Библиографический обзор]. 1930, 12(107), стр. 190—199.

Мирошевский Вл. К характеристике социальной природы Венгерской советской республики. 1930, 4(99), стр. 62—83.

Миф П. (рец.) А. В. Бакулин. Записки об Уханьском периоде Китайской революции (Из истории Китайской революции 1925—1927 гг.). 1930, 5(100), стр. 275—277.

Н

Н. В. (рец.) Советский союз в борьбе за мир. 1930, 2—3(97—98), стр. 212—214.

****Невзорова-Шестернина С.** Страничка воспоминаний. 1930, 1(96), стр. 85—89.

Нелидов Н. (рец.) Макс Гельц. От белого креста к красному знамени. 1930, 9(104), стр. 174—176.

Новые книги. 1930, 1(96), стр. 171—172; 2—3(97—98), стр. 221—222; 4(99), стр. 195—196; 5(100), стр. 285—286; 6(101), стр. 169; 7—8(102—103), стр. 215—216; 9(104), стр. 179—180; 10(105), стр. 167—169; 11(106), стр. 177—179; 12(107), стр. 204—206.

О

Об изучении истории ВКП(б). 1930, 5(100), стр. 250—258.

Общество историков-марксистов. Москва. Совещание преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. I-е 1930. История партии как наука. (Тезисы, принятые по докладу тов. Д. Кина). 1930, 4(99), стр. 168—173.

Общество историков-марксистов. Москва. Совещание преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. I-е 1930. Ленинизм как научная дисциплина и предмет преподавания. (Тезисы, принятые по докладу тов. Н. А. Попова). 1930, 4(99), стр. 160—168.

Общество историков-марксистов. Москва. Совещание преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. I-е 1930. Резолюция по докладу тов. Куна. 1930, 4(99), стр. 174—175.

Общество историков-марксистов. Москва. Совещание преподавателей ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. I-е 1930. Резолюция, принятая первым всесоюзным совещанием по вопросам преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. 1930, 2—3(97—98), стр. 182—184.

Ольминский М. Возникновение Истпарта и журнала «Пролетарская революция». 1930, 5(100), стр. 154—155.

Ольминский М. К вопросу об истории частного совещания 22 большевиков. 1930, 2—3(97—98), стр. 196—200.

Ольминский М. О торгсекторе Госиздата. 1930, 4 (99), стр. 200—202.

Ольминский М. Ответ тов. Чужаку. 1930, 6 (101), стр. 179.

Ольминский М. Ответ т. Ярославскому. 1930, 11 (106), стр. 188.

Ольминский М. Письмо в редакцию. 1930, 1 (96), стр. 190—191.

Ольминский М. По поводу воспоминаний о Ленине Н. К. Крупской и А. Луначарского. 1930, 2—3 (97—98), стр. 194—196.

Ольховская К. Отчет Истпартодела Пермского ОК ВКП(б) за 1928/29 г. 1930, 2—3 (97—98), стр. 230—232.

Острогорский М. (рец.) За Невской заставой. Записки рабочего Алексея Бузинова. С предисл. Б. Горева. 1930, 7—8 (102—103), стр. 212—215.

Острогорский М. (рец.) И. А. Худяков. Записки каракозовца. С предисл. М. Клевенского. 1930, 9 (104), стр. 176—179.

От редакции. 1930, 11 (106), стр. 188—189.

Ответ т. Ледеру. 1930, 6 (101), стр. 181—182.

П

Павлова М. Работы «Искры», «Вперед» и «Пролетария». 1930, 5 (100), стр. 135—138.

Пальвадье Я. Характер революции 1905 г. в Прибалтике. 1930, 6 (101), стр. 103—123.

**** Пестковский С.** Воспоминания о работе в Наркомназе (1917—1919 гг.). 1930, 6 (101), стр. 124—131.

*** Письмо из Австрии.** (В статье: Коричонер Ф. К истории интернационалистского движения в Австрии. 1930, 2—3 (97—98), стр. 102—103).

Плюснина. Посещаемость Музея Института Ленина за январь 1930 г. 1930, 2—3 (97—98), стр. 225.

Плюснина Н. Работа Музея Института Ленина. 1930, 1 (96), стр. 173—174.

Подвойская Н. Отдел научной обработки ленинских документов. 1930, 2—3 (97—98), стр. 223—224.

**** Покровский М.** О возникновении Истпарта. 1930, 7—8 (102—103), стр. 138—139.

Попов К. А. Доклад К. А. Попова — Ленинизм как научная дисциплина и предмет преподавания. 1930, 2—3 (97—98), стр. 172—176.

Попов К. (Письмо в редакцию). 1930, 5 (100), стр. 297—300.

Попова Е. В Нижегородском краевом отделении единого партархива. 1930, 11 (106), стр. 182.

Попова Е. О работе отделений единого партархива в 1929/30 г. 1930, 10 (105), стр. 172—173.

Попова Е. Отделение единого партархива в Иваново-Вознесенской области. 1930, 5 (100), стр. 290—291.

Попова Ф. Партархив Нижневолжского края. 1930, 7—8 (102—103), стр. 221—223.

Поправка. 1931, 5 (100), стр. 300.

Поправки. 1930, 2—3 (97—98), стр. 235; 6 (101), стр. 183; 12 (107), стр. 205—27.

Поташ М. Как не следует писать о революционном народничестве и народолюбстве. 1930, 5 (100), стр. 208—223.

Прагер П. К постановке вопроса о некапиталистическом пути развития отсталых стран. 1930, 5 (100), стр. 55—94; 6 (101), стр. 73—102.

Прагер П. Легальный марксизм. 1930, 7—8 (102—103), стр. 53—83; 9 (104), стр. 35—74;

*** [Предложение циммервальдских левых в союзе «Карл Маркс»].** В статье: Коричонер Ф. К истории интернационалистского движения в Австрии. 1930, 2—3 (97—98), стр. 92—93).

Преображенский А. Работа нижегородского краевого Истпарта. 1930, 9 (104), стр. 181.

*** Проект майского листка, предложенный представителем Южного союза.** (В статье: К истории Белостокской конференции. 1930, 6 (101), стр. 145—148).

*** Проект программы революционно-социалистического объединения и с-д партии Голландии.** 1930, 1 (96), стр. 44—45.

Р

Рабинович С. (рец.) Из истории Московской рабочей Красной гвардии. Материалы и документы собраны и подгот. к печати Г. Д. Костомаровым и Вл. Малаховским. 1930, 10 (105), стр. 157—162.

Рабинович С. (рец.) Е. Пинежский. Красная гвардия. Очерк истории Питерской Красной гвардии 1917 года. 1930, 6 (101), стр. 149—156.

*** «Рабочие и работницы! Наши братья — на поле сражения.»** (В статье: Коричонер Ф. К истории интернационалистского движения в Австрии. 1930, 2—3 (97—98), стр. 102).

Рафаил М. [Письмо в редакцию]. 1930, 6 (101), стр. 176—178.

Рахметов В. Работа Института им. Степана Шаумяна. 1930, 7—8 (102—103), стр. 217—219.

Резолюция совещания работников отдела местных Истпартов Института Ленина о работе Истпартов Средазбюро ЦК ВКП(б) и Дальне-восточного Крайкома. 1930, 5 (100), стр. 294—296.

*** РСДРП(б) Московская областная конференция. 2-я. 1917.** Протоколы второй Московской областной конференции РСДРП(б) 1917 года. 1930, 2—3 (97—98), стр. 108—145.

*** РСДРП(б) Московская областная конференция. 3-я. 1917.** Протоколы третьей Московской областной конференции РСДРП(б) 1917 года. 1930, 10 (105), стр. 94—134; 11 (106), стр. 115—159.

*** РСДРП. Одесский комитет. Резолюция Одесского комитета.** (В статье: Лалаянц И. О расколе в РСДРП и моих заграничных встречах с В. И. Лениным 1902—1904 гг. 1930, 4 (99), стр. 120—124).

*** РСДРП. Петербургская общегородская конференция. 1906.** Протоколы Петербургской общегородской конференции РСДРП. 24 (11) февраля 1906 года. 1930, 12 (107), стр. 157—187.

*** РСДРП. Центральный комитет. Заявление ЦК РСДРП** (В статье: Лалаянц И. О рас-

коле в РСДРП и моих заграничных встречах с В. И. Лениным 1902—1904 гг. 1930, 4(99), стр. 105—106).

Рубан С. (рец.) От социал-центризма к социал-фашизму. По поводу книги Л. О. Фроссар. От Жореса к Ленину. 1930, 10(105), стр. 142—152.

Рудерман И. (рец.) Л. Турок. Учение о партии. 1930, 1(96), стр. 163—165.

Рындич А. К вопросу о классовой природе революционного народничества 70-х годов. 1930, 5(100), стр. 176—207.

С

С. И. Рабкоры «Звезды» и «Правды». 1930, 5(100), стр. 139—153.

Савельев М. Об изучении истории партии. 1930, 5(100), стр. 5—9.

Савинский Ф. Парламентская тактика с.-д. в эпоху первой русской революции. 1930, 11(106), стр. 3—2; 12(107), стр. 39—77.

Самойлов Ф. (рец.) М. Багаев. За десять лет. Социал-демократическая организация в Иваново-Вознесенском районе в 1892—1902 гг. 1930, 12(107), стр. 199—201.

Самойлов Ф. (рец.) С. Канатчиков. Из истории моего бытия. 1930, 2—3(97—98), стр. 217—219.

Самойлов Ф. (рец.) Н. Л. Мещеряков. Как мы жили в ссылке. 1930, 2—3(97—98), стр. 219—220.

****Самойлов Ф.** О первом совете рабочих депутатов. 1930, 12(107), стр. 104—109.

Сенниковский П. (рец.) Сочинения. т. VI. 2-е испр. и доп. изд. 1930, 1(96), стр. 146—152.

Сербента Вит. Белорусский научно-исследовательский институт истории партии. 1930, 2—3(97—98) стр. 225—230.

Сеф С. Бакинский октябрь. 1930 11(106), стр. 67—89.

Сеф С. Работа Истпарта Закавказского краевого комитета ВКП(б). 1930, 6(101), стр. 172—173.

Сидоров К. (рец.) История ВКП(б). Т. II. Сост.: Г. Крамольников, И. Минц, Н. Никитин, О. Римский, А. Росс, Н. Эльвов. Под общей ред. Ем. Ярославского. 1930, 11(106), стр. 160—168.

****Сирола Ю.** Воспоминания о Ленине. 1930, 1(96), стр. 78—84.

Систематический и алфавитный указатель к журналу «Пролетарская революция» за 1930 г. 1930, 12(107), приложения.

Слуцкий А. Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса. 1930, 6(100), стр. 38—72.

Смирнов В. К истории большевистской печати в Финляндии (1917—1918 гг.). 1930, 10(105), стр. 64—85.

Снижение цен на издания Истпарта ЦК ВКП(б). 1930, 2—3(97—98), стр. 233.

Содержание №№ «Пролетарской революции», вышедших в 1929 году. 1930, 1(96), стр. 192—194.

Список выпущенной местными Истпартами литературы в 1928/29 г. 1930, 1(96), стр. 186—189.

Степанов М. (рец.) Попов К. и Резвушкин Я. О перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. 1930, 5(100), стр. 259—274.

Т

Такоев Симон (рец.) Н. Н. Попов. Национальная политика Советской власти. 1930, 9(104), стр. 173—174.

***Тезисы Стокгольмской группы большевиков о лозунге права наций на самоопределение.** 1930, 1(96), стр. 45—46.

Тихомирнов Г. К вопросу о методах работы над источниками по научной биографии Ленина. 1930, 4(99), стр. 43—61.

Троцкий В. О работе Истпарта Средне-волжского крайкома ВКП(б). 1930, 9(104), стр. 182—183.

Х

Хабас Р. РСДРП и «земская кампания» 1904 года. 1930, 7—8(102—103), стр. 84—102.

Ц

Цитович Я. (рец.) А. Тивель и М. Хеймо. 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. 1930, 2—3(97—98), стр. 209—210.

Ч

Чужак-Насимович Н. [Письмо в редакцию]. 1930, 6(101), стр. 178—179.

Чучин Ф. Империалистическая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири (1917—1919 гг.). 1930, 11(106), стр. 21—51.

Ш

Шестнадцатому съезду ВКП(б). 1930, 5(100), стр. 3.

Шпилев Гер. (рец.) Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии (хроника событий). Т. II. В. Троцкий. 1918 г. 1930, 1(96), стр. 170—171.

Штейн В. Библиотека Института. 1930, 1(96), стр. 174—176.

Э

Эйхенгольц А. Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина. 1930, 1(96), стр. 152—159.

Эссен М. (рец.) М. И. Ахун и В. А. Петров. Петербург 1905—1907 гг. Хроника событий. 1930, 12(107), стр. 201—202.

Эссен М. (рец.) Н. А. Корнатовский. Борьба за красный Петроград (1919). 1930, 1(96), стр. 165—170.

Эссен М. (рец.) Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Вып. I. 1930, 4(99), стр. 187—189.

Эссен М. (рец.) В. М. Митрофанов. В память жизни. Воспоминания минера — участника Кронштадтского восстания в июле 1906 г. 1930, 12(107), стр. 202—204.

Эссен М. Об институтах по истории партии. 1930, 5(100), стр. 287—290.

Эссен М. Обзор деятельности отдела местных Истпартов Института Ленина и истпарт-работы на местах за 1928/29 г. 1930, 1(96), стр. 179—185.

Эссен Мария. Памяти тов. А. М. Эссена (Бура). 1930, 9(104), стр. 144—147.

Эссен М. (реп.) Саркис. Борьба за власть. [Опыт истории Бакинской организации АКП (б) за 1918—1920 годы. 2-е доп. и испр. изд.] 1930, 6(101), стр. 165—167.

Эссен М. (реп.) А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче. 2-е доп. изд. 1930, 2—3(97—98), стр. 206—207.

Эссен М. (реп.) А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. 4-е испр. и доп. изд. 1930, 2—3(97—98), стр. 205—206.

Я

****Яковлева В.** Памяти профессора-боевика. 1930, 1(96), стр. 90—107.

Ярославский Е. К вопросу об изучении истории партии. 1930, 2—3(97—98), стр. 146—171.

Ярославский Ем. Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка». 1930, 11(106), стр. 183—187.

Ярославский Е. Предисловие [к: Катехизис солдатский]. 1930, 5(100), стр. 228—230.

****Яхновский И.** Из истории революционной работы в Черноморском флоте. 1930, 11(106), стр. 90—97.

СОДЕРЖАНИЕ УКАЗАТЕЛЯ

Стр.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ленин и ленинизм. Произведения Ленина. Развитие взглядов Ленина. Проблемы ленинизма. Материалы к биографии. Иллюстрации	3
История ВКП(б). Вопросы методологии и общие очерки по истории ВКП (б). До раскола РСДРП. Партия в годы подготовки первой революции. Партия в годы первой революции (1905—1907 гг.). Партия в годы реакции и подъема (1907—1914 гг.). Партия в годы империалистической войны (1914—1917 гг.). Партия в период февральской и октябрьской революций (1917—1918 гг.). Партия в годы гражданской войны	5
История революционного движения и классовой борьбы в России. Вопросы методологии и общие очерки по истории революционного движения и классовой борьбы в России. Революционное движение до начала подготовки революции (до 1902 г.). Годы подготовки революции (1902—1905 гг.). Годы первой революции (1905—1907 гг.). Империалистическая война (1914—1917 гг.). Период февральской и октябрьской революции (1917—1918 гг.). Годы гражданской войны	8
Международное революционное движение и история Коминтерна	10
Биографии революционеров	11
Институт Ленина и Истпарты. Институт В. И. Ленина. Центральный Истпарт. Местные Истпарты и отделения единого партархива	12
Письма в редакцию	13
Разное	—
УКАЗАТЕЛЬ ПРОРЕЦЕНЗИРОВАННЫХ КНИГ И ЖУРНАЛОВ	14
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ СТАТЕЙ, ВОСПОМИНАНИЙ, ОБЗОРОВ И РЕЦЕНЗИЙ	17

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

В. Л. СОРИН

В. И. ЛЕНИН

1870—1924

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. Семья Ульяновых. Симбирск. Казань. Самара. «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса». Ссылка. Период «Искры». Второй съезд партии и раскол. Революция 1905—1907 годов. Период реакции. Новый подъем рабочего движения. Империалистическая война. 1917 год. Борьба за мир и «передышка». Гражданская война и «военный коммунизм». Новая экономическая политика. Смерть Ленина.

ЛЕНИН ОБ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. набросок плана научно-технических работ. Проект резолюции VIII съезда Советов по докладу об электрификации. Об едином хозяйственном плане. План брошюры о продналоге. Брошюра «О продналоге». Наказ Совета труда и обороны местным советским учреждениям. Материальная основа социализма и план электрификации России. Обращение к VIII Всероссийскому электро-техническому съезду. Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». Лучше меньше, да лучше. Речь на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 года. Речь на III Всероссийском съезде союза молодежи 2 октября 1920 года. Речь на московской губернской партийной конференции 20 ноября 1920 года. Доклад на VIII Всероссийском съезде Советов 22 декабря 1920 года. Доклад на X съезде РКП(б) об единстве партии и об анархо-синдикалистском уклоне 16 марта 1921 года. Доклад о продналоге на Всероссийской конференции РКП(б) 26 мая 1921 года. Доклад о тактике РКП(б) на III конгрессе Коминтерна 5 июля 1921 года. Доклад на IX Всероссийском съезде советов 23 декабря 1921 года. Письма Г. М. Кржижановскому об электрификации.

Тираж 100 000.

Стр. 84.

Цена 10 коп.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

ЛЕНИН ОБ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

(2-е издание)

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XVI

Под редакцией В. В. АДОРАТСКОГО, В. М. МОЛОТОВА
и М. А. САВЕЛЬЕВА

Подготовлен к печати Г. И. Крамольниковым.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. Гл. I. Статьи, планы, тезисы, конспекты и наброски статей и переписка Ленина эпохи «Вперед». До III съезда РСДРП. Гл. II. Третий съезд партии: а) Борьба за съезд. б) На съезде. в) Первые организационные шаги после съезда и полемика в связи с III съездом. Гл. III. Статьи, планы, тезисы, конспекты и наброски статей и переписка Ленина эпохи «Пролетарий». После III съезда до переезда Ленина в Россию. Гл. IV. Четыре документа, написанные Лениным по возвращении из первой эмиграции в Россию в эпоху первой революции. 1906—1907 гг. Гл. V. Письма и редакционные указания Ленина соредакторам по «Вперед» и «Пролетарий» Ольминскому, Воровскому и Луначарскому, и редакционные правки в статье сотрудника ЦО Карпинского. Гл. VI. *Varia*. Декабрь 1904 г.—октябрь 1905 г. Словарь-указатель имен. Иллюстрации. Стр. 316. Тир. 15.000 экз. Ц. 2 р. 25 к., перепл. 70 к.

ЛЕНИН НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Под общей редакцией: М. А. Савельева.

СОСТАВЛЕН БИБЛИОТЕКОЙ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. Переводы на немецкий язык. I. Сочинения. II. Отдельные произведения. III. Сборники. Переводы на английский язык. I. Сочинения. II. Отдельные произведения. III. Сборники. Регистры. Перечень книг. На немецком языке. На английском языке. На французском языке. Перечень периодических изданий. На немецком языке. На английском языке. На французском языке. I. Алфавитный указатель произведений В. И. Ленина, переведенных на немецкий, английский и французский языки. II. Алфавитный указатель соавторов, переводчиков, редакторов и составителей предисловий. Приложения. I. Список произведений, ошибочно приписанных В. И. Ленину. II. Список не разысканных изданий произведений В. И. Ленина. На немецком языке. На английском языке. На французском языке. III. Список изданий, в редактировании которых принимал участие В. И. Ленин. 10 иллюстраций, стр. IV + 352. тираж 3000, ц. 4 р. 25 к.

ОГИЗ — КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОД НА ЖУРНАЛ

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й.

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» посвящен изучению ленинизма, теоретической разботке вопросов партийного строительства, истории ВКП (б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войне и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности зарубежных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партийных организаций.

Отделы журнала: Статьи, трибуна, воспоминания, материалы, вопросы изучения и преподавания истории ВКП (б), ленинизма и Коминтерна, критика и библиография, хроника. К сотрудничеству в журнале привлечены лучшие партийные и научные работники.

Журнал рассчитан на научных работников и преподавателей истории ВКП (б), ленинизма и истории Коминтерна, на пропагандистов, слушателей курсов и комвузов и на руководящий партийный актив.

Редакционная коллегия: В. В. Адоратский, Д. А. Баевский, П. Ф. Горюх (зам. отв. ред.), М. С. Ольминский и М. А. Савельев (отв. редактор).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 12 р.
на 6 месяцев 6 р.
на 3 месяца 3 р.
Отдельный номер 1 р. 50 к

СЕКТОР ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ